След в Истории

АРАФАТ

ГЕРХАРД КОНЦЕЛЬМАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фигура Ясира Арафата — одна из самых ярких и в то же время противоречивых в современной политической жизни.

Книга Г. Концельмана, человека, хорошо знакомого с этим общественным деятелем, ярко освещает Арафата как бы с близкого расстояния. На фоне документального рассказа — почти репортажа — о борьбе палестинцев за обретение Родины автор прослеживает путь Арафата-политика от «человека войны» к «человеку мира».

Повествование касается актуальнейшей проблемы самоопределения народов в современном мире. Книга будет интересна самому широкому кругу читателей.

- Герхард Концельман
  -
  - 1. «Довольно кровопролития и слез!»
  - 2. Арафат и три «нет» израильтян
  - 3. Арафат: держава без государства
  - 4. Происхождение и среда
  - 5. Основание Аль Фатах
  - 6. Основной закон палестинцев
  - 7. Арафат не хочет больше ждать
  - 8. Горькое разочарование
  - 9. «Караме» означает достоинство
  - 10. Предшественники Арафата в руководстве ООП
  - 11. Арафат становится президентом ООП
  - 12. «Амман должен стать Сайгоном палестинцев»
  - 13. Арафат вовлекается в гражданскую войну
  - 14. Народный фронт угоняет три самолета
  - 15. Арафат против Хусейна
  - 16. Насер изо всех сил старается спасти ООП
  - 17. Самый тяжелый период для Арафата
  - 18. Арафат терпит «Черный сентябрь»
  - 19. Арафат блокирует путь к тотальному терроризму
  - 20. Молчание вокруг Арафата в Октябрьской войне 1973 года
  - 21. «Да» или «нет» миру?
  - 22. Организация Арафата представляет всех палестинцев
  - 23. Триумф в ООН
  - 24. Борьба на уничтожение в Ливане

- 25. Арафат борется за идею Палестины
- 26. Кэмп-Дэвид
- 27. Примирение с Хусейном
- 28. Годы борьбы за влияние на захваченных территориях
- 29. Арафат встречается с Брандтом и Крайски
- 30. «Хомейни — Арафат! Хомейни — Арафат!»
- 31. Ясира Арафата беспокоит иракско-иранская война
- 32. Попытка быть гибким
- 33. Европа и палестинцы
- 34. Конкурент Арафата становится осторожнее
- 35. Смерть в шаббат
- 36. Смерть в Бейруте
- 37. ООП необходимо серьезнее относиться к религии
- 38. «Не угодить в барханы ливанской политики!»
- 39. «Мне нужны ваши мечи, а не ваши слова»
- 40. «Каждое существо тоскует по родине»
- 41. Битва за Бейрут
- 42. Иллюзия победы
- 43. Примирение с Хусейном вызывает раскол ООП
- 44. В час крайних затруднений — политический взлет Арафата
- 45. Интифада — восстание
- 46. Арафат провозглашает государство палестинцев
- 47. Просчет Ясира Арафата в войне в заливе
- 48. Распадается друг — СССР
- 49. Арафат без вести пропал в пустыне
- 50. Пророки кровавого террора
- 51. Арафат женат
- 52. Риск пойти на соглашение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Герхард Концельман
ЯСИР АРАФАТ
От террориста к человеку мира

Благодарю Абу Аяда, Абу Джихада и Абдаллуха Франги

1. «Довольно кровопролития и слез!»

Этими простыми словами израильский премьер-министр Ицхак Рабин выразил чувства большинства людей обоих народов, которые в этот день, 13 сентября 1993 года, решились сделать через своих политических представителей первый шаг к взаимопониманию: «Довольно кровопролития и слез!» При этом ясно были видны чувства этого политика: разочарования и ожидания наполняли его. Он, указавший израильскому народу в 1967 году путь к победе, подписывал теперь — спустя более чем четверть века — документ, который гарантировал равноправие и партнерство в планировании будущего тогдашнему злейшему врагу Организации освобождения Палестины (ООП).

Ясиру Арафату, председателю Организации освобождения Палестины, солнечное утро 13 сентября 1993 года принесло исполнение его желаний. Он всегда верил в то, что когда-нибудь будет стоять перед Белым домом в Вашингтоне, ожидая приема у американского президента. Даже когда он перед своими приверженцами клеймил США как «лакеев сионизма», все же чувствовалось, что он втайне восхищается Соединенными Штатами. Даже когда он был повинен в террористических актах на гражданских авиалиниях США, он всегда приказывал щадить человеческие жизни. Ясир Арафат сожалел о смерти американского гражданина Клинхоффера при нападении на крейсер «Ахилл Лауро», хотя ему и пришлось воздать должное боевикам — палестинским борцам за свободу. Он болезненно воспринял высказывание израильского генерала и политика Ариэля Шарона, назвавшего его «величайшим убийцей евреев со времен Гитлера, который должен предстать перед военным судом».

Израильские политики часто желали смерти Арафата. Тот же самый Рабин, которому предстояло стать его партнером по мирному процессу, будучи министром обороны, санкционировал разрушение штаб-квартиры Арафата в Тунисе. Арафату посчастливилось избежать воздушного налета — к ярости Ицхака Рабина.

Теперь Арафат стоял напротив прежнего непримиримого противника — на газоне Белого дома, под защитой американского президента Билла Клинтона и его аппарата тайной полиции. На нем был черно-белый головной платок, который уже стал его особой приметой, когда он во всем мире пользовался известностью как «террорист». Ради торжественного акта в Вашингтоне он не снял также свой мундир. Этим он

должен был продемонстрировать, что является главой освободительной организации, которая еще не достигла своей цели — завоевать родину и государство для четырех миллионов палестинцев. У советников Арафата возникли сомнения: не правильнее ли было бы руководителю Организации освобождения Палестины в Вашингтоне появиться в гражданской одежде, чтобы избавить израильтян от появления на газетном листе и на телеэкране ненавистного им головного платка и военной формы. Однако советникам было известно, что в обычном костюме Арафат чувствует себя не в своей тарелке и что он твердо верит, что его голова смотрится только в палестинском платке.

Арафат сознавал, что он слишком многого ждет от израильтян. За два дня до церемонии, которая должна была означать начало мира, он навязал свою волю израильскому премьер-министру. Рабин не собирался сам ехать в Вашингтон. Он считал, что в его отсутствие событие будет менее значительным и тем самым будет меньше замечено дома. Израильский премьер-министр заранее знал, что внимание средств массовой информации будет направлено прежде всего на Ясира Арафата. Однако в соревновании за внимание телеоператоров и фотографов он не хотел стать вторым. Поэтому он решил, что в американскую столицу полетит министр иностранных дел Шимон Перес, чтобы подписать документы, необходимые для мирного процесса.

В субботу, 11 сентября 1993 года, в 8 часов утра — в Израиле был шаббат — в доме Рабина зазвонил телефон. Он услышал голос американского государственного секретаря Уоррена Кристофера. Он сообщил Рабину, что президент Клинтон лично приглашает премьер-министра подписать в Вашингтоне «Временное мирное соглашение» от имени государства Израиль. Когда Рабин заколебался с ответом, Уоррен Кристофер сообщил ему, что Ясир Арафат решил присутствовать на церемонии — даже если он и не поставит своего имени под документами.

Из-за решения Арафата лететь в США Рабину не оставалось ничего другого, как сказать американскому госсекретарю в то субботнее утро, что он тоже прибудет в Белый дом.

Днем раньше, в пятницу, 10 сентября, в рабочий кабинет Рабина вошел служащий и передал премьер-министру письмо. Оно было написано просто и ясно. Рабин прочел:

> «Господин премьер-министр, Организация освобождения Палестины признает право государства Израиль на существование в мире и безопасности. Организация освобождения Палестины отказывается от

применения террора и любого вида насилия.

Ясир Арафат».

Имя было написано не арабскими, а латинскими буквами. Когда Рабин прочел это послание, он достал из ящика письменного стола документ, который был подготовлен заранее. Его текст гласил: «Господин председатель, правительство государства Израиль признает Организацию освобождения Палестины как правомочного представителя палестинского народа».

Теперь премьер-министр подписал этот документ: Ицхак Рабин — тоже латинскими буквами.

Подпись сделала возможной церемонию перед Белым домом. Министр иностранных дел Шимон Перес и Махмуд Аббас, член Исполнительного комитета ООП, поставили свои имена под соглашением, которое было еще далеко от того, чтобы стать мирным договором. Оно лишь констатировало, что в секторе Газа и районе Иерихона, подробнее не расшифрованном, должна быть предоставлена ограниченная автономия проживающим там палестинцам. Оно также содержало положение о том, что через два месяца после подписания соглашения должна наступить ясность с выводом израильских солдат из Газы и Иерихона. В течение следующих двух месяцев этот вывод должен быть завершен. В соответствии с соглашением свободные выборы предусматривались летом 1994 года.

Для Ясира Арафата важно было то, что соглашение позволило создать в подчиненных ему автономных областях палестинские вооруженные силы, имевшие право носить оружие. Тем самым гарантировалось, что ООП не будет разоружена в рамках мирного процесса. Лидер ООП с удовлетворением узнал уже во время полета в США, что жители оккупированных территорий уже начали вывешивать палестинские флаги — зелено-бело-черно-красные. Использование этого флага на оккупированных территориях до этого решающего сентябрьского дня было запрещено под страхом тюремного заключения. Однако семьи в Газе, Иерихоне и Набулусе тайно шили флаги. Они были подготовлены к событию.

Ясир Арафат решил закончить церемонию перед Белым домом рукопожатием с Ицхаком Рабином. Он не был уверен в том, что израильский премьер-министр примет этот жест. Чувствовалось, что Билл Клинтон тоже хотел бы этого рукопожатия. Ловким поворотом корпуса американский президент пододвинул председателя ООП к Ицхаку Рабину, и тот не смог уклониться.

В этот час на лужайке перед Белым домом особенно сильно чувствовалась параллель с 26 марта 1979 года. Тогда подали друг другу руки Садат и Бегин.

6 октября 1981 года египетский президент был убит. Жорж Хабаш, руководитель Народного фронта освобождения Палестины, перед 13 сентября 1993 года высказал предостережение: «Арафат, вспомни о смерти Садата!» Председатель ООП пропустил это предостережение мимо ушей. После подписания он сказал: «Весь мой народ надеется, что сегодня — начало конца его страданий». Годы страданий были временем упущенных возможностей одинаково для палестинцев и для израильского народа. И те, и другие более четверти века говорили друг другу «нет». Анвар Садат в 1971 году понял, что вечное «нет» не приведет к решению. Тогда со стороны Ясира Арафата он подвергся нападкам как предатель. С опозданием на 14 лет председатель ООП последовал примеру египтянина — осенью 1993 года Арафат тоже сказал «да» миру.

О том, как начался путь к соглашению между палестинцами и израильтянами, и пойдет рассказ. Оно будет свидетельством ошибок и заблуждений — и в то же время готовности конструктивно мыслить.

2. Арафат и три «нет» израильтян

От трупного запаха пропитанные повязки на нос и рот защищают мало. Мучительная тошнота охватывала почти каждого, кому пришлось в жаркие дни второй половины июля 1981 года остановиться в бейрутском квартале Фахани. 17 июля израильские боевые самолеты разрушили блок близко расположенных домов, населенных палестинцами, в основном штатскими. Впрочем, в этом блоке находился также штаб боевой организации.

Еще в течение нескольких дней после налета из-под развалин извлекают трупы: женщины, мужчины, отец, заслонивший своего ребенка.

Более 200 человек погибло во время первого воздушного налета на Бейрут.

Ясир Арафат заявил: *«Израильтяне ведут против нашего народа войну на уничтожение!»* Израиль отвечает дальнейшими налетами на палестинские лагеря, на ливанские деревни, на мосты и улицы. Они стократно отвечают на каждый выстрел, который сделали палестинцы по поселениям в Ливане.

Палестинская боевая организация ведет эту борьбу одна. Хотя арабские правительства дают деньги, посылают оружие — они остаются в стороне. Друг другу противостоят палестинцы и израильтяне. Средства борьбы противников неравны.

Тем не менее Арафат не собирается капитулировать. Однако он согласен на перемирие — даже если оно даст ему мало шансов.

> «Политика израильского премьер-министра знает лишь одно слово, и это слово — «нет». Мы обороняемся против трех «нет», которые нам хочет навязать Израиль. Израиль говорит «нет» палестинскому государству, «нет» возвращению арабской части Иерусалима, Израиль отвечает «нет» давлению мирового общественного мнения, что он должен отказаться от посягательства на исламские святыни в этом городе. Властители Израиля ненасытны. Они говорят, что хотят мира, но в действительности они хотят землю арабов».

Резкими движениями рук Ясир Арафат подчеркивает свои слова. Он, как обычно, небрит, черная щетина на лице перемешана с сединой.

Линии вокруг рта и глаз не скрывают возраста — 4 августа

1981 года Арафату исполнилось 52 года.

Он соответствует складу людей своего народа. Склонность к полноте, возможно, мешает ему, но это — черта его образа. Палестинцы редко бывают стройными — только если им приходится голодать.

Во время этой беседы на голове Арафата, как всегда, черно-белый палестинский платок. Лишь однажды я видел его без этого платка. Его черты показались мне незавершенными, даже непропорциональными. Платок — это его отличительный знак, он скрывает также плешь на голове.

Хотя уже далеко за полночь, у Арафата не видно и следа усталости, а ведь он участвовал в долгом заседании Исполнительного комитета Организации освобождения Палестины.

Главной темой вновь был межарабский конфликт, который сказывается и на ООП. Все братоубийственные войны арабов и исламского мира рассматриваются на заседаниях боевых организаций. Как только поссорятся ливийский президент Моаммар Каддафи и король Саудовской Аравии Халед, Арафат сразу же чувствует напряженность в своей организации.

Возникают фракции, выступающие то за одного, то за другого главу государства, и не только из симпатии, но и из-за финансовой зависимости. В таких случаях руководитель ООП часто старается стать посредником между поссорившимися президентами и королями — в интересах мира внутри освободительного движения.

Каждая ссора ослабляет арабскую позицию по отношению к Израилю, отвлекает от подлинных задач, которыми, в представлении Ясира Арафата, может быть только борьба против Израиля.

С каждой братоубийственной войной арабов все дальше отодвигается цель завоевать родину для более чем трех миллионов палестинцев.

Но в эту ночь он наклоняется над столом в мою сторону и говорит: *«Мы получим свою Палестину раньше, чем Вы думаете. Наш народ будет иметь родину раньше, чем считает возможным весь мир»*. Его убежденность, как полагает Арафат, подтверждается историей: «То, что с нами происходит, противоречит всякой исторической закономерности. Гитлер хотел контролировать мир и в конце концов через 12 лет потерпел крах. Аттила хотел завоевать Рим, чтобы контролировать его. Его власть рухнула, прежде чем он вообще смог дойти до Рима. В нашем случае Израиль и власть имущие в США объединились, чтобы держать под своим контролем арабов и арабскую нефть. То,

что им это не удастся, доказывают события в Иране. Шах был холопом США. Народ безжалостно изгнал его».

Ясир Арафат черпает мужество в судьбе шаха: «Его удалось свергнуть, и это вызвало у американцев шок. Они теперь не уверены, что смогут делать в нашем регионе, что хотят. Исчезновение шаха полностью изменило соотношение сил на Ближнем Востоке. Число врагов Израиля и американцев стало больше».

Из нагрудного кармана своей рубашки хаки Арафат достал шариковую ручку, которой он отмечает ритм своих фраз. Как бы для усиления сказанного он рубит ею воздух. Если он высказывает особенно важную мысль, Арафат широко раскрывает глаза, тогда они кажутся больше.

«Хотят ли вообще власть имущие в США мира?» На этот вопрос он не ждет от меня ответа. Он продолжает: «Мне кажется, они заинтересованы в сохранении взрывоопасной ситуации на Ближнем Востоке. Иначе зачем они стали бы постоянно снабжать Израиль новейшим вооружением в больших количествах? Они говорят о мире и поставляют оружие — такова логика Соединенных Штатов. Тем самым они побуждают главу израильского государства и стоящую за ним военную хунту Израиля не отказываться ни от сантиметра земли. Я изучал немецкую историю. Гитлер не уступал, уступали в 1938 и 39 годах другие: Даладье и Чемберлен. Оба кричали: «Мир! Мир!», а сами не смогли предотвратить вторую мировую войну. Я не могу быть ни Чемберленом, ни Даладье перед лицом тех требований, которые предъявляет Израиль.

Эту роль я предоставляю египетскому президенту, который превосходно ее исполняет и который точно так же сойдет со сцены, как и те два европейских политика, которые тогда хотели мира любой ценой. Мир мало чему научился на событиях тех лет».

Арафат говорит, что прежде всего ФРГ мало чему научилась.

> «Правительство ФРГ относится к нам хуже всех европейских властей. Что мы, палестинцы, сделали политикам Бонна? Другие правительства Европы открыты для нас намного больше. Я вообще ничего не имею против немецкого народа — наоборот. Но меня злит то, что его правительство так мало считается с нами. Своей осторожной позицией оно помогает израильтянам в закабалении палестинского народа».

При этом он понимает, что политики ФРГ, вообще немцы, должны чувствовать себя обязанными Израилю. Но он

рассматривает свой народ как жертву этого исторического принуждения. По его мнению, немцы также должны признать, что израильтяне в некоторых отношениях копируют методы Третьего рейха. Искоренить и даже уничтожить палестинский народ — такова цель израильтян. Этому они научились у Гитлера.

На вопрос, не приведет ли развитие событий его неизбежно к признанию государства Израиль, Арафат отвечает: *«До тех пор, пока израильтяне не признают нас, палестинский народ и Организацию освобождения Палестины, никто не может ожидать, что мы признаем государство Израиль. Это должно произойти на взаимной основе. Почему мы должны делать первый шаг?»* В этом ответе чувствуется готовность вести диалог с Израилем, если это будет происходить на основе равноправия. Впрочем, Арафат не оставляет никаких сомнений в том, что он не верит в переговоры Израиля с ООП. Поэтому он считает признание Израиля со стороны ООП совершенно бесполезным. Оно не повлечет никаких политических последствий. В этом вопросе он солидарен со всеми, кто имеет право голоса в отделениях Организации освобождения Палестины.

«Требование, чтобы мы все-таки признали Израиль, относится к тем проискам, которые должны завлечь нас в ловушку». Черты Арафата, выражавшие эмоциональное возбуждение при обсуждении темы-признания Израиля, теряют свою напряженность. Эта тема занимает его.

«Мы привыкли к такого рода заговорам США и израильтян. Они не могут понять характера нашей революции. Мы боремся против всех обстоятельств, из-за которых наш народ попал в это тяжелое положение.

Первый этап этой борьбы заключается в том, что мы хотим вновь завоевать свое достоинство. Мы сделали в этом направлении громадный шаг — но только с помощью нашего оружия». Это замечание — *«но только с помощью нашего оружия» — Арафат повторяет дважды, затем заканчивает: «Нас уважают только как бойцов».*

Я перевожу разговор с Арафатом на тему плана израильского генерала Ариэля Шарона, который видит в Иордании возможную родину для палестинцев, поскольку там палестинцы составляют две трети населения. Арафат энергично показывает на меня своей шариковой ручкой: «А Вы бы приняли другую страну, например, Швейцарию, своей родиной? Вы бы никогда этого не сделали. Я тоже не принимаю замену родины. Этот план показывает, что израильтяне просто не хотят мира. Там у власти военная хунта, для которой война составляет важный элемент жизни. Менахем Бегин тоже относится к ней. Я больше не надеюсь, что они

предоставят нам право самоопределения. Израильтяне требуют от нас, чтобы мы подчинились этому террористу Менахему Бегину».

Удивляет та самоуверенность, с которой Арафат высказывает упрек, что Менахем Бегин — террорист. Он, по-видимому, не хочет осознавать, что сам во всем западном мире считается террористом, поощряющим также мировой терроризм. Арафат же считает себя борцом за свободу. Разница между борцом за свободу и террористом для него очевидна: *«Тот, кто борется за правое дело, не может быть террористом».* Бегин, по его мнению, борется не за «правое дело».

На вопрос о том, не была бы ему более выгодна победа израильской Партии труда на выборах 30 июня 1981 года, чем успех Менахема Бегина, Арафат отвечает: «Партия труда, руководимая Пересом, не была бы более сговорчивой. Она бы тоже не вела с нами переговоров. Правит Бегин или Перес — Израиль остается Израилем».

Беседа продолжалась долго, тем временем уже почти рассвело. Арафат встает, когда один из советников напоминает ему о времени. Руководитель ООП должен в первой половине дня выступить перед офицерами, которые закончили курс подготовки.

Сопровождающий спускается со мной на лифте в холл гражданского дома в западной части Бейрута — это одна из многих квартир, находящихся в распоряжении Арафата. Под дверью дома сидят три человека охраны, на их коленях лежат автоматы Калашникова. Прожектор освещает пространство между домами. При яркой игре красок начинающегося рассвета искусственный свет кажется особенно бледным. Где-то вдали раздаются выстрелы.

Это никого не беспокоит. В городе, разделенном между христианами и мусульманами, постоянно возникают бои. Квартиры и бюро Арафата находятся в исламской части Бейрута. Организация христиан Ливана является его противником — одним из многих противников.

3. Арафат: держава без государства

Критически смотрит пост, который контролирует *Л*въезд в обжитый палестинцами квартал города, *т* простирающийся от Арабского университета Бейрута на юг, вплоть до аэропорта. Каждая машина должна остановиться, окна следует открыть. Документы можно не показывать. Человек в коричнево-зеленом камуфляже кивает. Свободен путь в район размером несколько квадратных километров, в котором ООП — неограниченный хозяин.

Лагерем этот район назвать нельзя. Здесь стоят нормальные городские дома, построенные из бетона, высотой в 4–5 этажей, некоторые выше. В них живет исключительно много людей: палестинский народ живет на тесном пространстве. На первых этажах находятся довольно простые магазины, в них продают продукты питания, одежду, предметы обихода. Между магазинами расположены кафе и скромные рестораны, специализирующиеся на палестинских блюдах.

На улице теснятся машины, в основном устаревшие. Неожиданно много «мерседесов». Между ними мелькают машины повышенной проходимости типа «лендровер», принадлежащие боевым организациям. Движение настолько сильное, что можно ехать только в темпе ходьбы. Зная, что этим они ничего не добьются, водители все же давят на гудки. В первые минуты пребывания в этой части города шум кажется непереносимым.

На юго-востоке дома становятся ниже. Здесь находится лагерь Шатила, где бараки из листовой стали давно уступили место настоящим зданиям. Центром здесь является базар, на котором за сравнительно низкую цену можно купить овощи, лепешки хлеба и мясо. Слышна музыка из кассетных магнитофонов, европейские и арабские звуки смешиваются с криками продавцов. Пять раз в день над площадью раздается возглас: «Алла акбар!» — «Аллах превыше всего!» Постоянно ощущается присутствие Организации освобождения Палестины. Военная полиция ООП регулирует движение на самых оживленных перекрестках. Вооруженные люди заботятся о порядке на базаре. Невооруженные контролируют цены у торговцев: если кто-либо запросит слишком много, вмешивается контролер ООП.

Количество людей, проживающих в этом палестинском квартале Западного Бейрута, поддается лишь примерной оценке. Статистические данные о населении в Ливане получить трудно. Капитан Ахмед Джебриль, командир организации «Народный

фронт за освобождение Палестины — генеральный штаб», поручил своим советникам, среди которых есть ученые различных направлений, провести для ООП исследование о палестинской части населения Ливана. Исследование показало, что в Ливане живет 510 тысяч палестинцев. Более четверти из них, то есть около 150 тысяч, проживает на территории Бейрута. Это объясняется тем, что почти все палестинцы предпочитают Западный Бейрут христианским окрестностям.

Эти 150 тысяч человек, хотя они и проживают в замкнутом пространстве, все же не образуют независимого общества. Даже рынок в палестинской части города доказывает эту зависимость: овощи и фрукты выращиваются в долине Бекаа и в Южном Ливане, то есть в тех областях, где проживают ливанцы-мусульмане. Без обеспечения извне владения Арафата нежизнеспособны. На контрольных пунктах при входе в палестинский квартал видно, что поток товаров устремляется только в одну сторону — внутрь. Ремесленные предприятия в квартале ООП производят продукцию почти исключительно для собственных нужд. Лишь мебельная фабрика, принадлежащая ООП, поставляет свои изделия в остальной Ливан и арабский мир.

Исследование, проведенное Палестинским исследовательским центром в Бейруте, показывает, что хотя образовательный уровень молодых палестинцев выше, чем ливанцев, но и безработица среди них выше. Безработных палестинцев существенно больше, чем безработных ливанцев. Причины этого следует искать в той сдержанности, с которой ливанские предприниматели относятся к найму ищущих место палестинцев: даже при более высокой квалификации палестинцу откажут, если на это же место претендует ливанский кандидат.

Организация Арафата уже больше десятилетия озабочена тем, чтобы обеспечить молодым людям возможность обучения. Она помогает стипендиями; она сама создает фирмы, которые могут предложить учебные места. Политическим руководителям ООП многие палестинцы обязаны тем, что смогли стать квалифицированными рабочими и инженерами.

Эти образованные люди являются резервом для набора молодых бойцов и укомплектования политических органов ООП. Две решающие причины имеет наплыв в бюро набора: тяжелое экономическое положение всего Ливана и желание внести свой вклад в то, чтобы палестинскому народу вновь дали родину. Арафат давно понял, что только надежда может спасти народ от удушья в летаргии. Он особенно хочет сохранить для молодежи надежду на то, что возвращение возможно, причем в обозримом

будущем.

Поскольку он мало говорит о проблемах, которые придется преодолевать после этого возвращения, то он создает впечатление, что с прибытием изгнанных палестинцев в Иерусалим начнется время безоблачного счастья. Взгляд направлен на тот день, когда произойдет это событие. Примером такого мышления, направленного лишь на одно это событие, является речь, которую Арафат произнес перед выпускниками подготовительных курсов для офицеров:

> «Победа придет, независимо от того, признают ли наши враги эту историческую необходимость или нет. История хочет нашей победы. Она — это воля нашей крови и наших кулаков. Она — это воля арабской нации. Это воля всех прямых, честных и справедливых среди прогрессивного человечества. Это следует понять всем тем, кто верит, что может распоряжаться этим районом мира по своему усмотрению. Они не должны забывать, что их планы, которые они измыслили в Кэмп-Дэвиде, лопнут по воле истории. Только через трупы борцов за свободу, революционеров и честных людей-арабов они смогут достичь своей цели — поработить и ликвидировать нас. Путь, которым мы должны идти к победе, тяжел, долог и утомителен. Но это путь по направлению к свободе, жизни, славе и достоинству. Мы будем идти плечом к плечу, пока мы не достигнем стен Иерусалима, пока мы не поднимем над стенами святого города ислама флаг нашей революции и нашей арабской нации!»

Молодые люди в оливково-зеленой форме, слушавшие Арафата, вскакивают со своих мест. Они скандируют: «Революция до победы! Революция до победы!» Арафат нашел слова, которые выражают их эмоции. Никто не спросит скептически, достигнет ли он когда-нибудь вместе с Арафатом стен Иерусалима. Освободить святыню из рук израильтян — для них эта задача разумеется сама собой.

На стене позади Арафата висит цветная фотография. Виден сверкающий золотом купол скального храма Иерусалима. Каждый в этом помещении знает, что под ним находится скалистое плато 15 метров в длину и 12 метров в ширину, священное для мусульман. Нога пророка Магомета некогда касалась этой скалы, так гласит исламское предание. Отсюда пророк поднялся на небо, чтобы воспринять вдохновение для Корана. Для многих мусульман, и в первую очередь палестинцев, непереносима

мысль, что это место находится в руках израильтян. Мусульмане дали го-, роду Иерусалиму название «Аль Кудс» — священный.

В каждом бюро ООП в Бейруте висит эта фотография. Мечеть является духовным и топографическим центром родины, которую палестинский народ должен завоевать. Встречаясь с арабскими государственными деятелями, Арафат использует каждую возможность, чтобы напомнить ему, что «Аль Кудс» все еще контролируется врагом. Арафат часто дарит своим гостям маленькое изображение мечети из металла или перламутра.

Освободить «Аль Кудс» входит в клятву, которую должны дать принимаемые в отряд новые бойцы, называемые федаинами (Fedajin).[1] Лагерь не должен становиться для них родиной.

О Палестине напоминает также песня, которая была выбрана руководством Фатах гимном для важных политических случаев.

Этот гимн исполняется небольшим музыкальным ансамблем, когда Арафат посещает соединения палестинской боевой организации.

Арафат ожидает, когда закончится гимн. Затем он обходит отряд вновь поступивших федаинов и принимает рапорт командира. Он выглядит государственным деятелем, у которого нет государства. Ритуал он соблюдает.

Текст гимна, носящего арабское название «Билади» — «Моя Родина», — это признание в любви к стране, из которой палестинцы родом:

«Моя страна, моя страна,
Аль Фатах, революция, ведет нас против врага.
Палестина, ты — земля наших отцов,
К тебе мы вернемся.
Фатах, революция, все одолеет,
Она — надежда моей страны.
Палестина, я тоскую о тебе,
Ты цель моей жизни,
Я стремлюсь к тебе,
Моя воля преодолеет любое сопротивление.
Палестина, ты — земля, где родился Иисус,
Откуда Магомет поднялся на небо.
Палестина, ты зовешь меня,
Ты хочешь, чтобы я тебя освободил.
Палестина, мы должны вернуть тебе
достоинство,
Честь изгнанного народа,
Твой народ не вымрет,
Он не будет молчать.

Люди штурма будут всегда
Держать палец на спусковом крючке.
Мы засадим страну шипами, ненавистью
К каждому, кто занял нашу землю».

4. Происхождение и среда

Его личность, говорит руководитель ООП, абсолютно не имеет значения и должна отступить перед революцией. На вопросы об обстоятельствах его жизни до и после основания боевой организации он не отвечает. Он молчит с полным основанием. В его организации немало тех, кто критикует публичные выступления Арафата. Они считают, что руководитель революционного движения должен быть сдержанным, он не может вести себя как государственный деятель страны, признанной мировым сообществом. Поскольку Арафат соблюдает принцип коллегиальности в ООП, он не хочет выдвигать свою личность на первый план.

Ясир Арафат родился 4 августа 1929 года. Его подлинное имя — Мохаммед Абед Ар'уф Арафат. Он родился в Иерусалиме. Его большая семья представляет имущий буржуазный слой Палестины. В ней есть торговцы и средние землевладельцы. Ее можно отнести к уважаемым семьям в Палестине. Арафат пользуется уважением как член своего клана.

Эта буржуазия десятилетиями вынашивала мысль о независимом государстве Палестина, о государстве, которого никогда не было в истории. Первая надежда добиться национальной идентичности возникла в конце первой мировой войны. Османская империя, уже давно находившаяся под угрозой развала, наконец рухнула. От метрополии, еще недавно управлявшейся из Стамбула, сохранились лишь осколки, замкнутые административные единицы, такие как Египет, Сирия, Иран, Ливан, Иордания. Для них в это время появился шанс самим решать свою судьбу. Однако вскоре во всех регионах пришли к печальному пониманию того, что контроль возьмут на себя колониальные державы.

Народ Палестины, который до сих пор подчинялся правителю в Стамбуле, ждет горькое разочарование. Ему придется примириться с тем, что англичане во время первой мировой войны пообещали еврейскому народу дать «приют» на земле Палестины. Это обещание было сформулировано в 1917 году в декларации Бальфура.[2]

Британское правительство преследовало тем самым цель побудить часть еврейского населения в союзных государствах — прежде всего в Англии, Франции и США — к более активному участию в ведении войны. Однако реализации обещания должна была предшествовать победа, поскольку ко времени появления Бальфуровой декларации Палестина находилась в руках Османов,

поддерживаемых немецкими экспедиционными войсками.

Но это обещание было не единственной причиной разочарования палестинцев в конце первой мировой войны. Им пришлось примириться и с тем, что обжитая и обрабатываемая ими земля была подарена другой заинтересованной стороне — роду Хашем, правившему в Мекке и Медине. Свои владения он утратил из-за рода Сауда, который был полон решимости превратить Аравийский полуостров в «Саудовскую Аравию».

Хашемы помогли англичанам в первой мировой войне одержать победу над турками и немцами. Британское правительство хотело выразить свою признательность: лишившаяся родины семья Хашем должна получить «плодородный полумесяц», в который входят Ливан, долина Иордана, Сирия, междуречье Тигра и Ефрата, а также Палестина. Таким образом, земля Палестины была обещана дважды: еврейскому народу и роду Хашем.

Это двуличие легко далось ответственным лицам в Лондоне, поскольку они и не собирались держать свое обещание. В тексте декларации Бальфура намеренно было использовано расплывчатое понятие «приют» (англ. «homeland»). Это давало английскому правительству различные возможности интерпретации. Представители еврейского народа придерживались широкого толкования: с самого начала они интерпретировали английское слово «homeland» таким образом, что имелось в виду лишь государственное территориальное образование. Из декларации Бальфура они выводили право на основание собственного государства. Политики же в Палестине, напротив, указывали на то, что в этой стране уже жили евреи, находившиеся с арабами в братском добрососедстве. Эти евреи уже нашли свой «приют» — тем самым Бальфурова декларация по форме и содержанию выполнена.

Представители семейства Арафата протестовали против того, чтобы Англия присваивала себе право делить страну, которая ей вообще не принадлежала. Они выступали также против намерения британского правительства для решения дилеммы, возникшей из-за двойного и двуличного обещания просто взять Палестину под свой контроль. Несмотря на протесты, Англия получила протекторат над территорией между Средиземным морем и Иорданом. Такое решение сделало правительство в Лондоне врагом как еврейского, так и палестинского населения. Обе стороны чувствовали себя обделенными и были готовы бороться за свои притязания и политически, и силой оружия.

Палестинцы сплотились вокруг Хадша Амина аль Хусейни, великого муфтия Иерусалима. Он нашел слова, необходимые для

того, чтобы мобилизовать национальное самосознание. Ему и его сторонникам удалось создать значительные трудности для британского управления протекторатом. Демонстрации и нападения на британские посты и базы уже задолго до второй мировой войны отбили у британцев охоту и дальше нести политическую ответственность за Палестину. После кровавых столкновений в Иерусалиме британский военный суд приговорил великого муфтия к десяти годам тюрьмы. Духовный лидер бежал, позднее был помилован и возвратился назад.

Хадш Амин аль Хусейни пытался создать основу для основания палестинского государства после ухода англичан. Для этого в 1936 году он основал Высший арабский комитет. Этот орган потребовал от английского правления протекторатом, чтобы немедленно был запрещен дальнейший въезд евреев в Палестину. Англичане ответили отказом и преследованием Высшего арабского комитета. Великий муфтий, переодевшись нищим, бежал в Бейрут. Окольными путями через Сирию, Ирак и Иран он в 1941 году достиг Берлина. Отсюда он попытался завоевать исламский мир на сторону Гитлера. За несколько дней до крушения Третьего рейха ему удалось бежать из Берлина на машине Люфтваффе. Швейцария не согласилась предоставить ему убежище. Во Франции его приняли, но посадили под домашний арест. Когда англичане потребовали его выдачи, французское правительство позаботилось о том, чтобы он смог тайно покинуть страну. Франция уже тогда проявила свою симпатию к арабским националистам.

В середине 1946 года Хадш Амин аль Хусейни прибыл в Каир. Высший арабский комитет был возрожден к жизни. Духовный лидер организовал сопротивление военным соединениям еврейских жителей Палестины. Великий муфтий намеревался воспрепятствовать образованию государства Израиль с помощью палестинских добровольцев — он доверял только палестинцам и не доверял арабским армиям.

Напротив, Арабская лига, верховная организация арабских государств, видела в защите палестинцев общеарабскую задачу, которая ни при каких обстоятельствах не должна быть доверена самим палестинцам. Она мобилизовала регулярные войска Египта, Сирии, Иордании и Ливана. Несостоятельность различных военных командований стала катастрофой для палестинцев. Израиль возник — и сразу же позаботился о том, чтобы палестинцы бежали с территорий, занятых новым государством. Появилась проблема палестинских беженцев.

Хадш Амин аль Хусейни основал еще палестинское правительство, которое с окраинной области старой Палестины,

территории Газы, попыталось влиять на беженцев и оставшихся в Израиле палестинцев. Но тем временем ведущей политической фигурой для палестинцев стал король Иордании Абдалла, поскольку его войска единственные сумели удержать позиции в Палестине. Его следовало благодарить за то, что Восточный Иерусалим, и тем самым святыня ислама, не попал в руки израильтян. Палестинское правительство в Газе при таких обстоятельствах не приобрело влияния и распалось в июне 1949 года.

Два года спустя король Абдалла, конкурент великого муфтия, погиб от руки заговорщика. Повинен ли великий муфтий в убийстве иорданского короля летом 1951 года или нет, осталось невыясненным, но Иордания на всякий случай обвинила Хадш Амина аль Хусейни перед органами Арабской лиги. Однако он продолжал жить в Каире. Его защищали король Фарук, а позднее Гамаль Абдель Насер.

Наконец, великий муфтий умер 4 июля 1974 года в Ливане в возрасте 77 лет. Когда Хадш Амина аль Хусейни хоронили, Ясир Арафат шел за гробом по дороге к кладбищу. Его лицо было мокрым от слез. Он был сторонником этого человека, который пошел даже на пакт с Гитлером, чтобы создать предпосылки для получения палестинцами государства.

В 19-летнем возрасте Арафат в Египте пережил основание Израиля и конец мечты великого муфтия. Отец Арафата после окончания второй мировой войны жил со своей семьей в Египте — с тех пор в речи Ясира Арафата появился египетский диалект. Три сестры и три брата остались в Египте, они живут там и до сих пор.

Он занимался контрабандой оружия из управлявшегося тогда Египтом сектора Газа — так гласит скудная информация, которую Арафат дает о своем участии в тогдашних событиях. Оружие предназначалось для групп добровольцев, которые взяли на себя защиту палестинских деревень.

Арафат был свидетелем бегства палестинцев. О причинах его существуют различные мнения — от точки зрения, что палестинцы покинули свои города и деревни вследствие панического страха, до обоснованного мнения, что в некоторых селениях израильтяне жестоко обошлись с населением, чтобы и в других деревнях началось бегство. При этом, по-видимому, происходила резня.

Свидетелем того, что происходило в действительности, может считаться бывший премьер-министр Израиля Ицхак Рабин, человек, которому Арафат 13 сентября 1993 года протянет руку.

«Нью-Йорк Таймс» опубликовала 23 октября 1979 года

отрывок из мемуаров Рабина, который в официальном израильском издании был вырезан цензурой. Ицхак Рабин описывает, как было принято решение о завоевании города Лод: «Мы вышли. Бен Гурион сопровождал Аллона и меня. Аллон повторил свой вопрос: что будет с мирным населением? Бен Гурион сделал движение рукой, которое примерно означало: гони их вон! Аллон и я посовещались. Я согласился, что необходимо изгнать население. Мы решили отправить людей пешком по дороге через Бет-Хоран, предполагая, что там их примет Арабский легион. При этом для нас было существенно, что Арабский легион из-за проблем, которые затем возникнут с беженцами, утратит часть своей боеспособности. Такое развитие событий было бы для нас благоприятнее. Но население Лода не хотело добровольно покидать город. Поэтому нам пришлось применить силу. Были даны предупредительные выстрелы. Лишь так мы смогли побудить жителей Лода пройти те 10–15 миль, которые отделяли их от форпостов Арабской лиги».

Аллон, ставший впоследствии министром иностранных дел Израиля, вспоминал:

> «Я пригласил к себе бургомистров еврейских деревень. Тех, кто имел контакты с арабскими бургомистрами, я попросил, чтобы они по секрету шепнули этим арабам, что прибыло большое еврейское подкрепление, которое собирается сжечь все деревни арабов. Они должны были предложить этим арабам бежать, пока еще есть время».

Командир Арабского легиона, англичанин Глаб Паша свидетельствует:

> «Если бы беженцы уходили добровольно, то они не покинули бы свои дома лишь в том, что на них было надето. Они бы захватили часть имущества. Они бы позаботились о том, чтобы семьи не распадались, чтобы члены семей не терялись. Ведь тогда мужья лишились жен, родители больше не нашли своих детей. Для меня ясно, что большинство бежало в панике».

В протоколах ООН, датированных 16 сентября 1948 года, имеется следующее свидетельство графа Бернадотта, который был назначен ООН вести переговоры по палестинскому вопросу:

> «Исход палестинских беженцев был вызван паникой, причиной которой были бои, а также слухами о

действительных или предполагаемых актах терроризма. Почти все население областей, занятых евреями, бежало или было изгнано».

20-летний Арафат не попал в поток бежавших в направлении Иордана. Он остался в Иерусалиме. Он доставал оружие, пытался организовать борьбу, создавая небольшие боевые группы. Когда сопротивление еврейскому государству не увенчалось успехом, Арафат переехал в Каир. Он учился на техническом факультете университета. Однако в основном он занимался созданием палестинской студенческой организации, которая должна была стать основой для создания группы сопротивления.

Эта организация студентов должна была не только принимать участие в политической жизни, не только выражать свою волю и свои взгляды на демонстрациях — Арафат придал ей еще и военное направление. Он считал, что одними словами нельзя смыть позор катастрофы. Политики нового государства Израиль, которые силой изгнали палестинцев, могут уступить только силе. *«Они понимают только язык силы!»* — такой лозунг выдвинул тогда Арафат.

Поскольку он был одним из немногих, кто имел опыт партизанской войны, он получил от египетской армии разрешение обучать студентов технического факультета, которые хотели участвовать в боевых акциях против британских гарнизонов, располагавшихся тогда в зоне Суэцкого канала. Однако армия и правительство Египта поддерживали националистически настроенных студентов лишь скрепя сердце. Хотя король Фарук хотел покончить с колониализмом в своей стране, он, с другой стороны, учитывал договоры, связывавшие Египет с Англией. Он допускал булавочные уколы в отношении англичан: британские солдаты не должны были чувствовать себя на Суэцком канале слишком уверенно. Поэтому студентам втайне было разрешено заниматься партизанской подготовкой.

В последний период существования в Египте королевской власти в Каире появилось множество политических групп различной окраски. Программа каждой обещала грядущее величие Аравии. Как рецепт спасения предлагался социализм партии Баас. Коммунисты, арабские националисты и исламистски ориентированные группировки считали, что знают выход из состояния депрессии, в которой находился арабский народ после неудачного похода на Израиль. Арафат не интересовался идеологией этих групп и не вступил ни в одну из них. Он видел цель и считал, что сможет объединиться со всеми направлениями, чтобы достичь ее.

Арафат был выдвинут независимым кандидатом в президиум студенческой организации, сооснователем которой он был, и большинством был избран, наконец, ее президентом. Заместителем стал студент Абу Аяд, который впоследствии стал одним из важнейших сотрудников Арафата.

До 1956 года Арафат оставался президентом палестинского союза студентов. Ему удалось установить контакты со студенческими организациями восточного блока. В 1954 году он поехал в Варшаву на заседание Международного союза студентов. Его друзья говорят, что тогда он обручился с полькой.

Он охотно поддерживал бы отношения и с Западом — но западноевропейцы не приглашали его. Восточные контакты Арафата вызвали у египетской тайной полиции подозрение в том, что он коммунист. Гамаль Абдель Насер, который сам лишь по необходимости сделал Советы своим партнером, считал нежелательным углубление этих отношений. В досье тайной полиции Арафат фигурировал с тех пор как опасная личность.

Дальнейшие неприятности с правительством Насера не заставили себя долго ждать. Арабская лига до 1952 года поддерживала нуждающихся палестинских студентов из совместного фонда всех арабских государств. Поскольку студенты были из семей беженцев, все они были бедны. Следовало заботиться о нескольких сотнях молодых людей и женщин в Каире. Необходимые для этого деньги складывались в значительную сумму. Чтобы облегчить это бремя, секретариат Арабской лиги постоянно пытался снизить выплаты студентам. Окончательно отменить пособия собирались в ноябре 1952 года.

Студенты, которые не имели других источников дохода, сопротивлялись. Они заняли здание Арабской лиги. Египетская полиция, по долгу службы защищавшая здание, вытеснила из него студентов. Ясир Арафат после этого инцидента считался в Каире возможным нарушителем спокойствия. Руководимая Арафатом организация открыто призывала к свержению правительства Насера, когда в феврале 1955 года бригада израильской армии вторглась в сектор Газа, где проживали палестинцы, не получив отпора от египетских войск.

Было разрушено большое количество домов, 31 житель умер от ранений. Нападение было вызвано действиями палестинских партизан, которые организовали в Израиле взрывы.

Ярость палестинских студентов была направлена против Насера прежде всего потому, что египетское руководство оставило границу между Израилем и сектором Газа почти без защиты. Пограничные мосты, где было не больше дюжины солдат, были захвачены врасплох. Во время израильской акции в секторе

Газа не было видно ни одного египетского соединения; никто не дал команды к отражению нападения. Честь Египта, как считали студенты, этим бездействием была втоптана в грязь. «Насер трусливее Фарука!» — эти слова звучали во время демонстраций.

Гамаль Абдель Насер возглавлял молодой еще режим. Король Фарук был свергнут в 1952 году. Сам Насер официально стал во главе государства всего за несколько месяцев до израильского нападения. Президент государства считал, что его режим еще не находится в полной безопасности. Каждый голос, требовавший его свержения, должен был казаться ему опасным. Он жестоко разгонял демонстрации, студентов арестовывали. Однако когда несколько из них решилось в знак протеста на голодовку, которую нельзя было сломить силой, Насеру пришлось вступить в диалог.

Он пообещал поддержку и защиту партизанским группам, которые хотели организовать свои вылазки из Газы; кроме того, сектор Газа нужно было защитить в военном отношении.

В июле 1956 года Насер стал героем всех арабов. Он национализировал Суэцкий канал и противостоял совместной агрессии англичан, французов и израильтян. Арафат, который со времен подготовки студентов университета имел звание офицера запаса, был призван и направлен в Порт Саид. Он уже получил инженерное образование и считался пригодным для разминирования в зоне канала.

5. Основание Аль Фатах

Борьба против агрессоров показала, что партизанские группы в существовавшем виде ни на что не были способны. Они ничем не могли помочь регулярной египетской армии. Напротив, они побуждали врага к ответным ударам, которые трудно было отразить.

Тем не менее Ясир Арафат и другие руководители палестинской студенческой группы, понимая это, считали, что эти боевые операции существенно затрагивают Израиль и в конце концов смогут все же его уничтожить. По мнению Арафата, для этого было необходимо создание четкой организации. До сих пор что-то предпринималось по инициативе отдельных лиц, что-то получалось случайно. Отсутствовала связь и, прежде всего, общая стратегия. Пример боевой структуры с центральным руководством уже существовал и доказал свою действенность.

Эта организация стала известна со времен ночи с 31 октября на 1 ноября 1954 года. В эту ночь вооруженные люди напали на 30 полицейских постов в алжирских городах и деревнях. Было совершенно очевидно, что нападения были согласованными: они происходили в равные по времени промежутки от полуночи до рассвета. В течение шести часов погибло 10 французов.

Французское правительство и губернатор Алжира признали 1 ноября небывалый всплеск антифранцузской активности в Алжире:

«Целый ряд тяжелых ударов нанесен маленькими террористическими группами. Приняты необходимые меры защиты и возмездия. В этих целях французское правительство предоставило в распоряжение генерал-губернатора дополнительные войска. Население может быть уверено, что о его безопасности позаботятся».

Правительство и генерал-губернатор были ошеломлены нападениями. У них не было никакой информации о внезапно появляющемся противнике. Хотя мусульмане Алжира всегда выражали желание отделиться от Франции, однако подобного рода демонстрации воли к независимости до сих пор происходили без актов насилия. Первые указания на возможных виновников дала радиостанция «Голос арабов», находящаяся в Каире, вечером 1 ноября:

> «Сегодня Алжир мужественно и решительно вступил на путь арабизма. Алжир начал грандиозную борьбу за свободу, за арабизм и за ислам. Алжир доказал, что он

является крепостью африканского арабизма. Алжир начал свою героическую победоносную борьбу за дело свободы».

Гамаль Абдель Насер совершенно открыто поддерживал эту освободительную борьбу алжирских мусульман.

Вскоре стало известно название организации, к которой относились борцы за свободу Алжира: она называлась «Армия национальной свободы», она была известна под инициалами АЛН. Ее основатель и командующий Крим Белкасем позднее говорил о тактике освободительной армии:

«Ничего не подозревая, враг попадал в тщательно подготовленные засады. Внезапный и сильный огонь означает начало боя. Оружие сеет смерть. Танковые гранаты и автоматы разрывают на куски грузовики и бронемашины. Вражеские передатчики разрушаются. Полностью захваченный врасплох, противник не может призвать помощь. Он не может отреагировать на нападение. Достаточно 3–4 минут, чтобы уничтожить воинскую часть, так что противнику не остается времени для реагирования. Поспешно собираются оружие и боеприпасы противника. То, что нельзя транспортировать, уничтожается. Прежде чем подойдет подкрепление, наши люди исчезают».

Арафат и палестинские студенты читают и анализируют подобные сообщения. Они воспринимают параллель между своей ситуацией и ситуацией в Алжире так: в Алжире и в Палестине расположены высокоразвитые, современные армии. Палестинские аналитики отмечают, что страна в обоих случаях находится в руках поселенцев, которые осели в ней против воли коренного населения. Благодаря этой параллели Арафат и его друзья делают вывод, что и они смогут успешно вести борьбу против хорошо оснащенной армии — ведь алжирским борцам за свободу удавалось нанести поражение французской армии. Полгода спустя после начала борьбы генерал-губернатор Алжира был вынужден объявить по всей стране чрезвычайное положение. Еще через полгода 350 тысяч человек, почти весь мобильный состав французской армии, было введено в Алжир. Несмотря на большое количество войск, французское правительство не могло покончить с партизанской войной. То, что Франции все равно придется оставить Алжир, стало ясно после двух лет войны.

Абу Аяд, заместитель Арафата в президиуме Организации палестинских студентов, рассказывает о реакции на эти события в кругу Арафата:

«Мы начали думать об одном проекте, который

вначале казался нам лишь мечтой. Алжирские националисты основали организацию, которая уже более двух лет побеждала французскую армию. Нас восхищало героическое сопротивление алжирской боевой группы, о котором мы были хорошо информированы. Мы восхищались алжирцами. Мы задавали себе вопрос, а не смогли бы мы тоже организовать движение, в которое вошли бы палестинцы всех политических направлений. Это движение развернуло бы затем вооруженную борьбу в Палестине».

По мнению Арафата, эта борьба под централизованным руководством должна была прийти на смену беспорядочным выступлениям. До сих пор индивидуальные акции отдельных палестинцев и разрозненных групп редко имели целью ослабление ударной силы израильского аппарата. Достаточно часто вооруженные люди проникали через линию прекращения огня на теперь израильскую территорию, чтобы спасти из своих домов, которые им пришлось спешно оставить при бегстве, хотя бы часть своего имущества. Израильские власти объявили такие действия криминальными проступками. На этом основании они сделали заключение, что формирующиеся боевые группы палестинцев состоят из преступников.

Большие участки границ Израиля непосредственно после основания государства были еще незащищенными; в некоторых местах они даже не были как следует обозначены. Существовал шанс перейти незаметно линию прекращения огня. Палестинцы передвигались по знакомой местности — израильтяне часто были чужаками. Координация акций по алжирскому образцу обещала успех. Их число было немалым: израильское правительство сообщает о 3742 переходах линии прекращения огня в направлении Израиля за 1952 год. При этом 60 израильтян было убито и более 70 ранено.

Отправным пунктом налетов был преимущественно сектор Газа. Там шеф египетской тайной полиции Мустафа Хафез (Mustapha Hafez) готовил молодых людей, желавших проникнуть в Израиль, и снабжал их оружием. Тем временем радио Каира славило мужество партизан из Газы: они сеяли панику и террор далеко в глубине Израиля. Поэтому израильская армия часто выбирала лагеря вокруг Газы в качестве объектов нападения. В апреле 1956 года артиллерия обстреляла город Газа. 80 человек погибло, сотни были ранены.

Иордания до сих пор могла препятствовать переходу коммандос через границу. До тех пор, пока английский офицер

Глаб Паша командовал иорданскими постами на линии прекращения огня, в приграничном районе царило спокойствие. Однако в марте 1956 года по настоянию националистических кругов в офицерском корпусе Хусейн отправил англичанина в отставку. Теперь пограничные посты стали снисходительными. Израильским поселениям грозила опасность и со стороны Иордании. Следствием стали налеты авиации Израиля на деревни в Иордании.

Той весной все арабы считали, что война должна закончиться их победой, катастрофа 1948 года больше не сможет повториться. Однако ближневосточная война 1956 года вновь окончилась победой Израиля. Впрочем, для объяснения поражения у египтян был один аргумент: Израилю помогали великие державы Англия и Франция; поражение было нанесено вовсе не Израилем, а превосходящей военной мощью англичан и французов.

Однако поражение имело одно психологическое следствие: все арабские правительства вокруг еврейского государства считали теперь, что лучше не раздражать армию и правительство Израиля. Египет, Иордания, Сирия и Ливан пытались воспрепятствовать палестинским партизанам переходить границу в направлении Израиля. Президент Насер даже разоружил отряды коммандос в секторе Газа, подготовку и вооружение которых он ранее допускал.

Время для основания организации, координирующей партизанскую войну, было неблагоприятным. Арафат признал, что идея брать пример с алжирского народа пока должна оставаться мечтой. Он позаботился о нормальной работе, которая должна была его обеспечить, время учебы закончилось.

Эмират Кувейт в Персидском заливе был тогда магнитом для желавших работать палестинцев. Благодаря залежам нефти эмират обладал большим экономическим потенциалом. Из ничего возник город, торговый центр, скопление банков. Однако для решения проблем строительства и управления в Кувейте не было людей с соответствующим специальным образованием. Кувейт притягивал интеллигенцию Аравии хорошими финансовыми предложениями. Особенно приглашали палестинцев. Этот изгнанный народ располагал исключительно большим количеством инженеров, врачей и учителей. Их использовали в Кувейте.

Ясира Арафата охотно приняли на должность инженера. Вместе с другими палестинцами весной 1957 года он основывает в эмирате Кувейт строительную фирму. Министерство общественных работ предоставляет ему заказы.

Население Кувейта составляло всего около 200 тысяч человек

— на сегодняшний день число настоящих кувейтцев увеличилось лишь незначительно. Необходимо было вдвое больше людей, чтобы нефтяное государство поддерживало свою жизнеспособность. Без «гастарбайтеров» быстрое развитие было невозможно. На этой фазе развития палестинцы оказали правящей фамилии Кувейта особенно много услуг.

Эмир и его штаб выразили свою благодарность и великодушие — и не только в финансовой области. Они Предоставили политически активным палестинцам возможность заниматься в Кувейте политикой, пусть эта деятельность и должна была ограничиваться кругом соотечественников. Была запрещена политическая пропаганда против царствующей в Кувейте фамилии. Однако у Арафата и его друзей никогда не было ощущения, что за ними следят. Благодаря этому великодушию эмират составлял исключение: везде в Аравии правительства с недоверием смотрели на палестинцев, занимавшихся политикой. Страх перед новыми идеями, перед неконтролируемой активностью, перед самостоятельным мышлением мучил правителей в Каире и Дамаске. Эмир Кувейта был свободен от него.

Арафат, строительный подрядчик в эмирате Кувейт, продолжал поддерживать контакты с политически активными палестинцами, которые жили в лагерях беженцев вблизи родины, например, с Абу Аядом, который работал учителем в секторе Газа и мог использовать свою деятельность для того, чтобы выискивать среди палестинской молодежи людей, пригодных для будущей освободительной организации.

Это была непростая подготовительная работа, так как агенты египетского правительства были начеку. Арафат много раз предлагал Абу Аяду переехать в Кувейт. Шанс осуществить это появился, когда ответственное за школьное образование министерство Кувейта вербовало в лагерях сектора Газа учителей для работы в эмирате. Абу Аяд принял предложение.

Группа вокруг Арафата уже с 1958 года знала, какое имя будет носить их организация, ориентированная на пример алжирского революционного движения: «Харакат Тахрир Фалестине» — «Движение за освобождение Палестины». Для этой несколько тяжеловесной программной формулы советники Арафата нашли сокращение, которое в конце концов всем понравилось. Исходным пунктом стали начальные буквы «Харакат Тахрир Фалестине» — ХТФ. Если читать наоборот, то получалось ФТХ. Особенностью арабского языка является то, что гласные лишь намечаются, но не пишутся. Если кто-либо прочтет буквы ФТХ, то он по привычке образует слово «Фатах», причем гласные

произносятся довольно кратко. Слово «Аль Фатах» существует в арабском языке. Его можно перевести как «завоевание».[3]

В это время Арафату нет и тридцати лет. План на будущее уже разработан. Уверенный в себе, он видит организацию, которая должна возникнуть как фаланга всех арабских националистов. Его кредо гласит: *«Единение Аравии возможно только через освобождение Палестины».* Усилия в борьбе за родину, как считал тогда Арафат, сплотят разнонаправленные части арабского мира. Процессы освобождения и единения Арафат считал параллельными.

Тем самым он противоречил взглядам большинства арабских националистов, которые в единении Аравии видели предварительное условие успеха борьбы за Палестину. К арабским националистам, взгляды которых противоречили взглядам Ясира Арафата, принадлежал палестинец Жорж Хабаш — будущий руководитель Народного фронта освобождения Палестины.

Арафат отдавал себе отчет в том, что его исходная установка никогда не будет принята Гамалем Абдель Насером, в то время важнейшим политиком арабского мира. От Насера нечего было ждать высокой оценки решения палестинской проблемы в контексте единения Аравии. Самого себя он считал катализатором стремления арабов образовать народ. Здесь он не хотел допускать палестинской конкуренции. И в столкновении с Израилем он никогда бы не допустил, чтобы кто-то рядом с ним определял темп и направление арабской борьбы.

От Гамаля Абдель Насера нечего было ждать восторгов по поводу образования боевой палестинской организации. Однако, несмотря на понимание этого, все же имели место некоторые ожидания: Насер всегда поддерживал освободительную борьбу алжирского народа. Восставшие против французского колониального господства пользовались гостеприимством в Каире, могли получать помощь деньгами и оружием, получать время вещания на египетских радиостанциях. Но для египетского президента огромным было различие между поддержкой алжирских националистов и помощью палестинским борцам за свободу, основатели Фатах узнали об этом лишь позже.

Группа молодых людей из палестинских семей, которые решили основать Аль Фатах, все еще жила в Кувейте. Однако их программа объявляла местом их нахождения Бейрут. Журнал «Фалестинуна» — «Наша Палестина» — заботился о распространении революционной идеи. Теоретически она заключалась в создании государства между средиземноморским побережьем и долиной Иордана, где могли бы мирно

сосуществовать евреи, мусульмане и христиане. Это государство может возникнуть только с помощью революционной силы. Палестинские массы являются носителями этой революционной силы. Их руководство должно быть независимым от партий и государств.

Подобные мысли были тогда внове. На них обратили внимание в лагерях беженцев вокруг Израиля. Молодые люди с политическим чутьем видели в программе, которую они читали в «Фалестинуне», источник надежды. Им рекомендовалось вести активную борьбу за родину, и это позволяло избежать скучной жизни в лагере. Когда к ним обращались люди, ссылавшиеся на «Фалестинуну», они слушали охотно. Многие были готовы служить «революционной силе». Так образовывались ячейки молодого еще движения. Начало было положено в лагерях сектора Газа. Позднее в лагерях Иордании, Сирии, Египта и Ливана также вербовались доверенные люди, готовые к открытому вступлению в организацию, которая хотела направлять «революционную силу». Те, с кем проводили беседы, узнавали мало конкретного о возникающей организации. Арафат позаботился о высокой степени секретности — она касалась всего, связанного с Аль Фатах. Противник не должен был иметь никаких сведений о возникновении организации и составе ее руководителей.

Основатели Аль Фатах не были одиноки в своих идеях. Другие палестинцы также считали безнадежность жизни в лагерях невыносимой. Они тоже верили, что можно пробуждать надежду, даже просто заявляя о своих намерениях организовать палестинское сопротивление. Арафат узнал о планах, возникших в Катаре и Саудовской Аравии. Он установил связи с теми, кто строил эти планы, — и завоевал большинство из них для своей организации.

Гамаль Абдель Насер также чувствовал, что недовольство иалестинцев следует разрядить активными действиями. Ему самому пришла мысль основать организацию, которая дала бы палестинским политикам возможность выразить свою фрустрацию. Однако Насер хотел сохранить личный контроль над этой структурой. Он намеревался таким образом создать дополнительный инструмент воздействия на общеарабскую политику.

Ахмед Шукейри стал для Насера тем человеком, который был готов создать желаемую палестинскую организацию и предоставить ее в распоряжение египетского президента. Шукейри обладал значительным ораторским талантом, который он развил, будучи адвокатам. Кроме того, он приобрел

дипломатический опыт, действуя по поручению Сирии, а затем Саудовской Аравии: юрист Шукейри был представителем этого королевства в ООН.

Ахмед Шукейри казался египетскому президенту особенно заслуживающим доверия, поскольку в качестве представителя Саудовской Аравии в ООН он отказался подать жалобу саудовского правительства против Египта. Египет собирались обвинить в том, что его армия вмешалась в Йемене во внутренний конфликт на стороне прогрессивных, антироялистских сил. Шукейри сразу же после своего отказа представить жалобу потерял свое место при ООН. Он был уволен.

Однако Гамаль Абдель Насер чувствовал себя ему обязанным. По его желанию Ахмед Шукейри был вначале назначен Арабской лигой представителем Палестины на встречах лиги. Шукейри был готов основать для Насера палестинскую организацию.

Прямым толчком к созданию политического формирования палестинского народа, чего и желал Насер, было решение Израиля отвести воду с верховьев Иордана для реализации сельскохозяйственных проектов в Верхней Галилее. Планы Израиля рассматривались на конференции глав арабских государств. Как обычно на заседаниях глав государств Ближнего Востока, два мнения резко противостояли друг другу. Сирия хотела начать войну за иорданскую воду; однако Насер был категорически против военного вмешательства. Казалось, никакой компромисс невозможен. Однако конференция не могла закончиться безрезультатно — даже если бы этот результат не был прямо связан с израильским проектом отвода вод Иордана. Нужен был выход из тупика.

Наконец по предложению египетского президента было решено создать палестинское освободительное движение — Организацию освобождения Палестины (ООП). Тем самым перед лицом общественности на нее возлагалась задача воспрепятствовать отводу Израилем воды из Иордана.

Однако никто серьезно не думал о том, чтобы дать возможность ООП активно принимать меры против Израиля. Чтобы воспрепятствовать нежелательной активности, которая могла поставить арабские государства в трудное положение, постановление конференции позаботилось о финансировании, которое было установлено главами государств.

ООП зависит от Арабской лиги. Верховная организация арабских государств должна предоставлять средства для ООП. Она определяет их размер. Тем самым она определяет также характер и объем действий ООП.

Основание ООП стало возможным благодаря решению

арабских правительств. Палестинцев никто не опрашивал. Вскоре стала ясна зависимость Шукейри от Насера. Президент ООП признался, что перед каждым важным решением, перед каждым политическим высказыванием он должен совещаться с Насером.

Основание ООП побудило Арафата к действию. Оно положило конец периоду планирования и подготовки, в котором все еще находилась организация Аль Фатах. Арафат отошел от своих партнеров по строительной фирме в Кувейте, одним из основателей которой он был. Гражданская профессия больше не представляла для него интереса. Он решил посвятить все свое время палестинскому народу.

Установить контакты с тогдашним шефом ООП Ахмедом Шукейри, которые обеспечили бы координацию между ООП и Аль Фатах, не удалось. Насер не желал включения подозрительной группы в контролируемую им структуру. Ведь еще долгое время тайная полиция сообщала египетскому президенту неверную информацию о том, что Арафат и его друзья — коммунисты и собираются убить Насера. Поскольку недоразумение невозможно было разрешить, руководство Фатах решило временно прекратить все переговоры с Шукейри и уполномоченными ООП.

Аль Фатах была вынуждена уступить структуре Ахмеда Шукейри первенство в организации широкого движения сопротивления. Однако Ясир Арафат поставил себе цель доказать, что он и его соратники в конечном счете могут быть более полезны палестинскому народу, чем зависимый от Насера Ахмед Шукейри. Однако Шукейри сумел укрепить свои позиции определенными достижениями. Он дал изгнанному палестинскому народу конституцию. Такой поступок должен быть по достоинству оценен в истории палестинского народа.

6. Основной закон палестинцев

Прежде всего Ахмед Шукейри поставил перед собой задачу дать определение понятию «палестинцы».

Он говорит об этом: «Я описал сущность палестинской общности. Я действовал по тем же правилам, что и инженер, который рисует план здания, со всеми его креплениями, размерами и деталями. Я писал, правил и менял последовательность статей, пока не сформулировал «Национальный манифест» и Основной закон ООП. Я мобилизовал весь свой опыт, накопленный по палестинскому вопросу на арабском и международном уровне, и связал с ним критику условий, в которых жил палестинский народ. Я не раз проводил две-три ночи над одной формулировкой. Я видел перед собой поколения палестинцев, которые между строк прочтут больше, чем говорят сами строки».

Необходимо подробное обсуждение манифеста, хотя Ясир Арафат и не является его автором. Однако до 1993 года этот манифест был обязательной хартией для каждого палестинского лидера. С этим не может не считаться и Арафат. Каждое изменение хартии должно было производиться и утверждаться в течение длительного демократического процесса в комиссиях ООП. Эта конституция палестинцев является той основой, на которой долгое время базируется работа Арафата. Он вынужден был приноравливать ее к политической необходимости. Из чтения статей манифеста становится понятно, с какими трудностями Арафату приходилось бороться в течение многих лет. Однако противопоставление различных подходов иллюстрирует постоянный рост влияния Аль Фатах. Так можно увидеть, что в 1964 году Аль Фатах еще не имела политического значения, — а в 1968 году Арафат уже был самым влиятельным человеком в палестинском движении.

Первоначальный смысл манифеста заключался прежде всего в том, чтобы объединить разные личности с различными взглядами внутри палестинского народа. Вначале предполагалось создать ООП из отдельных членов — лишь позднее, с ростом влияния на палестинцев Аль Фатах, организованной Арафатом, структура изменилась за счет включения партизанских групп. Так, впоследствии членом ООП стала группа Аль Фатах, а не Арафат и его сторонники как частные лица.

Шукейри и другие основатели ООП были едины в том, что Израиль не имеет права на существование. Примерно половина статей, сформулированных Ахмедом Шукейри, содержала это

требование: Израиль должен исчезнуть с географической карты. При этом избегали слова «ликвидация». Освобождение Палестины возможно только при условии «устранения сионизма в Израиле» — этот тезис был основополагающим в Палестинском манифесте.

Конституция не содержит даже попытки понять Израиль. Он исходит из абсолютного права палестинцев на территорию между средиземноморским побережьем и долиной Иордана. Возможные притязания еврейского населения Израиля, пусть они выросли только в последние годы, отвергаются даже без упоминания. В манифесте палестинцы предстают как защитники правовой точки зрения, а израильтяне олицетворяют несправедливость. То, что евреи исторически связаны с территорией вокруг Иерусалима, считается пустой отговоркой и ложным аргументом.

Статья 1 манифеста в редакции 1968 г. гласит: «Палестина является родиной арабско-палестинского народа. Она является неотъемлемой частью арабской метрополии. Палестинский народ является частью арабской нации».

Эта статья вводит понятие «арабско-палестинского народа». Гамаль Абдель Насер, который считал себя защитником притязаний палестинцев, всегда старался его избегать. Насер в основном использовал наименование «люди из Палестины» — он никогда не говорил о палестинском народе. Насер не был заинтересован в придании большего политического значения проблеме беженцев. Аморфную массу «беженцев» было легче держать в зависимости, чем народ с выраженным национальным самосознанием. Ахмед Шукейри же хотел заставить весь мир, который говорил только о. «палестинских беженцах», признать существование народа. В статье 1 манифеста палестинский национализм документирован в абсолютном виде.

Статья 2: «Палестина в границах, существовавших во времена британского мандата, является неделимой территорией, единством». До тех пор, пока эта статья имеет силу, она препятствует любому возможному делению Палестины на еврейскую и арабскую части. Подобное разделение было запланировано в 1947 году ООН. В тексте статьи умалчивается о государстве Израиль — о нем вообще ничего не говорится.

Статья 3: «Арабский палестинский народ имеет законное право на свою родину, а также право после освобождения своей страны определить свою судьбу по своему желанию и исключительно по своему усмотрению».

Тем самым утверждается, что лишь палестинцы имеют право считать родиной территорию между Средиземным морем и Иорданией. Этим однозначно устанавливается, что государство на этой территории должно носить палестинский характер.

Претензии евреев в расчет не принимаются. Они квалифицируются в комментариях к статье 3 как колониалисты, которые захватили Палестину по поручению империалистических кругов, которые следует искать преимущественно в США.

На эту концепцию ориентируется статья 4: «Палестинская идентичность является существенной и врожденной, неотрывной, характерной чертой. Она переносится с родителей на детей. Сионистская оккупация и рассеяние арабско-палестинского народа вследствие ударов судьбы, которые его постигли, не привели к тому, что этот народ утратил свою палестинскую идентичность и свою принадлежность к палестинской общности и тем более — к их отрицанию».

Тем самым затронута проблема государственного гражданства в будущей стране Палестине, которая должна возникнуть согласно представлениям Ахмеда Шукейри.

Многие палестинцы за прошедшие годы приняли гражданство гой страны, которая их приняла, если представлялась такая возможность. Палестинцы в Иордании воспользовались предложением короля оформить себе иорданские паспорта. Теперь им говорится, что возникающее палестинское освободительное движение не хочет отпускать их из единства палестинского народа. Они должны и дальше считаться палестинцами.

Статья 5: «Палестинцами считаются те арабские подданные, которые до 1947 года проживали в Палестине, независимо от того, были ли они оттуда изгнаны или остались там. Каждый ребенок палестинского отца, который родился позже — в Палестине или вне ее, — также является палестинцем».

В качестве рубежного намеренно выбран 1947 год, а не май 1948 года, когда истекал британский мандат и был основан Израиль. Вследствие неопределенного положения, которое возникло еще до создания еврейского государства, арабские семьи в конце 1947 года начали покидать Палестину. Статья 5 основного закона палестинцев признавала за ними право называть себя палестинцами.

Когда манифест был опубликован, *статья 6* вызвала в западном мире особое внимание правительственных и газетных обозревателей. Ее содержание и позднее дискутировалось в ООП. Статья б содержит только одно предложение: «Евреи, которые до начала сионистского вторжения имели в Палестине основное место жительства, считаются палестинцами».

Для этой статьи также важен вопрос о сроках, о рубежном годе, когда началось это «сионистское вторжение». Узкая интерпретация статьи 6 относит начало «сионистского

вторжения» к 1917 году: это год Бальфуровой декларации, которая обещала евреям «приют» в Палестине. Тот, кто прибыл в Палестину после этого года в качестве переселенца из Европы, не может считаться палестинцем. Эту точку зрения представлял уже Амин Аль Хусейни, великий муфтий Иерусалима.

Ахмед Шукейри, будучи юристом, рассматривал положение дел более дифференцированно: он предлагал считать евреев, которые прибыли в страну до 1947 года, законными гражданами Палестины. По его мнению, настоящее «сионистское вторжение» началось только с основанием государства Израиль. Только те евреи, которые прибыли в страну после 1947 года, должны быть высланы обратно в свои родные страны. Во всяком случае, статья 6 нацелена на уменьшение количества еврейского населения в области между Средиземным морем и Иорданом.

Статья 7: «Существование палестинской общности и ее материальная, духовная и историческая связь с Палестиной — неоспоримый факт. Национальной обязанностью является воспитание каждого палестинца в арабско-революционном духе. Все средства информации и воспитания должны быть направлены на то, чтобы как можно подробнее познакомить палестинца с его страной. Он должен быть подготовлен к вооруженной борьбе и к тому, чтобы пожертвовать имуществом и жизнью, чтобы вновь завоевать свою родину и добиться ее освобождения».

Формулировка, что палестинец должен быть готов к вооруженной борьбе, была включена в манифест лишь в 1968 году по настоянию боевых организаций, особенно Аль Фатах. К этому времени, после поражения 1967 года, большинство палестинцев поняли, что они не могут положиться на регулярные армии арабских государств и что только они сами могут изменить свою ситуацию — путем борьбы.

В следующую статью боевые организации также внесли свой боевой дух. Он чувствуется в конце статьи.

Статья 8: «Палестинский народ находится в настоящее время на исторической фазе национальной борьбы за освобождение Палестины. Тем самым конфликты между различными палестинскими национальными силами отступают на второй план и им должен быть положен конец вследствие принципиального противоречия, существующего между представителями сионизма и империализма с одной стороны — и арабско-палестинским народом с другой стороны. На этой основе палестинские массы, независимо от того, находятся ли они на национальной родине или в изгнании, образуют фронт, который борется за возвращение Палестины и ее освобождение силой оружия».

В годы после арабского поражения в Июньской войне 1967 года Арафат и его советники ужесточили текст основного закона палестинцев. В это время они настолько расширили свое влияние, что могли определять политическое направление в ООП. Так по желанию боевых организаций в манифест были добавлены *статьи 9 и 10:* «Вооруженная борьба является единственным путем освобождения Палестины. Поэтому речь идет о всеобъемлющей стратегии, а не о тактической фазе.

Арабско-палестинский народ настаивает на своей решимости продолжать эту вооруженную борьбу и совершить народную революцию, которая должна привести к освобождению его страны и возвращению в эту страну. Он также настаивает на своем праве на нормальную жизнь в Палестине и на осуществлении своего права на самоопределение и суверенитет в Палестине».

Эта статья годами стесняет политическую свободу действия руководства ООП. До тех пор, пока текст является обязательным, оно должно вести борьбу. Если Арафат захочет прибегнуть к политическому решению, то его сотрудники под предлогом ссылки на манифест могут ему в этом воспрепятствовать. Непримиримые в палестинском освободительном движении всегда могут сослаться и на статью 10:

> «Боевые акции находятся в центре внимания народной войны за освобождение Палестины. Эту активность следует расширять. Следует мобилизовать силы всего народа. Сюда относятся также духовные силы, которые нужно направить на вооруженную борьбу палестинской революции. При этом настоятельно необходимо установить взаимопонимание между различными группами народа. Важно также единство между палестинским народом и арабскими массами, чтобы обеспечить продолжение революции, ее расширение и победу».

Эти слова провозглашают народную войну, которая должна вестись всем палестинским народом. Однако и с других арабских государств не снимается обязанность участвовать в борьбе за Палестину — при этом намеренно говорится об «арабских массах», а не об арабских правительствах.

Статья 11 была уже в первой редакции конституции палестинцев. Из этого текста ООП заимствовала лозунги, которые включены в ее эмблему:

«Палестинцы руководствуются тремя основными принципами. Они гласят: национальное единство, национальная мобилизация и освобождение».

Первая фраза *статьи 12* — это поклон в сторону тогдашнего египетского президента Гамаля Абдель Насера. Однако следующие фразы четко устанавливают приоритет: хотя палестинцы и являются арабами, прежде всего они принадлежат собственному народу. «Палестинский народ верит в арабское единство. Чтобы внести свой вклад в общее дело, он должен на современной стадии борьбы отстаивать свою палестинскую идентичность и развивать глубокое ее осознание. Он должен отвергать любой план, который мог бы уничтожить или причинить ущерб этой идентичности».

Статья 13 пытается внести поправки в высказывание Насера о том, что освобождению Палестины должно предшествовать объединение арабов в единый блок держав: «Арабское единство и освобождение Палестины — это две взаимодополняющие цели, и достижение одной из них облегчает осуществление другой. Арабское единство ведет к освобождению Палестины, а освобождение Палестины ведет к арабскому единству. Деятельность по осуществлению одной цели сопутствует деятельности по осуществлению другой».

Статья 14 разъясняет роль палестинцев в решении проблем арабского мира: «Судьба арабской нации и совместное существование арабов зависят от судьбы палестинского народа. Из этой взаимозависимости вытекают деятельность и усилия арабского народа по освобождению Палестины. Палестинский народ играет роль авангарда при осуществлении этой священной национальной цели».

Статья 15 говорит о «национальной обязанности» отражения «сионистской и империалистической агрессии». Эту обязанность должна исполнять вся арабская нация: «Она должна оказывать населению Палестины всю мыслимую помощь, а также поддержку материальными и человеческими ресурсами».

Статья 16 дает обещание: «Освобождение Палестины принесет Священной земле с духовной точки зрения атмосферу надежности и спокойствия. Так будут защищены святые места страны. Доступ к ним будет свободен независимо от расы, цвета кожи, языка и религии. Чтобы достичь этого состояния, население Палестины ожидает поддержку духовных сил всего мира».

Статья 17 говорит о преимуществах ликвидации Израиля для палестинского народа и обращается ко всем прогрессивным силам мира: «Освобождение Палестины возвратит каждому отдельному палестинцу его достоинство, его гордость и его свободу. В соответствии с этим арабско-палестинский народ ждет поддержки от всех тех в мире, кто верит в человеческое достоинство и в человеческую свободу».

Статья 18 объявляет освобождение Палестины защитной акцией. Ожидается поддержка всех тех государств мира, которые любят свободу, справедливость и мир.

Статья 19 отрицает всякую законность государства Израиль: «Разделение Палестины в 1947 году и создание государства Израиль совершенно незаконны, несмотря на прошедшее с тех пор время, поскольку они противоречили воле палестинского населения и его естественным правам на родину. Разделение Палестины и основание государства были несовместимы с принципами ООН, особенно с правом на самоопределение».

Статья 20 объявляет Бальфурову декларацию недействительной. Однако важнее следующий момент: «Притязания евреев на историческую и религиозную связь с Палестиной не соответствуют историческим фактам». Это полностью противоречит мнению большинства граждан и политиков Израиля, что государство Израиль уже на основании исторически доказанного существования прежнего еврейского государства имеет право на существование и признание в наше время. Иудейство, как гласит статья, это только религия, а не понятие независимой нации: «Евреи не представляют собой единый народ с собственной идентичностью, а являются гражданами государств, к которым они относятся». Эта непреклонная позиция обосновывается в других документах ООП следующей аргументацией: «Арабы жили в Палестине дольше, чем евреи. Существование еврейских царств было недолгим. Тысячелетия сделали притязания евреев недействительными».

Статья 21 больше всего ограничивает политическую свободу действий Арафата. «Арабско-палестинский народ отвергает все решения, которые пытаются заменить полное освобождение Палестины, и отклоняет все предложения, нацеленные на ликвидацию палестинской проблемы или на интернационализацию».

Эта статья была включена в манифест после Июньской войны 1967 года. Ее сформулировали боевые организации. Тем самым они намеренно отрезали себе путь к возможному участию в мирных переговорах в Женеве или в другом месте. Эта статья объясняет те трудности, которые пришлось преодолевать Арафату и его советникам, когда ведущие арабские правительства принудили их к участию в международных конференциях по решению ближневосточной проблемы.

Статья 22 говорит о «расистской и фанатичной природе сионизма», что она — агрессивная, экспансионистская и колониалистская. Следующая статья развивает эту мысль: «Потребность в безопасности и мире, так же как потребность в

праве и справедливости заставляют все государства рассматривать сионизм как противоправное движение, запрещать его существование, чтобы сохранить дружественные отношения между народами».

В статье 24 в противовес всему плохому, что было высказано о государстве Израиль, выразительно подчеркивается воля палестинского народа уважать человеческое достоинство. Таким образом, конституция палестинцев возводит ближневосточный конфликт на уровень столкновения между добром и злом. ООП, как считает статья 25, борется за добро.

Статья 25 делает следующие выводы: «Для осуществления целей этой хартии и ее принципов Организация освобождения Палестины выполнит свою роль в освобождении Палестины».

В статье 26 ООП определяется как «представитель палестинской революции… Она ответственна в борьбе за обретение родины. Эта ответственность касается всех военных, политических и финансовых факторов».

Сотрудничество ООП со всеми арабскими государствами статьей 27 объявляется необходимым «в соответствии с имеющимися возможностями». Эта статья обязывает ООП проводить нейтральную политику в отношении арабских правительств: «ООП не будет вмешиваться во внутренние дела какого-либо арабского государства». Придерживалась ли сама ООП этого конституционного принципа в случае с Иорданией и Ливаном, является спорным.

Статья 28 в этой связи призывает арабские государства со своей стороны не пытаться оказывать влияние и давление на палестинский народ.

Право палестинского народа определять свое отношение к другим правительствам и державам на основании того, как велика их поддержка палестинского дела, отражено в статье 29.

Статья 30 относится к тому далекому времени, когда родина палестинцев будет завоевана и сможет стать государством: «Бойцы и участники освободительной войны составляют ядро народной армии, которая будет считаться оборонительной силой арабско-палестинского народа».

Статья 31 определяет, что освободительное формирование будет иметь «знамя, клятву верности и гимн».

Принципы построения освободительной организации должны быть изложены, согласно статье 32, в отдельной хартии. Эта статья отсылает к особому основному закону ООП.

Последняя статья фиксирует текст палестинского манифеста, невзирая на политические изменения в будущем: «Этот манифест может быть изменен только путем голосования двух третей всех

членов Организации освобождения Палестины. Для этого должно быть созвано специальное заседание».

Текст ясно говорит, что только большинство в две трети всех членов может принять решение об изменении, — а ни в коем случае не большинство в две трети присутствующих членов. Таким образом, необходимое изменение отдельных статей может производиться только путем тяжелой и рискованной процедуры.

7. Арафат не хочет больше ждать

Как только Ахмед Шукейри стал считаться бесспорным руководителем Организации освобождения Палестины, он попытался создать ее военное ответвление — Палестинскую освободительную армию (ПОА). Предварительный этап — создание опорной политической структуры — был пройден. Конституция определила цели палестинцев. Теперь должен был возникнуть военный инструмент.

В кругу Арафата господствовало мнение, что ПОА создана не для того, чтобы бороться против Израиля. Напротив, она предназначена для того, чтобы удержать молодых палестинцев от боев. Поскольку IIOA возникла под покровительством Гамаля Абдель Насера, то ее следовало рассматривать как инструмент египетского лидера. Она должна была служить его интересам. Если Насер уклонялся от конфликта с Израилем, то, естественно, шансы ПОА на вылазки через линию прекращения огня были малы.

Об этой явной зависимости молодые палестинцы в лагерях ничего не знали. Таким образом, велика была опасность, что многие жители лагерей запишутся членами и бойцами в ПОА, а не в Аль Фатах. О ПОА говорили, а об Аль Фагах еще нет.

Еще нужно было заявить о своем существовании. Хотя уровень организованности был все еще недостаточным, Арафат чувствовал, что нужно подать сигнал. На встрече руководства Фатах в Кувейте и Дамаске Арафату удалось одержать верх. Победил его аргумент, что Фатах не должна уступить поле деятельности Ахмеду Шукейри, блестящему оратору. Наконец, в Дамаске был определен срок для первых партизанских акций: 31 декабря 1964 года Аль Фатах должна была заявить о себе общественности.

Было запланировано четыре акции: с западного берега реки Иордан, из Ливана и из сектора Газа в Израиль должны были проникнуть коммандос, чтобы нанести там удары. Были выбраны объекты, связанные с работами по отводу воды из Иордана. Одна из групп, которая хотела вторгнуться с территории Ливана, была арестована ливанскими силами безопасности. Партизанская акция с территории сектора Газа также не состоялась, поскольку вмешалась египетская полиция. Через осведомителей ей стало известно, что некая группа, не относящаяся к ПОА, подготовила нападение. Подобных инициатив Насер допускать не собирался.

Две группы достигли своей цели: их взрывчатка сработала, но причинила незначительный вред. Тем не менее эти две группы

добились успеха — этим ударом Аль Фатах возвестила о своем существовании.

1 января 1965 года боевая организация опубликовала свое первое военное коммюнике, которое сообщило о двух удачных акциях. Ответственность за акции Аль Фатах приняла на себя под именем «Аль Ассифа» — штурм. Это название и в будущем использовалось для той части организации, которая занималась военными задачами.

Вербовка бойцов, которые должны были наносить удары внутри израильских границ, протекала вначале медленно. Ощущалось отсутствие идеализма. Многие молодые люди за риск перехода границы со взрывчаткой требовали денег. Большой приток в Аль Фатах начался значительно позже.

То, что вербовка молодых палестинцев проходила медленно, не мешало руководству боевой организации. Напротив: если бы появилось больше людей, Аль Фатах попала бы в затруднительное положение. Организация на этой стадии имела мало инструкторов. Вначале она должна была создать свою кадровую структуру. Тем не менее на этой ранней фазе своего развития Аль Фатах обратила на себя внимание благодаря своей активности.

В январе и феврале 1965 года бойцами Аль Фатах были разрушены водяные помпы, силосные склады и мосты. Вначале партизаны имели приказ щадить человеческие жизни, но уже в начале марта трое израильтян погибли при налете Аль Фатах на деревню Арад.

Израильские статистики приводят данные, что за весь 1965 год члены организации «Аль Ассифа» провели 31 боевую акцию. 27 акций было произведено с иорданской территории, четыре — с территории Ливана.

У Аль Фатах появились первые потери. Первым убитым в длинном списке жертв, которые пришлось понести палестинскому народу на службе в боевых организациях, стал Ахмед Муса. Он умер от выстрелов иорданских автоматов. Иорданцы перехватили его, когда он возвращался с оккупированной территории и мог уже чувствовать себя свободно.

У ответственных лиц в арабском мире боевые акции, проведенные Аль Фатах, не вызвали восторга. Египетский генерал Амер, который был тогда главнокомандующим Объединенными арабскими вооруженными силами, включавшими армии всех прифронтовых арабских государств, потребовал от государств вокруг Израиля, парализовать активность боевиков. Израиль подобными булавочными уколами, которыми они считали взрывы мостов и силосных складов, будет только спровоцирован на ответные удары, которые ослабят боеспособность и боеготовность

Аравии.

Ахмед Шукейри совершенно открыто от имени ООП осудил Фатах. Он даже сказал, что Аль Фатах следует назвать врагом палестинского народа, поскольку эта организация занимается распылением боеспособных сил.

После военного 1956 года израильская армия больше не проводила налетов на иорданскую территорию. Однако 27 мая 1965 года израильские вооруженные силы пересекли границу и атаковали базы Фатах в окрестностях Дженин и Калкилии. Этот ответный удар стал для иорданского правительства поводом для ареста членов Фатах. Вскоре более сотни членов организации сидели в тюрьмах короля Хусейна.

То, что в Аль Фатах иногда попадали мошенники, было неизбежно. Кое-кто, заинтересованный лишь в деньгах, зарывал в пограничных районах взрывчатку, которую ему доверили. Бывало, что такой человек на следующее утро возвращался и сообщал о подвигах, которые он совершил на вражеской территории. Достаточно часто Аль Фатах включала донесения таких мошенников в свои победные коммюнике, а затем ей приходилось мириться с тем, что Израиль объявлял организацию несуществующей. В некоторых случаях израильская пропаганда даже предъявляла фотографии якобы разрушенных объектов, которые показывали, что им вообще не нанесен ущерб.

В феврале 1966 года Ясир Арафат и некоторые ведущие члены руководства Фатах были арестованы в Дамаске. Сирийская тайная полиция в лице офицера Юсефа Ураби обвинила Арафата и других арестованных в том, что они отдали приказ расстрелять двух членов собственной организации, поскольку те протестовали против партизанских акций. Обвинение было серьезным.

Личность Арафата была в это время почти неизвестна руководству в Дамаске. Публичных выступлений он избегал, от общения с правящими кругами уклонялся. Впрочем, однажды, в 1965 году, он уже был арестован. Его обвиняли в налете на нефтепровод, который пересекает Сирию со стороны Саудовской Аравии в направлении средиземноморского побережья Ливана. Тогда Арафат был быстро выпущен на свободу. На этот раз он также недолго пробыл в тюрьме. Арафат оценил арест как попытку поставить Аль Фатах под контроль партии Баас, правящей в Сирии.

Отсутствие Арафата не остановило деятельность организации. Члены Фатах в Кувейте и в ФРГ держали бразды правления в своих руках.

Арафат, который к этому времени носил псевдоним «Рауф», сразу же после ареста хотел быть полезным своей организации в

Израиле, т. е. на вражеской территории. Нужно было показать пример мужества и готовности к действию. Однако тайная полиция Ливана невольно воспрепятствовала переходу через границу. В Ливане Арафат был обвинен в том, что он является агентом египетской тайной полиции и работает на Гамаля Абдель Насера. Подобное обвинение в Ливане было тогда равноценно обвинению в государственной измене. Прошло 8 лет после окончания гражданской войны, подстрекателями которой были сторонники Насера. Борьба была закончена с помощью американских морских пехотинцев. Победителями считались противники Насера. Они хотели предотвратить появление нового поколения насеристов. Арафата причислили к насеристам, поэтому он был арестован. Арест не имел ничего общего с тем, что Арафат хотел пересечь границу в сторону Израиля.

Ливанские власти не узнали подлинного имени Арафата. Однако освобождение произошло лишь тогда, когда Аль Фатах пригрозила налетами на Ливан. Так стало ясно, что арестованный был важным лицом в палестинском сопротивлении. Намерение самому попасть в Израиль так и осталось неосуществленным. Арафат вынужден был считаться с тем, что ливанское правительство сразу же сообщит свои сведения Израилю.

Арафата ждали другие задачи. Он и его советники вынуждены были признать: их мнение, что палестинская революция может действовать полностью независимо от других арабских движений, было ложным. Арафат понял, что бойцы Аль Фатах больше должны остерегаться братских государств, чем собственно врага. Гораздо больше членов Фатах сидело в арабских, чем в израильских тюрьмах. Для самого Арафата стала неожиданностью враждебная позиция правительств Дамаска, Каира и Бейрута. Пришло время самокритики: стремление сохранить свою независимость вызвало враждебность египетского режима. С наивной заносчивостью от сознания своей правоты руководство Фатах задело интересы других. После горького опыта нужно было преодолеть заблуждения. Вначале Арафат хотел объяснить египетскому президенту Насеру, что палестинское сопротивление в понимании Аль Фатах следует рассматривать как часть арабского движения за единство.

Арафата во время этой миссии сопровождал Фарук Каддуми, впоследствии он отвечал за внешнюю политику ООП. Оба палестинца были приняты Салахом Насром, руководителем египетской тайной полиции. Арафат и Каддуми испытали глубокое возмущение, когда выяснили, что Салах Наср пытался их подкупить. Причем не столько деньгами, сколько исключительным обслуживанием, начиная от размещения в

лучшем отеле «Омар Хайям» и кончая предоставлением женщин.

Ответственный за тайную полицию не собирался беседовать с палестинскими гостями о кооперации между египетским режимом и Аль Фатах — он хотел только собрать информацию. Он задавал вопросы, к ответу на которые Арафат и Каддуми были не готовы. Они уклонились от ответа на вопрос, являются ли они оба ответственными руководителями Аль Фатах. Арафат и Каддуми не почувствовали к собеседнику доверия. Тем не менее они предположили, что такой убежденный арабский националист, как Салах Наср, должен считать национальной обязанностью поддержку Аль Фатах. Даже если он не знает ее руководителей. Они не учли, что для Салаха Насра, человека из тайной полиции, облеченного доверием президента, только ООП, руководимая Ахмедом Шукейри, могла считаться представительством палестинского народа.

Вторая попытка Арафата прийти к соглашению с каирским правительством также потерпела неудачу. Во время этой второй попытки — она состоялась в конце 1966 года — партнером по переговорам был египетский министр обороны Шаме Бадран. Представители Фатах предложили, чтобы их организация создала в пустыне Негев базы коммандос, с которых направлялись бы налеты на цели в Израиле.

Министр обороны Насера отклонил это предложение, заметив, что египетское правительство не может иметь что-либо общее с организацией, руководители которой хотят остаться анонимными, т. е. снять с себя ответственность перед лицом предполагаемого союзника. Шаме Бадран не принял аргумента Арафата, что для каждого вооруженного революционного движения характерно, что его руководители находятся в подполье. В конце концов, и Гамаль Абдель Насер организовал египетскую революцию из подполья. Бадран хотел эту организацию держать под контролем. Если он не знал руководителей, то эта задача была невыполнимой.

Разумеется, сам Ясир Арафат давно мог быть идентифицирован египетской тайной полицией. Незабываемой была его деятельность в студенческих организациях палестинцев. Полиция Египта все еще видела в нем подрывной элемент, который подстрекал к протесту против руководства египетского правительства. Впрочем, египетская тайная полиция не верила, что Арафат — руководитель Аль Фатах. В Арафате видели только тайного агента, которого как знатока египетской политики прислали в Каир, чтобы установить контакты.

8. Горькое разочарование

Руководство Аль Фатах не хотело войны в июне 1967 года, поскольку оно было убеждено, что арабские армии и на этот раз не настолько сильны, чтобы нанести поражение Израилю. Это мнение было высказано в журнале «Фалестинуна». Здесь руководство Фатах ясно сказало, что арабские армии в настоящее время не в состоянии победить Израиль. Однако Арафат отдавал себе отчет в том, что акции коммандос, которые Аль Фатах проводил день за днем в Израиле, подготавливают обстановку для новой войны.

Арафат дал понять, что для обороны оснащены регулярные армии. Поэтому они должны быть готовы отражать удары израильских войск, которые регулярно производились после акций боевых организаций. Арафат рекомендовал правительствам Иордании, Сирии и Египта оборонительную военную концепцию. Однако арабские правительства, непосредственно затронутые конфликтом, видели опасность таким образом: если они предоставят палестинскому движению сопротивления свободу действий, то инициатива развязывания открытого конфликта с Израилем будет предоставлена этой организации. Однако подобная ситуация была несовместима с суверенитетом государств.

Поскольку структура Аль Фатах оставалась еще неизвестной, правительства возложили вину за неприемлемую для них ситуацию на ООП и ее руководителя Ахмеда Шукейри. Король Хусейн сформулировал их точку зрения следующим образом: «ООП — больше не освободительный фронт. Она попала под влияние коммунистов и стала сборищем элементов раздора, являющихся врагами арабского единства». Хусейн, как показывают его слова, не имел представления о действительных процессах в ООП и в Аль Фатах.

ООП и Аль Фатах не были одиноки. Возникли новые освободительные группы. Сирийская партия Баас хотела приобрести влияние на все движение боевиков: она основала и финансировала организацию, которая была ориентирована на линию правительства Дамаска. Если Фатах обязалась как можно меньше вмешиваться в дела существующих арабских правительств, то просирийски настроенная группа пропагандировала другой ее тезис: освобождение Палестины станет возможно лишь тогда, когда перед решающей схваткой будут свергнуты все «реакционные режимы» в государствах вокруг Израиля.

Прежде всего имелся в виду режим короля Хусейна в Иордании. Эта просирийски ориентированная организация хотела свергнуть короля. Гамаль Абдель Насер также использовал энтузиазм, который вспыхнул в эти месяцы. Палестинцы, заявившие себя его сторонниками, получили разрешение объединяться в группировки, чтобы подготовиться к партизанской войне. В действительности же Насер не собирался давать этим группам разрешение нарушать покой на линии прекращения огня. Его намерением было расколоть боевое движение и благодаря этому расколу получить контроль над его частью. Чем сильнее был раскол, тем сильнее мог стать Насер.

Болезнь распада на мелкие группы охватила боевое движение уже с самого начала. Следует отметить, что этот процесс был вызван не внутренними проблемами, а вмешательством извне. Если бы арабские режимы предоставили палестинское дело самим палестинцам, то всем арабам было бы лучше. Сплоченность палестинского движения могла бы предотвратить кровавые конфликты в Иордании и Ливане.

Однако палестинская военно-политическая организация подвергалась давлению различных интересов. Каждое арабское правительство, имевшее самостоятельную идеологию, хотело в конечном счете иметь собственную боевую структуру. Каждое правительство предъявляло требования на палестинцев.

Несмотря на все новообразования, имевшие целью составить Фатах конкуренцию в вербовке жителей лагерей в Иордании, Ливане и Сирии, Ясиру Арафату удалось увеличить популярность своей организации у палестинцев. Ему больше не приходилось жаловаться на недостаток в добровольцах.

Следовало предвидеть, что армия Израиля не будет в бездействии наблюдать за активностью Аль Фатах и ее конкурентов. Под лозунгом «Месть за террористические акты ООП» 13 ноября 1966 года израильские соединения в количестве четырех тысяч человек на джипах и танках ворвались в маленькую деревню Самоа, расположенную в 5 километрах от границы у дороги на Хеврон.

Об этом нападении израильтян король Хусейн сообщил: «Противник появился в 5.30 утра. Ему предшествовал артиллерийский обстрел. Израильтяне окружили деревню Самоа. Наши местные полицейские защищали дома. Боевиков ООП в Самоа не было.

Когда танки ворвались на улицы, израильские подрывники разрушили 46 домов и больницу. Был поврежден минарет деревенской мечети. В 6.15 прибыли 20 иорданских грузовиков и несколько бронированных боевых машин из Хеврона, чтобы

освободить Самоа. Однако дорога просматривается из деревни. Израильтяне, увидев наши машины, устроили засаду. Вмешалась наша авиация. Четыре боевые машины «Howker Hunter» хотели атаковать наземные войска, однако не смогли этого сделать, поскольку также были атакованы. Одна из наших машин рухнула на землю.

В 9.30 израильтяне отошли и пересекли границу. Их «карательная экспедиция» продолжалась четыре часа и стоила нам двадцати одного убитого и 37 раненых, не говоря уже о тяжелом материальном ущербе».

Хусейн жаловался после этого нападения, что главы арабских государств ему не сочувствуют. Наоборот, они предъявляют претензии: он должен был воспрепятствовать палестинским коммандос бороться с нападающими. Претензии вскоре переросли в требование, чтобы Хусейн вообще не дал коммандос выполнять их основную задачу — бороться с государством Израиль.

Король уполномочил своего премьер-министра Васфи Теля сделать следующее заявление: «Мы не потерпим самовольного просачивания боевых групп с нашей территории в сторону Израиля. Мы придерживаемся решений, принятых на трех арабских конференциях в верхах. Эти решения гласят, что каждая направленная против Израиля боевая акция перед ее проведением должна быть обязательно проконтролирована Объединенным арабским верховным командованием. Только оно уполномочено решать, соответствует ли предлагаемая операция общим интересам арабских стран. Однако Объединенное арабское верховное командование имеет указание избегать всего, что может дать Израилю предлог начать военные действия».

Для Арафата это заявление имело особое значение, т. к оно отнимало у руководства палестинских коммандос всякую самостоятельность в решении вопроса о том, нужно или нет проводить партизанскую акцию. От Объединенного арабского верховного командования требовалось заключение о допустимости боевой операции, которую хотел бы провести Ясир Арафат. А единственным критерием была возможная польза в общих интересах арабских стран. Палестинцы же при этом в расчет не принимались.

Палестинцы, активизированные членами Фатах и ООП, протестовали против такой точки зрения. В Иерусалиме, восточная часть которого тогда еще относилась к Иордании, происходили мощные демонстрации протеста палестинцев. Они требовали свободы действий для боевых организаций. Хусейн в конце ноября 1966 года был вынужден ввести в Иерусалиме

чрезвычайное положение.

Арафат озабоченно наблюдает, как возросла напряженность между Египтом и Израилем в первые месяцы 1967 года. Он не был заинтересован в начале войны, поскольку его организация еще не была оснащена для сопротивления израильскому врагу. Но Арафат не мог влиять на события. На воздушный бой между сирийской и израильской авиацией, который ясно продемонстрировал преимущество израильтян, Насер отреагировал резкими угрозами. В середине мая верховный главнокомандующий египетской армией объявил на территории Египта полную боевую готовность первой степени. В эти дни Гамаль Абдель Насер потребовал вывода вооруженных сил ООН, которые были размещены в демилитаризованной зоне Синайского полуострова.

Египетский президент заявил, что он должен иметь возможность беспрепятственно довести свои войска на Синайском полуострове до сектора Газа, чтобы в случае необходимости оказать помощь сирийцам, открыв второй фронт. 18 мая Генеральный секретарь ООН без предварительных консультаций с Советом Безопасности согласился на вывод войск ООН из демилитаризованной зоны. Уже 19 мая начался вывод этих контингентов.

Палестинские соединения ПОА заняли освобождаемые позиции. 22 мая Гамаль Абдель Насер выехал в инспекционную поездку на Синай. На следующий день он объявил о запрете израильским кораблям прохода по Красному морю. К этому времени король Хусейн решился на диалог с Насером для координации арабских вооруженных сил.

30 мая король Хусейн встретился с египетским президентом.

Хусейн сразу же выразил свое недовольство палестинскими партизанами. Насер согласился, что эту проблему следует основательно обсудить и приказал доставить на вертолете из сектора Газа тогдашнего шефа ООП Ахмеда Шукейри.

Встречу с Шукейри король описывает так: «Палестинец появился в вызывающе небрежном виде: без галстука, в открытой рубашке, в брюках хаки. Едва войдя в комнату, он устремился ко мне с протянутой рукой. Он сказал: «Я надеюсь после этого полететь в Иорданию, чтобы нанести Вам визит». Однако Насер перебил его: «Ты не потом полетишь в Иорданию, а уже сегодня, с Его величеством». Затем Насер сказал мне: «Вы можете взять Шукейри с собой. Если он причинит Вам неприятности, Вы можете просто запереть его в одну из Ваших башен. Так Вы снимете с меня эту проблему». Это был явный намек на постоянные утверждения Шукейри, что мы в Иордании будем

держать палестинцев в тюрьме и жестоко с ними обращаться».

Время Шукейри на посту председателя ООП подходило к концу. Когда 5 июня 1967 года началась открытая война между арабами и израильтянами, то этот человек, который часто предсказывал, что в следующей войне израильтян сбросят в море, замолчал.

О поведении Шукейри в решающие дни Хусейн сообщает: «Шукейри покинул иорданскую столицу Амман в субботу 3 июня, на этот раз на нем была форма в духе Мао. Он поехал в Иерусалим, где устроил пресс-конференцию и сделал одно из своих воинственных заявлений. В понедельник он был в главном штабе верховного главнокомандующего в Аммане. На этот раз в штатской одежде. Он оставался там до вечера и казался очень уверенным.

Днем позже, 6 июня, он внезапно выехал в Сирию. Он хотел просить правительство Дамаска предоставить нам больше помощи. Этот пункт не заслуживает ни слова комментария».

На второй день войны ее исход был предрешен. Арабам пришлось смириться с поражением, равным позору. Как горькое бесчестье воспринималось то, что весь мир смеялся над снимками и описанием бегства арабов. Победители опубликовали фотографии ботинок, оставшихся лежать в пустыне. В прилагаемом тексте рассказывалось о египетских солдатах, которые снимали эти ботинки, чтобы босиком быстрее бежать с фронта. Эти фото воспринимались мировой общественностью и самими арабами как символ арабского поражения.

Редко в новейшей истории столь внезапно обнаруживалось такое резкое противоречие между пропагандой и реальностью. Громкие слова, которые произносили перед войной Гамаль Абдель Насер и Ахмед Шукейри, сделали арабов в свете военных событий посмешищем.

Руководство Фатах настоятельно подчеркивало, что его члены вели себя не как трусы. Арафат, которого начало войны застало в Дамаске, попытался вместе с пятью сотнями партизан из тренировочного лагеря Хаме, находившегося вблизи сирийско-израильской границы, сдержать продвижение израильтян на сирийскую территорию. После окончания боевых действий Арафат вновь оказался в Дамаске. Покидая лагерь Хаме, он отдал приказ обучающимся там партизанам искать в районе боев, теперь занятом израильтянами, оружие, брошенное при бегстве сирийскими соединениями.

Заявление Насера об отставке 9 июня 1967 года Арафат воспринял психологически тяжело. Хотя основатели Аль Фатах никогда не находили взаимопонимания с египетским

президентом, однако они сохраняли к нему уважение как к символу арабского единства. Они считали непростительной ошибкой, что Насер почти без подготовки пустился на подобную военную авантюру. Однако они уважали его за то, что этот человек решился не признавать существование государства Израиль. Если Насер уходил в отставку, то арабы теряли образ отца, часто неудобный, но всегда необходимый. Отставка Насера удваивала победу Израиля.

В часы, последовавшие за решением Насера отказаться от политической борьбы, скорбь мешала принять решение о будущей политике партизанского движения.

Однако, как только стало известно о готовности Насера остаться на своем посту, люди вокруг Арафата очнулись от летаргии. Представители Аль Фатах собрались 12 июня в Дамаске. Признание поражения вызвало дискуссию. Довольно значительное число руководителей Фатах придерживалось мнения, что продолжение борьбы в данный момент не имеет смысла. Аль Фатах должна держаться в тени, уйти в подполье, пока арабские армии не будут реорганизованы.

Любой вид партизанской активности сейчас вызовет израильские удары возмездия, которым не смогут противостоять ни египетская, ни иорданская, ни сирийская армии. Если Аль Фатах поведет войну дальше, то это, естественно, вызовет конфликты с правительствами трех государств. Однако в этих конфликтах Аль Фатах будет побеждена как более слабая сторона.

Арафат опровергал это мнение. Его точка зрения: *«Если регулярные арабские армии признают свое поражение, то это их дело. Если мы не будем дальше бороться, то и мы признаем свое поражение. Палестинский народ, питавший надежду, будет нас презирать».*

Сотни тысяч этого народа вновь теряли корни. Те из них, кто после основания государства Израиль жил в поселениях в районах Иерихона, Хеврона и Набулуса, в массовом порядке переселялись на восток. Теперь они устраивали лагеря на восточном берегу Иордана. Молодые люди из рядов беженцев были теперь резервом для Аль Фатах. Однако их подготовка была бы напрасной, если бы их нельзя было использовать на оккупированных территориях.

Предварительным условием такого использования служила готовность палестинцев, которые не бежали, принимать и прятать у себя партизан с восточного берега Иордана. Предстояло выяснить, существовала ли вообще такая готовность после позорного поражения. 12 июня руководство Фатах приняло

решение, чтобы Арафат на месте проверил, как сказалась арабская неудача на настроениях людей, которые должны были теперь жить под израильским оккупационным контролем. Арафат взялся за это поручение. Он уже давно отстаивал тезис, что революционер должен чувствовать себя среди народа, за который он борется, как рыба в воде. Этот тезис не принадлежал ему, он заимствовал его из положений китайских революционеров. Теперь Арафату предстояло проверить, захочет ли палестинский народ быть жизненно важной опорой для революционеров.

Сообщения. Арафата, которые он посылал из оккупированных областей и из Израиля в Дамаск, звучали обнадеживающе: его хорошо приняли, он чувствует себя защищенным, он даже уже посетил свой родной город Иерусалим. Затем в сирийскую столицу к руководству Фатах поступил глубокий анализ, проделанный Арафатом. Арафат подвел итог: население оккупированного западного берега реки Иордан требует, чтобы Аль Фатах продолжала борьбу. Они не принимают пораженчества.

Оружие для возможного проведения партизанских акций имелось. Аль Фатах в недели, последовавшие за поражением, посылала партизанские группы не только в оккупированные районы Сирии, но и в Синайскую пустыню. За спинами оккупационных израильских войск они собрали все транспортабельные предметы вооружения, которые побросали бежавшие египтяне. Склады Фатах в Иордании и Сирии наполнялись автоматами, пулеметами и противотанковыми ракетами советского производства.

Непосредственно после бегства египтян бедуины оттащили на свои стоянки более тяжелое и ценное вооружение: орудия и реактивные противотанковые гранатометы, а также средства передвижения, брошенные из-за отсутствия бензина.

Все это предлагалось на продажу. Аль Фатах выкупила их на деньги, которые были получены из касс арабских нефтяных государств.

По совету Арафата, который в середине августа 1967 года вернулся из оккупированных областей, Аль Фатах 31 августа начала широкомасштабное партизанское наступление. Израильские солдаты, опьяненные успехом, стали небрежнее в охране линии прекращения огня. Поэтому инфильтрация в оккупированные области и в Израиль прошла удачно. Налеты и покушения быстро следовали одно за другим. Вред, который при этом наносился, был менее значителен, чем пропагандистский эффект: самим израильтянам пришлось признать, что борьба, очевидно, не окончена. Арабы увидели, что по крайней мере палестинцы не капитулировали.

Однако вскоре стала ощутима реакция израильских властей. Если кто-либо из жителей западного берега реки Иордан подозревался в поддержке партизан, то ему приходилось считаться с тем, что его дом будет взорван и он потеряет свое имущество. В течение нескольких дней после партизанского наступления и после ответного удара израильтян изменилась ситуация для членов Фатах, которые хотели активно действовать на оккупированной территории. Жители деревень потребовали, чтобы они исчезли. Люди боялись, что их будут подозревать в связях с партизанами.

В такой психологической обстановке израильской службе безопасности не составило труда разгромить ячейки Аль Фатах в районах Хеврона и Иерихона. После изменения обстановки анализ Арафата утратил свое значение: партизаны больше не могли чувствовать себя среди своего народа как «рыба в воде».

Тем не менее и дальше продолжали наноситься ощутимые удары: нападения на поселения в Галилее; была разрушена железнодорожная линия под Иерусалимом; был пущен под откос поезд под Беершебой. Израильская статистика только за первые два месяца 1968 года отметила 91 нападение различного значения.

9. «Караме» означает достоинство

Караме — это маленький городок в долине Иордана. Он находится там, где плодородная местность ***Я*** около библейской реки переходит в гористый ландшафт. Восточнее Караме высятся холмы, которые ограничивают Иорданскую долину. Из Караме видны также обрывистые скалы на западе от реки.

Дома в городе бетонированные или каменные, ни один не выше трех этажей. В Караме живут крестьяне, торговцы и ремесленники.

Когда израильтяне на западном берегу Иордана после 5 июня 1967 года разбили иорданскую армию, многие из тех палестинцев, кто еще цеплялся за клочок родной земли, покинули деревни и лагеря беженцев на западном берегу, чтобы искать убежища в окрестностях Караме. С тех пор эти палестинцы ютились в импровизированных домах, в хижинах из гофрированной стали, в палатках. В Караме лагерь примыкал к городу. Город вместе с лагерем образовал довольно значительное поселение. Здесь жило около тридцати тысяч человек.

В период после Июньской войны лагерь приобрел для ООП стратегическое значение. Иордан, линия прекращения огня, находится на расстоянии всего четырех километров. Из Караме в оккупированную область вторгаются ударные группы, чтобы нападать на деревни, армейские посты, взрывать мосты. Организация освобождения Палестины остается к этому времени единственной силой в Аравии, которая продолжает борьбу против Израиля после горького и позорного поражения. Караме стал важным центром этой борьбы.

Ясир Арафат живет в лагере Караме. В одном из домов временно находится его главный штаб, центр Аль Фатах. Впрочем, слова «главный штаб» создают неправильное представление — обстановка состоит из стола, стульев, телефона и радиопередатчика. Руководитель Фатах располагает лишь абсолютным минимумом средств управления; в любом случае, он придает мало значения удобствам.

В этот момент Арафат исходит из того, что его личность не должна быть известна общественности. У него имеются документы на разные имена и различную государственную принадлежность. Эти бумаги достали для него офицеры иракских войск, которые после официального окончания военных действий все еще находятся в Иордании в качестве союзников.

Арафат был удивлен, получив в начале марта 1968 года сообщение одного важного липа в иорданской контрразведке, что

израильская армия готовится к удару по важному опорному пункту Аль Фатах. Человек из тайной полиции короля просит о возможности встретиться с Арафатом, чтобы сообщить ему детали. До сих пор между правительством иорданского короля и боевой организацией вообще не существовало контактов.

Руководство Аль Фатах это время придерживается ошибочного мнения, что его состав неизвестен гражданским и военным властям Иордании. Арафат и его соратники обсуждают, имеет ли вообще смысл вступать в контакт с представителем режима. Будучи членами тайной революционной организации, они испытывают опасения. Они преодолевают психологический барьер и принимают человека из тайной полиции в лагере Караме. Иорданец сообщает, что его информация получена от американской тайной полиции. Ее можно интерпретировать только следующим образом: очевидно, израильтяне собираются уничтожить опорный пункт Аль Фатах в лагере Караме.

Человек из тайной полиция пришел к Арафату не самовольно. Ему поручено установить контакты между руководством Аль Фатах и начальником штаба иорданской армии, генералом Амером Хаммашем. Их встреча происходит в Аммане 18 марта 1968 года. Генерал Хаммаш проявляет исключительную осведомленность: ему известно, что израильская армия назначила срок налета, атака состоится в течение ближайших трех дней. Было бы лучше, если бы Аль Фатах воздержалась от участия в этом бою. Иорданская армия готова оказать нападающим жесткий прием. Предложение генерала таково: Аль Фатах должна убрать своих бойцов из лагеря Караме. Прежде всего следует позаботиться о том, чтобы главный штаб больше не оставался в опасной зоне.

Как бы ни была разумна эта точка зрения — ведь отряд боевиков не предназначен для боя на открытой местности, — Ясир Арафат не может ее принять. Он считает, что его бойцы не смогут примириться с тем, что при нападении врага они не смогут сами защищать свои дома и семьи.

Арафат говорит: *«Боевая организация потеряет свое лицо перед палестинским народом, если не будет противостоять этому вызову».* Аль Фатах хочет сохранить волю к сопротивлению Израилю. Она не может проявить трусость. Воодушевляемый своими командирами подразделений, Арафат организует оборону лагеря Караме.

На рассвете 21 марта израильские танки едут по мосту Алленби через Иордан. Тем самым они покидают пределы оккупированной территории и вступают в Восточную Иорданию. Продвижение танков сопровождают вертолеты. Следом движется

пехота. Семь-восемь тысяч солдат выполняют приказ: прорваться к Караме. Иорданская артиллерия ведет заградительный огонь, однако она не может воспрепятствовать развитию танковой атаки на восточном берегу Иордана. Израильтяне достигают лагеря Караме и начинают систематическое разрушение домов и хижин.

Бойцы Арафата отчаянно сражаются и наносят атакующие удары. Иорданская пехота не помогает им при защите города и лагеря. Она сконцентрирована на том, чтобы выбить израильтян из расположенной несколько южнее деревни Шуне. Шуне господствует над перекрестком, который представляет собой пересечение проезжих дорог в долине Иордана и важных магистралей в столицу Амман.

В первой половине дня израильские солдаты взорвали три четверти зданий в Караме. Число жертв среди мирного населения мало, поскольку члены семей после первых сигналов тревоги были эвакуированы. После 15 часов можно было наблюдать, как израильтяне вывозят раненых и пытаются транспортировать поврежденные машины. Они начинают подготовку к отходу. До наступления темноты происходит отвод транспорта, который пригоден к использованию. Когда ночь спускается на Иорданскую долину, на восточном берегу Иордана нет больше ни одного израильского солдата. Остались только мертвые в сожженных танках.

Хотя их лагерь разрушен и непригоден для проживания, люди Арафата празднуют, как будто они одержали победу. Их ликование повторяется почти везде в арабском мире. То, что израильтяне отошли назад, приписывается сопротивлению палестинцев — они изгнали врага. Униженные поражением 1967 года, арабы хватаются за эту психологическую «соломинку». Чтобы забыть свои беды, они позволяют увлечь себя восторгу. Как люди, для которых важна честь, они счастливы от исхода событий в Караме. Название города приобретает символическую силу — оно становится символом чести и достоинства арабов.

Заглядывая вперед, следует сказать, что воспоминание о 21 марта 1968 года с течением времени претерпело существенные изменения. Если первую годовщину боевики отмечали как неоспоримую победу Аль Фатах, то уже год спустя иорданская армия приписывала победу себе, даже не упоминая ожесточенную борьбу за Караме палестинских бойцов.

Спустя два дня после битвы Арафат принимает участие в церемонии погребения павших на кладбище под городом Амманом. 16 гробов несут по улицам. Из лагерей прибыли люди, чтобы почтить убитых. Аль Фатах впервые показывает, что в иорданской столице, прямо перед резиденцией короля Хусейна,

она может вывести массы на улицу для демонстрации. Аль Фатах при этом также демонстрирует, что у нее есть кадры военных полицейских, которые могут поддерживать порядок.

Демонстранты выкрикивают «Ассифа — ассифа — ассифа» — «Штурм — штурм — штурм». Похороны кажутся не скорбным торжеством, а скорее стихийным актом национального подъема. Бой за Караме внес свою лепту в изменение сознания беженцев: в этот день палестинский народ познал самого себя.

25 марта человек — ему около 40 лет — сидит за столом в сильно разрушенной больнице Аль Фатах в Караме и делает заявление. Он небрит, на нем куртка цвета хаки и черно-белый головной платок. Он говорит: *«Этот бой был только началом. Мы вынуждены бороться, потому что нам никто не хочет помогать. Ни великие державы, ни ООН ничего не предпринимают для нас, палестинцев. Мы настроены на долгую войну, на народную войну. Мы рассчитываем на нее. Наша цель проста; чтобы приблизиться к ней, мы должны поднять на ноги общественность и встряхнуть арабский мир. Его совесть нужно разбудить. Разумеется, одни мы не можем победить, пусть даже успех 21 марта наполняет нас гордостью. Почти 15 часов мы сражались одни. Те, у кого было оружие, должны были бы нам помочь. Если не получится иначе, мы вынудим арабские правительства нам помогать!»*

Вокруг палестинца стоят люди в защитных костюмах. У них на груди или в руках автоматы Калашникова. Они с уважением смотрят на человека, который разъясняет ситуацию после решающего дня. Они согласно кивают, когда он говорит о том, что их цель «человечная». Еще часто в последующие годы этот человек будет говорить о человеческом праве палестинцев на борьбу.

На столе перед человеком рядом с пепельницей лежит автомат. Прикурив сигарету, он говорит: *«В сущности, мы хотим мира. Израильтяне хотят войны. Они изгоняют нас с нашей родной земли. Война израильтян имеет систему, и она не является открытием 1967 года. Она длится уже долго. Конца не видно. Но мы знаем, как выглядит конец. Мы вновь будем жить в Палестине. Мы будем там жить вместе с евреями. Со всеми, кто нас принимает. Палестина принадлежит также давно живущим там евреям. Они имеют такое же право жить там, как и мы. Против евреев я ничего не имею.*

Но сионисты — они ведут себя как фашисты. Что они получили от того, что разрушили этот госпиталь? Они полностью уничтожили лагерь на тридцать тысяч беженцев. Они хотят, чтобы мы оставались народом беженцев. Здесь, в Иордании, мы не дома. Дело не в удостоверениях на право

жительства и паспортах.

Быть дома означает: чувствовать себя в безопасности. Там, на оккупированной территории, я чувствую себя иногда безопаснее, чем здесь, просто потому, что я там родился. Это в какой-то степени чувство физического контакта с землей, на которой вырос».

Человек в куртке цвета хаки, в палестинском платке, размышляет в этот день вслух о будущем, о шансе возродить Палестину согласно своим представлениям: «Народная война может длиться пятьдесят лет. Это короткий срок, если вспомнить, что мусульманам пришлось бороться двести лет, прежде чем они разрушили государство крестоносцев в Иерусалиме.

Нельзя не видеть параллели с тем временем. Государство крестоносцев было плацдармом христианского империализма. Израиль — это плацдарм капиталистического империализма. Плацдармы — это такие образования, которые чужды окружающему их миру и в конце концов будут уничтожены. Только никто не знает, как долго продлится этот процесс.

Поскольку срок неизвестен, я считаю бессмысленным размышлять сегодня о том, какое государственное устройство будет потом в нашей Палестине. Прежде чем решать, как организовать государство, нужно воспитать народ. Мы только начинаем эту работу. Воспитание народа в конечном счете будет нашим важнейшим оружием». Человек, говорящий эти слова, все еще боится гласности. Бойцы называют его Абу Амар. В действительности это Арафат.

Впервые в этот день я слышу, как араб требует, чтобы ближневосточная нефть использовалась как орудие давления на западные индустриальные державы, чтобы они больше учитывали интересы арабов. Арафат говорит: *«Мы нуждаемся в доверии европейцев и американцев. Они, в свою очередь, нуждаются в нашей нефти. Мы предлагаем нефть в обмен на доверие».*

Он предлагает сделку. О «нефти как оружии» Арафат еще не говорит.

В течение недель до и после боя под Караме Арафат — несомненный лидер Аль Фатах. Однако организация все еще подчеркивает свою особенность: в ней существует коллегиальное управление. Когда несколько недель спустя после решающего 21 марта 1968 года, дня Караме, кое-кто со стороны начал претендовать на звание военного командира всей организации, тогда один из основателей Аль Фатах, Абу Аяд, решается открыто объявить о лидерстве Арафата в этой боевой организации. Тем самым всему миру было заявлено, что главой Аль Фатах является Арафат. Однако он еще долгое время не был руководителем ООП.

10. Предшественники Арафата в руководстве ООП

Когда Ахмед Шукейри — человек, который слишком много хвастал — больше не мог оставаться руководителем Организации освобождения Палестины, поскольку во время войны стала слишком очевидной его несостоятельность, организация выбрала своим руководителем Яхья Хаммуду. Он был адвокатом, человеком умственного труда. Он чувствовал себя политическим поверенным. В марте 1968 года я его посетил.

Его бюро выглядит как простая адвокатская контора. Оно находится на первом этаже обычного здания на северных холмах иорданской столицы Амман. Яхья Хаммуда сидит за своим столом. Он бледен, выглядит отекшим; ему, по-видимому, нет еще 60 лет. На вопросы он отвечает, в том числе и по-английски, с красноречием практикующего юриста. О себе он говорит, что уже давно принимает участие в борьбе палестинцев против еврейского государства, — впрочем, не в боевых акциях коммандос, а скорее выступлениями, устными и печатными.

Свое объяснение современной ситуации на Ближнем Востоке он начинает издалека. Он говорит: «С 1917 года продолжается агрессия в нашем регионе. Начало положила Бальфурова декларация. Тогда Англия обещала нашу землю евреям, только чтобы они интенсивнее участвовали в первой мировой войне. Тогда в Палестине жило семьсот пятьдесят тысяч человек, из них лишь пятьдесят тысяч евреев. Остальные были в основном мусульмане. Евреи, будучи меньшинством, жили в основном в окрестностях Иерусалима. Еврейские анклавы, рассеянные по стране, охватывали менее полпроцента общей территории Палестины.

Мы и раньше, и теперь готовы жить вместе с евреями, но мы сопротивлялись созданию национального государства евреев на нашей земле. Долгое время англичане говорили лишь о религиозном убежище для евреев, которые избежали преследования Третьего рейха. Тогда мы были согласны. Но терпеть на своей земле еврейское государство мы не будем!»

Яхья Хаммуда обвиняет англичан в двойной игре: «Когда в 1947 году было принято решение ООН о разделении Палестины, в ней жило, согласно официальной статистике ООН, более четырехсот тысяч евреев. Они прибыли на нашу землю с разрешения англичан. К этому времени в Палестине насчитывалось на тысячу больше евреев, чем мусульман. Но эта

статистика наверняка была фальсифицирована.

В любом случае Израиль был создан с помощью англичан, на нашей земле, на гробах наших предков, в наших городах. Почему мы должны терпеть это еврейское государство? Ведь оно в последние годы стало орудием империализма, который стремится к нашей нефти. Нужно ликвидировать это империалистическое государство!»

Руководитель ООП явно дистанцируется от тех высказываний, которые сделал Ахмед Шукейри перед Июньской, войной 1967 года. Яхья Хаммуда считает: «Мы никого не сбросим в море, если еврейское государство прекратит свое существование. Евреи, которые теперь осели в Израиле, могут остаться, если они примут палестинское гражданство. Мы не собираемся никого искоренять. Мы не отказываем ни одному отдельному человеку и ни одной семье в праве создать себе на нашей земле свою личную родину. Однако тем, кто захочет вернуться в страну своего рождения, никто не будет препятствовать. Мы позаботимся и о том, чтобы смогли вернуться обратно и те, кто прибыл из арабской страны».

Яхья Хаммуда говорит, что он является членом Организации освобождения Палестины примерно с Июньской войны 1967 года. Он информирует о своем положении в организации: «Я занял место Ахмеда Шукейри как руководитель исполкома ООП». Из его слов можно понять, что не обошлось без нападок: «Я не утвержден в должности Национальным советом. Я не знаю, буду ли я утвержден».

О возможных конкурентах Яхья Хаммуда говорить не хочет. На вопрос об ответственных лицах организации Аль Фатах, приобретшей известность, Хаммуда отвечает уклончиво: «Аль Фатах относится к нам, ООП. Мы — крыша всех групп, которые принимают активное участие в борьбе против Израиля». Хаммуда признается, что не знает руководителей Аль Фатах: «Я знаю только, что они живут в Каире и в Дамаске».

Это звучит несколько пренебрежительно: кто находится в Каире и в Дамаске, тот далек от места столкновений, которые происходят на границах Израиля и на иордано-израильской линии прекращения огня. Неясно, действительно ли временно назначенный руководитель ООП не знает основателя Аль Фатах Ясира Арафата.

Прощальные слова Хаммуды в этот день: «Собственно говоря, мы, арабы, не воины. Мы не любим войну — если нас оставят в покое, тогда мы и других оставим в покое. Это относится даже к королю Хусейну. Если он нам не будет мешать, то и мы его не тронем».

Для Арафата, руководителя Аль Фатах, точка зрения этого человека непереносима. Уже при Ахмеде Шукейри ООП была превращена в дискуссионный клуб, который не слишком способствовал борьбе с Израилем. Яхья Хаммуда продолжает эту линию. Шукейри из-за своего бахвальства вызвал недоверие к организации. Хаммуда же, по мнению Арафата, превращает ее в посмешище своей адвокатской болтовней, за которой не следуют действия. Арафат не получает от ООП поддержки, чтобы расширить Аль Фатах. Хаммуда уже к этому времени наверняка видит в Арафате конкурента, который собирается стать лидером ООП.

В палестинских лагерях в это время происходит изменение настроений. До 21 марта 1968 года чувствовалась лишь безнадежность. Тогда на улицах лагерей были в основном старики. Исполненные разочарования, они предавались воспоминаниям о Палестине — без надежды когда-нибудь снова увидеть свою родину. Возможно, впечатление, что это одни старики, было неверным — возможно, молодые выглядели уже как старики. Такое обманчивое впечатление было особенно вероятно в зимние месяцы, когда люди, полностью закутанные в пальто и платки, ходят под дождем, который льет в Иордании с декабря по февраль. Дороги в лагерях тогда раскисают по щиколотку.

Бездеятельность подавляла. Основным занятием было просто стояние в очереди за чем-нибудь. Возможности для этого появлялись каждый день. Стояли, чтобы ухватить паек риса, муки и мыла, чтобы получить небольшую материальную поддержку. Необходимость часто стоять в очереди воспринималась как унижение. Мужчины никогда не стояли с охотой — теперь они заранее посылали жен, поскольку им нужно было время для дискуссий. У них появилась тема для разговоров, которая их крайне интересует: внезапный подъем Аль Фатах и ее руководителя, которого одни называют Абу Амар, а другие — Ясир Арафат.

Если в лагере Бекаа заговорить с женщинами, то можно почувствовать кажущийся странным энтузиазм. Ни одна мать не имеет ничего против того, чтобы ее сыновья проходили подготовку в Аль Фатах. Тот, кто сомневается в смысле действий этой боевой группы, молчит об этом. Женщины, в основном, с большим пылом говорят о том, что наконец-то палестинцы взяли свою судьбу в собственные руки. Они больше не будут зависеть от благосклонности или враждебности других арабских государств. И это чудо совершила Аль Фатах.

Отклик, вызванный битвой в Караме в арабских странах,

побуждает некоторых глав государств, которые прежде поддерживали отношения только с ООП, дать понять руководству Аль Фатах, что они заинтересованы в переговорах. Гамаль Абдель Насер принимает двух соратников Арафата, несмотря на предостережения египетской тайной полиции, которая пыталась внушить президенту, что эта группа планирует его убийство. Ею руководит Арафат, завзятый смутьян. У египетского президента была убедительная причина для контакта с Аль Фатах — организацией, которая выдержала военное противостояние. Для Насера, верховного главнокомандующего египетской армии, был важен опыт обращения с советским огнестрельным оружием, приобретенный Аль Фатах во время боя за лагерь Караме. Больше всего его интересовали результаты попадания боевых гранат нового типа.

Однако Насера интересовала также политическая ориентация Аль Фатах. Его очень волновал вопрос, собрала ли эта организация значительные коммунистические силы или, возможно, экстремистские религиозные элементы — мусульмански х братьев. В обеих группировках — и в коммунистической, и мусульманских братьев — Насер по праву видел своих врагов. Ответ палестинцев гласил, что они в первую очередь националисты на службе своего собственного народа. При этом они подчеркивали, что так же, как и Гамаль Абдель Насер, никогда не теряли веры в единство арабского народа. Насер принимает этот ответ.

Однако сотрудники Арафата знают, что египетский президент втайне совсем недавно питал надежду полностью подчинить своему влиянию боевую организацию с помощью основанной им группы. Однако эти планы так и не были осуществлены.

Насер пообещал оказать помощь в подготовке кадров Аль Фатах. Он выразил желание познакомиться с Арафатом. Насер сказал, что денег он организации дать не может, финансированием должны заниматься более богатые арабские государства.

Король Саудовской Аравии Фейсал проявил великодушие: он признал, что у хорошо зарабатывающих палестинцев, которые работают в королевстве, взимаются пожертвования в пользу Аль Фатах — он пообещал удвоить сумму, складывающуюся за счет этих взносов, из кассы Саудовской Аравии. Таким образом, палестинцы получили возможность существенно увеличить финансовый фонд Аль Фатах.

Однако Фейсал не сумел скрыть озабоченности по поводу политической ориентации боевой группы: король ничего не имеет

против исламистски-религиозного направления.

Но он считает, что целый ряд марксистов нашли прибежище в структурах, ответственных за идеологию. Королю не нравится слишком тесный контакт организации с египетскими правительственными кругами. Причиной тому является резко негативное отношение монарха к Насеру, который действительно неоднократно пытался свергнуть династию саудовцев.

Совет Фейсала Арафату: «Не позволяйте арабским правительствам помыкать собой». Несмотря на нежелание финансировать коммунистов, сам король готов к безусловной поддержке Аль Фатах — он не ставит Арафату никаких условий в его политическом поведении.

11. Арафат становится президентом ООП

Популярность у широких масс и признание некоторыми ведущими главами арабских государств дает Аль Фатах возможность выдвинуть своего представителя для руководства ООП. Для продвижения кандидатуры необходимо, чтобы активные боевые организации вместе имели большинство в Палестинском национальном собрании. Следует оттеснить представителей знатных семейств; политизированных граждан типа Яхьи Хамму ды следует заменить людьми с революционной хваткой.

Изменение настроения в лагерях позволяет переменить власть. Так как растет надежда, что теперь палестинцы смогут сами внести вклад в улучшение своего положения, то особой популярностью пользуются люди, которые говорят о боевых акциях и партизанской войне. Преимущество заранее имеет тот, кто говорит на языке бойцов. Таким образом, ситуация благоприятствует тому, чтобы побудить некоторых прежних представителей в Палестинском национальном собрании к отказу от своего места в пользу более молодых кандидатов.

Изменения в психологии выбивают политическую почву из-под ног преемника Шукейри Яхьи Хаммуды. Неспособный понять, что прежние заслуги в революционном движении не идут в счет, Хаммуда обвиняет испорченные нравы. Он возлагает вину на молодых людей из окружения Арафата. Хаммуда не может понять, что основная тенденция — действие, что слова уже мало значат.

Четвертый Палестинский национальный конгресс, проходящий в Каире в июле 1968 года, принимает как основной принцип: вооруженная борьба — это единственное средство освобождения Палестины. Тем самым палестинский парламент принимает фактически линию Арафата. Национальный конгресс больше не будет дискуссионным клубом. На парламент возлагается задача контролировать палестинских лидеров, полностью ли они отдают свои силы делу борьбы.

Аль Фатах смогла добиться такого поворота, поскольку активные боевые организации тем временем завоевали почти половину мест в парламенте. Делегаты избираются после трудного процесса, который предусматривает выборы в лагерях палестинцев и на оккупированной территории. ООП подчеркивает, что — несмотря на проблемы выборов у народа-

беженца, — следует соблюдать правила демократии. До февраля следующего года заканчивается жестко проводимое преобразование парламента: Аль Фатах и связанные с ней боевые группы имеют реальное большинство.

Перевыборы исполкома также приводят к преобразованию этого органа, который в конце концов выбирает руководителя Фатах Ясира Арафата президентом ООП. Арафат принимает этот пост, сознавая, как он говорит, что перед ним стоит тяжелая задача.

Организация, которой теперь руководит Арафат, является объединением с собственной конституцией; она ограничивает права председателя. Чтобы оценить позицию Арафата, необходимо обратиться к этой конституции. Она принята 17 июля 1968 года Национальным конгрессом палестинцев. Текст (с незначительными сокращениями) гласит следующее:

Глава I. Общие принципы:

Статья 1: Палестинцы в соответствии с положениями данной конституции организуются в объединение, которое должно называться Организацией освобождения Палестины.

Статья 2: Организация освобождения Палестины будет выполнять свои обязательства в соответствии с принципами Национального манифеста, с положениями Конституции палестинцев.

Статья 3: Структуру организации определяют задачи борьбы и деятельности в национальных интересах. Различные уровни от основы организации до ее коллективного руководства должны сотрудничать на основе следующих принципов: меньшинство подчиняется большинству; доверие населения достигается путем убеждения; целью организации является вооруженная борьба. Должно быть обеспечено продолжение этой борьбы и постоянное ее расширение, пока не будет достигнута победа.

Статья 4: Все палестинцы являются естественными членами Организации освобождения Палестины. Они выполняют свою обязанность по борьбе за освобождение страны в соответствии со своими способностями. Палестинский народ является основой организации.

Глава II. Национальный конгресс:

Статья 5: Члены Национального конгресса избираются палестинским народом путем прямых выборов по системе, установленной Исполнительным комитетом.

Статья 6:

а) Национальный конгресс является высшим органом освободительной организации. Он определяет основные направления политики и программу организации.

б) Иерусалим является резиденцией Организации освобождения Палестины.

Статья 7: Если между выборами одно или несколько мест в Национальном конгрессе освободятся, то собрание назначает представителей для занятия свободных мест.

Статья 8: Национальный конгресс избирается сроком на три года и созывается своим президентом каждые шесть месяцев. Возможны дополнительные заседания, если президент Исполкома или четверть членов конгресса сочтут их необходимыми.

Национальный конгресс собирается в Иерусалиме, в Газе или, в зависимости от обстоятельств, в другом месте.

Статья 9: Национальный конгресс возглавляет президент, которому помогают два вице-президента и секретарь. Они избираются Национальным конгрессом.

Статья 10: На регулярных заседаниях Национальный конгресс, кроме прочего, должен решать следующие задачи:

а) заслушивание годового отчета по результатам деятельности организации. Он представляется Исполкомом;

б) распределение бюджета и проверка национального фонда;

в) рассмотрение предложений Исполкома.

Статья 11: Национальный конгресс создает комиссии. Они представляют сообщения и рекомендации.

Статья 12: Национальный конгресс правомочен, если присутствует две трети его членов. Решения принимаются вотумом большинства присутствующих.

Глава III. Исполком:

Статья 13:

а) Все члены Исполкома избираются Национальным конгрессом. Они являются членами Национального конгресса.

б) Исполком сам избирает своего председателя.

Статья 14: Исполком состоит из 11 членов. В их число входит председатель наблюдательного совета Палестинского национального фонда.

Статья 15: Исполком является высшим исполнительным органом организации. Он действует постоянно. Его члены заняты исключительно работой в комитете. Он отвечает за проведение политической линии и программ, принятых Национальным конгрессом. Исполком подотчетен Национальному конгрессу.

Статья 16: Исполком ответствен за:

а) представительство палестинского народа;

б) контроль за примкнувшими организациями;

в) принятие распоряжений и указаний;

г) проведение финансовой политики и составление проекта бюджета. В общем и целом Исполком несет полную

ответственность за освободительную организацию в соответствии с общей политикой и резолюциями, принятыми Национальным конгрессом.

Статья 17: Постоянный штаб Исполкома находится в Иерусалиме. Однако он имеет право проводить свои заседания в любом другом месте, которое сочтет необходимым. Исполком организует следующие управления:

а) по вопросам обороны;

б) по работе полиции и тайной полиции;

в) по Палестинскому национальному фонду;

г) по исследованию палестинской истории и современности;

д) по административным вопросам.

Каждое управление имеет генерального директора и необходимый рабочий персонал.

Статья 18: Исполком устанавливает контакты между организацией и всеми арабскими государствами, организациями и группировками, которые признают цели палестинцев или помогают при реализации этих целей. Исполком ответствен также за международные контакты.

Статья 20: Исполком несет ответственность, пока он пользуется доверием Национального конгресса. Исполком вручает вновь избранному Национальному конгрессу на его первом заседании прошение об отставке, включающее всех членов Исполкома. Затем Исполком должен быть избран заново.

Статья 21: Исполком правомочен при наличии двух третей его членов. Решения принимаются большинством присутствующих.

Глава IV. Общие положения:

Статья 22: Организация освобождения Палестины формирует армию из палестинцев. Она называется Палестинская освободительная армия и имеет независимое верховное командование, которое находится под контролем Исполкома и исполняет его директивы.

Статья 23: Исполком направляет палестинцев в арабские военные академии.

Статья 24: Палестинский национальный фонд учрежден, чтобы финансировать деятельность организации. Этот фонд управляется наблюдательным советом. Решения по его деятельности принимает Национальный конгресс.

Статья 25: Палестинский национальный фонд формируется из следующих источников:

а) налог для палестинцев;

б) финансовая помощь арабских правительств и арабской нации;

в) продажа «марок свободы», которые выпускаются арабскими государствами для почтового обращения;

г) пожертвования;

д) займы и кредиты арабских стран и дружественных наций и народов.

Статья 26: «Комитеты в поддержку Палестины» создаются в арабских и дружественных странах, чтобы собирать взносы и поддерживать организацию.

Статья 27: Исполком определяет, в каких арабских и международных органах должен быть представлен палестинский народ. Исполком назначает представителя Палестины в Арабской лиге.

Статья 28: Исполком издает распоряжения для исполнения этой конституции.

Статья 29: Национальный конгресс может изменять или дополнять данную конституцию большинством в две трети голосов.

Этот документ показывает, что ООП придает большое значение демократическому характеру структуры организации. Ответственность закреплена — причем при контроле используются демократические формы. Ясир Арафат избран председателем Исполкома, но может быть не переизбран на следующий срок.

Через несколько дней после избрания Арафата, во время поездки на джипе на базу в долине Иордана, человек из Фатах говорит мне: «Этот Арафат не должен много болтать языком, как его предшественники. Он должен заботиться, чтобы нас, бойцов, становилось больше, чтобы мы получили оружие. Если он забудет об этих задачах, мы его скинем!»

12. «Амман должен стать Сайгоном палестинцев»

Ясир Арафат, даже когда он чувствовал себя в Аммане могущественным человеком, никогда не собирался стать главой государства Иордания. В те месяцы, после боя под Караме, когда росла популярность ООП, Арафат представлял следующую точку зрения: *«Если мы, палестинцы, сейчас представляющие собой большинство населения в Иордании, возьмем в свои руки власть в этом государстве, то тем самым мы дадим правительству Израиля повод удержать Палестину, поскольку палестинцы уже владеют Иорданией. Наша родина — Палестина, а не Иордания».*

Король должен был оставаться тем, кто он есть, — первым человеком арабского королевства. Однако Арафат ожидал, что Хусейн создаст такие политические условия, которые бы дозволяли боевикам любые действия, какие они сочтут необходимыми. Король Хусейн в качестве покровителя палестинцев — таково было идеальное представление Арафата о порядке в королевстве. При этом руководитель боевиков не принимал в расчет зависимость от Хусейна в политическом отношении, высшим требованием для него оставалась самостоятельность Организации освобождения Палестины.

Члены Фатах настаивали на этом требовании, но федаины других групп не хотели его признавать. При посещениях штабов небольших организаций весной 1970 года мне часто объясняли, что «в Иордании нужно устранить олигархию; Хусейн, лакей Запада, должен быть изгнан в США». Чем меньше была группа, тем агрессивнее формулировала она свою идеологию, тем нетерпимее она относилась к монархии.

Четырнадцать боевых организаций заявляли в это время о своей борьбе за дело палестинцев. Аль Фатах была, безусловно, самой сильной, но ей никак не удавалось поглотить конкурентов. Политические и военные карлики достаточно часто вообще не проявляли никакого уважения к Аль Фатах и авторитету Ясира Арафата. Если он пытался найти возможность соглашения с королем, то они поставили себе целью саботировать подобное соглашение.

Та политически взрывоопасная смесь, которая заключалась в многообразии групп, была для Арафата еще одной причиной не думать о смещении короля Хусейна. Он мог предвидеть последствия подобного переворота: если бы монархия была

свергнута, то организации боевиков начали бы борьбу за власть в Аммане. Арафат хотел избежать такой братоубийственной схватки — то, что именно благодаря этой, казалось бы, мудрой позиции он вызвал гражданскую войну в Иордании, он смог понять лишь в конце 1970 года.

После окончания арабской конференции на высшем уровне в Рабате, 8 января, король заявил, что Иордания никогда не заключит сепаратный мир с Израилем. Арафат был доволен этим категорическим заявлением, поскольку ему было ясно, что Иордания и дальше будет оставаться важнейшей базой для действий боевиков.

Однако руководители марксистски ориентированных групп подвергли слова монарха сомнению. Хусейн дал понять, что он оскорблен тем, что задета его честь как главы арабского государства. Он взял на себя обязательства — и они заслуживают доверия.

Палестинскому вождю Найефу Хаватме однозначность заявления короля казалась признаком того, что Хусейн исподтишка все же уже начал переговоры с Израилем о сепаратном мире. Члены «Демократического народного фронта освобождения Палестины» под идеологическим руководством Хаватме начали задевать иорданские силы безопасности и оскорблять их, именуя «послушными подстилками своего короля-предателя». Они вызывающе носили свои автоматы Калашникова на плече прямо в центре Аммана. На предупреждения военных патрулей, что необходимо оставлять оружие в лагерях, эти люди часто отвечали направленными выстрелами.

Сам Арафат в эти месяцы был озабочен сохранением хороших отношений с армией. Он особенно старался завоевать на свою сторону офицеров палестинского происхождения. Тогда можно было часто услышать от молодых лейтенантов на линии прекращения огня в долине Иордана: «Наши федаины продолжают борьбу на оккупированной территории». В их словах слышна была гордость. Подобные настроения не могли нравиться королю.

11 февраля Хусейн выпустил правительственное постановление, одиннадцать пунктов которого должны были регулировать поведение боевиков в городе Аммане. Стремясь вернуть безопасность улицам города, король ясно и четко запретил ношение оружия. Другие пункты гласили: бойцы должны иметь при себе удостоверения своей организации; средства передвижения боевой организации должны быть зарегистрированы у иорданских властей.

Необходимость отныне регистрировать свои транспортные

средства вызвала возмущение среди боевиков. До сих пор они просто рисовали свои опознавательные знали на лендроверах и грузовиках. Они были озабочены тем, что официальная регистрация даст иорданским силам безопасности возможность контролировать передвижение их машин. Некоторые руководители боевиков считали, что партизаны не могут ездить на машинах со служебными номерами при подготовке и проведении своих акций. Ясир Арафат не мог высказать свое мнение о королевском указе, поскольку в это время был в Москве.

Самый влиятельный человек в ООП привык, что в поездках принимающая сторона встречает его как государственного деятеля, а то и как главу государства. Лишь советское правительство не доставило ему этого удовольствия. Официально оно вообще не выступало принимающей стороной, предоставив эту роль Комитету солидарности со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Советские политики, с которыми удалось встретиться Ясиру Арафату, и словами, и поведением показывали, что они не слишком высокого мнения о его боевой организации. Они открыто высказывали свое мнение: «На военное противостояние Израилю способны только регулярные арабские армии. На булавочные уколы ООП Израиль будет отвечать ударами возмездия, которые затронут не палестинцев, а потенциал арабских государств. Если ООП проявит ум, то она удовлетворится ролью политической организации». К досаде Арафата, иногда срывались и злые слова об «играх в индейцев», которыми занимается ООП. После его возвращения из Москвы я спросил Арафата, который пытался скрыть свое дурное настроение, как он был принят советским правительством. Его ответ: *«В Москве 20 градусов мороза — но снег тем не менее был теплым!»*

Перед органами Аль Фатах и ООП Арафат мог отчитаться лишь о довольно скудных результатах своей поездки в Москву. Во время обсуждения его не щадили. Его обвиняли в недостаточной силе убеждения. Просто смешно вернуться с обещанием, что могучий Советский Союз пришлет медикаменты и перевязочный материал. Руководство ООП ожидало, что Арафат убедит ведущих советских политиков, что в их интересах снабдить освободительное движение палестинцев тяжелыми гранатометами и современными ракетами.

Резкая критика результатов поездки объясняется также — хотя это и нельзя было предусмотреть заранее — неудачным временем пребывания в Москве: именно в эти февральские дни боевики в Аммане протестовали против распоряжения

правительства Хусейна. Милиция Фатах из лагеря беженцев Джебель Вахдат напала на отделение полиции. Аль Фатах и иорданские власти умалчивали о количестве убитых. Критики Арафата считали, что этого инцидента можно было бы избежать, если бы руководитель Аль Фатах находился в это время в Аммане, вместо того чтобы безрезультатно ездить в Москву.

Король Хусейн проявил понимание положения палестинских партизан. Непосредственно после нападения на полицейский участок он был готов ответить на вопросы. Инцидент, как он заявил, не вдаваясь в подробности, был «недоразумением». Указ правительства вообще не был направлен против палестинцев, он скорее имел всеобщий характер, кроме того, он временно приостановлен.

На прямой вопрос, кому же в действительности принадлежит власть в Аммане, последовал ответ: «Власть палестинцев — это наша власть, а наша власть — это власть палестинцев. Мы же все федаины!»

Эти события — по всей видимости, на пользу палестинцам — после прибытия Арафата в Амман закончились. Указ правительства на практике не исполнялся: федаины продолжали носить оружие в Аммане, а авторитет короля упал. Это падение авторитета монарха проявлялось и за пределами города, среди бедуинов. 20 февраля Хусейн был приглашен — с соблюдением традиционных формул вежливости — двумястами шейхами бедуинов выслушать их гневную отповедь; они представляли около двадцати пяти тысяч человек.

Встреча состоялась южнее Аммана, в пустыне. Шейхи бедуинов высказали свое возмущение «притязаниями» палестинцев, которые вели себя, как хозяева Иордании. От имени шейхов выступал глава рода Шакер; он потребовал, чтобы король восстановил свой авторитет в стране. В противостоянии «монархия против анархии» Хусейн всегда может рассчитывать на поддержку родов.

Арафат не воспринял серьезно признаки надвигающейся беды. Ведь король уступил, и по настоянию ООП было даже переформировано иорданское правительство. Он считал, что Амман станет Сайгоном палестинцев, надежным трамплином для действий на занятой территории.

У Арафата все больше складывалось убеждение, что точное копирование вьетнамской боевой тактики должно гарантировать успех в партизанской войне против Израиля. Чтобы изучить опыт вьетнамцев, непосредственно после неудачной поездки в Москву, в конце февраля 1970 года, Арафат отправился в северовьетнамский город Ханой. Наглядным урокам Вьетконга

должна была предшествовать встреча в Пекине.

Отношения с Китаем казались не отягощенными грузом прошлого. Пекинские власти всегда выражали симпатии Аль Фатах. Уже с 1966 года Арафат смог договориться о помощи оружием, пусть и в ограниченном масштабе. С 1968 года члены Фатах проходили в Китае подготовку к партизанской войне.

До 1 мая 1969 года Китай уже поставил ООП оружия на сумму почти десять миллионов немецких марок. Последний транспорт с оружием был выгружен в апреле в иракском порту Басра. СССР протестовал против готовности иракского правительства быть посредником между Китаем и ООП. От правительства Багдада настоятельно потребовали отправить оружие обратно в Китай. Однако ООП удалось мобилизовать своих сторонников в иракской столице и в Басре. Демонстрациями им удалось добиться дальнейшей транспортировки оружия из Басры в Амман.

В феврале 1970 года Арафат отправился в Пекин. Полет возможен был только обходными путями, так как королевство Иордания, в настоящее время страна пребывания Арафата, поддерживало очень хорошие отношения с республикой Тайвань и вследствие этого относилось к странам, не признающим режим в Пекине.

Вначале Арафат летит в Карачи. Чтобы его не узнали в пакистанском аэропорту, он надел гражданский костюм. На голове его на этот раз не традиционный палестинский головной платок — Арафат надел фетровую шляпу. Тем не менее его присутствие не остается в тайне, поскольку ливийский премьер-министр Абдель Салам Яллуд также находится на пути в Пекин. Яллуд узнает и приветствует Арафата. Игра в маски закончена.

Этот краткий визит можно было считать реакцией на равнодушный, даже отклоняющий прием руководителя боевиков московским руководством. В Пекине Арафат был принят Чжоу Эньлаем, который совершенно не отреагировал на то, что ООП старалась установить хорошие отношения с Москвой. Арафат был озабочен, поскольку идеологические разногласия между Москвой и Пекином начались уже давно — дружба с одной стороной могла повлечь за собой конфликт с другой. Чжоу Эньлай сказал Арафату: «Вы представляете национально-освободительное движение, и понятно, что Вы пытаетесь найти поддержку там, где Вы сможете ее получить». В Пекине Арафат получил обещание, что Китай и дальше будет снабжать ООП оружием и оказывать помощь в подготовке военного руководства.

В Ханое Арафат был принят легендарным генералом Гиапом, который подготовился к приему исламских гостей, читая Коран.

Гиап процитировал слова Магомета о том, что сила необходима, когда врагу хотят дать отпор. Арафата, который в Аммане все время подчеркивал, что автомат Калашникова приведет к победе, его более опытный собеседник предостерег: «Нельзя однозначно сказать, что власть зависит от оружия. Разумеется, автомат нужен, но для победы его одного недостаточно. Нужны еще пушки, ракеты, бомбардировщики. Нужно все военное оборудование, которым враг также располагает».

Генерал Гиап прежде всего хотел разрушить иллюзию, что боевые теории Вьетконга и учение Мао можно без изменений применять к ситуации палестинцев: «Вьетнамцы и палестинцы, разумеется, имеют много общего, как народы с одинаковой судьбой. Но у нас в нашей борьбе есть преимущества, которых вы не имеете. В отличие от палестинцев, которые должны бороться в окружении, настроенном к ним враждебно, у нас есть дружественный тыл — китайское государство, которое своими просторами предоставляет нам неоценимые стратегические возможности.

Сюда следует добавить разнообразную поддержку со стороны социалистических стран. Кроме того, предпосылкой для успешного исхода народной войны являются еще три фактора: современное вооружение, мобилизующая сила идеологии и организация, которая может мобилизовать и направлять массы».

Мао в годы своей борьбы выработал тезис, что революционер должен жить среди остального населения, «как рыба в воде», т. е. вода несет ее сама и защищает ее. Генерал Гиап не верит утверждению, что палестинский борец, тоже революционер, живет среди населения занятой территории «как рыба в воде».

Арафату пришлось услышать, что успех зависит также от того, удастся ли сплотить идеологически различные и противостоящие друг другу организации в единую.

Генералу Гиапу нужно было объединить под своим командованием коммунистов, христиан, мусульман и буддистов. Он не терпел рядом с собой никаких командиров — таков был его простой рецепт. Руководителю ООП Гиап рекомендовал лишать власти конкурентов, командиров небольших организаций. Арафат уже до поездки в Китай решил унифицировать всю ООП и верховное командование. Генерал Гиап укрепил его в этом намерении.

К единому командованию всеми группами федаинов его подталкивал также ливийский президент Моаммар Каддафи. Он пригрозил сокращением ассигнований, если партизаны не найдут в себе сил для преодоления внутренних идеологических споров. Каддафи передал Арафату, что он не принимает того, что боевые

организации впустую растрачивают свою энергию в дискуссиях, которые ничего общего не имеют с основной задачей — борьбой против Израиля. ООП должна, наконец, дать почувствовать противнику всю свою боевую силу.

Сам Арафат этой весной оценивал расстановку сил следующим образом: из почти тридцати тысяч вооруженных людей только тысяча занята тем, что планирует или проводит боевые акции и налеты. Арафат признал, что на вооружении у тридцати тысяч человек только шесть тысяч автоматов тяжелого калибра: 70 процентов этого оружия находится в Аммане «для защиты палестинской революции».

Аль Фатах, родная организация Ясира Арафата, была вынуждена для поддержания порядка в Аммане вывести значительную часть своих вооруженных сил из долины Иордана, от демаркационной линии с Израилем. Насколько своевременной оказалась эта мера предосторожности, выяснилось 15 апреля 1970 года. После официального сообщения о прибытии в Амман замминистра иностранных дел США Джозефа Сиско мелкие организации левой ориентации дали приказ проводить в центре столицы демонстрации против ближневосточной политики США. В течение нескольких часов собралась толпа в несколько тысяч человек, прибывших из лагерей: люди, эмоции которых выливались в акты насилия. Немногочисленные роскошные модные магазины иорданской столицы были разграблены и подожжены. Американский культурный центр также был сожжен. Слышались призывы сжечь и американское посольство. Организаторы марша протеста не могли или не хотели остановить стремление к насилию. Начали проявлять себя самые радикальные элементы среди палестинцев.

Арафат почувствовал опасность: можно было предвидеть, что толпа в своей жажде разрушения сожжет американское посольство, а затем наступит очередь королевского дворца. Ведь в конце концов именно король пригласил Джозефа Сиско в Амман. Если поток демонстрантов устремится к королевскому дворцу, то неминуема жестокая конфронтация с иорданской армией. Защищая дворец и короля, солдаты-бедуины будут стрелять в толпу.

Тем самым не осталось бы ни малейшего шанса на сотрудничество и разделение полномочий между Хусейном и Арафатом. Чтобы сохранить этот шанс, Ясир Арафат послал в город соединения, уже выполнявшие раньше функции военной полиции. Они отогнали толпу от ворот посольства США, блокировали демонстрантам дорогу и удержали разъяренные массы вдали от дворца.

Через несколько дней руководство ООП подвергло критике приказ Арафата своим отрядам по поддержанию порядка, чтобы они взяли на себя функции иорданских сил безопасности. Аргументы критиков: Хусейн недавно воспрепятствовал тому, чтобы федаины с территории Иордании обстреляли израильский порт Эйлат. Поэтому соединения ООП не обязаны защищать дворец короля. Один из представителей Народного фронта освобождения Палестины даже подкрепил эту критику утверждением, что американские тайные службы вступили в сговор с иорданским правительством и самим королем Хусейном против боевой организации и поставили себе целью убийство Арафата.

Народный фронт потребовал прекращения всяких контактов с иорданским монархом. Однако на Ясира Арафата разоблачения Народного фронта не произвели впечатления.

То, что все палестинские организации находятся на неверном пути, Арафат понял 5 июня 1970 года. В этот день в четвертый раз отмечалось начало Июньской войны. ООП призвала к проведению 5 июня всеобщей забастовки на оккупированных Израилем территориях. Владельцы магазинов не должны были их открывать; палестинские работники израильских фирм должны были в этот день отказаться от работы. ООП выдвинула лозунг, что солидарность каждого и всех бастующих вместе убережет их от репрессий. Хотя радиостанция боевиков постоянно и настойчиво повторяла призывы, хотя удалось распространить на занятых территориях множество листовок, резонанс был незначительным. Лишь немногие торговцы в этот день не открыли свои магазины, лишь немногие рабочие остались дома.

Арафат вынужден был признать, что он неправильно оценил настроение масс в городах и деревнях западнее Иордана. Его поразила апатия мужчин и женщин Иерихона, Набулуса, Хеврона и восточной части Иерусалима. Арафат жил раньше на занятой территории, он считал, что там у него друзья; он считал, что палестинцы, над которыми властвуют израильтяне, мечтают о свободе. И вот появился повод для впечатляющей демонстрации против оккупационных властей — и никто не воспользовался им.

Борьба ООП казалась бессмысленной, если те, кто жил на родине, потеряли к ней интерес. Лозунг, что Палестина будет завоевана с помощью опорной базы — Аммана, внезапно потерял свой притягательный блеск.

Причина такого изменения настроения была неизвестна. Однако Арафат поставил резонный вопрос: не отвернулись ли палестинцы Иерихона, Набулуса, Хеврона и Восточного Иерусалима от ООП потому, что они были отрицательно

настроены по отношению к боевым организациям, призывающим к внутренней войне. Настроены против подстрекательства людей в Иордании в отношении короля Хусейна — в конце концов, до 1967 года он был и их правителем.

Лишь через два дня после позорного провала призывов ко всеобщей забастовке король вернулся в Амман из дворца западнее столицы. Поскольку он должен проезжать область, контролируемую палестинцами, его сопровождает колонна броневиков и 60 человек лейб-гвардии. У заправки на развилке дорог у Сувейлеха колонна обстреливается. Королю приходится выпрыгнуть из еще движущейся машины в канаву; он остается невредимым. Однако сорок человек его лейб-гвардии погибли. Водитель Хусейна также мертв. Оставшиеся в живых спасают своего монарха и отвозят его в Амман.

Арафат воспринимает как личное поражение то, что палестинцы на родине не откликнулись на призывы ООП. Он считает, что доверие людей на западном берегу Иордана можно вернуть только путем соглашения с Хусейном. Он поздравляет короля со спасением от наемных убийц. Эти убийцы, говорится в поздравительной телеграмме Арафата, принадлежат к врагам палестинской революции.

Однако в этот же день радиостанция палестинцев призывает офицеров и солдат иорданской армии присоединяться к федаинам, чтобы «предъявить счет предателю Хусейну за его преступления в отношении палестинского народа». Несмотря на эту провокацию, которую Арафат не мог предотвратить, поскольку радиостанция работает в Дамаске, руководителю ООП вновь удается получить согласие короля на соглашение, предоставляющее ООП суверенитет в лагерях и дающее право ношения оружия вне лагерей. То, что это соглашение не имеет реальной перспективы, ясно и Арафату. Ведь в последние минуты беседы король упрекает его, что в это же время группа вооруженных палестинцев напала на первого секретаря посольства США в Аммане — он направлялся на вечерний прием — и похитила его.

Немного позднее становится известно, что заместитель американского военного атташе убит в своей квартире на окраине Аммана — его застрелили федаины из боевой организации. Они хотели дать сигнал к борьбе против тесных связей Иордании и США. В Аммане ходили слухи о подготовке американцев вместе с элитными войсками Хусейна к подавлению палестинского освободительного движения.

Марксистские группы боевых организаций подогревали эмоции масс в лагерях поношением США вплоть до взрыва

ярости, которую уже невозможно было удержать. Жертвами ее становятся филиалы американских банков в столице: их окна и световые рекламы разбиты камнями и выстрелами. Те, кто известны своими тесными связями с дипломатическим персоналом США, должны опасаться за свою жизнь.

Причиной антиамериканской агитации являются не только слухи о сотрудничестве американских и иорданских военных, но и признаки политического «заговора против интересов палестинского народа». Подобные слухи возникают из-за неясных сообщений, скорее, намеков, что американское правительство готовит инициативу по Ближнему Востоку, которая потребует от арабов перемирия. 25 июня министр иностранных дел Уильям Роджерс подтверждает, что он разрабатывает предложения по политическим шагам, которые могли бы стать предварительным этапом для достижения мира — однако от уточнения деталей он уклонился.

Через несколько часов стал известен смысл инициативы: от Израиля требуется освободить занятые территории, от арабов — признать Израиль. Обе стороны должны по крайней мере на несколько недель, установить перемирие, чтобы создать атмосферу, подходящую для переговоров.

Предложение перемирия, которого так боялись руководители палестинских организаций — уже заранее окрестив его «заговором», — стало теперь фактором политической реальности. То, что арабские правительства согласятся на это предложение, Арафат в данный момент исключает. Однако ему предстоит жестокое разочарование.

В четверг 23 июля 1970 года Гамаль Абдель Насер выступает в актовом зале Каирского университета на открытии Национального конгресса правящей партии Арабского социалистического союза. Два с половиной часа длится речь президента государства — 120 минут понадобилось на этот раз Насеру для изложения ставшей рутиной истории конфликта между Израилем и арабами. Примечательно, что текст речи не содержит обычных нападок на США. Насер, который в последние месяцы именовал США всегда «врагом номер один арабов», произносит на этот раз слова «Америка» без оттенка горечи в голосе. Делегаты Национального конгресса в большинстве зевают — речь продолжается далеко за полночь — и не замечают, что в заключение Насер и говорит о самом главном.

Он говорит, что согласен на мирную инициативу американского министра иностранных дел Роджерса. Он смягчает сенсационный характер сообщения, добавив, что каждый шанс к миру должен быть использован, даже если такая попытка с почти

абсолютной вероятностью не даст результата. Гамаль Абдель Насер в этот ночной час прекращает войну на износ против Израиля. Суэцкий канал вскоре перестанет быть фронтом. Перемирие должно вступить в силу 7 августа 1970 года в 24 часа.

Теперь выясняется, что справедливыми были все слухи, которые так возбуждающе подействовали на членов левых палестинских групп. Хассанейн Хейкал, который предварительно проработал многие из решений Насера, говорит мне 12 августа: «С начала июня мы находились в контакте с США. Мы вели все переговоры в максимальной тайне. Я думаю, для Арафата было неожиданностью то, что мы поддержали инициативу Роджерса. Арафату мы тоже не имели права ничего говорить».

«Абдель Насер, трус и собака!» — скандируют группы из тысяч людей, собранных подстрекателями. Более ста тысяч человек толпятся на площади между домами, которые Аль Фатах сняла в Аммане и превратила в главный штаб. О стены домов разбивается крик: «Абдель Насер, трус и собака!»

Ясир Арафат знает, что все палестинцы — а не только те, кто ждет его на площади перед его главным штабом, — хотят от него узнать, как сможет выжить палестинская революция, брошенная своим лучшим другом, египетским президентом. То, что Насер относился к ООП скептически — это тайна, известная лишь руководству. О том, что Насер хочет использовать ООП как инструмент своей политики, в широком кругу не говорилось. Лишь немногие могли поверить в то, что это действительно позиция Насера. В конечном счете палестинцы были убеждены, что имеют право на поддержку всеми политическими силами Аравии.

Теперь наступил час разочарования. Массы не могут понять, что такой государственный деятель, как Гамаль Абдель Насер, ставит собственные интересы и благополучие своей страны выше, чем борьбу за жизненные права палестинцев. Перемирие на Суэцком фронте, как понимает Арафат, означает конец надежды на четко фиксированную боевую коалицию между египетским правительством и ООП. Арафат вынужден сказать массам, что партнерство с Насером окончено. Он знает и разделяет опасения слушателей, что конец этого партнерства побудит короля Хусейна нанести удар по ООП в Иордании.

С жестом победителя, с высоко поднятыми руками, сложив два пальца знаком «V» — победа, — Арафат выходит на балкон главного штаба. Выкрики замолкают. Арафат медленно начинает говорить. Он ни словом не обвиняет Гамаля Абдель Насера. Он описывает разрыв с Египтом: *«Даже между кровными братьями бывают недоразумения. Мы одиноки, но и в одиночку мы завоюем*

победу палестинской революции». Слышатся жидкие аплодисменты. Число аплодирующих к концу речи становится еще меньше, поскольку Арафат углубляется в примеры из греческой истории — он говорит о героической борьбе Леонида против персов в Фермопильском ущелье в 480 году до рождества Христова. Пример должен доказать, что даже борьба в безвыходном положении, если оказывать упорное сопротивление, может привести к победе. Никто не знает истории Греции.

Редко Арафат настолько неверно оценивал способность восприятия своих сторонников. Они сворачивают в трубку свои транспаранты, которые призывают к «борьбе против империализма». Они возвращаются в лагеря группами, без дискуссий, почти ничего не говоря. Они растеряны. Они ведут себя, как болельщики команды, которая проиграла.

Через несколько дней замолкает мощная радиостанция палестинцев в Египте. Руководители станции решились назвать Гамаля Абдель Насера предателем.

Хасанейн Хейкал, ответственный за информационную политику в Египте, хотел сохранить эту радиостанцию. Он предостерегал Абу Лутуфа, который был в это время представителем ООП в Каире: «Вы можете нападать на инициативу Роджера, но не подобает называть предателями арабских государственных деятелей, которые действуют по велению своей совести». Два дня спустя Хейкал уже не может вмешаться в защиту палестинцев, поскольку Гамаль Абдель Насер лично распорядился закрыть радиостанцию. Его тайная полиция расшифровала радиограмму, которая из Аммана была передана руководству станции. Сообщение гласит: «Не поддаваться давлению. Вы можете словесно нападать на тех, на кого вы всегда считали нужным нападать».

Ясир Арафат в течение последующих дней попадает в трудную психологическую ситуацию: он начинает понимать египетского президента, но не может донести это понимание до людей в своем штабе или до массы своих сторонников.

Насер дает ему понять, почему он поддержал инициативу Роджера. Обоснование Насера: с помощью Советского Союза Египет собирается установить ракетную преграду между зоной Суэцкого канала и жизненно важными центрами в дельте Нила. До тех пор, пока израильтяне сохраняют превосходство в воздухе, невозможны построение действенной системы защиты и подготовка наступления в направлении Синая. Ракетная преграда станет щитом, за которым Египет сможет вооружиться для войны.

Насер дает Арафату понять, что перемирие необходимо для ударной силы Египта. Оно создаст предпосылку для новой и, как

можно надеяться, успешной войны. Насер не говорит, что к этому моменту он отдал генералу Фаузи приказ разработать планы наступления египетской армии через Суэцкий канал вплоть до перевалов Синайских гор.

Насер лично дал кодовое наименование этому наступлению; оно называется «Гранит 1».

От друзей, которые работают в египетском Генеральном штабе, Арафат узнает о подготовке к войне. Он признает, что Насер не может одновременно вести «войну на износ» на Суэцком канале и подготавливать действенное наступление. Но и эти сведения он не может разглашать.

13. Арафат вовлекается в гражданскую войну

«Амман станет кладбищем для всех, кто покушается на палестинскую революцию!» Эту угрозу Ясир Арафат высказывает 16 августа 1970 года. Можно предположить, что Арафат сам не убежден в своем прогнозе, поскольку он знает подлинную расстановку сил в конфронтации между армией и ООП. Его слушатели — молодые рекруты Аль Фатах, которые прошли первую ступень подготовки.

Арафат говорит им, что от них потребуются жертвы, что предстоит борьба: «Король Хусейн, прислужник империалистов, разместил вокруг Аммана четыре бригады, которые ждут приказа к штурму города». Он заканчивает свою речь оптимистическими словами, которые он уже произносил во время этих напряженных дней: «Как нельзя задержать руками свет солнца, так нельзя сдержать палестинскую революцию».

Молодые люди, которых более сотни, клянутся отдать свою жизнь за Палестину. Крик «Ассифа — ассифа — ассифа» раздается над площадью в центре лагеря палестинцев на холме Вахдат над Амманом: «Штурм — штурм — штурм!»

Арафат, который хотел избежать гражданской войны за столицу Иордании, чувствует, что король Хусейн полон решимости вырвать свою столицу Амман из рук боевиков. У него есть информация о приказе третьей иорданской танковой бригаде занять позиции севернее города. В офицерском корпусе 3-й танковой бригады нет палестинцев; он состоит исключительно из выходцев из бедуинских родов. Арафат знает, что офицеры-бедуины будут заставлять своих солдат вести беспощадный бой. Он говорит о том, что персонал третьей танковой бригады был подвергнут американскими военными советниками особой идеологической и психологической тренировке.

Важнейшая цель руководителя ООП — нейтрализовать эту бригаду. Его боевики и милиция недостаточно боеспособны, чтобы осуществить эту нейтрализацию — лишь готовность моторизованных регулярных войск бороться за дело палестинцев может заставить короля Хусейна не использовать свое элитное подразделение. Ирак разместил подобное соединение на территории Иордании.

Поскольку в прошедшие недели иракское правительство заявляло о своих симпатиях к ООП, Арафат летит 19 августа в Багдад, полный надежд, что президент Ахмед Хасан аль Бакр

переподчинит ему иракские соединения в Иордании. После беседы у Арафата сложилось твердое убеждение, что он сможет располагать десятью тысячами солдат из Ирака. Тем самым для него разрешена животрепещущая проблема военного баланса между бойцами на его стороне и иорданской армией.

Осталось решить еще одну политическую задачу: Гамаль Абдель Насер рассержен, поскольку палестинские студенты на демонстрации критиковали его решение удовлетворить желание американцев о перемирии в зоне Суэцкого канала. Как реакция на критику 17 августа по приказанию Насера из Каира удалено 140 студентов, причем с ними грубо обошлись. У всех студентов были членские удостоверения либо Аль Фатах, либо Народного фронта освобождения Палестины. Арафат должен рассматривать высылку как предостережение, если вообще не как намеренную пощечину. Однако он не может позволить себе проявить обиду. Если он со своей организацией хочет политически пережить грядущее столкновение в Иордании, он нуждается в тыловом прикрытии Гамаля Абдель Насера. Рассерженного президента на Ниле следует смягчить.

Как только Арафат приходит к выводу, что он восстановил военный баланс между своими силами и силами короля в иорданской столице, он отправляется на встречу в Каир. Как дает знать Гамаль Абдель Насер, 24 августа будет возможность для подробной дискуссии о различных точках зрения на ситуацию в Иордании.

Накануне 24 августа потенциальный противник Арафата, король Хусейн, заканчивает трехдневный визит в Каир. При отлете монарх дает понять, что он доволен результатами своих переговоров. Египетский президент подтвердил, что власть в Иордании должна обеспечиваться исключительно администрацией короля, чтобы сохранялась стабильность арабского восточного фронта. Король Хусейн был особенно рад следующему замечанию президента: «На ООП нельзя положиться. Она еще не в состоянии нести ответственность».

Гамаль Абдель Насер принимает Ясира Арафата со всеми проявлениями сердечности. Руководитель ООП, как и Хусейн, остается в Каире в течение трех дней. Но при отлете у него гораздо меньше оснований быть довольным, чем у иорданского короля; Насер энергично потребовал от него не проявлять твердолобости и не вступать в столкновение с армией короля. Если Арафат поставит на карту перемирие, ему будет отказано в какой-либо поддержке египтян; тогда ООП не сможет рассчитывать на протекцию в споре о Хусейном.

Во время переговоров Насер возлагает на своего партнера

ответственность за все нарушения договоренностей, которые когда-либо совершили группы боевиков в Аммане. Король Хусейн передал египтянину точный список инцидентов. Поскольку Арафат всегда претендовал на то, что он является законным представителем всех политических и военных организаций палестинцев, которые можно принимать всерьез, он в ответ на это не может ясно и четко объяснить, что у него нет власти над каждой группой, что некоторые руководители боевиков действуют независимо от него.

На Арафата взвалили ответственность за все, и он не смог ничего возразить. Его спутники считают, что Насер говорил вопреки рассудку, чтобы создать себе психологическую базу для будущей свободы действий в отношении ООП. Советники Арафата опасаются, что Насер в критические моменты не окажет палестинским организациям действенной помощи.

Арафат не скрывает своей ярости и разочарования. Сразу же после возвращения он выступает перед делегатами Палестинского национального совета, которые собрались на чрезвычайное заседание. Официальным местом заседания чрезвычайного конгресса стал «Дом адвокатов» в Аммане.

Арафат специально выбрал здание за пределами лагеря палестинцев — он хочет продемонстрировать, что он на всей территории Аммана находится на «дружественной земле». Свою готовность к соглашению с королем Хусейном Арафат демонстрирует с помощью иорданского флага, который висит в зале на видном месте. Однако о его озабоченности свидетельствуют тяжеловооруженные люди, которые расположились на крышах близлежащих домов: их задача — отразить возможное нападение иорданской армии.

Однако на официальном заседании Национального совета речи о короле Хусейне нет. Нападкам подвергают предателя — Гамаля Абдель Насера: «Своим принятием мирного плана он вонзил кинжал в спину палестинцев. Насер хочет, чтобы мы из палестинского народа превратились опять в безутешную толпу беженцев».

Арафат обвиняет египетского президента в предательстве египетской революции, в том, что он пытается изолировать движение федаинов.

Бросается в глаза, что после нападок Арафата на Гамаля Абдель Насера не звучат бурные аплодисменты. Тяжело дается отказ от мысли, что египетский президент, несмотря на все недоразумения, все же является самым верным другом палестинской революции. Чувствуется, что некоторые делегаты задают себе вопрос, кто же — раз Насер стал врагом — в будущем

примет на себя функцию покровителя палестинской революции.

За сообщением о переговорах с Насером следует трезвая оценка ситуации. Проблем масса. Арафат должен проинформировать о странных изменениях в позиции сирийцев: правительство Дамаска приказало финансируемой им организации боевиков Ас-Сайка больше внимания обращать на свою независимость в рамках ООП.

Из этого Арафат делает вывод, что сирийский президент Аттаси не допустит участия Ас-Сайка в борьбе, если Хусейн нападет на ООП. Руководитель ООП боится, что Аттаси заинтересован в поражении близких к Арафату групп боевиков. Ему нужно ослабить позиции Арафата и поставить на место Аль Фатах как самой влиятельной организации свою Ас-Сайка, зависящую от Сирии. Обе важнейшие державы, Сирия и Египет, по мнению Арафата, решили покинуть ООП в тяжелом положении.

Когда чувство разочарования в зале заседаний достигает предела, Арафат сообщает о своем успехе в Багдаде. Ирак, говорит Арафат делегатам Национального совета, будет выполнять свои обязательства. Против совместных сил боевиков и моторизованных иракских соединений у иорданской армии нет шанса выстоять. Однако Хусейн оценивает свое положение лучше.

То, что король вернулся из Каира полный оптимизма, подтверждает его телевизионное обращение 29 августа. Решительным тоном Хусейн сообщает своему народу, что он также поддержал мирную инициативу американского министра иностранных дел Роджерса.

Он предостерегает руководителей палестинских организаций, что не примет никакой критики в адрес своего решения. Даже если палестинцы придерживаются другого мнения, он будет стремиться к мирному решению, основанному на решении Совета Безопасности № 242, — тем самым Хусейн дает понять, что он готов признать существование государства Израиль.

В каждом доме города Аммана раздается эта речь. И радиослушатели, и телезрители понимают подлинное значение этих слов: Хусейн объявляет палестинцам войну. Свое презрение к руководству ООП он выражает тем, что говорит о возможности мирного разрешения конфликта с Израилем, заклятым врагом ООП. Даже без открытого признания короля люди в иорданской столице понимают, что президент Насер предоставил монарху свободу действий вплоть до военного столкновения. Хусейн получил согласие Насера на резкое сокращение влияния палестинцев на иорданскую политику.

Тишина господствует в городе в продолжение всей речи.

Когда прозвучали последние слова, раздаются автоматные очереди боевиков. Федаины стреляют в дикой ярости. Этим они выражают боль и протест. Но цели у выстрелов нет.

Этой ночью танковые соединения и артиллерийские части королевской армии покидают военный лагерь Зарка севернее Аммана, чтобы занять позиции рядом с третьей танковой бригадой вблизи города. Ясир Арафат реагирует дипломатически: во всех арабских столицах, где находятся бюро ООП, руководителям их дается указание проинформировать соответствующие правительства, что король Хусейн готовит битву на уничтожение палестинского народа.

Арабские правительства принимают сообщение к сведению, не делая практических выводов, — лишь иракский президент вызывает иорданского посла в министерство иностранных дел. От дипломата требуют предостеречь своего короля: Ирак не будет молча наблюдать, как палестинской революции наносится ущерб.

Хотя Арафат подвергался нападкам в органах ООП из-за своей уступчивости во время предшествующих конфликтов с королем, он твердо придерживается политики, которую считает правильной: он видит свою задачу не в борьбе против иорданской монархии. Избегать конфликта, чтобы заключить с королем новое соглашение — таковы его директивы военным и политическим соратникам. Арафат не допускает сомнения в том, что он уважает короля как человека способного и мужественного. Арафат все время подчеркивает, что хотел бы видеть этого человека на своей стороне.

Но король ему не верит, когда во время переговоров руководитель боевиков выражает свою высокую оценку. Сомнения Хусейна небезосновательны, ведь ему известно о кое-каких заговорах в палестинских кружках. Разрозненные радикальные группы продолжают открытую пропаганду «ликвидации олигархии» в Аммане. Уверения Арафата в уважении и одновременно требования ликвидации монархии — это противоречие в движении боевиков Хусейн считает двурушнической политикой. То, что Арафат не является полновластным повелителем в ООП, король не хочет или не может понять.

В середине дня 1 сентября король Хусейн едет в своем бронированном автомобиле по городу в направлении аэропорта. Впереди едет открытая машина типа лендровера, на которой установлен тяжелый пулемет. Еще один лендровер, в котором находится охрана, следует за машиной короля. Хусейн хочет проводить родственников до аэропорта.

Критический отрезок пути — это поворот улицы у вокзала

хедшасской железной дороги в восточной части Аммана, здесь боевики контролируют дорогу из надежных укрытий. Когда конвой короля минует поворот, между второй и третьей машинами взрывается противотанковый снаряд. Очевидно, снаряд был выпущен из дома, в котором укрылись федаины.

Король и члены семьи остаются невредимыми — однако один человек из охраны настолько тяжело ранен осколками гранаты, что умирает. Это покушение — вторая за четверть года попытка палестинской группы убить короля.

Чтобы поставить короля в известность, что он и его люди никак не связаны с покушением, Ясир Арафат сразу посылает человека из своего штаба советников во дворец Басам с письмом, написанным от руки. Письмо содержит слова облегчения от того, что король избежал гнусного покушения. Хусейн не отвечает Арафату. Из этого Арафат может сделать вывод, что ему не поверили.

Человек, передавший письмо, сообщает руководителю боевиков о многочисленных пушках, стволы которых высовываются из бетонированных укреплений на склоне выше и ниже дворца Басам. Он рассказывает также о множестве пулеметных гнезд среди деревьев и в кустарнике. Король, очевидно, готовится к осаде.

Офицеры караула у ворот дворца спрашивали палестинца, происходят ли передвижения войск на севере Иордании — сирийцы отправили через границу танковое соединение — по призыву руководства ООП.

Сам Арафат не проинформирован о передвижении сирийских танков вблизи позиций палестинцев. Перед своими советниками он горько жалуется на недостаточную координацию между партнерами-единомышленниками, которые должны были бы создать крепкий единый фронт.

К своему разочарованию, он узнает, что и в самой боевой организации нет единства по крайне важным вопросам. Даже если их действия могут повлечь за собой тяжелые последствия для всех палестинцев, отдельные группы не чувствуют себя обязанными предварительно обговаривать свои действия с другими. Каждый руководитель дает команду проводить удары, нападения, похищения. Каждый действует так, как будто существует только его организация, как будто только он отстаивает интересы палестинцев.

14. Народный фронт угоняет три самолета

«Боинг-707» компании «Транс Уорлд Эйрлайнс» взлетел после 12 часов из аэропорта Франкфурта. В то воскресенье, в сентябре 1970 года, на рейс 741 до Нью-Йорка зарегистрирован 141 пассажир; экипаж состоит из десяти человек. Через 18 минут после старта, когда Боинг находится как раз над деревней Наттенхейм, капитан Чарлз Д. Вудс сообщает во Франкфурт: «We are hijakked» — «Нас захватили!» В течение следующих 12 минут самолет продолжает свой курс на северо-запад, затем поворачивает на юго-восток.

Вудс выходит на связь еще только один раз — он сообщает, что рейс 741 имеет теперь кодовое название «Газа», а затем самолет, не отзываясь на запросы, сворачивает в направлении восточной части Средиземного моря. Единственный знак того, что самолет еще находится в воздухе, — это изображение на экране радаров итальянских, греческих и турецких диспетчерских служб.

В это же время цюрихский аэропорт Клотен принимает сигнал бедствия из рубки ДК-8 (DC), который поднялся в воздух за полчаса до этого. Самолет находится на пути из Цюриха в Нью-Йорк. ДК-8, номер рейса СР 100. Вместительность машины — 143 пассажира.

Через короткое время после приема сигнала бедствия из громкоговорителей поста радионаблюдения в Клотене раздается голос женщины, которая на плохом английском говорит: «Народный фронт освобождения Палестины сообщает, что его отряд «Рафик Асад» — «Товарищ Лев» — держит ДК-8 под контролем. В качестве позывных самолета используйте слово «Хайфа». Спасибо». Начальник аэропорта Клотен хочет знать, каким курсом собирается лететь отряд «Рафик Асад» на ДК-8, но ответа не получает. На экранах радаров видно, что самолет вновь берет курс на Клотен. Взлетно-посадочную полосу освобождают для угнанного самолета. Однако он пролетает над Клотеном на большой высоте и следует по воздушному коридору через Альпы. Не выходя на связь, как и рейс 741, швейцарский самолет направляется на Ближний Восток.

В эти минуты капитан Ури Бар Лев, командир рейса Эль-Аль 219 (Е1-А1), который как раз пролетает над побережьем Англии, слышит сильный стук в запертую дверь рубки. Через смотровое отверстие Ури Бар Лев видит: его стюард Шломо Видер борется о вооруженным человеком в блоке обслуживания перед дверью в

рубку.

За несколько секунд до этого мужчина и девушка вскочили со своих кресел. Громко крича, вооруженные ручными гранатами и пистолетами, они устремились через проход между рядами кресел, пока на их пути не стал Шломо Видер. Стюард, имеющий подготовку по рукопашному бою, уложил мужчину на пол, однако девушка прорвалась к рубке. Она стучит рукояткой пистолета в дверь и требует, чтобы ее открыли.

Однако капитан Ури Бар Лев следует инструкции, которая предписывает ему не вмешиваться в происшествия в салоне, поскольку там находится достаточно людей из службы безопасности. Он информирует пост наблюдения лондонского аэропорта Хитроу, что на борту рейса Эль-Аль 219 находятся неизвестные угонщики. Ури Бар Лев просит освободить воздушное пространство и обеспечить возможность приземления.

Один из сотрудников службы безопасности срывается со своего места и хватает девушку, которая все еще стучит рукояткой пистолета в дверь рубки. Как раз в этот момент Ури Бар Лев из спокойного горизонтального полета резко пикирует вниз. Он знает, что сотрудники службы безопасности ждут этого маневра самолета, в то время как угонщики не могут его предусмотреть. В момент резкого изменения курса появляется возможность сделать угонщиков небоеспособными. Девушка теряет равновесие, падает на пол, и ее захватывают. Мужчина, который между тем уже ранил стюарда Шломо Видера из пистолета, сам получает смертельное ранение. Из рук умирающего выпадает ручная граната с выдернутой чекой, она катится по салону первого класса. Через пять секунд она должна взорваться, но катастрофы не происходит.

Граната остается лежать на полу самолета, пока после приземления в Хитроу ее не унесут с борта самолета. Мертвеца и девушку передают в руки полиции аэропорта. Ее отправляют в полицейскую тюрьму Вест Дрейтон (West Drayton). Ее имя Лейла Халед.

Лейла Халед поднялась на борт Эль-Аль 219, который летел в Нью-Йорк, в Амстердаме. В Амстредаме же началась акция угона самолета «Джамбоджет» (Jumbojet) компании «Пан Американ Уорлд Эйрвейс».

Капитана Джона Придди, руководителя полета в Нью-Йорк, один внимательный сотрудник израильской воздушной линии Эль-Аль информирует, что в «Джамбоджете» сидят два пассажира, которых Эль-Аль считает подозрительными личностями и которым было отказано в перевозке.

Джон Придди подходит к этим двум мужчинам и просит

предъявить паспорта. Согласно документам, они граждане западно-африканского государства Сенегал. Они с готовностью позволяют проверить себя на наличие оружия. Ни в карманах одежды, ни в ручном багаже Джон Придди не находит ни гранат, ни пистолетов.

В 15 часов «Джамбоджет» вылетает из Амстердама. Хотя Лейла Халед уже с 14.05 находится в руках британской полиции, хотя британские власти проинформированы обо всех событиях, происшедших на борту самолета Эль-Аль, прибывшего из Амстердама, в амстердамский аэропорт ничего не сообщается.

Джон Придди ничего не знает о предыдущих похищениях этого дня, он ничего не знает о приключениях израильских коллег, когда он, как за 90 минут до этого Ури Бар Лев, направляет свой самолет в направлении побережья Англии. Через 5 минут после взлета — они не стали долго ждать — оба пассажира, обладатели сенегальских паспортов, стоят в рубке «Джамбоджета». Похитители вошли вместе со стюардессой, которая хотела отнести в рубку кофе. Они угрожают пистолетами и ручными гранатами. Они требуют от капитана немедленного изменения курса. Новая цель полета — Бейрут.

Когда огромный самолет приближается к ливанскому побережью, палестинец Абу Халид требует доступа на пост радионаблюдения международного аэропорта Бейрута. Абу Халид представляется как член Народного фронта освобождения Палестины. Экран радара показал самолет на большой высоте западнее Каира, и тогда на частоте бейрутской службы авиадиспетчеров раздается голос: «Сообщение для Абу Халида. Мы должны срочно приземлиться. Горючего осталось на 45 минут». Абу Халид отвечает: «Ливанцы говорят «нет». Они считают, что трасса слишком короткая для «Джамбоджета».

Похититель в самолете предлагает посадить самолет в Дамаске, там есть новая взлетно-посадочная полоса, предназначенная для таких больших самолетов. Реакция Абу Халида: «Ради Аллаха, не в Дамаске. У нас с ними всегда проблемы. Если ничего не получится, тогда взрывайтесь в воздухе. Со всеми пассажирами!» Эти слова предназначены для ливанской воздушной службы. Ответственным лицам в Бейруте дают понять, что они будут нести вину за гибель пассажиров. Такого психологического давления они выдержать не могут. «Джамбоджет» получает разрешение приземлиться.

В ярких лучах включенного на полную мощность освещения летного поля стоит гигантская машина на расстоянии двухсот метров от поста радионаблюдения. Рядом с ней маленькими кажутся самолеты Люфтганзы и Сабены, которые еще раньше

вечером вырулили на место стоянки.

Машина «Пан Американ Уорлд Эйрвейс» — это первый «Джамбоджет», приземлившийся в Бейруте. Дистанция была не слишком короткой. Задолго до конца посадочной полосы скорость была снижена настолько, что пилот смог вырулить на перрон аэровокзала.

В 22.15 «Джамбоджет» остановился на месте стоянки. В течение почти двух часов кажется, что ничего не происходит. Никто не приближается к самолету, полицейские и военные машины держатся на почтительном расстоянии. Все выглядит так, как будто «Джамбоджет» оставлен на ночь пустым, — трудно себе представить, что в корпусе этого самолета, как в клетке, 150 пассажирам и 18 членам экипажа предстоит пережить часы страха.

За несколько минут до полуночи передняя дверь «Джамбоджета» открывается. Появляется фигура с закрытым лицом. Она ждет мужчину и женщину, которые тащат по перрону тяжелые портфели. С трудом портфели подняты по слишком короткой приставной лестнице. Фигура наверху принимает груз.

Час спустя «Джамбоджет» начинает двигаться: он покидает перрон, выруливает на трассу, с грохотом набирает скорость и взлетает. Для старта длины взлетной полосы тоже оказалось достаточно. Угонщики самолета перед отлетом получили распоряжение посадить «Джамбоджет» «Пан Американ Уорлд Эйрвейс» в аэропорту Каира. Пассажирам должна быть дана возможность быстро покинуть самолет. Быстрая высадка должна произойти сразу же — еще до того, как смогут приблизиться машины египетского аэропорта.

Как только пассажиры отойдут от машины на необходимое расстояние — так гласит приказ, — следует поджечь взрывные заряды, которые должны быть размещены в салоне 1-го класса. Взрывчатку на самолет доставили в портфелях, которые тащили через летное поле.

Организаторы угона самолета называют причину, почему «Джамбоджет» должен быть взорван именно в Каире: Гамаль Абдель Насер поддержал инициативу американца Роджерса по временному перемирию в зоне Суэцкого канала. Поэтому Насера нужно предостеречь: он не должен забывать о палестинцах. Взрывом американского самолета «перед дверью дома египетского президента» боевики хотят нанести ущерб интересам и египтянина, и американцев.

Приказ о высадке пассажиров и взрыве «Джамбоджета» исполняется. Едва пассажиры покинули самолет, как взрываются заложенные заряды. К счастью, никто не ранен осколками

разлетевшейся металлической оболочки самолета.

Гамаль Абдель Насер воспринимает взрыв американского самолета на египетской земле как оскорбление, но это не заставляет его изменить свой политический курс. Палестинским боевикам не удалось добиться своей акцией того, чтобы Гамаль Абдель Насер отошел от курса мирной инициативы, — наоборот, египетский президент продолжает свою политику с подчеркнутым упорством. Рассерженный президент не собирается в будущем считаться с желаниями и интересами палестинцев.

Ясира Арафата, которого никак нельзя считать ответственным за угон самолетов и взрыв «Джамбоджета», Насер упрекает в том, что он и люди из его организации неблагодарны. Они забыли, сколько он до сих пор делал в интересах палестинцев. На возражение руководителя боевиков, что он не контролирует Народный фронт освобождения Палестины, Насер отвечает: «Как же вы собираетесь освободить Палестину, если вы не можете устранить противоречия в собственных рядах?»

И вновь египтянин указывает Арафату на то, что авторитет главы ООП лишь тогда действительно вырастет, когда он назначит себя первой персоной палестинского правительства в изгнании, которая сможет принять на себя всю ответственность. Арафат возражает: «Я революционер, а не обычный политик. Я не собираюсь садиться в кресло палестинского премьер-министра!»

«Если Вы посмотрите налево, то сможете увидеть два угнанных самолета!» Пилот «Каравеллы» компании «Миддл Эст Эйрлайнс», которая летит этим утром из Бейрута в Амман, обращает внимание на самолеты на земле. «Каравелла» уже опускается над Амманом, теряя крейсерскую высоту полета. С высоты примерно трех тысяч метров в ровном утреннем свете оба самолета хорошо видны. Они стоят в пустыне.

Место их приземления находится в 25 километрах от иорданской столицы, в стороне от дороги, ведущей через Мафрак к иракской границе. Англичане, сохранявшие до 1956 года протекторат над Иорданией, оборудовали в пустыне трассу — во времена машин с пропеллерами. После отвода британских войск неукрепленное взлетное поле использовалось редко. Здания пришли в упадок. В воспоминаниях бедуинов осталось английское наименование «Доусонс Филд».

Соединения боевиков Народного фронта освобождения Палестины, оставшись не замеченными иорданскими властями, заняли в начале августа «Доусонс Филд». Командиры проверили крепость естественной песочной трассы, которую англичане только выровняли и утрамбовали. По мнению проверяющих, здесь могли бы приземляться тяжелые реактивные самолеты — о

взлете, впрочем, нечего и думать.

Когда вечером 6 сентября 1970 года приземлился первый самолет, на землю уже опустились глубокие сумерки. Боевики установили факелы по краям трассы; автомобильные фары давали слабый свет на посадочной полосе. Капитану Чарлзу Д. Вудсу указывали курс по радиотелефону.

Ко времени приземления самолета ТВА самолет ДК-8 Свиссэйр уже приблизился к радиомаяку Дамаска. 15 минут спустя — наступила уже глубокая ночь — этот второй угнанный самолет также приземлился на поле «Доусонс Филд». Капитан Фриц Шрейбер уверенно посадил машину. Песок и пыль неслись вихрем в темноте. Отблеск пламени двигателей и красных габаритных фонарей в облаках песка создавал впечатление, что самолет нырнул в море огня. Как только машина остановилась, экипаж открыл аварийные выходы. Многие пассажиры пытались убежать, но боевики загнали всех обратно в самолет.

Как объявили руководители боевиков испуганным людям, самолеты приземлились на «освобожденной территории». От каких оков была освобождена эта территория, пассажиры так и не узнали. Палестинцы показывают, что в «Доусонс Филд» они пользуются авторитетом: пассажирам выдаются отпечатанные формуляры, в графы которых нужно внести свои данные. На этих формулярах можно прочесть новое название, которым Народным фронт освобождения Палестины заменил «Доусонс Филд»: «Аэропорт революции».

«В «Аэропорту революции» находится больше машин, чем в аэропорту короля в Аммане», — эту фразу произносит федаин Народного фронта освобождения Палестины. В его голосе слышится гордость. Он проверяет бумаги, необходимые мне для поездки в «Аэропорт революции». «В следующий раз, — говорит он на прощание, — прилетайте в наш аэропорт на самолете».

Там приземлилась тем временем третья машина, четырехмоторный ВК-10 британской компании БОАК со 105 пассажирами на борту. По пути из Бомбея в Лондон точно над Бейрутом экипаж был захвачен в рубке двумя вооруженными палестинцами. Они вынудили пилота Сирила Гоулборна вначале приземлиться в Бейруте; там в бак залили 80 тысяч литров керосина. Затем пилоту назвали цель — «Аэропорт революции». Самолету номер 755 компании БОАК боевики дали название «Лейла» — в честь девушки-федаина, которая после неудачной попытки угона содержалась в британской полицейской тюрьме Вест Дрейтон.

Освобождение Лейлы Халед является однцм из условий, выдвинутых Народным фронтом освобождения Палестины. И

английскому правительству, и ответственным лицам в Бонне и Берне также предъявляется требование освободить палестинцев, которые участвовали в предыдущих покушениях в воздухе. С удивительной быстротой из этих столиц сообщается о готовности пойти на условия Народного фронта — хотя израильское правительство предостерегает от такой уступчивости.

Через три часа после прибытия первой машины в «Аэропорт революции» с отстоящей на 6 километров дороги Амман-Мафрак подошли танки иорданской армии. Поскольку им пришлось преодолеть участок пустыни, то их заметили еще издали: их колеса высоко взметали песок. Машины тянули за собой шлейфы песка.

Командиры федаинов послали навстречу иорданским солдатам несколько своих человек. Они должны были предостеречь иорданцев от вмешательства. Командиры пригрозили взорвать самолеты, если танки подойдут в непосредственную близость к «Аэропорту революции». Руководство иорданской армии отдало приказ «Соблюдать дистанцию!». Король Хусейн не хотел отвечать за гибель почти трехсот пассажиров.

Общее число заложников не превысило четырехсот человек — даже после прибытия в «Аэропорт революции» третьего самолета. Ясир Арафат — который не несет ответственности за угон самолетов, — хочет позаботиться о том, чтобы освободить из адской жары самолетов женщин и детей.

Самолеты стоят под палящим солнцем. Днем температура поднимается выше 40 градусов. Туалеты, не предназначенные для столь длительного использования, переполнены. Разложение фекалий при такой жаре производит невыносимый смрад. Существует опасность возникновения болезней, даже эпидемии. «Содержать женщин и детей в подобных условиях — это не придаст славы нашей революции», — признает Арафат в телефонном разговоре с руководителями Народного фронта освобождения Палестины. Ему возражают, что этим детям все равно лучше, чем детям изгнанного народа Палестины.

Вмешательство Арафата осложняется тем обстоятельством, что важнейшая фигура Народного фронта в те решающие дни находится не в Иордании и даже не в другой стране Ближнего Востока: Жорж Хабаш находится в ознакомительной поездке по Китаю и Северной Корее. Вся ответственность лежит на докторе Вади Хаддаде. Будучи вторым человеком в иерархии Народного фронта, он склонен к жестким решениям.

Доктор Вади Хаддад совершенно не прислушивается к призывам Арафата уважать заповеди человечности. Тем не менее

на него как на врача воздействует аргумент, что палестинские борцы за свободу не должны давать повода к упрекам, что из-за них люди погибли от эпидемий. Арафат получает ответ, что до сих пор миру было безразлично то, что палестинские беженцы подыхают от эпидемий. Однако вскоре доктор Хаддад соглашается, чтобы женщин и детей выпустили из самолетов и доставили в Амман, чтобы установили передвижные туалеты иорданской армии.

Перед самим собой он извиняет свои гуманные побуждения тем, что он согласился на уменьшение числа заложников, поскольку доктор Жорж Хабаш приказал при любых обстоятельствах не допускать гибели заложников. Тем самым заместителю было запрещено допускать гибель людей из-за небрежного отношения или из-за болезней.

Арафат, высшее исполнительное должностное лицо ООП, не был поставлен в известность о планах Народного фронта. Стратегия угона самолетов с ним не обсуждалась — он никогда ее не одобрял. Однако вначале он медлит с осуждением этой стратегии. Если он хочет сохранить видимость сплоченности Организации освобождения Палестины, он должен воздержаться от слишком резкого осуждения Народного фронта. В это критическое время нельзя давать Народному фронту повод для прекращения сотрудничества.

Однако Арафат признает, что угон самолетов международных авиакомпаний по крайней мере в одном отношении пошел на пользу: *«Людям всего мира, и прежде всего европейцам и американцам, ясно указано на то, что на Ближнем Востоке прямо перед их собственным домом народ живет в нищете и отчаянии».*

Однако понимание этого не ведет к оправданию угона самолетов. К тому времени, когда большинство заложников было освобождено из заточения в самолетах, но еще удерживалось Народным фронтом, Ясир Арафат выражает Хансу-Юргену Вишневски, который хлопотал в Аммане об освобождении заложников, свою точку зрения: *«ООП осуждает угоны самолетов. Поэтому мы даже исключим Народный фронт из ООП. Такие действия лишь провоцируют новые удары против нашего народа. Мы должны все сделать для того, чтобы предотвратить катастрофы».* Аналогичную точку зрения представлял Найеф Хафатме, руководитель «Демократического народного фронта освобождения Палестины»; он заявил: «Подобные акции не способствуют успеху революции. То, что делают люди Хабаша, это чистое сумасшествие».

Однако Лейла Халед, лично участвовавшая в угоне, считает: «Мы живем в век насилия. Право не в состоянии

восторжествовать, оно бессильно! Наша стратегия такова: насилие против насилия. Однако мы требуем, чтобы нам дали действовать так, как мы хотим!»

Ясир Арафат, который несет ответственность за всю Организацию освобождения Палестины, не может принять такую точку зрения. Он видит палестинскую революцию, заключенную в рамки арабской реальности, — он должен считаться с зависимостью. Король Саудовской Аравии Фейсал уже проявил признаки недовольства: монарх не признает угоны самолетов, насильственное вмешательство в международное воздушное сообщение. Однако государственная казна Саудовской Аравии гарантирует финансирование ООП. ООП не может позволить себе раздражать короля Фейсала. Поэтому на встречах с представителями режима Саудовской Аравии Арафат дистанцируется от акции Народного фронта освобождения Палестины.

Несмотря на однозначную позицию осуждения угонов самолетов, руководство ООП хочет использовать ситуацию, созданную Народным фронтом. Угоны дали палестинцам в руки еще и заклад: среди заложников находятся израильтяне. ООП собирается удерживать их до тех пор, пока Израиль не освободит такое же количество палестинских заключенных. Остальных же заложников можно использовать при попытке добиться освобождения палестинцев из британских, швейцарских и западногерманских тюрем.

Арафат и другие руководители ООП определяют свою политику в дальнейшем ходе акции с заложниками в четырех пунктах:

1. Всех пассажиров доставляют в Амман.

2. Все пассажиры (кроме израильтян, годных к военной службе) будут освобождены, как только Англия, ФРГ и Швейцария выпустят семь палестинцев, находящихся в их тюрьмах.

3. Самолеты смогут взлететь, когда выпущенные прибудут в какую-либо арабскую страну.

4. Израильские заложники будут освобождены, когда Израиль выпустит такое же число заключенных палестинцев.

Таким образом, благодаря этой программе из четырех пунктов, ООП совершенно официально примкнула к акции Народного фронта. В кругу Ясира Арафата раздаются возгласы восхищения, как ловко сумел Народный фронт продемонстрировать всему миру силу палестинской революции. Арафат посылает Мунифа Раззаза, бывшего члена сирийской партии Баас, на «Доусонс Филд», чтобы разъяснить там федаинам точку зрения ООП.

Арафат надеется, что теперь можно будет нормально перейти к очередным делам. Однако возникают важные обстоятельства. На начавшемся заседании Центрального комитета Палестинского национального совета Ясир Арафат вынужден сообщить, что Ирак, бывший до сих пор единственным надежным партнером в подготовке неизбежного столкновения с армией короля Хусейна, осуждает захваты самолетов.

Чувствуется, что отношение к Ираку резко холодеет. Сообщение Арафата вызывает озабоченность. Наступает понимание того, что иракское правительство могло бы использовать акции Народного фронта освобождения Палестины как предлог для прекращения вообще помощи ООП. Сражение с иорданской армией без активной помощи десяти тысяч иракских солдат, размещенных в Иордании, все делегаты Национального совета считают невозможным.

Когда Арафат 12 сентября узнает, что иракский министр обороны с начальником Генерального штаба прибывают в Иорданию для посещения войск, руководитель ООП не колеблясь посылает навстречу господам из Багдада комитет по приему. Происходит обмен любезностями, слов не жалеют. Иракский министр обороны передает Арафату, что он «не потерпит уничтожения палестинского народа и смертельного удара против палестинской революции». Но он не дает ответа, когда задан вопрос, имеет ли право Арафат отдать приказ о выступлении иракским офицерам на иорданской территории. Начальник Генерального штаба считает, что такие приказы должны отдаваться по каналам связи багдадского правительства. Ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба не дают конкретных обязательств.

Впечатления палестинских руководителей от их бесед с ведущими военными политиками из Багдада становятся темой обсуждения в органах Национального совета. Народный фронт чувствует, что он еще недостаточно силен, чтобы оставаться в изоляции. Доктор Вади Хаддад еще 12 сентября отдает приказание выпустить большинство заложников — до 54 человек. Три самолета в «аэропорту революции» взорваны. Федаины Народного фронта освобождения Палестины, ставшие свидетелями взрыва, ликуют, как будто они одержали победу. Они убеждены, что этим взрывом нанесли болезненный удар «империалистам на Западе». Они считают, что унизили короля Хусейна.

Однако дождь из обломков, которые с шумом падают на «Аэропорт революции», означает конец мечты Народного фронта отодвинуть короля Иордании Хусейна в политическом отношении

в сторону. Ясир Арафат всегда выступал против этой мечты, поскольку никогда не верил в ее осуществление.

У заложников, которые еще удерживаются Народным фронтом, израильские, английские, западногерманские и швейцарские паспорта. Людей распределяют по лагерям, находящимся под контролем Народного фронта. Там они переживают период гражданской войны в Иордании. Никто из них не убит и не ранен. Позднее они рассказывали, что они даже имели преимущество перед федаинами в обеспечении питьевой водой.

15. Арафат против Хусейна

Человек, которому Ясир Арафат доверяет больше всего, объявляет иорданскому королю войну. Его имя — Абу Хасан Саламе. Тогда, в 1970 году, ему не было и 30 лет. Через восемь лет он падет жертвой предательского нападения. В сентябре 1970 года на него возложены политические задачи в регионе Ирбида.

Аль Фатах удалось в начале сентября полностью захватить города и деревни в Северной Иордании — сюда входит и город Ирбид. Он имеет значение как центр торговли и ремесел. В королевстве мало таких городов, как этот. Тем не менее Хусейн вынужден уступить Ирбид федаинам. Его армия недостаточно сильна для того, чтобы защитить от палестинских боевиков все важные пункты Иордании.

Хусейн знает, что решение о его существовании будет принято в столице Аммане. Поэтому Хусейн должен сохранять моторизованные части для борьбы за Амман, он не может запирать их в провинции. Так ООП получает шанс захватить Северную Иорданию и контролировать единственную дорогу, которая ведет из Аммана к сирийской границе.

Руководство ООП в Ирбиде — в нем доминирует честолюбивый Абу Хасан Саламе — объявляет захваченную им территорию «освобожденной территорией». Когда 15 сентября иракская дивизия передислоцирует под Ирбид около ста своих танков, то Абу Хасан Саламе начинает верить, что «освобожденной территории» больше не может грозить опасность со стороны армии Хусейна.

Он созывает в Ирбиде конференцию «делегатов народа». Этот орган с парламентскими функциями должен принять решение о политическом развитии городов и деревень, которые за последние дни были вырваны у короля. «Делегаты народа» — они были очень быстро определены жителями деревень и городских районов в процессе опросов — избраны, чтобы представлять около двухсот тысяч человек, половина этих людей — палестинцы.

Впечатляет решимость людей, которые собрались в Ирбиде, чтобы провозгласить конец власти короля Хусейна в их местности. Совершенно очевидно, что большинство из них — сторонники Аль Фатах. Вокруг места собрания по стенам расклеены портреты, изображающие Ясира Арафата в позе победителя.

Сам руководитель ООП в этот день не появляется в Ирбиде. Поэтому он не может предотвратить того, что Абу Хасан Саламе

объявляет «освобожденную территорию» «регионом Первых Арабских Советов». Тем самым Саламе ввел в политическую работу Аль Фатах понятие, которое впоследствии дало королю Хусейну повод назвать Аль Фатах радикально-марксистской организацией.

«Совет» — это раздражающее слово, оно вызывает страх. Как представители монархического строя Саудовской Аравии, так и ведущие политики государств Аравии социалистической ориентации боятся советизации. Показательно функционирующая система советов в Северной Иордании могла бы стать примером процесса демократизации, могла бы побудить недовольных к подражанию. Когда король Хусейн объявил, что он борется не против палестинского народа, а лишь против радикальных извращений ООП, он нашел понимание у некоторых руководителей арабских государств. Провозглашение «Первых Арабских Советов» испугало королей и президентов.

Свое неприятие продемонстрировали и бедуины Иордании. Они хотят сохранить свой уклад, не хотят, чтобы их загнали в социалистически-марксистскую систему. Многие вожди бедуинов поражены провозглашением «арабских советов» еще и потому, что хорошо знают Абу Хасана Саламе. Они никогда не считали его марксистским подстрекателем.

В течение трех недель с конца июля до середины августа он ездил из племени в племя и искал поддержки для позиции палестинцев. Шейхи прислушивались к нему, когда Абу Хасан Саламе говорил об Иордании как об исходной базе для борьбы против израильтян, против врагов всех арабов. Они соглашались, когда Абу Хасан Саламе просил, чтобы Иордания всегда поддерживала федаинов. Человек из штаба Арафата, получивший чисто городское воспитание, нашел верный тон в беседе с бедуинами. Он сидел с ними на корточках на коврах в их шатрах; он смеялся с ними и пил их кофе.

Абу Хасан Саламе обещал позаботиться о том, чтобы Ясир Арафат прислал учителей обучать детей бедуинов чтению и письму. Бедуины считали Абу Хасана Саламе другом. То, что он провозгласил «Первые Арабские Советы», вызвало глубокое разочарование. Они чувствуют себя обманутыми. Отныне они считали, что Абу Хасан Саламе ввел их в заблуждение, что думает так же, как и они, — но теперь он разоблачил себя как радикал. И это приводит к тому, что бедуины превращаются в ожесточенных врагов.

Король Хусейн действует и реагирует в эти дни как шахматный игрок, ждущий свой шанс. Разочарование бедуинов сказывается в офицерском корпусе элитных войск — там

особенно много выходцев из бедуинских племен на ключевых постах. В этом корпусе элитных войск прислушиваются к мнению Хусейна, что военные могли бы открыто взять на себя ответственность за силовое решение спора с палестинцами.

Спустя всего один день после провозглашения «Первых Арабских Советов», 16 сентября, король Хусейн считает ситуацию достаточно благоприятной для того, чтобы отправить в отставку штатское правительство премьер-министра Абдула Монейма аль Рифаи, настроенного пропалестински. Исполнительная власть передается 12 офицерам. Во главе их стоит бригадный генерал Мохаммед Дауд; ему в правительстве военных отводится роль премьер-министра. Эта должность создает бригадному генералу ряд проблем.

Мохаммед Дауд — палестинец. Обстоятельства разрывают этого человека на части: как многократно отмеченный королевскими наградами офицер он чувствует себя связанным клятвой по отношению к властителю — как член палестинского народа он страдает со своим народом, сочувствует освободительной борьбе палестинцев, хотя он никогда не был сторонником ООП.

Ясир Арафат питает мало надежды, что бригадный генерал Мохаммед Дауд в качестве премьер-министра будет действовать в пользу палестинцев. Дауд, несмотря на свое звание главы исполнительной власти, не является сильным человеком рядом с королем Иордании. Настоящую власть Хусейн передал фельдмаршалу Хабису аль Майя ли, отпрыску могущественного бедуинского племени Майяли. Бедуин Хабис аль Майяли видит в палестинцах дерзких захватчиков, которых следует обуздать.

Военный губернатор Иордании — на такую должность назначен Хабис аль Майяли. Одновременно он является верховным главнокомандующим всех вооруженных сил Иордании. В распоряжении фельдмаршала из бедуинского племени — вся армия. Бригадный генерал, выходец из палестинского народа, который имеет право называть себя премьер-министром, не имеет полномочий отдать приказ даже одному танкисту. Наоборот: палестинец должен подчиняться бедуину.

Лидер ООП понимает значение изменений в Иордании: премьер-министр Абдул Монейм аль Рифаи часто выражал сочувствие чаяниям палестинцев — но теперь он больше не глава исполнительной власти. Однако Хабис аль Майяли никогда не скрывал, что считает палестинцев чумой для Иордании. Арафат именует передачу власти заговором. Он обвиняет режим фельдмаршала Хабиса аль Майяли в «фашистской ориентации».

Поняв опасность, Арафат хочет продемонстрировать противнику единство всех групп боевиков. В ночь, последовавшую за сменой власти в Аммане, Арафат приглашает руководителей организаций самых различных политических направлений в лагерь Вахдат.

Редко решение принималось так быстро и без возражений: Ясир Арафат избран главнокомандующим всех вооруженных сил палестинской революции. Тем самым ему подчиняется каждый владеющий оружием палестинец, зарегистрированный членом боевой организации. Исполком ООП постановляет, что бригадный генерал Яхья, командир Армии освобождения Палестины, регулярной армии палестинцев в десять тысяч человек, становится руководителем штаба Арафата.

Арафат признает, что создание военного правительства явилось для него неожиданностью. Он не отнесся должным образом к предостережениям пропалестински настроенного премьер-министра Абдула Монейма аль Рифаи. Премьер-министр пытался намекнуть Арафату на опасность. Аль Рифаи звонил сотруднику Арафата Абу Аяду; видимо, из-за того, что он не мог открыто говорить по телефону, премьер-министр намекал на то, что они с королем пришли к договоренности, которая позволит избежать кровавого конфликта.

Позднее Арафат интерпретировал этот звонок таким образом, что Аль Рифаи в последний момент хотел воспрепятствовать созданию военного правительства заключением своего рода соглашения между Хусейном и Арафатом. Поскольку говорить открыто не было возможности, никто в ООП не понял взрывоопасности ситуации и не распознал того шанса на спасение, который предлагал Абдул Монейм аль Рифаи.

Сразу же после своего назначения «главнокомандующим всех вооруженных сил революции» Арафат через расположенную в Сирии радиостанцию требует роспуска военного правительства в Иордании. Нужно образовать новое правительство, в котором будут представлены все политические силы, имеющие право голоса в королевстве. Таким образом ООП впервые требует участия в политической власти в государстве короля Хусейна.

Фельдмаршал Хабис аль Майяли, военный губернатор, не отвечает на это требование. После полуночи он распространяет в Аммане сообщение, что из соображений безопасности необходимо, чтобы палестинская милиция, состоящая из бойцов, которые не входят напрямую в соединения федаинов, немедленно сдала свое оружие полицейским властям в Аммане. Арафат отвечает категорическим приказом, чтобы каждый солдат милиции защищал себя и свое оружие.

Ничто из того, что было сделано или не сделано этой ночью, еще не оказывает какого-либо влияния на ход событий. Король решил, что следует подавить силу палестинских боевых организаций в его государстве. При принятии этого решения на него повлияло мнение армейского руководства, что сопротивление ООП и примыкающих к ней групп можно подавить в течение 24 часов с минимумом потерь. Армейское руководство пообещало ему молниеносную победу в гражданской войне.

Сам фельдмаршал Хабис аль Майяли представлял эту точку зрения. Он заявил, что, сконцентрировав силу огня, он «выметет» федаинов из столицы. Фельдмаршал невысокого мнения о боевой силе палестинцев. Аль Майяли называл руководителей федаинов бахвалами, а отдельных бойцов — трусами. «Они сбегут, как только мы выстрелим по центру города», — так фельдмаршал объяснял королю концентрацию всех имеющихся в распоряжении надежных соединений вокруг Аммана.

Хусейн предоставил аль Майяли полную свободу действий, заметив: «Когда моя семья пришла в эту местность, Амман был деревней. Мы превратили эту деревню в город. Если необходимо, мы имеем право вновь стереть этот город с лица земли». Королевский приказ об изгнании федаинов предоставил всю власть фельдмаршалу. Сам король на последующие дни превратился в зрителя.

В ночь на 17 сентября 1970 года Хусейн сказал группе офицеров: «Ситуация больше не может оставаться в своем теперешнем виде. С каждым днем Иордания все больше впадает в хаос. Нужно заставить боевиков выполнять договоренности, или им придется отвечать за последствия. На карту поставлено единство Иордании и авторитет арабского мира!»

Почти в это же время Арафат встречается с послами арабских государств в Аммане. Он говорит им: *«Палестинская революция будет защищаться до конца, пока не будет свергнут фашистский режим в Иордании».*

В 4.30 утра 17 сентября 1970 года, еще до восхода солнца, третья танковая бригада занимает северные и западные кварталы на окраине Аммана. «Если вас обстреляют из какого-то дома, то разрушьте этот дом!» — таков был последний приказ фельдмаршала его офицерам-танкистам перед наступлением. Они выполняют его. 600 тысяч жителей города прячутся в подвалах, за крепкими стенами. Большинство домов в Аммане построено из бетона или из тесаного камня. Они дают относительную защиту. Но все они — не крепости.

Если в квартирах засели федаины, пытающиеся сдержать приближение армии, то в стены следует залп за залпом. Этажи

рушатся. Развалины погребают в подвалах и защитников, и не имеющих к ним отношения мирных жителей.

Зачастую владельцы домов не знают, что у них снимают квартиры члены Аль Фатах или Народного фронта освобождения Палестины. Особое потрясение в это утро испытывают домовладельцы на уличных перекрестках и на господствующих возвышенностях Аммана. Безобидные молодые жильцы, которые въехали несколько недель или дней назад, превращаются в бойцов, дающих залпы огня из окон, и на них не действуют жалобы, что их борьба подвергает опасности дом и его обитателей.

И Аль Фатах, и Народный фронт потратили большие средства на аренду квартир, удачно расположенных со стратегической точки зрения.

Палестинская радиостанция в Дамаске отдает федаинам приказ к бою: «Огонь! Пока не будет устранен фашистский военный режим!» Радиостанция короля в Аммане, напротив, требует от бойцов ООП, чтобы они сложили оружие. Еще до начала наступления, на рассвете, Арафат отдал приказ о всеобщей забастовке трудящихся в Аммане в знак протеста против «роялистского заговора». Фельдмаршал аль Майяли лишает приказ Арафата всякого смысла, запретив выходить на улицу. Тот, кто появится на улице, может быть застрелен.

Лишь в лагерях беженцев на холмах Аммана никто не обращает внимания на призывы фельдмаршала не появляться на улице. Здесь слово офицера-бедуина не имеет веса. Большинство людей в лагерях прислушиваются к Ясиру Арафату, некоторые — к Жоржу Хабашу, немногие — к Найефу Хаватме или Ахмеду Джебрилю. Накануне все командиры пообещали следовать инструкциям Арафата, а в часы угрозы Арафат переживает горькое чувство покинутости и одиночества. Это не было предательством, это была просто неспособность командиров подразделений, усугубленная малым опытом.

Арафат знает, что боеспособность ООП меньше, чем сила армии короля. ООП располагает в общей сложности двадцатью тысячами хорошо подготовленных бойцов. Кроме того, она может мобилизовать еще тридцать тысяч милиционеров, менее подготовленных. Не хватает противотанкового оружия — и противник знает об этом. Он пускает в ход 150 танков и рассчитывает на то, что они посеют панику.

Командиры партизан понадеялись на то, что их тактика всегда побеждает. Они владеют этой тактикой. «Напасть и быстро исчезнуть!» — это их рецепт. В уличных боях в Аммане он не может привести к успеху. Здесь атакует танковое соединение,

которое не остановить небольшими нападениями, которое добивается быстрого успеха.

Хотя руководство ООП должно было учитывать широкомасштабное наступление королевской армии, за прошедшие недели ни разу не отрабатывалось отражение такого нападения. Арафат, политический и военный руководитель самой сильной палестинской организации, Аль Фатах, был загружен ежедневной политической работой, но за ним не было стратега такого масштаба, на которого он мог бы положиться. Таким образом, у короля в этом противостоянии несравнимо лучшая позиция. Он может переложить ответственность за военные действия на своего фельдмаршала и его офицеров.

Тем не менее Арафат верит, что ООП в конечном счете может выйти победителем из конфликта с армией. Пример успеха в битве за Караме укрепляет в нем эту веру — ведь все палестинские боевики были убеждены в то время, два года назад, в битве при Караме, что сумеют устоять против армии, которая значительно превосходила войска короля Хусейна, их нынешнего противника. Мысль о Караме, символе победы, мешает пониманию реальности. Ситуация в Аммане в сентябре 1970 года несравнима с ситуацией в марте 1968 года, в которой находилась ООП в Караме. Израильская армия напала на Караме, чтобы уничтожить там базу боевиков, а не для того, чтобы остаться навсегда. Отход был запланирован с самого начала — хотя и с такими тяжелыми потерями. Однако цель иорданской армии — завоевать Амман, чтобы больше не уходить из этого города. Цель определяет волю к победе: армия будет решать, кому будет принадлежать Амман — королю или Ясиру Арафату. Она сражается с убеждением, что отстаивает справедливые требования монарха.

Арафат надеется, что иорданские массы, увидев силу ударов армии, продемонстрируют свои симпатии палестинцам в виде акций протеста. Такие акции, как правило, развивались медленно. Арафат должен был позаботиться о том, чтобы бои продолжались ежедневно, если возможно, неделями. Тогда в это время можно было бы рассчитывать также на возмущение арабских правительств событиями в Аммане — король Хусейн попадет под политическое давление.

Поздно вечером, через пятнадцать часов после начала битвы, фельдмаршал объявляет по радио Аммана, что армия контролирует город. Однако люди в Аммане могут видеть, что это утверждение неверно. Танки, которые продвинулись до мечети в центре города, оттесняются палестинскими минометами из Джебель Ашрафи. Много машин горят.

Хабис аль Майяли вынужден отдать приказ, чтобы танки отошли из центра города и заняли позиции на окраине. Федаины сражаются с удивительным мужеством. Каждый в отдельности на деле доказывает свою смелость и достигает успехов — но нет сплоченности. Центрального верховного командования не существует.

Таким командованием должен был бы быть главный военный штаб. Он находится не под защитой лагеря беженцев Джебель Ашрафи — там в случае нужды в узких улочках лагеря палестинцы закрыли бы главный штаб своими телами. Боевой центр находится в квартале вилл Джебель Хусейн. Через этот квартал ведут широкие улицы, перекрестки просматриваются.

Джебель Хусейн создает благоприятные условия для использования танковых соединений. Лишь там, где холм («джебель») переходит в долину, защитники имеют преимущества перед наступающими танками. Простая вилла, которую Аль Фатах арендовала для главного штаба, находится еще и на краю плохо обороняемой зоны. Внезапным нападением иорданская армия захватывает здание. Абу Аяд — он высоко стоит в иерархии Аль Фатах — говорит: «Мы упустили момент и не перенесли главный штаб военного руководства в квартал Ашрафи, который практически невозможно захватить». Абу Аяд говорит «мы», но вина за это упущение ложится на Ясира Арафата и руководителя его штаба, бригадного генерала Яхью.

Абу Аяд подводит итог: «Как ни неправдоподобно это звучит, мы не были готовы к этой пробе сил, хотя ее можно было предвидеть уже много месяцев назад. До самого последнего момента многие руководители движения сопротивления не верили в то, что Хусейн когда-нибудь отважится прямо напасть на нас».

Хотя Ясир Арафат был избран «главнокомандующим всех вооруженных сил палестинской революции», у него остается мало возможностей командовать. Абу Аяд сообщает о ситуации в генеральном штабе непосредственно после падения центрального командного пункта: «Этот штаб находился также в Джебель Хусейн, в той части, которая еще не попала в руки врага. Там я встретил Ясира Арафата, который отчаянно пытался дозвониться до короля, в то время как вокруг нас шел град из гранат. «Положи трубку, — сказал я ему, — это ведь не имеет смысла, никто не станет с тобой разговаривать!» Я был прав. Он пытался сначала поговорить с королем, затем с другими лицами, приближенными к королю. Но каждый раз он слышал в ответ, что вызываемый «совершает утреннюю молитву и ему нельзя мешать». В это время радио Аммана распространяет сообщение, что Ясира Арафата

нигде не могут найти, по всей видимости, он мертв.

Генеральный штаб тоже сдан; руководство ООП покидает Джебель Хусейн; по совету Абу Аяда Арафат пробивается к Джебель Аль-Вабда, на вершине которого боевики посреди лагеря беженцев соорудили окопы и бункера. Сам Абу Аяд для отхода с Джебель Хусейн выбирает другой путь, чем Арафат, и вместе с Фаруком Каддуми, одним из будущих политиков ООП, его берет в плен иорданская армия.

Перед бегством из генерального штаба Арафат настоятельно требовал от иракских танкистов из Иордании, которые, собственно, были ему подчинены, чтобы они подошли к Амману для деблокации города. Однако танкисты отказались выполнить приказ Арафата. Их ответ: «Если мы получим указания из Багдада, то мы вмешаемся». Таких указаний иракские соединения не получают, Багдад молчит.

Арафат сознает, что отвод иорданских танков из центра Аммана в ночь первого дня боев может означать только короткую передышку для федаинов. Утром третья танковая бригада вновь пролагает себе путь к центру города выстрелами. Черные облака дыма поднимаются над городом. Сожженные танки и трупы иорданских солдат свидетельствуют о жестокости боев. Тем не менее для руководства ООП надежды нет — армия захватывает все большую территорию.

«Саут аль тхаурат аль Фалестина — Саут аль эшнам аль маркесиа!» Это позывные палестинской радиостанции, которой в эти часы отводится важная роль. «Голос палестинской революции — голос Центрального комитета» — такие слова каждые несколько минут повторяет энергичный мужской голос. Легко узнаваемыми позывными служит также французский военный марш. Музыка часто прерывается для сообщений и приказов. Однако они носят общий характер, не касаясь конкретных боев в Аммане, — иногда они просто создают видимость участия в проведении боевых акций. Это выглядит следующим образом: «Гроздья созрели! Подарок передан!»

Чувствуется, что радиостанция находится далеко от места действия — она не используется информационным центром главного штаба как инструмент ведения войны. Тем не менее «Саут аль тхаурат аль Фалестина» в дни военного столкновения выполняет свою роль. У групп федаинов есть транзисторные приемники: они слушают музыку, энергичный голос; их подстегивают лозунги. Радиостанция внушает федаинам чувство, что они не одни, а принадлежат к большому единству, которое для них конкретно выражается понятием «палестинская революция». Голос по радио в эти черные часы рождает

оптимизм.

«Саут аль тхаурат аль Фалестина» слушают также в лагерях беженцев, которые на второй день боев иорданская артиллерия обстреливает гранатами. Голос по радио информирован об обстрелах, он обещает страшную месть виновным.

У голоса лишь тот недостаток, что он анонимен. Арафат должен был бы обратиться к своему народу, но руководитель ООП не имеет в своем распоряжении линии через Северную Иорданию к радиостанции в Дамаске.

Однако король Хусейн, который мог бы воспользоваться любыми техническими средствами, также хранит молчание перед общественностью. Он находится во дворце аль Хомар западнее Аммана, недалеко от города Сувейле. Он проводит время, забавляясь со своей любительской радиостанцией. Некий радиолюбитель из Англии случайно нападает на ту волну, на которой король Хусейн передает свои звуковые позывные. Хусейн разъясняет англичанину ситуацию в Аммане: «Мы немного убираем у себя дома!»

> «Если бы иорданская армия в Июньской войне 1967 года потратила столько боеприпасов на обстрел израильтян, сколько на обстрел наших позиций и лагерей, тогда арабы выиграли бы эту войну!»

Арафат говорит это на второй день конфликта в командном пункте ООП на Джебель Аль-Вабда. Командиры подразделений проинформировали его, что число павших палестинцев составило уже более пяти тысяч. Все лагеря на холмах Аммана обстреливаются в этот день иорданской артиллерией. Несмотря на большие потери, Арафат отказывается от предложения фельдмаршала прекратить огонь, это предложение содержит условие — палестинцы должны уйти из Аммана.

Телефонная сеть иорданской почты — единственное средство связи, находящееся в распоряжении руководителя командования. Если он хочет установить контакт с правительствами в Дамаске, Каире и Багдаде, то он должен обратиться на служебный коммутатор Главпочтамта в нижней части города.

На конфиденциальность он рассчитывать не может. Арафат знает, что будут свидетели, если он обратится к ответственным сирийским политикам с просьбой о военном вмешательстве на его стороне. Его расчет строится на том, что положительный ответ из Дамаска побудит правительство Багдада также больше не оставаться в стороне — соперничество режимов Баас в Дамаске и Багдаде не позволит одному из них отставать от другого.

Ответственные лица в Сирии не пришли к единому мнению,

следует ли оказывать помощь палестинцам. Хотя ООП является для сирийского руководства идеальным инструментам, чтобы вести борьбу с королем Хусейном и, возможно, даже свергнуть его — к этому времени Хусейн заклеймен в Дамаске как лакей Соединенных Штатов Америки и предатель арабского дела, — однако существуют серьезные опасения перед последствиями активной поддержки ООП. Сирийское руководство Баас с полным основанием считает, что Израиль не потерпит нападения сирийской армии на войска Хусейна. Однако военное столкновение с Израилем в данное время для правительства в Дамаске нежелательно.

Руководство партии Баас верит аргументам Ясира Арафата, который с помощью сирийцев хочет вновь захватить инициативу в борьбе. Тем не менее оно посылает наблюдателем в Иордан высокопоставленного члена партии, бывшего премьер-министра. После возвращения он рекомендует Сирии принять участие в конфликте. Он сообщает, что палестинцы создали в королевстве Иордания новую ситуацию: все территории севернее Аммана следует рассматривать как «освобожденную территорию», они больше не подчиняются авторитету короля. В соответствии с этим можно без риска отважиться на вмешательство: танки войдут на освобожденную территорию; можно не рассчитывать на вооруженную борьбу.

На основании такой оценки ситуации в Аммане руководство Баас в Дамаске решается поддержать ООП. Однако это решение выполняется лишь частично. Одно танковое соединение получает приказ убрать со своих танков сирийские опознавательные знаки и заменить их знаками палестинской освободительной армии.

Предусматривается обманный маневр: должно возникнуть впечатление, что Палестинская освободительная армия (ПОА) посылает в бой свое собственное моторизованное соединение, а Сирия продолжает оставаться в стороне от конфликта. Чтобы еще усилить это впечатление, сирийской военной авиации отдается приказ не поднимать самолеты в воздух. Они не должны стартовать даже для тренировочных полетов, ведь такие маневры могут создать видимость того, что сирийская военная авиация служит воздушной защитой для танков, пересекающих южную границу.

Однако ввести в обман никого не удается, ведь любой наблюдатель, сведущий в военной ситуации в арабском мире, знает, что у ПОА нет более сотни танков советского производства типа Т-55. Она оснащена всего дюжиной устаревших танков Т-34.

Поздним вечером 18 сентября танки с опознавательными знаками ПОА пересекают иорданскую границу у Рамты. Через 5

километров соединение наталкивается на иорданские бронемашины, которые, однако, после короткой перестрелки отходят за холмы вокруг Ирбида. Командир соединения ПОА докладывает, что он насчитал шесть разбитых вражеских машин. Для радио Дамаска и «Голоса палестинской революции» это сообщение является поводом говорить о блестящей победе Палестинской освободительной армии.

Ясир Арафат может с облегчением вздохнуть. Он оценивает положение по радиосообщениям. Он слышит, что Гамаль Абдель Насер отправил три тысячи человек из ПОА, которые базировались в зоне Суэцкого канала, в Сирию, поскольку Сирия теперь совершенно открыто выступает на стороне ООП. Подкрепление, которое перешло границу у Рамты, имело сирийский флаг.

На начало пятого дня боевых действий сирийское соединение, которое медленно продвигается к Ирбиду, действительно состоит из двухсот танков. Идут сильные бои. Однако выясняется, что палестинские боевые организации в треугольнике Ирбид-Аджлун-Джераш не везде являются хозяевами положения, иорданские танковые соединение контролируют важные участки немногих оборудованных дорог.

Надежда Арафата на то, что иракские офицеры-танкисты будут теперь следовать примеру сирийцев, не оправдалась. Иракские машины не двигаются со своих позиций. Их пассивность, как говорят офицеры, объясняется чисто практической причиной: машины заправляются горючим, которое производится иорданским нефтеперегонным заводом в Зарке. Однако этот нефтеперегонный завод находится в руках армии короля.

Иорданцы не думают обеспечивать иракцев горючим. Так что иракское соединение не двигается с места и тогда, когда иорданские бомбардировщики атакуют танки. Чтобы и дальше не вступать в конфликт, правительство в Багдаде находит оправдание для этого инцидента.

На шестой день боев Ясир Арафат, который потерял в Аммане все позиции, кроме лагерей беженцев, может с полным правом рассчитывать на успешный исход боев, несмотря на поражение в столице: сирийские танки группируются для нападения на Амман. Их атака расширяется, хотя они все еще не получают поддержки с воздуха; сирийская военная авиация все еще имеет приказ не поднимать машины в воздух. Иорданские же бомбардировщики используются против сирийских наземных войск.

Фельдмаршал аль Майяли, уверенный в своем успехе в

Аммане, может располагать танками, которые до сих пор использовались в столице: он посылает их на север, навстречу сирийцам. Под Ирбидом завязывается танковое сражение, которое продолжается 16 часов и не заканчивается даже с наступлением темноты. Войска короля теряют примерно 20 танков; сирийцы дают информацию о потере десяти танков. Впрочем, иорданские командиры танков дают гораздо более высокое число поражений. Для иорданской армии исход боя, если принять во внимание ее превосходство, мало лестный.

Верховное командование израильской армии оценивает к этому времени положение иорданских правительственных войск как критическое. То, что Хусейн остается хозяином в Аммане, считается в Тель-Авиве признанным. В то же, что он сохранит Северную Иорданию, верят лишь немногие высшие офицеры. Разрабатываются планы военной помощи. На Голанских высотах израильтяне собирают бронемашины: в течение нескольких часов соединения приведены в боевую готовность и могут осуществить нападение на Дамаск. Явные приготовления израильской армии к нападению вызывают страх у великих держав. Правительства Вашингтона и Москвы сходятся во мнении, что войну на Ближнем Востоке нужно предотвратить. Оба правительства по дипломатическим каналам пытаются добиться, чтобы Сирия вывела свои танки с иорданской территории.

Король Хусейн тем временем дает знать израильтянам, что он согласен на израильское вмешательство, чтобы изгнать сирийцев из Иордании. Прежних врагов приглашают для помощи.

Для Ясира Арафата пробил час жесточайшего разочарования: 23 сентября, на седьмой день боев между иорданской армией и палестинскими организациями, сирийские танки повернули на север — они возвращаются через границу на родину. Фельдмаршал аль Майяли вечером того же дня приказывает сообщить по радио Аммана, что Сирия устранилась от конфликта. Иорданская армия отныне вновь контролирует все дороги в Северной Иордании. Арафату остаются только дипломатические средства, чтобы сохранять свою жизнь и существование ООП.

Ясир Арафат обращается по палестинскому радио к арабскому миру:

> «Амман пылает. Тысячи из нашего народа погребены под развалинами. Их тела разлагаются. Тысячи из нашего народа остались без крыши над головой. Им грозит голодная смерть. Такой резни еще не было в истории. Двадцать тысяч человек погибли. Море крови отделяет нас от этого короля и его правительства».

Если в период перед открытым столкновением некоторые арабские правительства раздраженно указывали на своеволие палестинских организаций, то жестокое обращение иорданских войск с лагерями вокруг Аммана вызывает волну симпатий к угнетенному палестинскому народу.

Ливийский президент Моаммар Каддафи уже в начале гражданской войны прекратил свои платежи иорданскому государству. По отношению к «фронтовым государствам» Каддафи с момента своего прихода к власти всегда проявлял великодушие в финансовом отношении. Одна Иордания получила в течение одного года его правления около 25 миллионов долларов. Теперь государство короля Хусейна надолго вычеркнуто из ливийского списка пожертвований.

Гамаль Абдель Насер, который еще в начале сентября был отрицательно настроен по отношению к ООП, старается предотвратить поражение палестинцев. В качестве своего личного наблюдателя Насер посылает в Амман начальника генштаба египетской армии. У этого свидетеля довольно быстро возникает впечатление, что лишь человек с большим политическим весом может завершить это противостояние. Гамаль Абдель Насер уговаривает наконец суданского президента Джафара Нимейри взять на себя посредническую функцию. Нимейри, человек мужественный и энергичный, готов к этому, но хотел бы, чтобы все главы арабских государств вместе назначили его посредником.

Однако конференция на высшем уровне королей и президентов не состоится, поскольку Сирия упорно отказывается посылать делегата в Каир. Нимейри отказывается от своего условия, поскольку Насер оказывает на него сильное давление, и вылетает в иорданскую столицу, где все еще идут бои за лагеря беженцев.

Джафар Нимейри сразу же после приземления в иорданской столице едет к королю Хусейну, который находится во дворце Аль-Хомар за пределами Аммана. Во время поездки вокруг города машина суданца неоднократно обстреливается. Боевики и солдаты армии открывают в эти дни огонь по любой машине, которую они не могут идентифицировать, и по любому человеку, который покажется на улице.

Во дворце Аль-Хомар Нимейри требует, чтобы ему сразу же была дана возможность встретиться с Арафатом. Однако король возражает, что руководитель ООП скорее всего находится в лагере Джебель Аль-Вабда, вступить с ним там в контакт вообще невозможно.

Хусейн предлагает обмен: с начала боев его армия

удерживает в плену четырех важных человек из штаба Ясира Арафата. Двое из них, Абу Аяд и Фарук Каддуми, могли бы теперь пригодиться на переговорах. Обоих привозят из камеры заключения в городе во дворец Аль-Хомар. Абу Аяд сообщает: «Через несколько минут после нашего прибытия появляется Хусейн, чтобы приветствовать нас. Он сердечно обнимает меня и спрашивает укоризненным тоном: «Вы довольны трагедией, которую мы переживаем?» Но я отвечаю ему: «Ваше величество, мы все испробовали, чтобы избежать этой катастрофы, и Вы это прекрасно знаете. Но знаете ли Вы, как ведут себя Ваши войска? Что они собираются перебить население? Что Ваши люди в военном лагере Табарбур, недалеко от Вашего дворца, пытают молодых патриотов?»

Король берет меня за руку и заверяет, что он назначит расследование по этому делу. Беседа, которая состоялась между нами и членами арабской делегации в присутствии Хусейна, была посвящена тому, как нам установить контакт с Арафатом, чтобы как можно быстрее установить перемирие. Попытка связаться с Ясиром Арафатом по радио или по телефону заканчивается неудачей».

Чтобы положить конец жестоким боям и гибели людей в Иордании, Абу Аяд решается наконец на свой страх и риск заключить с королем соглашение о немедленном перемирии. Он предлагает четыре пункта: возвращение королевской армии в казармы, освобождение города Аммана силами ООП, начало переговоров с ООП как с единственным правомочным представителем палестинского народа, установление опорных пунктов федаинов вдоль демаркационной линии между Иорданией и занятыми Израилем областями.

Абу Аяд настоятельно подчеркивает, что он, движимый желанием спасти человеческие жизни, вносит это предложение. Но по-настоящему законным подобное соглашение может стать только после одобрения Ясиром Арафатом и органами ООП.

Абу Аяд продолжает считать себя все еще пленным иорданской армии. «Пленный не может свободно принимать решения», — заявляет он. Хусейн не считается с этими опасениями; он заботится о предании гласности четырех пунктов по радио Аммана, с добавлением, что король и правительство уже приняли их. Таким образом Арафат, по распоряжению которого постоянно прослушиваются передачи амманского радио, узнает, что его соратник Абу Аяд вступил в переговоры с врагом.

Он яростно реагирует на это самоуправство: «Абу Аяд совершенно не знает, что происходит. Он ведь в плену, изолирован от действительности. Для меня борьба будет

продолжаться, пока фашистский режим не исчезнет!» У него такое чувство, что его предали. Он вынужден бессильно сидеть в своем главном штабе на Джебель Аль-Вабда.

Суданский президент хочет вечером того же дня вылететь в Каир, чтобы сообщить обо всем Гамалю Абдель Насеру. Он и Хусейн спешно подписывают документ, который должен положить конец гражданской войне. Основой текста договора являются предложения, сделанные Абу Аядом. Хусейн по радио объявляет главнокомандующему своей армии, что оружие должно быть сложено.

Фельдмаршал аль Майяли, несмотря на объявление о политическом соглашении между ООП и правительством, приказывает усилить артиллерийский огонь по лагерю, в котором находится Ясир Арафат. Очевидно, иорданский верховный главнокомандующий намеревается захватить руководителя ООП живым или мертвым. Делегация суданского президента — к ней, с согласия короля, присоединился Абу Аяд, — информирует Насера об опасности, в которой находится Арафат. Глава египетского государства поручает генералу Садеку разработать план по скорейшему спасению Арафата. Для исполнения плана Садек отправляется в Амман.

Условием удачного выполнения плана является какая-либо форма контакта с Арафатом. После своего прибытия в Амман — официально он ездит как наблюдатель по поручению Насера — Садек вначале отправляется в египетское посольство. Связистам посольства после многочасовых попыток наконец удается найти частоту, на которой работает один из немногих передатчиков временного главного штаба Арафата.

Когда связь в конце концов с радостью установлена, Арафату передается шифрованное послание, код для этой цели Садек получил от Абу Аяда. Расшифрованный текст гласит: «Поезжайте по дороге от отеля «Караван» к египетскому посольству. Переоденьтесь в кувейтского бедуина. Распорядитесь, чтобы Ваши соединения прекратили огонь в районе египетского посольства». Подобная маскировка выбрана потому, что Арафат, живший в Кувейте, знает, как одеваются и ведут себя бедуины этой местности. Однако переодевание лишь ненамного снимает риск: типичные черты лица, складки вокруг рта и носа, а также глаза даже при самой изощренной маскировке остаются на виду.

План срабатывает. В египетском посольстве Арафата ждет штаб генерала Садека. Вокруг раздаются взрывы иорданской артиллерии. После беседы с президентом Нимейри, в которой руководитель ООП соглашается заключить перемирие, удается установить телефонную связь с палестинской радиостанцией.

Арафат может теперь обратиться к своим бойцам:

> «Гордый палестинский народ! Мужественные революционеры! Чтобы избежать дальнейшего кровопролития и дать возможность гражданам позаботиться о раненых и о своей собственной жизни, я откликнулся на обращение глав арабских государств и в качестве верховного главнокомандующего палестинских вооруженных сил дал согласие на перемирие. Я прошу вас, братья мои, соблюдать это перемирие — при условии, что противник также его соблюдает».

Гамаль Абдель Насер доволен, что кровавый конфликт удалось уладить. Но кроме того он хочет добиться настоящего решения спора между иорданцами и палестинцами. Насер просит президента Нимейри покинуть иорданскую столицу и полететь в Каир; он предлагает также, чтобы его сопровождал Ясир Арафат.

Не подвергаясь контролю, группа прибывает в аэропорт. В самолете, предоставленном суданскому президенту, посреднику в иорданском конфликте, Арафат покидает Амман. Он открыто признает, что его отбытие можно назвать только бегством.

Король Хусейн до сих пор отказывался лететь в Каир, чтобы принять участие в конференции на высшем уровне глав арабских государств, которая созвана для улаживания конфликта в Иордании. Аргументом Хусейна было то, что его присутствие настоятельно необходимо в Аммане. Однако когда из телеграфного сообщения египетского президента король узнает об удавшемся бегстве Арафата, он больше не колеблется, — он сам направляет «Каравеллу» иорданской королевской авиакомпании Alia в Каир.

16. Насер изо всех сил старается спасти ООП

В отеле «Нил-Хилтон», расположенном прямо у реки, враги встречаются лицом к лицу. Почти все арабские государства представлены на конференции на высшем уровне высокопоставленными делегатами, однако ход событий определяют лишь Арафат, Хусейн и Насер.

Абу Аяд, который до прибытия Арафата хотел разъяснить участникам конференции положение дел в Аммане, описывает настроение в зале заседаний следующим образом: «Уже пока я говорю, мне бросается в глаза, что на большинство слушателей мое сообщение не производит впечатления. Впрочем, они слушают меня вежливо. Однако неподвижное выражение их лиц, равнодушный, временами даже отсутствующий взгляд свидетельствуют о безучастности, которая меня сильно пугает. Эти люди, которые сидят передо мной, — неужели это действительно вожди арабской нации, которая возмущалась кровавой трагедией иорданского и палестинского народа?»

В отеле имеются вместительные конференц-залы и апартаменты, где можно достойно разместить монархов и глав государств. Арафату предоставлены апартаменты на пятом этаже. Президент Насер, который в своей столице мог бы воспользоваться любым дворцом, на время проведения конференции поселяется в отеле «Нил-Хилтон». Он хочет направить всю свою энергию на то, чтобы обеспечить надежную базу для соглашения между Арафатом и королем Хусейном.

Руководитель ООП входит в конференц-зал с твердой решимостью свести счеты с Хусейном. Нельзя не заметить пистолета, который Арафат носит на правом бедре. Хусейн также вооружен. Никто в зале, кроме короля и лидера ООП, не имеет при себе оружия.

Арафат не может сдержаться и называет короля убийцей палестинского народа. Хусейн в ярости возражает, что палестинцы пытались его убить, он был вынужден действовать из чистой обороны. Арафат упрекает короля в сотрудничестве с израильтянами. Ведь в конечном счете иорданская армия во время Июньской войны проявила меньше решимости в борьбе против израильских агрессоров, чем теперь, во время жестокой акции против безоружных людей в лагерях.

Некоторым из рядом стоящих кажется, что Ясир Арафат сейчас схватится за пистолет, чтобы застрелить Хусейна, — они

оттесняют спорящих подальше друг от друга.

Ливийский президент Моаммар Каддафи безоговорочно поддерживает Арафата. Он также ругает Хусейна — впрочем, в его отсутствие. Каддафи: «Мы тут имеем дело с сумасшедшим. На него надо надеть смирительную рубашку — и в сумасшедший дом». Королю Саудовской Аравии Фейсалу не понравился тон ливийца; он возражает: «Не подобает называть арабского монарха сумасшедшим, которого надо отправить в сумасшедший дом». Каддафи упорствует в своем мнении: «У Хусейна же вся семья сумасшедшая. Это же известно. Это даже документально подтверждено».

Фейсал отвечает на это: «Очевидно, мы все сумасшедшие». Президент Насер вмешивается в дискуссию: «Если посмотреть, что происходит в арабском мире, то, действительно, можно прийти к такому выводу. Я предлагаю, чтобы врачу-специалисту было поручено регулярно обследовать наше душевное состояние. А потом он решит, кто из нас спятил». Фейсал подхватывает эту мысль: «Тогда ваш доктор может сразу же начать с меня. Когда я слушаю, что говорится в этом конференц-зале, мне с трудом удается сохранить рассудок».

Король Фейсал особенно негодует по поводу предложения ливийского президента помочь палестинцам в Аммане, прислав воинский контингент. Гамаль Абдель Насер также против этого предложения; он говорит: «Я считаю, что должен проинформировать Вас о телеграмме, которую я получил сегодня утром из Москвы. Нас призывают сохранять максимальную сдержанность. Международное положение сейчас стало исключительно деликатным. Даже малейший просчет, как считает Москва, может повлечь тяжелые последствия для арабского дела».

Гамалю Абдель Насеру не дает покоя это напоминание о взрывоопасности положения в Иордании в связи с международной напряженностью. Его планы создания боеспособных дивизий, которым можно доверить переход через Суэцкий канал, окажутся в опасности, если он будет вынужден оказать палестинцам в Иордании военную помощь. Он собирался дать своей армии передышку; он не может истощать ее авантюрами с непредсказуемым исходом.

Кроме того, египетский президент осознает, что он потеряет расположение Советов, если позволит Моаммару Каддафи напрямую вовлечь себя в бои за Амман, поскольку в телеграмме из Москвы сказано еще и следующее: «Арабы должны думать о том, что они легко могут утратить все то уважение, которое им с трудом удалось завоевать после Июньской войны».

В упорных переговорах с глазу на глаз Насер заставляет обоих противников согласиться на перемирие. Иорданский король колеблется, поскольку он знает, что с каждым днем боев он все больше может поставить палестинцев на колени. Ясир Арафат готов пойти на компромисс, поскольку он хочет спасти своих бойцов и людей в лагерях.

Гамаль Абдель Насер приводит в качестве аргумента Хусейну советское предостережение. Если Хусейн не уступит, то он взвалит на себя историческую вину за то, что побудил вмешаться Израиль и спровоцировал неизбежное поражение. В конце длинной беседы Насер заставляет лидера ООП подать королю руку. Арафат и Хусейн улыбаются друг другу. Глаза Арафата спрятаны за темными стеклами солнцезащитных очков.

В памяти Арафата этот момент вскоре затерялся на долгое время. Когда осенью 1970 года, через несколько месяцев после переговоров, я спрашиваю его в Аммане, как ему удалось преодолеть себя и подать королю руку, то Арафат уверяет, что ничего подобного не было. Когда я ему говорю, что эта сцена снята на пленку, он отвечает: «Мы тогда заключали договор, а рукопожатие в таких случаях принято».

Этот договор содержит 14 пунктов, и его формулировки благоприятны для палестинской боевой организации. Он оставляет за членами ООП полную свободу передвижения по Иордании; вооруженные люди должны лишь держаться подальше от городов. Четырнадцатый пункт обязывает короля Хусейна к «безоговорочной поддержке палестинской революции, чтобы она могла выполнить свою священную обязанность — освобождение палестинской родины». Король Хусейн никогда не собирался выполнять этот договор.

Благодаря поддержке ливийского президента Арафат смог достичь психологического успеха: оба они побуждают премьер-министра Иордании, бригадного генерала Мохаммеда Дауда подать в отставку. Мохаммед Дауд — палестинского происхождения, с самого начала гражданской войны он страдал от того, что народ и ООП терпят жестокие удары от армии, офицером которой он является. Хотя он имеет титул главы исполнительной власти, он никогда не имел ни малейшего шанса взять верх над фельдмаршалом аль Майяли, которому подчиняется армия.

Чтобы полностью исключить его как политическую силу, король назначил премьер-министра постоянным делегатом на конференции глав арабских государств. В Каире его вначале убеждает его дочь сообщить королю об отставке. Она прилетела из Бейрута, чтобы, будучи политически активной палестинкой,

обвинить отца в разговоре с глазу на глаз в предательстве.

Она проводит предварительную психологическую подготовку для Арафата и Моаммара Каддафи, которые объясняют бригадному генералу, что арабская история обвинит его в том, что он бросил на произвол судьбы цвет арабского национализма, палестинскую революцию, способствовал их гибели. Мохаммед Дауд уступает нажиму: он посылает королю собственноручное письмо с заявлением, что совесть не позволяет ему быть соучастником уничтожения своего народа.

«Мне нужен долгий, долгий сон», — эти слова говорит Насер своему министру информации Хасанейну Хейкалу, проводив последнего участника конференции, эмира Кувейта, в аэропорту Каира. У президента, как уже часто бывало, боли в ноге. На вопрос Хейкала, как он собирается снять боль, Насер говорит: «Я опущу ногу в горячую соленую воду». Он добавляет, что этим средством пользовался еще его отец.

В 15.30 Насер в своей семье. Его ждали с обедом, но он ни к чему не притрагивается. Он ложится в постель, но через несколько минут требует, чтобы пришел врач. В 16 часов врач констатирует, что у Насера сердечный приступ. Вскоре Насер теряет сознание. Врач массирует сердечную область, но президент не подает признаков жизни.

Гамаль Абдель Насер истратил свои последние жизненные силы на прекращение гражданской войны в Иордании и сохранение ООП как политического и военного фактора.

Насеру поневоле пришлось нарушить запрет его русского врача доктора Газова, который назначил президенту месяц абсолютного покоя. Насер должен был находиться в Мерса Матрух, на вилле у моря, на которой, кроме телефона, не было никаких средств связи, обычно находящихся в распоряжении главы государства.

Именно в день приезда президента в Мерса Матрух король Хусейн отдал приказ о нападении иорданской армии на палестинцев. Известие о начале гражданской войны от Насера вначале утаили; однако по настоянию Ясира Арафата молчание было прервано.

Секретари президента вняли аргументу, что молчание Каира может быть истолковано королем Хусейном как согласие не щадить ООП. Гамаль Абдель Насер был лидером арабского мира, с мнением которого следовало считаться. Египетский президент должен был вмешаться — поэтому ему прошлось в конце концов уехать из Мерса Матрух на последнюю политическую акцию в его жизни.

Все главы государств, которые только что покинули Каир,

возвращаются, чтобы проводить Насера в последний путь. Ясир Арафат также участвует в траурной церемонии.

Он не скрывает своих слез. Он говорит, что палестинская революция потеряла отца — и при этом забывает, что Гамаль Абдель Насер долгое время скептически относился к ООП, что он с подозрением относился к ее подъему, что он часто хотел использовать ее как средство.

Отныне Арафат видит в Насере прежде всего спасителя в отчаянной ситуации. Множество раз он будет выражать сожаление о смерти этого арабского государственного деятеля — у него часто будут достаточные основания для такого сожаления. Начатый тогда процесс в Иордании, как он высказался позднее, протекал бы иначе, если бы Насер был в живых. После смерти Насера Хусейн больше не чувствовал себя связанным обязательствами.

17. Самый тяжелый период для Арафата

С самого рассвета 2 декабря 1970 года над иорданской столицей лежит выжидательная тишина. Наследный принц Хасан собирается от имени отсутствующего короля открыть сессию парламента, которая должна была уже давно начаться.

С середины октября объявлено о сессии, основной темой которой будет преодоление последствий гражданской войны. Начало заседаний все время откладывалось, поскольку политики монархической ориентации и военные требовали впечатляющей демонстрации королевской силы. Однако до начала декабря ответственные за безопасность должностные лица, политики и офицеры считали подобную демонстрацию опасной.

Ко 2 декабря армейское руководство убеждено, что сторонники ООП в Аммане больше не имеют оружия. За последние недели склады оружия ликвидировались один за другим. Военные во время этих акций нарушили условия Каирского соглашения, которые предусматривали, что в столицу не будут введены вооруженные армейские подразделения. Армия давно уже заняла все важные точки в Аммане, от федаинов же требуется точно придерживаться условий соглашения. У ООП оружие изымалось силой — со ссылкой на соглашение между Хусейном и Арафатом, сама же армия использовала свое оружие без всякого стеснения, чтобы разоружить палестинцев. Это было закончено ко 2 декабря.

Наследный принц Хасан решил проехать по улицам к парламенту в открытом автомобиле. Именно на такого рода демонстрацию надеялись сторонники монархии. Однако ответственный за Амман офицер безопасности запрещает поездку в открытой машине, поскольку все еще существует опасность, что из лагеря на холме будет выпущен ракетный залп или в домах по пути следования машины укроются снайперы. Верховное командование армии поддерживает принца в его споре с офицером безопасности. Высший орган вооруженных сил гарантирует безопасность принца.

Жители Аммана ждут, решится ли ООП нанести удар по монархии. Если кронпринца обстреляют, то палестинцы тем самым продемонстрируют, что они не отказались от своих притязаний на Амман. Если кронпринц беспрепятственно проедет в открытой машине по Амману, то со всей очевидностью будет продемонстрирована победа королевской армии над

палестинцами.

В конце концов офицер безопасности добивается сокращения пути поездки: Хасан не поедет по центру города, его машина должна ехать по кварталу вилл вокруг парламента в сопровождении конвоя. Там можно проконтролировать дорогу и здания. Вооруженные автоматами солдаты стоят вдоль улицы, на перекрестках — танки.

Кронпринц Хасан доезжает до здания парламента без малейших помех. Он приезжает, стоя в машине, верхняя часть тела возвышается над машиной. Хасан кивает, но по сторонам дороги стоят только солдаты, жители Аммана попрятались в домах.

В этот день особенно ясной стала дилемма, стоящая перед руководством ООП. Ракетный обстрел конвоя принца побудил бы армейское руководство к жестокой расправе, которой федаины не могли бы успешно противостоять. Ясир Арафат не хотел брать на себя ответственность за новые потери среди мирных жителей и бойцов. Оставалось только тяжелое решение: пойти на огромную потерю престижа, настолько явно уступив столицу Иордании противнику.

Сразу же после возвращения с открытия парламента я получаю в отеле «Интерконтиненталь» в Аммане сообщение, что у лидера ООП есть время для беседы. Она должна состояться поздно вечером, в лагере Джебель Ашрафи, который находится на господствующей над городом высоте. Данные места встречи не указываются. С арабскими служащими ARD-Teams я отправляюсь в путь. Мы ведем поиски на «улице автослесарей» на окраине лагеря Джебель Ашрафи. Дома здесь разрушены, главного штаба здесь уже нет.

Наконец, скорее случайно, мы попадаем в здание, где находится радиостанция ООП. Два федаина сидят перед простыми аппаратами, которые выглядят довольно потрепанными. Они знают, где находится Арафат: его командный пункт всего в нескольких метрах от радиостанции. Мы пробираемся в темноте через развалины и оказываемся наконец перед бетонным двухэтажным домом, который слегка поврежден снарядами. В первом помещении находятся часовые, работает штаб.

Своеобразно изменялся тип людей, которые теперь окружают руководителя ООП: до начала гражданской войны вокруг Арафата были в основном люди, которых можно было отнести к интеллигенции, теперь часовые и штаб состоят из крепких бойцов-федаинов, которые выглядят беспощадно и жестоко.

Во втором помещении Арафат ждет за простым деревянным

столом. Перед ним лежит автомат, на полу — скатанные шерстяные одеяла; очевидно, Арафат спит в этой комнате. С потолка свисает на проводе тусклая лампочка. На приставном столике полевой телефон. Центр Организации освобождения Палестины имеет убогий вид.

Я сразу же спрашиваю Арафата о его оценке событий дня: «Кронпринц Хасан демонстративно едет по городу. Вы, Ясир Арафат, обещали своему народу: «Амман станет нашим Сайгоном». Однако все выглядит так, как будто Вы потеряли Амман».

Арафат отвечает: «Хочу сразу же сказать, что этот принц для меня не существует, о нем я вообще не буду говорить. Что касается Аммана: Вы верите тому, что показывают Вам Ваши глаза. Но не это правда. Амман и есть наш Сайгон, потому что население больше не за Хусейна. Я сказал это ему в лицо на конференции, которую еще Насер организовал в Каире. Я сказал ему: «Как же Вы собираетесь править людьми Вашего королевства — ведь десятки тысяч Вы, Хусейн, уже убили!»

На что опирается Хусейн сегодня? Лишь на США. Они дают ему деньги и оружие. Американцы хотят, чтобы мы исчезли. Кто борется здесь против нас — тот агент американских спецслужб. Больше против нас нет никого».

Не обходится и без вопроса об опыте гражданской войны: «Кого после этого Вы считаете своим другом в мире? Арабские правительства хотят получить обратно потерянные территории, больше ничего. В Палестине они вообще не заинтересованы».

Ответ Арафата: «Сегодня это действительно так. Завтра это изменится. Наши арабские братья вынуждены будут признать, что Израиль никогда не уступает. Тогда мы им снова понадобимся. У нас впереди долгий поход, но в гонке мы победим».

Десять дней спустя, после новых столкновений, Ясир Арафат вновь заключает соглашение с правительством короля. Фотографируют, как он подает руку ближайшему советнику короля, тогдашнему премьер-министру Васфи Телю. Многие палестинцы считают, что Васфи Тель и есть главный подстрекатель, под давлением которого Хусейн решился на гражданскую войну. Поэтому неудивительно, что фотография с рукопожатием Арафата и Васфи Теля вызывает раздражение в лагерях палестинцев.

Непосредственно после этой встречи с Телем Арафат вынужден освободить свой штаб на Джебель Ашрафи в Аммане. Несмотря на соглашение с иорданским премьер-министром, он больше не застрахован в столице от происков правительства.

Но выясняется, что Арафат не может быть полностью уверен

и в своих собственных людях, федаинах. По пути из Аммана в новый главный штаб в Северной Иордании у города Джераша машина типа лендровер, в которой находятся федаины, подвергается обстрелу. Находящиеся в ней погибают от выстрелов других федаинов. Обстреливающие хотели убить Арафата и по ошибке приняли лендровер за машину Арафата.

В качестве причины покушения палестинцы называют предательство Арафата, которое он совершил, подписав договор с королем и Васфи Телем. Когда руководитель ООП прибывает в расположение федаинов под Джерашем, его встречают недружелюбными возгласами. Обычных рукоплесканий, к которым привык Арафат, нет.

Арафат и его окружение признают, что раскол в боевой организации является главной причиной потери Аммана. 15 ноября газета Аль Фатах сообщает, что все партизанские организации пришли к решению выработать план, который сделал бы возможным слияние всех группировок. Самая сильная из этих групп, а именно Аль Фатах, объявляет о своей готовности включить в себя меньшие группы.

Но как бы ни была разумна эта мысль, ее невозможно осуществить, потому что именно маленькие организации отличаются от Аль Фатах в идеологическом отношении сильнее всего. Аль Фатах всегда отказывалась от ориентации на какую-то одну идеологию, потому что старалась избежать однобокости. Однако именно односторонняя ориентация была необходима таким группам, как, например, Демократический фронт освобождения Палестины, — особенно перед лицом потенциальных кредиторов.

Включение в рамки Аль Фатах означало бы отказ от собственного лица и от собственных денег. Поэтому мелкие организации оставили без внимания агитацию Арафата. Таким образом, призыв ко всем партизанским группировкам в будущем объединиться не был реализован. Лозунг Арафата «Единство оружия» так и остался пустой формулой.

Руководитель ООП, которому пришлось покинуть Амман, старается придать больше мужества федаинам, которые теперь вынуждены скученно жить в районе Джераша и западнее города, в лесах Джебель Аджлуна. Он говорит о том, что у ООП больше рекрутов, чем когда-либо прежде: молодежь из палестинских лагерей стремится к военной подготовке. Все еще называется число в пятьдесят тысяч бойцов, оно должно включать активных федаинов и членов милиции. Наверняка в те недели это число имело мало общего с реальностью. Арафату в момент глубочайшего кризиса ООП приходится прибегать к пропаганде,

чтобы вызвать оптимизм.

Новые надежды появились, когда 15 ноября 1970 года в Дамаске произошел путч и сменилась власть. Смещен и арестован президент Аттаси, который несет ответственность за безрезультатную помощь Сирии палестинцам.

Новый человек у власти в Дамаске — Хафез Асад — обосновывает свой путч тем, что не может больше смотреть на то, как Сирия теряет свой престиж в арабском мире из-за колеблющейся позиции. Арафат принимает к сведению слова президента Асада, что обновленная власть в Дамаске ни в коем случае не допустит ликвидации палестинской революции. Таким образом, Арафату теперь ясно, что он может положиться на Хафеза Асада в возможных столкновениях с иорданской армией. В смещении прежнего президента Арафат видит поворот к лучшему: у ООП, считает он, вновь появился друг.

Однако Ясира Арафата угнетает то, что Хафез Асад, новый президент Сирии, будучи министром обороны во время гражданской войны в Иордании, воспрепятствовал вмешательству сирийской авиации на стороне палестинцев. Она могла бы помочь сирийскому танковому соединению добиться успеха.

В Иордании уже возникает новая вспышка враждебности. Вопреки всем предшествующим обязательствам премьер-министр Васфи Тель требует от палестинских боевых организаций уйти из города Джераша. Федаины собираются противостоять несправедливому требованию, однако грубо вмешивается армия: в столкновении погибает около ста палестинцев.

На свой страх и риск, без согласования с Арафатом, федаины после этого нападают на иорданские полицейские участки — и тем самым дают премьер-министру повод для дальнейших ударов по палестинцам. Пытаясь уменьшить негативные последствия, Арафат заключает с Телем новые соглашения — и тем самым еще больше роняет свой авторитет у бойцов. Они не принимают союза Арафата с королевским правительством.

Палестинский национальный совет, орган, который должен определять главную политическую линию ООП, защищает готовность Арафата к соглашению. Руководитель ООП добивается у совета заявления, которое можно истолковатть как обещание ООП своими акциями не затруднять египетскому дрезиденту путь к мирному соглашению с Израилем.

Когда египетская газета «Аль Ахрам» вслед за этим сообщает, что ООП согласна на политическое решение всего ближневосточного конфликта, Арафат гневно опровергает это и протестует. Ответ, который дает Арафат, звучит следующим образом: *«Мы видим только одно решение конфликта, и это*

решение — вооруженная борьба! Мы не приемлем никаких компромиссов».

Однако сил, которые хотели бы вести вооруженную борьбу, все меньше. После тайной встречи иорданского короля с иракским вице-президентом Салехом Аммашем правительство Багдада принимает решение о возвращении своих соединений, которые все еще находятся в Иордании. Хотя иракская дивизия не помогла ООП ни одним выстрелом, ее присутствие было важно для Арафата, ведь она представляла собой постоянную угрозу, с которой армейское руководство Иордании вынуждено было считаться. Наконец, иорданский военный аэродром Мафранг был расположен в пределах досягаемости иракских противотанковых пушек.

По совету Абу Аяда Арафат начал устанавливать контакты с Анваром Садатом, который к этому времени прочно занял место Гамаля Абдель Насера. Хасанейн Хейкал — некогда доверенное лицо Насера, который теперь старался завоевать доверие Садата, — так описывает встречу между Садатом и Арафатом, который прибыл в Каир со своими советниками: «8 марта 1971 года я встретился у себя дома с Арафатом, которого сопровождали Абу Аяд, Абу Лутуф и Абул Саид. Это было в 6.30 вечера. Через полчаса мы отправились к дому Садата. Египетское правительство предоставило в распоряжение Аль Фатах японскую машину. Арафат и Абу Аяд поехали в машине, вел ее Арафат; двое других же отказались ехать, мотивируя тем, что эта машина выпущена страной нереволюционной ориентации».

Один член Аль Фатах из узкого круга, близкого к Ясиру Арафату, заметил по поводу рассказа Хейкала, что руководство ООП отнюдь не такое узколобое — ведь все ездят на машинах стран западной ориентации. Этот человек пояснил, что отказ Абу Лутуфа и Абула Саида ехать в машине скорее всего связан с манерой Арафата водить машину.

Хейкал так описывает встречу между Анваром Садатом и лидером палестинцев: «Президент Садат хотел знать, какой вклад в общее дело может внести движение сопротивления в случае новой ближневосточной войны. Согласились с тем, что Арафат должен договориться с генералом Садеком о координации вклада палестинцев с общей стратегией.

Как ранее Насер, так теперь Анвар Садат подчеркивал, что движение сопротивления не должно реагировать ни на какие политические или военные провокации короля Иордании. Садат рекомендовал своему собеседнику не участвовать ни в каком международном урегулировании. Король может подписывать какие-то соглашения — но движение сопротивления ни в коем

случае не должно ставить свою подпись. ООП должна заботиться о том, чтобы палестинское дело не погибло.

Абу Аяд высказал мнение, что встреча между Садатом и королем Хусейном пошла бы на пользу ООП, поскольку Хусейн понял бы, что палестинцы пользуются поддержкой Каира. Однако Садат не поддержал эту идею, поскольку Хусейн лишь стал бы жаловаться на то, что он больше не получает от богатых арабских стран денежную помощь».

Для боевых акций против Израиля у ООП больше нет сил. Политические и военные лидеры заняты внутренними арабскими конфликтами, которые связаны с противостоянием в Иордании. Ливийский президент Моаммар Каддафи напоминает о том, что подлинной задачей ООП следует считать борьбу против Израиля. Он высказывает свою точку зрения совершенно четко: «Без акций против Израиля денег не будет».

Однако ООП зависит от ливийской помощи. Необходимо закупать оружие. Иорданская армия за прошедшие месяцы конфисковала тридцать тысяч единиц автоматического оружия — оно должно быть возмещено.

Чтобы выполнить требование Моаммара Каддафи и не потерять его материальной поддержки, ООП организует ракетный обстрел кибуца в долине Бейсана; это первая акция федаинов против Израиля за последние три месяца. Сразу же после этого Ясир Арафат получает предупреждение от армейского руководства Иордании, что ракеты можно выпускать только с занятой территории, а не территории Иордании.

Авторитет Арафата в лагерях палестинцев падает, когда 31 мая иорданское саперное соединение вторгается в лагерь палестинцев Вахдат, чтобы саперными лопатами разрушить «могилу неизвестного федаина». Этот памятник был сооружен над местом последнего успокоения 175 палестинцев — жертв гражданской войны.

Иорданская армия оскверняет это место с совершенно понятными намерениями. Разрушение надгробного памятника Арафат должен воспринять как пощечину, причем именно от того режима, с которым он всегда старался прийти к полюбовному соглашению. Недовольные голоса в руководстве требуют смены Арафата, поскольку его считают ответственным за цепь поражений и унижений, которым подверглись палестинцы.

Беда нагрянула, когда премьер-министр Васфи Тель открыто заявляет, что король Хусейн дал ему поручение «предпринять решительные шаги против горстки профессиональных преступников и заговорщиков, которые под прикрытием палестинского сопротивления преследуют свои собственные

преступные цели».

Имеются в виду боевики Народного фронта освобождения Палестины, которые в эти недели чувствуют себя настолько сильными, что, невзирая на призывы Арафата именно сейчас вести себя сдержаннее, планируют показательные акции. Жорж Хабаш сообщает Арафату, что он принял рекрутами 300 молодых мужчин и что у него есть деньги из Ливии.

Несмотря на нападение в долине Бейсан, Каддафи прекратил свои платежи ООП. Однако Жорж Хабаш получил специальные средства. Часть суммы Народный фронт тратит на акцию, которая вызывает взрыв ярости у монархов арабских нефтедобывающих стран: четыре федаина Народного фронта на двух маленьких торпедных катерах приближаются к танкеру «Coral Sea» водоизмещением 78 000 тони, который через пролив Баб аль Мандеб идет в Красное море. Цель танкера — израильский нефтяной порт Эйлат.

Четверо федаинов со своих катеров открывают ракетный огонь по танкеру. Они выполняют приказ затопить танкер, следующий под либерийским флагом. Несколько ракет достигают цели. На судне возникают пожары, которые тем не менее удается потушить.

Правители нефтедобывающих стран боятся, что подобные налеты могут сделать нефтяной бизнес слишком опасным и даже привести к его остановке. Они доказывают, что тем самым арабская сторона вредит сама себе в ближневосточном конфликте, поскольку тогда она лишится финансовых средств, необходимых для усиления боеспособности. Теперь упреки выслушивает не Жорж Хабаш, а Ясир Арафат, который действительно претендует на то, чтобы нести ответственность за всех палестинцев.

Одним из лидеров ООП в это время является палестинский поэт Камаль Насер. Ему 40 лет, он коренастый, постоянно нервозно курит. На него возложена задача поддерживать контакты с журналистами. Камаль Насер — не пронырливый рекламщик, который будет пропагандировать палестинское дело, не считаясь с подлинным положением вещей.

С теми, кого он знает, Камаль Насер говорит открыто. Его вывод из событий осени 1970 года: «Мы должны заниматься самокритикой. Нам не удалось разработать общую стратегию, в которой все акции сочетались бы, были согласованы друг с другом. Тем не менее вину за наше поражение я возлагаю не на отсутствие координации и единства, а на нашу невероятную наивность. Мы стали жертвой собственных неправильных расчетов. В сентябре 1970 года мы никогда бы не поверили, что

король Хусейн нападет на свою собственную столицу. Однако самой большой ошибкой был отход из Аммана в окрестности Джераша. Мы привыкли себя чувствовать в городе надежно. К лесам мы не можем привыкнуть».

«Мы были настолько наивны, что верили королю!» — эту критическую мысль Камаль Насер повторяет снова и снова. Хотя он является членом Исполнительного комитета ООП, но поскольку Камаль Насер не входит ни в Аль Фатах, ни в другую активную боевую группу, он не относится к тем людям, которые действительно определяют политику ООП. Однако и те, кто пользуется в ООП большим влиянием, как и Камаль Насер, становятся самокритичными.

Самокритика пронизывает разговоры ближайшего окружения Ясира Арафата. Его осыпают упреками и предостерегают, что король все еще недоволен, что он будет пытаться полностью изгнать боевиков из Иордании.

Руководителю ООП напоминают о том, что он заявлял, что больше не хочет иметь дела с «фашистским режимом» в Иордании. Арафата призывают отказаться, наконец, от наивной мечты, что он сможет прийти с королем к длительному соглашению, которое обеспечит федаинам свободу действий против Израиля.

Арафат выдвигает в свою защиту тот аргумент, что все правительства Аравии будут оказывать на него давление, чтобы он договорился с Хусейном. Гамаль Абдель Насер сказал ему, что не может вмешиваться во внутреннюю политику Иордании; Садат почти дословно повторил то же. ООП не может противопоставить себя общеарабской политике. Кое-кто в ближайшем кругу пожимает плечами: они считают Арафата безнадежно наивным. Тем не менее позднее они признают, что именно гибкость Арафата сохранила существование ООП.

Несмотря на критику, делегаты Палестинского национального совета, который в середине июля 1971 года заседает в Каире, высказываются за человека, который руководил ими и раньше. Арафата утверждают председателем Центрального комитета, он сохранит также звание «верховного главнокомандующего всех вооруженных сил палестинской революции». Национальный совет дает Арафату поручение позаботиться о деньгах и оружии. ООП не может существовать только за счет изъявления симпатий арабских правительств. В текущем году лишь эмират Катар проявил великодушие: эмир Катара передал шестьдесят две тысячи фунтов стерлингов.

Решение проблемы обеспечения оружием, как выяснилось за последние недели, зависит не только от финансирования, но и от

понимания и доброй воли арабских государств, по территориям которых проходят транспортные пути. Алжирское правительство хочет в ближайшее время поставить оснащение для создания моторизованной бригады. Она должна войти в состав Палестинской освободительной армии, которая является регулярным боевым соединением.

ПОА находится в Сирии, по сирийским дорогам нужно транспортировать танки, орудия и грузовики. По прибытии в сирийский средиземноморский порт Латакию власти конфискуют весь груз. Связные палестинцев в Дамаске жалуются, но в ответ слышат, что это оружие — танки и орудия — совершенно непригодно для партизанской войны, а ведь ООП — это партизанское соединение.

Очевидно, настоящая причина конфискации заключается в том, что в этот момент для сирийского президента Хафеза Асада более важно улучшение отношений с королем Хусейном. Поэтому оружие из Латакии вновь возвращается в Алжир.

То, что это событие вызывает беспокойство в палестинских организациях, можно понять по изменениям в иерархии, которые происходят через два дня: полковник Осман Хаддад, руководитель штаба ООП, снят. Предположительно, он хотел захватить полный контроль над всей ООП. Действительно, полковник часто критически высказывался о «дилетантском характере ведения войны», который федаины не могут преодолеть из-за недостаточной подготовки. Он возлагал на политическое руководство вину за то, что оно хочет взять на себя и военную сторону. Острие критики направлено против «главного командира» Арафата, которому успешнее следовало бы убедить сирийцев, что палестинцы сами могут решить, какое оружие им следует использовать.

В июле 1971 года начинается наступление иорданской армии против лагерей федаинов на холмах западнее Джераша. Сам Арафат во время этих последних боев за Иорданию находится вдали от своих соединений. Главнокомандующий ездит по Аравии, чтобы организовать помощь для решительной битвы. Несколько дней назад Арафат долго беседовал со своими командирами на позициях, с которых далеко просматриваются дороги, пересекающие королевство с севера на юг. Он заклинал своих людей держаться стойко: «Этот холм Талл аль Акра должен стать нашей опорой для освобождения страны. Отсюда мы сможем освободить Амман. Если нас отсюда вытеснят, то мы потеряем Иорданию надолго».

В выступлениях перед своими федаинами Арафат обвинял в предательстве иорданского правителя. Он назвал его «палачом из

Аммана», который приказал убить двадцать тысяч беззащитных мирных палестинцев. Его заговор, по мнению Арафата, имел целью покончить с палестинской революцией — за заговором стояли Израиль и сионистские круги США. Иорданский король — услужливый лакей сионистских империалистов. Он больше никогда не подаст руки этому «убийце и преступнику».

Командование в Талл аль Акра поручено Али Абу Аяду, решительному человеку, который может проявить твердость. Когда он видит размеры иорданского наступления, он посылает в Дамаск отчаянные призывы о помощи, чтобы сирийское правительство дало разрешение Палестинской освободительной армии с ее тяжелым вооружением перейти границу с Иорданией и начать наступление с севера. Однако такое разрешение президент Хафез Асад не дает. Он посылает начальника штаба сирийской армии в район боев с поручением передать иорданскому командующему, что ему не нужно бояться сирийского вмешательства.

Внимание глав арабских государств в эти дни было направлено на Марокко: там часть армии предприняла попытку путча, чтобы превратить монархию в республику. Этот мятеж показал, насколько непрочно положение короля Хасана. Глава ливийского государства Хаддафи, который сверг короля в своей стране, был подстрекателем к попытке переворота.

Когда палестинские лидеры хотели просить его о помощи своим теснимым федаинам, Каддафи, находившийся как раз в это время в Египте, за весь день не нашел времени для палестинских просителей. Когда же их наконец допустили, ливиец предлагает, чтобы Египет послал свою авиацию для разгрома иорданских соединений под Джерашем. Подобное предложение — чистая иллюзия, ибо для того, чтобы попасть в Иорданию, египетским бомбардировщикам пришлось бы пролетать над Израилем или, по крайней мере, в воздушном пространстве, которое контролирует Израиль. Следовало считаться с высокой вероятностью нападения на египетские самолеты — на этот риск Анвар Садат идти не хотел.

В надежде на то, что Арафат и Хусейн вновь заключат перемирие, никто не мешает иорданской армии наносить тяжелые удары по палестинцам. Сопротивление жестоко подавляется. Лидеры палестинцев жалуются, что многие их федаины подвергаются жестокому обращению и пыткам. Сообщается также, что иорданцы зверски убивают пленных.

Во время этого конфликта иорданское правительство использует новую тактику в информации: оно молчит. Нет ни сообщений, ни реакции на возмущенные протесты палестинцев.

Из-за молчания официальных иорданских органов никто не верит, что палестинцы находятся в таком отчаянном положении. Везде в арабских столицах ответственные лица считают, что палестинцы в своих жалобах бесконечно преувеличивают.

Ясир Арафат, который сам безуспешно пытался найти помощь, размещает свой главный штаб в простом доме в сирийском пограничном городе Деръа. Благодаря этому он находится на расстоянии 25 километров от района боевых действий. В Деръа главнокомандующий оповещает о формальном объявлении войны Иордании. Он будет бороться с помощью всех вооруженных сил, находящихся в его распоряжении, с армией «предателя короля Хусейна».

Лишь теперь органы массовой информации Иордании нарушают свое молчание: они предоставляют слово своему премьер-министру Васфи Телю, который от имени правительства объявляет, что больше никогда не будет ни соглашения, ни перемирия с ООП. Король Хусейн и исполнительная власть всегда придерживались всех договоренностей — следуя если не букве, то духу. В упрек же ООП ставится то, что она всегда старалась подорвать авторитет Иордании.

То, что Арафат объявил войну, уже ничего не может изменить в катастрофическом положении федаинов на возвышенностях западнее Джераша. Их оттесняют в долины, в которых нет ни воды, ни растительности. Жажда и артиллерийские обстрелы деморализуют людей. Оборона рушится. Стиснутые между израильским фронтом на западе и наступающими иорданцами на востоке, более пятидесяти федаинов решаются предпочесть плен в Израиле верной смерти от руки иорданцев. Они переходят Иордан с поднятыми руками.

В конце битвы за Талл аль Акра, стратегически важный пункт на основной дороге, пронизывающей всю Иорданию, Бутрос Сале, высокопоставленный чиновник министерства информации, говорит мне: «Федаины не готовы умереть за свое дело, и у них очень быстро сдают нервы». Он считает, что иорданская армия убедилась в этом за прошедшие дни. Боевой дух палестинцев недостаточно высок. Самой большой ошибкой федаинов, говорит Бутрос Салех, была их неспособность завоевать симпатии населения деревень. Боевики совершенно бессмысленно палили по дворам — исключительно из страха. Бутрос Сале — чиновник иорданского правительства; он представляет сторону победителя.

Бутрос Сале разрешает побеседовать с пленными. Они ждут регистрации во дворе военной академии Аммана. Ходят разговоры, что люди из Аль Фатах будут отпущены досрочно, а федаины из Народного фронта освобождения Палестины и из

мелких радикальных групп будут подвергнуты особой проверке. Поэтому большинство пленных решили заявить о своей принадлежности к Аль Фатах.

Почти все ругают своих руководителей. Ясир Арафат появлялся в Талл аль Акра за несколько дней до боя. Когда начали стрелять, его уже не было видно. Резкие слова высказываются в адрес руководства ООП, которое своевременно укрылось в безопасности. Ругань в адрес Арафата объясняется, по крайней мере частично, присутствием иорданских офицеров и сотрудников службы безопасности. Они прислушиваются к каждому произносимому слову. Тот, кто плохо говорит об Арафате, может рассчитывать на снисхождение.

19 июля премьер-министр Васфи Тель объявляет, что в Иордании больше нет партизанских баз, армия контролирует всю страну. Даже Жорж Хабаш прямо признает: «Мы разбиты. На нас надвигаются тяжелые времена».

Недовольство руководством ООП побуждает некоторых федаинов основать организацию «Революционная Аль Фатах». Она задумана как сборное движение всех борющихся палестинцев, которые не приемлют больше Ясира Арафата в качестве главнокомандующего. В это же время палестинцы совершают покушение на Арафата, однако ему удается его избежать.

Арафат укрывается в ливанских горах. Командир, у которого больше нет опоры. Но его не оставляют в беде. С несколькими сотнями сторонников он обороняется в течение четырех дней против израильских ударных соединений, которые пытаются нанести ему последний удар. Успех обороны вновь поднимает его авторитет. «Революционная Аль Фатах» теряет свою притягательность и окончательно распадается. Арафат вновь может начать политическую работу.

Нужно сохранить единство ООП, которая близка к распаду. Удается созвать и провести заседание Палестинского национального совета. Даже те палестинцы, кто был настроен по отношению к Арафату скептически, вынуждены признать, что вряд ли кто-либо другой из руководства ООП нашел бы выход из глубины поражения.

18. Арафат терпит «Черный сентябрь»

28 ноября 1971 года — время 16 часов — машина иорданского премьер-министра Васфи Теля подъезжает ко входу в отель «Шератон» в Каире. Сопровождающая машина с охраной следует на расстоянии нескольких метров. Васфи Тель выходит в холл отеля и падает, сраженный выстрелами. В него стреляли четверо молодых людей и смертельно ранили его. Покушавшимся не удается бежать. Их хватают и доставляют в отделение полиции, расположенное напротив входа в отель «Шератон».

Отвечая на вопрос о мотивах покушения, все четверо говорят, что они хотели отомстить за убитых палестинцев, жертв гражданской войны в Аммане. Поскольку большинство из них было убито в сентябре, организация, в которую входят эти четверо, называется «Черный сентябрь».

Васфи Тель, который совмещал с постом премьер-министра также обязанности министра обороны, прибыл в Каир, чтобы участвовать в заседаниях совместного совета обороны Лиги арабских государств. Тель проявил мужество, отправляясь в Каир: он знал, что его собираются убить. Ему было также известно, что египетское правительство не будет слишком заботиться о его безопасности. Анвар Садат в течение нескольких дней отказывался разрешить въезд иорданскому премьер-министру. Месяцами Васфи Теля проклинали по каирскому радио как настоящего преступника по отношению к палестинскому народу. Поэтому пойти ему навстречу, протянуть ему руку египетский президент смог заставить себя лишь с большим трудом. Странным было также поведение охраны, выделенной египетскими службами безопасности: она вообще не прикрывала высадку премьер-министра из машины и его путь к дверям отеля.

Абу Аяд, ближайший соратник Арафата, комментирует покушение на Васфи Теля следующим образом: «Справедливость восторжествовала. Один из палачей палестинского народа казнен. Тайная организация «Черный сентябрь», основанная в начале осени 1971 года, совершила свою первую акцию. Иорданский премьер-министр был символом предательства палестинского дела. Он умер на глазах многих арабских премьер-министров, которые во время стрельбы бросились на землю. Это было радостным зрелищем для организаторов покушения, которые таким образом пытались предостеречь всех тех в арабском мире, кто готов был пожертвовать правами палестинского народа».

Абу Аяд сообщил, что покушавшиеся сами разработали свой план убийства, никакая организация им не помогала. Они рассчитывали на эффект неожиданности, который сыграл свою роль. Чтобы его добиться, они пропустили два дня конференции: когда на третий день иорданский премьер-министр явно утратил бдительность, они привели свой план в исполнение.

ООП чествует покушение как успех. Палестинцы в лагерях испытывают чувство удовлетворения, которое кладет конец депрессии после поражения ООП в Иордании. Группа «Черный сентябрь» основана, чтобы смягчить психологические последствия катастрофы, чтобы вернуть бойцам мужество. Людям в лагерях нужно было внушить чувство, что они не беззащитны перед королем и его сторонниками. Следовало доказать, что не останется безнаказанным тот, кто пойдет против интересов палестинцев. Месть была для них принципиальным вопросом как перед лицом собственного народа, так и по отношению к врагу.

После утраты базы в Иордании в ООП распространилось убеждение, что выживание этой структуры возможно только путем ухода в подполье, путем превращения ее ядра в настоящую подпольную организацию. Существовало мнение, что причина катастрофы вообще заключается в отсутствии боязни перед гласностью. Борьбу нужно продолжать из подполья.

Идейный фундамент группы, возникшей на базе такого мнения, — убеждение, что революционное насилие дозволено как политический акт и принципиально отлично от терроризма. Абу Аяд говорит по этому поводу: «Революционное насилие вписывается в рамки широко структурированного движения. Терроризм руководствуется субъективными мотивами и только делает вид, что заменяет борьбу народа».

Поэтому для Ясира Арафата «Черный сентябрь» никогда не был террористической организацией. Абу Аяд говорит: «Организация действовала как опора движения сопротивления, когда оно больше не было в состоянии полностью выполнять свои военные и политические задачи. Ее члены постоянно подчеркивали, что они не связаны с Аль Фатах или ООП. Я знал многих из них и могу подтвердить, что они в основном принадлежали к различным организациям федаинов.

Они выделились из их рядов и пошли другим путем. Это отвечало глубокому чувству фрустрации и возмущения, которые охватывают весь палестинский народ при мысли о резне в Иордании и о соучастии тех, кто сделал это возможным».

Ясир Арафат описал стратегию группы «Черный сентябрь» понятием «ответственное насилие». Впрочем, лидер ООП никогда не проявлял ничего большего, чем простое понимание

«ответственного насилия». Он всегда подчеркивал дистанцию между «Черным сентябрем» и ООП. Никогда члены группы не говорили, что Арафат дал им поручение организовать какое-либо покушение. То, что они говорили на допросах с пристрастием в израильской службе безопасности, нужно оценивать с учетом оказываемого давления.

Не осталось тайной, что близкие соратники Арафата входили в эту организацию. К ним относится и прежний командир милиции Аль Фатах — Абу Дауд. Он пользуется у федаинов большим авторитетом, поскольку в сентябре 1970 года отличился в борьбе за Амман, при организации сопротивления иорданской армии.

В феврале 1973 года Абу Дауд готов приступить к исполнению уже разработанного плана освобождения политзаключенных из иорданских тюрем. Этот план возник не в отдельных головах, а стал результатом глубокого анализа, проведенного группой палестинцев — членов Аль Фатах. Предусматривался захват американского посольства в Аммане, захват американского посла и находящегося в посольстве персонала. Заложников затем предполагалось обменять у иорданских властей на палестинских заключенных. На случай, если бы здание посольства оказалось неприступной крепостью, был предусмотрен захват резиденции премьер-министра и членов правительства.

В общей сложности 15 федаинов — в их числе Абу Дауд — прибывают в Амман. Абу Дауд с молодой спутницей, которая выдает себя за его жену, прибывает из Кувейта в середине февраля на американской машине класса «люкс». Оба закутаны в традиционные арабские одеяния. Абу Дауд хочет производить впечатление состоятельного бизнесмена из Кувейта.

Мустафа — кличка того человека, который в Аммане занимался подготовкой акции. Он снял три квартиры, в которых могут разместиться пятнадцать федаинов. Абу Дауд и его «жена» останавливаются у самого Мустафы. Ему 35 лет, из них 7 он провел в тюрьме — иорданские власти вменили ему в вину «коммунистические происки». С 1968 года он входит в палестинское движение сопротивления; он считается надежным.

План предусматривает, что Абу Дауд только организует на месте нападение на американское посольство и что он покинет Амман в направлении Дамаска, как только эта задача будет выполнена. В тот день, прежде чем должна начаться акция, Абу Дауд в соответствии с планом должен покинуть Амман со своей «женой», но обоих арестовывают на улице. План был выдан Мустафой иорданским властям. Ни одному из федаинов не

удалось покинуть страну.

Организаторам плана с помощью уговоров удается заманить Мустафу в Бейрут. Там ему предъявляют обвинение в предательстве — и он в конце концов признает, что уже во время пребывания в тюрьме был завербован иорданской тайной полицией.

Несколько дней спустя Абу Дауда показывают по иорданскому телевидению. Ему задают вопрос об акции, и он признает, что она была запланирована «Черным сентябрем» и должна была проводиться членами этой группы. В другом случае он называет Абу Аяда, одного из руководителей Аль Фатах, в качестве разработчика широкомасштабных планов «Черного сентября». Абу Аяд, впрочем, отрицает какую-либо связь с движением боевиков, с акциями «сентябрьской» группы.

По его мнению, высказывание, которое связывает его имя с тайной организацией, вырвано у захваченного Абу Дауда под пытками. Абу Дауд, которого осенью 1973 года король Хусейн помиловал по настоянию арабских правительств, после своего, освобождения рассказывает о жестоких методах иорданской полиции, когда она хочет получить определенные показания.

Нет доказательств, что ближайший сподвижник Арафата, Абу Аяд, принадлежал к организаторам «Черного сентября». Абу Дауд тоже не был его постоянным членом. Участники палестинских боевых групп объединялись, чтобы совместно спланировать и провести определенную операцию. Не существует четко структурированной командной иерархии, бюрократии и «резиденции» организации. Даже если Аль Фатах оказывала поддержку их акциям финансами и оружием, она всегда могла сослаться на то, что не все федаины действуют под ее эгидой. Она ведь не может осуществлять полный контроль над отчаявшимися людьми, которые больше не могут выносить статус «палестинских беженцев».

После начала Октябрьской войны 1973 года акции группы «Черный сентябрь» прекращаются. Группа перестала быть необходимой, потому что с пересечением Суэцкого канала арабской армией была восстановлена честь арабов и тем самым — и палестинцев тоже. Насилие, используемое «Черным сентябрем», служило последним оружием слабых, униженных. Выбор насилия стал результатом событий 1970 и 1971 годов в Иордании. Однако Октябрьская война 1973 года положила конец периоду унижений. После этого все арабы стали пользоваться в мире большим уважением. И палестинцы заметили, что их стали воспринимать с большей серьезностью как политическую силу, в том числе и западные правительства. Изменилась

психологическая основа существования палестинцев. Ясир Арафат готовился к тому, чтобы изложить точку зрения ООП на Генеральной Ассамблее ООН. Это выступление было для людей в лагерях знаком того, что можно гордиться принадлежностью к палестинскому народу. Федаинам больше не нужно было думать о том, чтобы насилием привлечь внимание к проблемам палестинцев.

Однако за год до Октябрьской войны «Черный сентябрь» еще раз потряс западный мир акцией, которая закончилась гибелью и ужасом. Вину за эту акцию, однако, нельзя полностью возлагать на палестинцев. Имеется в виду нападение на израильских спортсменов во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене.

О предыстории этого события Абу Аяд, член штаба Арафата, рассказывает следующим образом: «В начале 1972 года ООП в официальном обращении в Олимпийский комитет ходатайствовала о допуске палестинской команды к участию в Олимпийских играх. Поскольку это письмо осталось без ответа, последовало второе. Но и на этот раз ООП не получила ответа. Мы чувствовали себя оскорбленными этим молчанием.

Очевидно, для почтенной организации Олимпийского комитета мы вообще не существовали. Возможно, для комитета, который объявляет себя вне политики, мы и не имеем права существовать. Это оскорбление, которое было нанесено спустя всего б месяцев после истребления последних федаинов в Джераше и на холмах Аджлуна, вызвало у наших молодых сторонников возмущение и ярость. Руководители «Черного сентября» решили взять дело в свои руки. Вопреки всем нужно было подтвердить существование палестинского народа».

Для осуществления этой акции из Аль Фатах приглашается один из ведущих ее членов. В Аль Фатах он носит имя Мусалха, ему 27 лет. Маленьким ребенком Мусалха вместе с родителями бежал от израильтян. У родителей было небольшое крестьянское хозяйство под Хайфой. Благодаря стипендии беженец получил возможность учиться: он стал геологом, а затем — экстраординарным профессором. Во время боев в Аммане и позднее в Джераше Мусалха зарекомендовал себя как хороший федаин.

Для акции в Мюнхене Мусалха был особо ценен потому, что практически свободно говорил по-немецки. На подготовительной стадии было выбрано 50 федаинов из Аль Фатах в возрасте от 17 до 20 лет; до этого они жили в лагерях беженцев в Иордании, Сирии и Ливане. Особое внимание при отборе уделялось мотивам молодых людей: предпочтение отдавалось федаинам, члены семей которых находились в израильских тюрьмах. Ожидалось,

что эти люди приложат всю энергию для освобождения родственников.

О характере акции, в которой они должны были участвовать, им ничего не было известно. Из первоначально отобранных 50 федаинов в конце концов после строгой проверки осталось шесть. Решение о том, кого послать в Мюнхен, принималось высшим руководством Фатах.

Мусалха не был единственным руководителем операции — его 25-летний партнер называл себя Че Гевара; он изучал в Париже юриспруденцию и был знаком как с ведением партизанской войны, так и с европейским стилем жизни.

Мусалха, свободно владеющий немецким языком, уже за четыре месяца до начала Олимпийских игр вылетает в Мюнхен. Он устраивается кельнером в Олимпийской деревне. Эта работа дает ему возможность, не привлекая внимания, разговаривать с организаторами, контролерами, сотрудниками службы безопасности и многими людьми, которые заняты в подготовке игр. Так как Мусалха может свободно передвигаться по Олимпийской деревне, он имеет возможность разведать систему безопасности, входы и выходы.

После четырех месяцев пребывания он знает каждый закоулок вокруг квартир, предназначенных для израильской команды. Большую помощь оказала ему одна азиатка, которая за эти четыре месяца влюбилась в Мусалху: она сумела добыть информацию о помещениях, в которых будут жить израильтяне. На основании информации составляется план акции, который одобряет сначала Че Гевара, еще не побывавший в Мюнхене, а затем руководство Фатах.

План предусматривает, что оружие и взрывчатка должны быть доставлены в Мюнхен как можно позже. Не учитывается, что немецкие власти, заинтересованные в проведении игр без помех, непосредственно перед открытием спортивного праздника усилят пограничный контроль.

О сложностях, которые возникли в связи с этим, сообщает Абу Аяд: «Решено пойти на риск. Оружие, находящееся в одной арабской стране без ведома ее правительства, упаковывается в три чемодана и передается члену «Черного сентября». В помощь ему выделяется женщина — член Аль Фатах, которая ради этого вступает с ним в брак.

С пятью чемоданами «супружеская пара» прибывает в аэропорт Бонна. В двух чемоданах личные вещи, в трех — взрывчатка и оружие. Таможенник, окруженный сотрудниками службы безопасности, требует при таможенном контроле открыть чемоданы. Однако мужчина отказывается и начинает

возмущаться таким обращением. Он выдает себя за путешествующего делового человека. С ним еще никогда не обращались вот так, как с преступником. Однако таможенник настаивает на том, что исключений нет.

Наш человек из «Черного сентября» в затруднительном положении. Если он не позволит обыскать свои чемоданы, тогда власти ФРГ сразу же вышлют его из страны — однако это означало бы конец акции в Мюнхене. Тогда он решает уступить и спрашивает наконец с безропотным смирением в голосе, какой из пяти чемоданов — все выглядят одинаково — нужно открыть. Таможенник показывает на чемодан, его открывают — но там лишь женское белье. Чиновник благодарит и приветствует пару с прибытием в ФРГ. 25 августа оружие и боеприпасы прибывают в Мюнхен.

Уже не в дорожных чемоданах, а небольшими упаковками они размещаются в ячейках камеры хранения главного вокзала в Мюнхене. Ключи от ячеек передаются шести федаинам, которые вскоре после этого прибывают в Мюнхен».

Утром 5 сентября, точнее, в 4.30 утра, можно видеть группу мужчин, которые перелезают через более чем двухметровый забор из колючей проволоки, окружающий Олимпийскую деревню. Поскольку за последние дни частенько бывало, что спортсмены на обратном пути из центра веселого города Мюнхена возвращались через забор, то немногочисленные патрульные не удивлены.

Федаины беспрепятственно добираются до жилых помещений в блоке 31 Олимпийской деревни. Их задерживают уже в самом помещении израильский тяжелоатлет Моше Вейнберг и тренер боксеров Йозеф Романо. Очереди из автомата Калашникова сражают обоих. Нескольким израильским спортсменам в момент замешательства удается бежать, но девять человек остаются заложниками.

Федаины тут же выдвигают свои требования: в 5 часов они требуют, чтобы в 9 часов в Израиле были выпущены из тюрьмы двести палестинцев, тогда заложники будут освобождены. В противном случае им грозит смерть.

Однако проходит срок, а боевики не приводят свою угрозу в исполнение. Через два часа после истечения срока ультиматума израильский посол в Бонне сообщает федеральному правительству, что Израиль не собирается уступать подобному давлению: палестинцы, осужденные в соответствии с законом, будут и дальше находиться в заключении.

Из Иерусалима послу передан текст сообщения для федерального правительства. Содержащееся в нем обоснование

отказа гласит следующее: «Если мы один раз уступим давлению похитителей и тех, кто захватывает заложников, подобные преступления будут совершаться в большом количестве. Наши граждане это знают. Они согласны с тем, что правительство сохраняет твердость.

Каждый ясно предупрежден, что в случае похищения он не может рассчитывать на выкуп. Всем известно, что мы находимся в состоянии войны. Каждое похищение, каждую акцию боевиков израильское правительство рассматривает как часть этой войны. Риск на войне заключается в том, что мы можем потерять свою жизнь.

Мы не ведем переговоры, мы боремся. Противник должен знать, что сразу же последует ответный удар. Это непоколебимая точка зрения израильского правительства».

Таким образом, разрешение конфликта путем уступок исключено. Ответственным за безопасность в Мюнхене остается лишь один путь: затягивать время переговорами в надежде, что найдется какая-то основа для соглашения. Эта надежда не кажется безосновательной, поскольку захватившие заложников все время соглашаются на продление срока ультиматума. Никого из заложников, несмотря на угрозы, не расстреляли.

Приказ, отданный федаинам руководством ООП и согласованный с Арафатом, требует щадить заложников и считаться с интересами Германии. Когда федаинам предлагают вместе с заложниками вылететь на самолете из Мюнхена в Каир, они соглашаются. Они не знают, что это предложение — просто трюк, чтобы выманить палестинцев из Олимпийской деревни. Египетское правительство уже давно ответило отказом на запрос министерства иностранных дел ФРГ о том, можно ли немецкому самолету с заложниками и их похитителями приземлиться в Каире. Президент Садат не хочет впутываться в это дело — пусть немцы решают его сами.

На военном аэродроме Фюрстенфельдбрук, как сообщается похитителям, ожидает самолет Люфтганзы, чтобы вылететь с ними и заложниками в Каир. Когда федаины и израильтяне прибывают на двух вертолетах в Фюрстенфельдбрук, они видят ярко освещенный самолет, явно готовый к старту. Двое членов «Черного сентября» вылезают из вертолетов и идут к машине Люфтганзы. Расстояние составляет 150 метров. Вскоре они замечают, что в самолете нет экипажа, и понимают, что их заманили в ловушку. На обратном пути к вертолетам их сражают пули снайперов, сидящих на крыше здания аэропорта. Стрелки находятся в темноте, цели движутся по ярко освещенному летному полю. Федаинов уничтожают.

На арабском, английском и немецком языках через репродуктор оставшихся федаинов призывают сдаться, но призыв остается без ответа. Почти полтора часа над летным полем стоит тишина. Вскоре после часа ночи полиция без видимого повода вновь начинает обстрел. Спустя несколько секунд вертолеты, в которых сидят израильтяне, превращаются в огненные факелы. Палестинцы взорвали ручные гранаты. Заложники погибают в огне или от пуль. Трое федаинов остаются в живых.

«Palestine News Agency», телеграфное агентство ООП, сразу же после конца акции публикует своего рода «завещание» погибших федаинов. Оно начинается с извинения перед спортсменами мира и пытается затем объяснить эту акцию: «Спортсмены должны были знать, что существует народ, земля которого оккупирована 24 года, честь которого попирают ногами. Молодежи мира не повредит, если она на несколько часов заметит трагедию этого народа. Так что Олимпийские игры могут быть прерваны на несколько часов».

«Завещание» мертвых палестинцев обращено также к собственному народу: «Никогда не складывайте оружия, несмотря ни на какие заговоры, которые препятствуют борьбе. Только кровь освободит нашу землю. Мир уважает только сильных. Одни слова не свидетельствуют о силе. Только в действии мы докажем, что мы сильны. Для нас неважно, где нас похоронят. Как говорили наши предки: мертвой козе все равно, что с нее сдирают шнуру. Мы хотели бы нашей смертью показать пример арабской молодежи. Если один из нас станет мучеником, его заменят тысячи других».

Подобные призывы вызывают восторг в лагерях беженцев. Акция в Мюнхене оценивается как успех — хотя израильские спортсмены и погибли. То, что подобная акция не могла обойтись без жертв со своей стороны, без «мучеников», палестинцы в лагерях считают естественным. Очень скоро обитатели лагерей узнают о трюке немецких властей, которые выманили федаинов из Олимпийской деревни ложным обещанием — обещанием, что самолет в Каир ждет их.

Палестинцы считают, что немцы их предали; немцы, в свою очередь, считают, что палестинцы испортили долгожданное событие — Олимпийские игры. Авторитет Ясира Арафата в ФРГ и вообще в западном мире неизмеримо падает. Лидер ООП вынужден примириться с тем, что он выглядит как безобразная карикатура. Если во времена Третьего рейха злом был еврей, то теперь воплощением зла стал араб — и на карикатуре он имеет черты Арафата, искаженные крючковатым носом, косыми глазами и темным цветом лица.

Никто в Федеративной Республике Германии не произносит слово «унтерменш» («недочеловек»), напоминающее о Третьем рейхе, но в сознании граждан ФРГ оно сливается с портретом «палестинского террориста», пронизанным психозом ярости. Читательское письмо, опубликованное в журнале «Тайм» 2 октября 1972 года, отражает ненависть, которая в этот период распространилась во всем западном мире: «То, что сброд из «Черного сентября» совершил в Мюнхене, доказало, что эти люди принадлежат к подонкам общества. Их нельзя найти нигде на полях сражений, и тем не менее эти «мученики», эти «герои вонючих клоак» выкрикивают свои истерические заявления о победах над невиновными, над женщинами и детьми. После криков они вновь прячутся в своей навозной куче».

Ясир Арафат заблаговременно почувствовал, что он лишился каких-либо симпатий в западном мире. Ровно неделю спустя после налета на израильтян в Олимпийской деревне он заявляет, что ООП не имеет с этим ничего общего. Он говорит правду, ибо «Черный сентябрь» не входит в ООП — но это только одна сторона правды, поскольку сами организаторы «Черного сентября» являются членами ООП.

19. Арафат блокирует путь к тотальному терроризму

Акция против израильских спортсменов в развитии палестинской боевой организации означает капитуляцию перед методами доктора Жоржа Хабаша. Его организация, Народный фронт освобождения Палестины, начала с налетов на объекты вне территории Израиля и тем самым вызвала неодобрение Арафата. Хотя на этот раз дело касается граждан Израиля, но затронуты также и интересы ФРГ.

Налет на израильтян в Олимпийской деревне в точности следует тому принципу, который до сих пор применялся Народным фронтом и который, если прямо ему следовать, должен привести к тотальному терроризму, к неограниченной борьбе против всех учреждений «капиталистического мира».

21 мая 1972 года Народный фронт подал пример: трое молодых японцев на самолете Эр Франс прибыли из Рима в израильский аэропорт Лод. В зале, где выдается багаж, они ждали вместе с другими пассажирами своего рейса. Как только они получили свои чемоданы, они открыли их и вытащили автоматы Калашникова. Не колеблясь, они расстреляли толпу, собравшуюся в зале. Они застрелили 25 пассажиров и ранили 78. Большинство жертв были христианскими паломниками из Пуэрто-Рико, которые хотели посетить Святую землю. Двое японцев покончили с собой последними выстрелами из своих автоматов; третьего удалось схватить, прежде чем он убил себя.

Расследование показало, что паломники из Пуэрто-Рико не были, собственно говоря, целью налета: японцам было поручено убить как можно больше пассажиров рейса израильской авиакомпании, который прибывал из Европы в то же время, что и самолет Эр Франс. Совершенно ясно, что эти люди в нервном возбуждении не учли приказ.

За эту акцию Народный фронт освобождения Палестины ни от кого не услышал ни слова одобрения. В ООП кровавое нападение на христианских паломников подвергается осуждению. К тому же оно было осуществлено людьми, которые вообще-то ничем — кроме симпатий — не были связаны с палестинским, делом. Стреляли члены японской «Красной Армии». Теперь палестинцев могли упрекнуть в том, что они посылают представителей других народов на смерть за себя.

Выживший японец рассказывает, что вместе с двумя другими он прошел подготовку в Ливане. Народный фронт освобождения

Палестины отдал им приказ убивать. Наименование акции было «Дейр Яссин», в память о нападении израильских коммандос на арабскую деревню Дейр Яссин, которое произошло четверть века назад.

Эта акция создала для Арафата целый ряд проблем. Ливанские власти под давлением лидеров христианской части населения упрекают палестинцев в том, что они злоупотребляют гостеприимством, подстрекая в Ливане представителей собственного или другого народа к подобным жестоким и бессмысленным акциям. Сами палестинцы возмущены тем, что название «Дейр Яссин», которое было до сих пор почти священным символом мученичества палестинцев, стало теперь символом бесчеловечного деяния палестинцев и больше не может использоваться как обвинение против Израиля.

Как раз в 25-ю годовщину израильского налета на Дейр Яссин Израиль дает ответ на кровавые акции. В первые минуты начинающегося дня 10 апреля 1973 года на ливанском побережье высадились вооруженные с головы до ног коммандос израильского спецподразделения.

В качестве места высадки они выбрали не отдаленную и малообитаемую местность, а участок побережья в Бейруте, вдоль которого идет оживленная автострада. Дома стоят там почти вплотную друг к другу. Их уже ожидают; наготове стоят машины и люди, хорошо ориентирующиеся в Бейруте. Машины отъезжают; их цель находится в районе Рю Верден, где живут многие видные руководители ООП.

9 апреля заседал Центральный совет ООП, заседание должно было продолжиться на следующий день. Бейрут стал на этот раз местом встречи в виде исключения — обычно Центральный совет в те годы заседал в сирийской столице. Заседание 9 апреля закончилось поздно. Ясир Арафат направился в свою квартиру, которая находится в многоэтажном здании в густо застроенном районе. На улице Арафата живут только палестинцы.

Сразу же после полуночи лидер ООП слышит выстрелы. Через несколько минут ему докладывают, что его охрана вступила в перестрелку с неизвестными вооруженными людьми. Арафат поднимается на плоскую крышу здания, чтобы следить за боем. Он видит, что нападающие, по-видимому, искали другие цели, поскольку выстрелы звучат теперь в отдалении.

Охранники Арафата заметили, что, хотя нападавшие носили маскировочную форму федаинов, команды и предостерегающие возгласы звучали по-еврейски. Тем самым, как считает Арафат, исключена возможность внутреннего столкновения среди палестинцев или путча против него самого. Мысль о внутренних

столкновениях приходит в голову этой ночью потому, что охрана расположенного через несколько домов главного штаба Демократического фронта освобождения Палестины, руководимого Найефом Хаватме, получила предостережение о нападении федаинов доктора Жоржа Хабаша; весь вечер охрана находилась в боевой готовности.

Последние сомнения в происхождении нападающих исчезают, когда Арафат и федаины его охраны слышат грохот гранат. Снаряды взрываются не в одной точке, а в широком радиусе. Неправдоподобно, чтобы Жорж Хабаш приказал обстреливать весь ряд домов, а не только здание Демократического народного фронта. «Это евреи!» Этот возглас распространяется от одного дома к другому — от одной охраны к другой.

Взрыв сотрясает воздух. Арафат видит зарево пожара там, где находится дом Демократического народного фронта.

Здание взорвано. Вопреки совету руководства Фатах эта боевая организация разместила в девятиэтажном здании свой командный пункт и все свои штабы. Аль Фатах рекомендовала размещение в нескольких зданиях, чтобы уменьшить риск. Однако Найеф Хаватме не верил, что израильтяне решатся на налет в центре Бейрута. Таким образом, Демократический народный фронт освобождения Палестины в эту ночь теряет свой главный штаб, свои документы, свой архив, свою кассу. Охрана, три федаина, которые для отражения возможного нападения группы Хабаша располагались перед домом, были найдены после нападения мертвыми перед руинами дома. В самом главном штабе к моменту взрыва никого не было.

Постепенно становится ясно, что Арафат совсем не был целью нападения. Перестрелка за углом дома Арафата произошла скорее случайно. Израильские коммандос проникли в Бейрут, чтобы взорвать главный штаб Демократического народного фронта и убить трех руководителей ООП, которые занимали квартиры совсем близко от Арафата.

Эти трое живут в том же доме, который охраняет только один человек из Аль Фатах. Его застрелили сразу же, как только группа израильских коммандос примерно в 12 человек приблизилась к зданию. Оружие израильтян снабжено глушителями, поэтому никто в доме не замечает нападения. Четверо израильских коммандос поднимаются на лифте на седьмой этаж. Там находится квартира члена Центрального совета Юсефа эль Найяра (Jussef el Najjar). С помощью взрывного устройства они открывают дверь. Четверо врываются в квартиру. В коридоре они видят шестнадцатилетнего сына Юсефа эль Найяра. Они хотят знать, где его отец, вопрос задан по-арабски. Юноша убегает и

карабкается по водосточной трубе в квартиру этажом ниже. Там он прячется.

Юсеф эль Найяр, который ложится спать самое позднее — в полночь, просыпается от грохота взрывного устройства. Он пытается схватить пистолет, но закрытую дверь прошивает автоматная очередь. Юсеф эль Найяр, а также его жена сразу погибают. Тем временем вторая группа проникла в квартиру Камаля Адвана (Kamal Adwan), который также является членом Центрального совета ООП. Его убивают на глазах у жены и ребенка.

На четвертом этаже живет палестинский поэт Камаль Насер, один из руководителей ООП. Ночью он все еще работает над элегией к Исе Наха, другому палестинскому поэту, который умер за несколько дней до этого. Услышав взрывы и выстрелы, Камаль Насер пытается бежать через окно, но ему не хватает физической ловкости. Он возвращается к письменному столу и хватает свой пистолет. Он успевает сделать два выстрела по ворвавшимся, затем по нему проходит очередь.

Уже ночью Арафат совещается с Абу Аядом по поводу ситуации в Бейруте. Арафат спрашивает, как могло случиться, что около 50 израильских солдат беспрепятственно могли в течение трех часов передвигаться в ливанской столице. Предварительное расследование, проведенное по распоряжению Арафата, показывает, что израильтян поддерживал кто-то из местных. Сильную ударную группу ожидали и доставили к цели действия. Ливанцы провели коммандос к главному штабу Демократического народного фронта освобождения Палестины; ливанцы провели израильских солдат к дому трех руководителей ООП; ливанцы позаботились о том, чтобы израильтяне смогли вернуться на побережье на свои десантные суда.

Арафат не может поверить, что ливанские силы безопасности не заметили высадки чужих солдат. Рядом с местом нападения, прямо на Рю Верден, находится полицейская казарма; там должны были слышать взрывы и выстрелы. Но никто из полицейских в ту ночь не покинул казарму. Никто из солдат не попытался преградить дорогу боевикам, которые возвращались к морю по несколько человек.

Для Арафата вывод ясен: армия и полиция Ливана покрывают израильских агрессоров, они являются их партнерами в заговоре против палестинцев. Поскольку у руководства армией и полицией стоят христиане, Арафат обвиняет христианское руководство Ливана, что оно старается ликвидировать палестинскую революцию, чтобы через голову палестинского народа достичь соглашения с Израилем. Извинения и объяснения службы

безопасности, что ее офицеры приняли стрельбу за внутренние столкновения между враждебными группировками самих палестинцев, Арафат не принимает.

Подозрение, что руководители ООП Юсеф эль Найяр, Камаль Адван и Камаль Насер стали жертвами израильско-христианского заговора, два года спустя подтвердилось. Во время гражданской войны в Ливане, которая сделала явной пропасть между ливанскими христианами и палестинцами, некоторые христианские бойцы хвастались, что в ночь с 9 на 10 апреля 1973 года они показали израильтянам дорогу к интересовавшим их целям.

Ко времени израильского нападения на палестинские объекты в самом Бейруте Арафат полон решимости увести боевую организацию с пути терроризма. ООП потеряла всякий авторитет в западном мире; она ославлена как банда убийц, как враг цивилизованного человечества. Равнодушная реакция на убийства Юсефа эль Найяра, Камаля Адвана и Камаля Насера продемонстрировала ему, насколько малой симпатией пользуется палестинский народ и особенно ООП. Мнение средств массовой информации однозначно: израильтяне устранили несколько наиболее опасных заправил террора — в сущности, их надо благодарить за это.

До тех пор, пока ведущие государства мира видели личность лидера ООП только в искаженном свете, его вес в международной политике не мог быть значительным. До сих пор ООП сеяла насилие и пожинала насилие. Тем самым организация демонстрировала, что еще не доросла до места за столом переговоров.

Уже давно стало ясно, что ответственность за налеты несет не только «Черный сентябрь». Некая организация, которая именовала себя «Сыновья оккупированной земли», угнала японский самолет, чтобы наказать Японию за то, что она возместила Израилю ущерб за последствия террористического акта в аэропорту Лод, совершенного тремя японцами.

«Седьмая бригада самоубийц» в афинском аэропорту расстреляла из автоматов пассажиров американской авиакомпании «Транс Уорлд Эйрвейс». «Седьмая бригада самоубийц» обосновала свое нападение на граждан США следующим образом: «Чтобы американцы поняли, что мы, палестинцы, имеем право на жизнь, нам приходится применять преступные методы американцев. Когда мы пришли к этому убеждению, то нашей целью стало это нападение. Мы хотели убить американских мужчин, женщин и детей. Обычно мы не воюем подобным образом, но это было навязано нам вами,

американским народом».

Арафат был в ярости от этих деклараций, поскольку в конечном счете они давали в руки израильтян материал для ведения пропагандистской кампании против «убийц» во главе Организации освобождения Палестины. Вскоре еще одна группа, которая называла себя «Карательной организацией», дала повод для ярости: она захватила посольство Саудовской Аравии в Париже.

Однако конфликт с Саудовской Аравией не входил в намерения Арафата: он нуждался в тех значительных суммах, которые нефтяное королевство перечисляло ООП. Кроме того, для него была важна та политическая поддержка, которую обеспечивала Саудовская Аравия.

Названия многочисленных подражателей «Черного сентября» были полны фантазии. Одна группа называла себя «Организация националистической молодежи Аравии», другая — «Фаланга народа». Когда, наконец, некая «Группа мученика Абу Махмуда» захватила самолет типа ВК-10 (VC-10) Бритиш Эйрвейс, чтобы добиться от Англии признания, что она несет историческую вину за поддержку в прошлом сионизма в Палестине, у Арафата лопнуло терпение.

Руководство Аль Фатах по его предложению принимает решение в будущем строго наказывать угонщиков самолетов из своих рядов. 26 человек сразу же арестованы по обвинению в том, что они участвовали в угонах самолетов или планировали подобные акции. Объявлен открытый процесс — но он так и не состоялся.

20. Молчание вокруг Арафата в Октябрьской войне 1973 года

Незадолго до нападения израильтян на квартиры трех членов ООП в Бейруте руководство ООП «узнало о плане Садата начать войну против Израиля. Ясир Арафат был приглашен Садатом в Каир для доверительной беседы. Когда Арафат ждал в холле перед кабинетом президента, офицеры Генерального штаба конфиденциально сообщили ему, что египетская армия готова к удару по Израилю, запланировано пересечение Суэцкого канала. Арафат рассчитывал на то, что президент проинформирует его о плане военных действий. Ведь Садат довольно часто спрашивал его почти шутливо: «Ясир, когда дело пойдет, будете ли вы, палестинцы, тогда готовы?»

Однако на этот раз Садат не сказал ни слова о возможности военного столкновения с Израилем. Он много говорил о проблемах взаимоотношений с Советским Союзом, о колебаниях кремлевского руководства в предоставлении ему настоящего оружия. Садат довел до сведения Арафата, что он считает, что господа в Москве ему не доверяют.

После этой беседы у Арафата возникло чувство, что египетский президент ему тоже не доверяет. Если действительно предстояла война — а по словам офицеров, в этом не было сомнения, — то ООП тоже могла бы внести свой вклад в военные действия. Однако для этого руководство ООП должно было знать, когда начнется эта война. Арафат покинул президентский дворец в Каире с горьким чувством, что он не включен в круг тех, кто планирует борьбу против Израиля. Мотивы Анвара Садата были ему ясны: египетский президент планирует решение ближневосточного конфликта, не привлекая к этому ООП. Это решение было согласовано с сирийским президентом Хафезом Асадом.

Слухи о возможной войне множились, но точная информация не доходила до Ясира Арафата. Более пяти месяцев не было контакта между главой египетского государства и ведущими руководителями Организации освобождения Палестины. В середине августа 1973 года это положение стало для Ясира Арафата мучительным.

Он согласился, чтобы его доверенное лицо Абу Аяд и занимающийся внешней политикой Фарук Каддуми полетели из Бейрута в Каир, чтобы побеседовать с Анваром Садатом. Вначале Садат передал, что хочет побеседовать лишь с одним из них

двоих, но в конце концов согласился принять обоих. Разговор состоялся на летней вилле президента на средиземноморском побережье западнее Александрии.

Садат начал беседу с вопросов о ситуации в ООП; он хотел знать, преодолела ли она тяжелые времена после поражения в Иордании. Оба руководителя ООП ответили, однако обратили внимание на то, что Садат их совсем не слушает. Еще до конца года он собирается воевать с Израилем — это замечание он сделал мимоходом. Он не думает о широкомасштабной войне; этой военной акцией он хочет вывести политическое развитие из того тупика, в котором оно находилось после катастрофы 1967 года. Как узнали Фарук Каддуми и Абу Аяд, Сирия полна решимости участвовать в ограниченном наступлении. Временем начала акции Садат назвал неделю после конференции в верхах неприсоединившихся стран, которая должна состояться в сентябре.

Абу Аяд сообщает, что в конце беседы Садат произнес следующую фразу: «Когда арабо-израильский конфликт будет выведен из тупика с помощью военной акции, мы все вместе сядем за стол мирных переговоров». Лишь позже, во время переговоров в Кэмп-Дэвиде, руководителям ООП становится ясен смысл этой фразы.

Фарук Каддуми и Абу Аяд вначале не восприняли это замечание всерьез — они обратили внимание только на сообщение о войне. Объявление ее подтверждало их предсказание, что война с Израилем будет, потому что она неизбежна в ходе исторического развития. Охваченные эйфорией от того, что их предсказание исполняется, Фарук Каддуми и Абу Аяд не придают значения замечанию, что после военных действий все вместе сядут за стол переговоров. Однако это было высказано Анваром Садатом совершенно намеренно.

Сразу же после конференции в верхах неприсоединившихся стран, 9 сентября 1973 года, Садат беседует с Арафатом. О цели войны ничего не говорится, но Арафату бросается в глаза, что в центре внимания египетского президента — время после конфликта. Арафат узнает, что Садат сам хочет созвать мирную конференцию, в которой должны участвовать Израиль, Сирия, США, Советский Союз, Иордания, ООП и Египет.

Несколько завуалированно Садат высказывает намерение вовлечь палестинское освободительное движение в политический процесс, который — по его мнению — должен завершиться мирным договором. Таким образом, становится ясно, что Садат требует от Арафата и ООП отказа от их прежней цели. Уничтожение еврейского государства не предусматривается и, как

считает египетский президент, должно быть исключено из планов боевой организации палестинцев.

Арафат боится, что президент собирается принудить ООП к капитуляции. Он заявляет, что ничего не может сказать об участии палестинцев в подобной международной конференции, созываемой Анваром Садатом: решение по этому поводу находится в компетенции соответствующих органов ООП. Однако в данный момент эта проблема для него не имеет значения, поскольку он хочет сконцентрировать все свои силы и силы ООП на том, как помочь египетской и сирийской армии. Садат говорит, что следует хранить абсолютное молчание, чтобы не поставить под угрозу все предприятие. Арафат обещает выполнить просьбу египетского президента, однако он удивлен тем, что не волен говорить об этой беседе сирийцу Хафезу Асаду, который должен быть партнером в будущей войне. Садат возражает, что эта предосторожность имеет психологическую причину. Поскольку сирийский президент испытывает мало симпатий к лидеру палестинцев, поэтому контакты между участвующими в войне партиями должны поддерживаться через него, египетского президента. Арафату следует знать, говорит Садат, что Хафез Асад вообще не желает участия палестинцев в грядущей войне.

После возвращения Арафата Центральный комитет ООП совещается о будущих событиях. Арафат только в общем виде говорит о возможности военного конфликта, однако просит вносить предложения, каким образом ООП могла бы участвовать в подобном конфликте, чтобы заставить Израиль воевать на два фронта. Вносится очень мало предложений — зато слышно очень много скепсиса. Никто из делегатов не верит в серьезность решения египетского президента начать войну.

Этот скепсис оправдан: с 1971 года Садат объявляет каждый наступающий год решительным. Он пропустил уже два года, не беспокоя Израиль в военном отношении; почему же именно на третий год он должен сдержать свое слово?

Насколько велики сомнения руководства ООП в словах египетского президента, показывает опоздание с отъездом человека, который поддерживает связь между Арафатом и Садатом. Эту миссию взял на себя Абу Аяд. За шесть дней до фактического начала конфликта, 30 сентября, сотрудники египетского посольства в Бейруте настоятельно приглашают его прибыть в Каир.

Хотя Абу Аяд уже верит, что эта настоятельная просьба связана с надвигающимся наступлением, он тем не менее убежден, что Анвар Садат еще повременит с объявлением войны.

Убежденный в этом, Абу Аяд медлит с вылетом в Каир — Арафат его не торопит. Лишь вечером 4 октября связной между Арафатом и египетским правительством приземляется в Каире. Уже ночью его ставят в известность, что военный конфликт начнется через несколько часов.

Первая задача Абу Аяда — дать знать Арафату, что война начнется сейчас. Но у него нет радиосвязи, по которой можно было бы передать подобное сообщение, не согласован код, чтобы можно было через средства связи египетского министерства иностранных дел подключить в качестве посредников дипломатическое представительство Египта в Бейруте. С информацией в Бейрут должен лететь курьер — обычным рейсом Миддл Эст Эйрлайнс. Поскольку ночью нет связи между египетской и ливанской столицами, курьер может вылететь только утром 5 октября. Начало же войны намечено на 14 часов 6 октября. Арафат еле успевает поднять по **fpeBore** боевые соединения ООП.

Однако эти соединения не фигурируют ни в каких сообщениях о ходе Октябрьской войны. ООП считает, что действия палестинских соединений специально замалчиваются руководителями обоих арабских государств, ведущих войну.

То, что Палестинская освободительная армия сразу же после начала войны вертолетным десантом захватила четыре холма в оккупированном районе Голанских высот, никогда не сообщалось сирийскими агентствами новостей. Ливан не распространил сообщение о ракетном обстреле израильских позиций и деревень на ливанско-израильской пограничной территории соединениями Аль Фатах. Аж весной 1981 года во время заседания Палестинского национального совета Арафат жаловался на то, что египтяне замалчивали успехи палестинских бойцов в районе Синая.

Сама ООП поставила себе задачу: на западном берегу Иордана, на занятой территории организовать восстания и всеобщие забастовки. Подобные акции вынудили бы израильские оккупационные власти отвлечь войска в область Иерихона, Хеврона и Набулуса. Тем самым был бы разгружен фронт на Суэцком канале и на Голанских высотах. Однако поставленная самим себе задача не выполнена: удается добиться только того, что несколько десятков тысяч палестинских рабочих начали забастовку в оккупированной израильтянами области. План вызвать беспорядки не удался из-за жесткого контроля, осуществляемого израильскими властями на западном берегу Иордана.

Выясняется также, что Ясир Арафат не пользуется

достаточной популярностью у людей, которые вынуждены жить под израильским контролем. Поражение в Иордании имело для Арафата далеко идущие последствия: палестинцы в районах, занятых Израилем, считают, что лидер ООП и его организация не устоят больше перед вооруженными регулярными войсками. Солидаризироваться же с побежденными многие из них считают неразумным. Анвар Садат во время всего хода военных действий не выказывает интереса к каким-либо акциям боевых организаций. Он никогда не делал секрета из того, что ни во что не ставит партизанскую войну и вылазки ООП. Теперь пришло время доказать, что арабские армии одни в состоянии нанести Израилю чувствительное поражение.

Когда прорвана линия Бар-Лев, когда видно, что египтян уже не выбить с восточного берега Суэцкого канала, он наслаждается своим триумфом. Представителю Арафата он заявляет: «Наши танки прорвутся до перевалов Гидди и Митла. Тогда нам обеспечен контроль над Синайским полуостровом. После этого партизанская война может довершать остальное».

Палестинское руководство постепенно начинает понимать, что замечание Садата об ограниченной цели войны было сделано всерьез. Оперативная фаза военных действий завершается завоеванием восточного берега Суэцкого канала. Предполагаемый дальнейший ход политических событий основывается на надежде, что Совет Безопасности добьется перемирия. Завоевание перевалов Гидди и Митла не предусматривалось. О решающем сражении арабских армий с Израилем не может быть и речи — однако именно на такое решающее сражение надеялись Арафат и руководство ООП.

После успешного штурма линии Бар-Лев наступление египтян приостанавливается. После победы солдаты и офицеры уже менее серьезно относятся к своей задаче. Несмотря на предостережения агентов, которые под видом бедуинов живут в пустыне, командиры Второй и Третьей египетских армий не принимают всерьез передвижения израильских танков по полуострову Синай. Агенты сообщают о транспортировке материалов для наведения мостов израильскими инженерными соединениями.

На основании этих данных можно сделать заключение, что израильтяне планируют переправу через Суэцкий канал.

Армейское руководство египтян не верит в подобную наступательную акцию противника.

Организация освобождения Палестины подчеркивала позже, что соединения Фатах и кувейтской армии использовались тогда для защиты той зоны канала у Исмаилии, на которую было

нацелено острие танкового удара генерала Ариэля Шарона. Федаицы Аль Фатах наблюдали за его продвижением и в конце концов сообщили в вышестоящую инстанцию, однако там это сообщение не восприняли всерьез.

Когда генерал Ариэль Шарон 14 октября начинает наступление и приказывает навести мост через Суэцкий канал, соединение Фатах готово отразить танковую атаку, но оно слишком слабо, чтобы сделать это успешно.

Египетское армейское руководство, как утверждает ООП позже, вообще не восприняло всерьез переправу израильтян через канал. Сам президент Садат долгое время ничего не знал о решающем повороте в войне, поскольку 16 октября в своем выступлении по радио и телевидению он говорил лишь о победах своей армии. То, что Третья египетская армия после наведения моста у Исмаилии попала в окружение египетский народ тогда не узнал.

Свидетелями событий на Суэцком канале были алжирские офицеры, которые находились со своими частями в районе канала. Позже они рассказывали, что видели отчаянное сопротивление палестинцев. Благодаря этим свидетельствам Ясир Арафат получил поддержку президента Алжира Бумедьена.

На этой стадии войны, критической для Египта из-за переправы израильтян через канал, обе великие державы настаивают на заключении перемирия — против воли Израиля, который хотел бы расширить свой успех. Египетские войска спасены от поражения. Анвар Садат может начать свой путь к миру.

Ясир Арафат находится в Бейруте как сторонний наблюдатель. Он подводит итог участия своей организации в этой войне: «Разумеется, акции федаинов менее заметны, когда на поле битвы взрываются гранаты большего калибра.

Однако израильтянам пришлось признать, что именно мы открыли третий фронт, наряду с египетским и сирийским. Израильский представитель в ООН Текоа признал, что федаины ООП напали на 43 кибуца. Израильтяне насчитали 202 акции ООП во время войны».

Несмотря на общий положительный итог, Арафату ясно, что Аравия как целое мало приобрела в этой войне. Для палестинцев она также остается безрезультатной — за исключением того, что президент Садат 22 октября говорит о законных правах палестинцев, которые должны быть учтены в мирном соглашении. Арафат отмечает также, что даже сирийский президент упоминает эти законные права палестинцев и тем самым дает понять, что Сирия стремится к созданию палестинского

государства.

Лидер ООП считает эти декларации пустыми словами, поскольку, по его мнению, лишь борьба с оружием в руках может обеспечить реализацию национальных прав. Однако эта борьба преждевременно прервана — и это разоблачает ее как уловку в дипломатической игре за политические преимущества.

Однако Арафат не может не отметить эти заявления глав двух государств. В своей речи 16 октября Садат совершенно ясно говорил о необходимости интеграции палестинцев в мирный процесс. Арафат вынужден с удивлением констатировать, что Садат в своем отношении к ООП непоследователен: Садат, как и Гамаль Абдель Насер, ранее обещал ООП, что она вправе воздерживаться от всех переговоров, которые когда-либо придется проводить между арабскими странами и Израилем.

Однако теперь, когда настало перемирие… Садат очень резко спрашивает представителя Арафата в Каире, готова ли наконец ООП сесть за стол переговоров. Вместе с другими участниками, среди которых и Иордания, она должна начать переговорный процесс с израильскими политиками о мирном урегулировании.

До сих пор в арабском мире господствовал принцип, который был принят на Хартумской конференции на высшем уровне после катастрофического поражения 1967 года: «Никаких переговоров с Израилем». Анвар Садат больше не заботится о соблюдении этого принципа — и требует от руководителей ООП, чтобы они последовали его примеру.

В качестве основы переговоров должно служить решение Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 года. Оно требует от Израиля, чтобы он ушел со всех территорий, которые занял после Июньской войны 1967 года. Однако оно ни словом не упоминает о существовании палестинского народа. Лишь в пункте 26 идет речь о «справедливом решении проблемы беженцев». Однако ООП под руководством Ясира Арафата настаивает на том, чтобы беженцы рассматривались не как аморфная масса изгнанных с занятых территорий и из Израиля арабов, а как значительная часть палестинского народа.

Принятие решения Совета Безопасности № 242 как исходной основы для переговоров означает для Арафата и всего руководства ООП предательство собственного народа. Тем не менее высшие органы палестинцев не могут занять однозначную позицию, поскольку ООП считает неверным принципиальный отказ от переговоров. ООП как политическая организация палестинского народа не хочет выглядеть перед другими арабскими государствами нарушителем спокойствия на Ближнем Востоке.

21. «Да» или «нет» миру?

Даже ливийский президент Моаммар аль Каддафи, непримиримый противник государства Израиль, рекомендует лидеру ООП после Октябрьской войны 1973 года принять участие в переговорах. Однако до этого организацию нужно более четко структурировать. Он предлагает Арафату свою столицу Триполи в качестве местопребывания палестинского правительства в изгнании. Он считает необходимым создание такого правительства. Тогда оно на законных основаниях сможет сесть за стол переговоров вместе с другими правительствами, участвующими в конфликте.

Арафату трудно предложить своей организации, основанной на демократических принципах, создать правительство в изгнании. До сих пор он сознательно ограничивался тем, что был представителем и командующим боевой организации, которая руководит борьбой палестинского народа за родину.

То, что политические намерения ООП ограничивались одной целью — завоеванием родины, уменьшало возможность конфликтов в ее органах. Самостоятельность фракций, которые были образованы боевыми организациями, не должна быть затронута. Став главой правительства в изгнании, Арафат вынужден был бы бороться за солидарность между фракциями, заставлять их выработать единую точку зрения, которую он затем будет представлять.

Арафат боится, что, став руководителем правительства, он будет вынужден отвечать за каждое отклонение от общей политики. Правительства мира будут задавать ему возмущенные вопросы, если какая-нибудь раскольническая группа где-то нанесет удар. Отказ от официального статуса дает Арафату возможность в определенных случаях снимать с себя ответственность. Впрочем, такой отказ дает ему также возможность сохранять ответственность: в качестве руководителя революционной организации он мог бы претендовать и на влияние на палестинцев, живущих в Сирии, Ираке и Иордании, в то время как президента вновь основанного правительства руководители этих государств лишили бы ответственности за людей, которые живут на их территории.

Еще в октябре 1973 года алжирское правительство информирует руководящий штаб ООП, что оно тоже выступает за участие боевой организации в политических переговорах. Министр иностранных дел Бутефлика считает, что ближневосточный конфликт будет разрешен в конечном счете

только военным путем, но вначале предстоит длительный переговорный период — и на этих переговорах ООП как политическое представительство палестинского народа обязана присутствовать.

В последние дни октября 1973 года в Бейруте встречаются все ведущие деятели Аль Фатах, чтобы обсудить ситуацию, в которой оказались Аль Фатах и другие палестинские организации благодаря инициативе Садата. Они сошлись во мнении, что все арабские политики — несмотря на частые противоположные заявления, — в конечном счете согласятся на переговоры с Израилем. В такой ситуации руководство Фатах решает не выступать пока с заявлениями. Сдержанность следует сохранять по крайней мере до тех пор, пока не поступит приглашение к участию в переговорах.

Арафат должен проинформировать египетского президента об этом решении. 12 ноября он встречается в Каире с Садатом. Однако глава государства демонстративно проявляет свое равнодушие: он совсем не слушает, когда Арафат сообщает ему о решении органов Фатах не высказывать пока однозначно свое «да» или «нет» по проблеме мирных переговорв. Арафат не получает приглашения участвовать в этих переговорах.

Совершенно очевидно, что Анвар Садат больше не заинтересован в представительстве палестинцев за столом переговоров. Он считает, что больше не нуждается в ООП, ведь за день до этого на сто первом километре дороги между Суэцем и Каиром состоялось первое частичное соглашение между Египтом и Израилем благодаря давлению Генри Киссинджера. Американский министр иностранных дел порекомендовал Садату на первый раз не отягощать переговоры участием палестинцев. Целью Генри Киссинджера является прежде всего поэтапное частичное решение ближневосточной проблемы — принципиальное решение всех имеющихся спорных вопросов реалист Киссинджер хочет отодвинуть на будущее.

Хотя Октябрьская война 1973 года не окончилась явной победой арабов, она произвела на Ближнем Востоке эффект мощного землетрясения. Народ Израиля понимает, что военное превосходство, которое его армия до сих пор всегда подтверждала, не вечно: ведь египтянам удалось пробить линию Бар-Лев, а сирийцы в начале войны отвоевали часть Голанских высот.

Арабы увидели, что их солдаты почти равноценны израильтянам в бою, что они могут противостоять этому врагу. В этой войне арабы уже не спасались бегством. У израильтян больше не было повода для триумфа.

Особое удовлетворение арабы испытали и от другого аспекта войны, имевшего политическое значение для всего мира: индустриальные державы Запада почувствовали свою зависимость от арабской нефти. Хотя настоящее эмбарго не было объявлено, но хватило его угрозы, чтобы по Европе, а временами даже по США, прокатилась волна паники. Египетский президент учитывал это воздействие.

По договоренности с королем Саудовской Аравии Фейсалом Садат разработал стратегию того, как заставить индустриальные державы понять, что, если они хотят сохранить свое благосостояние, им следовало бы благоразумно учитывать и интересы арабов. Европейцы и американцы должны понять, что беспрепятственные поставки нефти в будущем могут быть гарантированы только при наличии определенных политических предпосылок. Политики западных индустриальных государств в первый раз задумались над тем, как можно помочь арабам и прежде всего — палестинцам. Каждый ответственный политик прикидывает, как ему обеспечить условия для беспрепятственного поступления арабской нефти.

ООП вначале воспринимает быстрое окончание военных действий и начало экономических и дипломатических переговоров как предательство. Но именно ООП становится одним из важных пунктов переговорного процесса: король Фейсал ясно указывает, что отношения между богатой нефтью Саудовской Аравией и каждым отдельным индустриальным государством зависит от того, какую позицию его политики занимают по палестинской проблеме. Только те страны будут получать достаточно нефти, кто активно выступает за удовлетворение требований палестинцев.

«Падение сионизма началось» — под таким заголовком палестинские газеты отмечают этот поворот. Сабри Джирьис, ученый-палестинец, который долго жил в Израиле и знает менталитет и условия жизни его граждан, отмечает в эти недели изменения, вызванные Октябрьской войной 1973 года. Он считает, что Израиль, некогда непобедимое государство, стал уязвимым в экономическом и военном отношении.

Если Израиль стал уязвимым, то надо нанести ему смертельный удар — такой вывод сделали некоторые из руководителей ООП в изменившейся ситуации. Заключать мир с этой уязвимой страной представляется неразумным. Это мнение выражает Найеф Хаватме, представитель Демократического народного фронта освобождения Палестины: «Ограниченная война создала новую реальность. Было восстановлено военное равновесие между арабами и израильтянами. Крах израильской

теории о «надежной границе» — это успех арабов. Доказано, что арабские солдаты могут прекрасно обращаться со сложным вооружением.

Появились новые возможности решения проблем. Тем не менее все решения, которые не учитывают наши законные права, будут нами отвергнуты. Наша ближайшая цель — освобождение всех территорий, занятых Израилем после войны 1967 года. Палестинский народ должен получить возможность установить в освобожденных районах свою национальную власть». На этой основе, говорит Найеф Хаватме вскоре после окончания войны, может быть начато обсуждение с самим Израилем.

Тем самым Найеф Хаватме, который достаточно часто выступал против мнения Аль Фатах, высказывает точку зрения, близкую этой организации. Хаватме — первый среди руководителей боевиков, кто в последующей дискуссии признал правоту Арафата. Если путем переговоров можно чего-то достичь, то нужно испробовать этот путь — такова позиция Арафата. Найеф Хаватме становится на его сторону, причем, в отличие от Арафата, он совершенно открыто хочет возможный положительный результат переговоров превратить в преимущество в борьбе против Израиля, которая последует сразу же после переговоров.

Шафик аль Хоут входит в руководящие органы ООП, не будучи членом какой-либо организации. Он близок Аль Фатах и Арафату, но в то же время оценивает ситуацию более дифференцированно: «Октябрьская война повергла в кризис наших врагов, но одновременно и нас. Кризис и у нас, и у противника затронул стратегические цели.

Израильское правительство завоевало территории за пределами Палестины, но теперь вынуждено пойти на уступки; мы тоже находимся в таком положении, когда вынуждены отступить от нашей стратегической цели. Может быть необходимо, чтобы мы участвовали в конференции — и может быть необходимо, чтобы мы в ней не участвовали. Может также получиться, что мы будем блокировать эту конференцию.

Мы должны понять, что «нет» мирной конференции означает, что нам придется бороться против всех народов и государств. Нам придется приложить все усилия, чтобы наилучшим образом перейти от одной фазы к другой, чтобы добиться наших законных целей».

Крепнет мысль, что возможные переговоры — это своего рода промежуточная фаза, чтобы добиться преимуществ для укрепления собственной позиции. Тогда участие в них не станет предательством цели, которая выражается формулой: «Революция

до победы». На этой стадии не исключен и политический процесс, который привел бы к частичному успеху арабской стороны, который возвратил бы арабам часть потерянной территории на западном берегу Иордана. Владеть этой территорией — что следует предусмотреть заранее — будет тогда участник переговоров, имеющий наибольшее право на эту землю. Если палестинцы не будут сами участвовать в переговорах, то, без сомнения, король Иордании Хусейн предъявит претензии, и они будут удовлетворены.

Дилемма, стоящая перед Арафатом, очевидна: он знает, что главы арабских государств не примут его позиции, если он будет на ней настаивать, а палестинцы воспримут переговоры как доказательство трусости и слабости.

Он опасается, что если он будет настаивать на прежней политической концепции, то просто останется за бортом переговоров. При этом Арафат должен также учитывать мнение членов своего штаба. Для него важно мнение Абу Аяда. Он спрашивает, как долго ООП может оставаться в стороне. Абу Аяд: «Абсолютное «нет» — часто не что иное, как бегство от реальности».

22. Организация Арафата представляет всех палестинцев

В период размышлений, каким путем должна идти ООП, главы арабских стран встречаются в Алжире. Встреча президентов и монархов проходит с 26 по 28 ноября 1973 года. Уже давно ясна готовность Садата к переговорам. Реакция глав государств еще больше укрепляет египетского президента в этой готовности. Однако на заседании в Алжире не обсуждается отмена решения конференции в верхах в Хартуме, которое запрещает прямые переговоры с Израилем.

Ясир Арафат, который участвует в конференции в верхах с тем же статусом, что и главы государств, быстро понимает, что собравшиеся политики хотят снять с себя ответственность за палестинскую проблему. Теперь соблюдение прав палестинцев они хотят считать делом ООП. Пусть палестинцы сами заботятся о своем будущем!

Во время конференции в Алжире на столах лежит проект резолюции, предусматривающей, что Организация освобождения Палестины может в будущем считаться правомочным и единственным представительством палестинского народа. Руководителю ООП нравится ее содержание, хотя не совсем устраивает тенденция резолюции, которая быстро и удобно освобождает руководителей государств от их ответственности. Однако Арафат понимает, что эта резолюция увеличивает политический вес его организации и при этом он сам не обязан принимать решение о провозглашении правительства в изгнании.

Против проекта резолюции высказывается король Хусейн. В его стране жил один миллион палестинцев; до Июньской войны 1967 года он был главой государства для палестинцев, проживающих в районах Хеврона, Набулуса, Иерихона и Восточного Иерусалима. Если он откажется от права представлять палестинцев своего государства и занятых территорий, то одновременно он откажется от права господства, поскольку небольшой народ Иордании, состоящий в основном из бедуинов, не способен к существованию. Поэтому Хусейн выступает против резолюции и добивается все же того, что она остается тайной.

С этого момента Арафат и руководящие органы ООП должны нести ответственность за палестинский народ. Главы арабских государств ожидают от них выработки четкой точки зрения по вопросу возможных переговоров с Израилем. В начале июня 1974 года Палестинский национальный совет принимает программу из

десяти пунктов. Она предусматривает поэтапное построение палестинского государства на всех территориях, которые освободит Израиль. Кроме этих ближайших целей, программа не забывает и о будущем демократическом государстве для мусульман, евреев и христиан во всей Палестине.

Однако изложение этих далеко идущих планов в программе десяти пунктов не спасает Арафата и его соратников от нападок со стороны маленьких экстремистских групп. Они упрекают Арафата в том, что он заинтересован только в создании «мини-государства», чтобы стать в нем президентом, а ликвидацию государства Израиль больше не считает своей целью. В некоторых лагерях по этому поводу разгораются споры. Арафат сам пытается разъяснить беженцам, что они смогут изменить свое безнадежное положение, лишь согласившись на частичное решение. Он доказывает, что экстремистские группировки действуют в пользу Израиля, который в любом случае не хочет видеть ООП за столом переговоров.

Теперь сказывается бескомпромиссность позиции Арафата в прежние годы, когда он часто подчеркивал, что о переговорах с Израилем не может быть и речи, что их можно приравнять к капитуляции. В ближайшем кругу его соратников напоминают, что однажды Арафат в запальчивости заявил, что если он когда-нибудь сядет за стол переговоров с израильтянами, то любой федаин будет вправе застрелить его как предателя. Сегодня Арафат — заложник своих лозунгов.

Он убежден, что основание некоего государственного образования — зародыша родины — могло бы вернуть палестинскому народу часть его утраченного достоинства. Он хочет объяснить окружающим его людям, что это не будет отказом от настоящей цели. Но его продолжают упрекать в том, что он довольствуется «мини-государством» и является поэтому предателем палестинского дела. Особую активность в клевете на Арафата проявляет доктор Жорж Хабаш.

Ясир Арафат и Абу Аяд приходят к выводу, что Жорж Хабаш в личном разговоре придерживается того же мнения, что и оба руководителя Фатах, то есть что постоянное «нет» не выведет палестинский народ из лагерей. Но как только Хабаш выступает публично, все взвешенные и умеренные мысли исчезают из его головы, тогда он проповедует только безусловную войну, отклоняет любой компромисс. Перед массами Хабаш клеймит «распродажу прав палестинцев», которой занимается Арафат. Усилия Арафата не выносить на всеобщее обозрение спор вокруг программы десяти пунктов почти увенчались успехом. На скептические вопросы он отвечает, что документ подписан всеми

ведущими организациями, он является обязывающим для всех палестинцев.

Настойчивое подчеркивание сплоченности палестинских организаций служит для того, чтобы создать психологическую основу для признания ООП главами арабских государств, для признания ответственности ООП за всех палестинцев — причем открыто, а не тайно, как на конференции в верхах в 1973 году. Больше нет колебаний, брать ли на себя ответственность. ООП ясно видит, что арабские короли и президенты больше не хотят нести ответственность за палестинский народ. Вскоре предстоит новая конференция в верхах; предусмотрено выработать новый проект резолюции по определению статуса ООП.

Вначале неясно, проявят ли руководители арабских государств и на этот раз такое же единодушие, как на конференции 1973 года, когда возражал один Хусейн. 18 июля 1974 года Хусейн и Анвар Садат ставят свои подписи под совместным коммюнике, которое устанавливает ответственность иорданского короля за палестинцев, проживающих в самом королевстве. Это коммюнике вызывает у некоторых молодых членов Фатах желание убить короля Иордании. Они собираются устроить покушение во время конференции на высшем уровне в Рабате, которая начнется 26 октября 1974 года.

Организация «Черный сентябрь» уже предпринимала попытки «наказать» иорданского короля за его удар по ООП в сентябре 1970 года. «Черный сентябрь» после Октябрьской войны 1973 года больше не существует. Члены Фатах, организующие покушение, полностью предоставлены сами себе. Однако они становятся жертвой исключительных мер безопасности.

Ожидая в Рабате начала конференции, они знакомятся с неким ливийским коммерсантом, который выдает себя за противника иорданского короля, на самом же деле является агентом марокканских спецслужб. Видимо, он пронюхал о планах палестинцев и донес на них.

Марокканская полиция так и не узнала, насколько широк круг заговорщиков и на кого они замышляют покушение. Во время подготовки к заседаниям конференции ходят слухи, что многие из них еще на свободе. Власти в Рабате опасаются, что их король станет жертвой палестинских партизан, египетская делегация опасается за Анвара Садата, а иорданская — за короля Хусейна.

В этой обстановке неопределенности ни одна делегация не хочет идти на риск. Никто не возражает против резолюции, признающей за ООП права единственного и неоспоримого представителя палестинцев. Текст резолюции, подписанной 28

октября 1974 года главами всех арабских государств, гласит:

«Конференция глав арабских государств подтверждает право палестинского народа на возвращение на свою родину и самоопределение.

Конференция подтверждает право палестинского народа на создание независимой национальной власти над всеми освобожденными районами под руководством ООП как единственного законного представительства палестинского народа.

Арабские государства обязуются поддерживать эту власть, когда она воплотится в реальность, на всех уровнях.

Конференция поддерживает ООП в осуществлении ее национальной и международной ответственности.

Конференция действует в соответствии с принципами арабской солидарности.

Конференция обращается с просьбой к королевству Иордания, а также к Сирии и Египту, поддерживать отношения с ООП на основании этих решений и прилагать усилия для их осуществления.

Конференция глав арабских государств подтверждает обязательства всех арабских государств сохранять единство палестинского народа и не вмешиваться во внутренние дела палестинцев».

Лидер палестинцев Абу Аяд признает, что угроза покушения повлияла на формулировки текста: «Опубликование заключительного коммюнике вызвало у четырнадцати арестованных в Марокко федаинов настоящий взрыв восторга, поскольку они были убеждены в том, что добились своей цели. Их целью не было кровопролитие. Главным было для них то, что арабские страны, враждебно настроенные по отношению к ним, признали наконец права палестинцев и право ООП быть их единственным представителем».

Признание ООП главами арабских государств не остается без последствий: впервые американский президент говорит о «легитимных правах палестинского народа». До сих пор речь шла только о «беженцах», а их национальность, как правило, обходили молчанием. Перемены в терминологии, использующейся в американской ближневосточной политике, Арафат может считать успехом. Теперь он ставил себе цель вернуть понятие «Палестина» в мировой реестр географических названий.

23. Триумф в ООН

В зале заседаний Генеральных Ассамблей Организации Объединенных Наций для Ясира Арафата поставили кресло с высокой спинкой, однако он не спешит им воспользоваться. Положив левую руку на спинку, доходящую до уровня плеча, он его внимательно разглядывает — ведь это кресло предназначается для удобства главам государств и правительств. В аппарате генерального секретаря ООН, выразили желание, чтобы до и после своего выступления Арафат сидел в кресле слева от трибуны, однако лидер ООП демонстративно отказывается следовать ему. Этот жест скромности вызывает бурные аплодисменты. Большинство делегатов Генеральной Ассамблеи открыто выражает Арафату свою симпатию. Представители почти 140 стран встают, чтобы продемонстрировать свое уважение Арафату, а в его лице — ООП и палестинскому народу.

Делегаты из государств третьего мира, представляющие политические структуры, которые добились независимости или завоевали ее лишь в настоящее время, видят в Арафате лидера народа, пребывающего на стадии освобождения. Они могут поставить себя на его место и считают, что испытывают те же чувства, что и Арафат. Они были инициаторами поездки руководителя ООП в Нью-Йорк в резиденцию Организации Объединенных Наций.

Согласно уставу, право выступления и произнесения речей имеют, собственно говоря, только представители стран — членов ООН. Если не считать выступления папы Павла VI в 1965 году, то возможность изложить свою позицию предоставлялась лишь политикам из реально существующих государств. Выступление папы все же можно было оправдать с точки зрения устава: он является носителем верховной власти собственного государства, Ватикана. Арафат же — даже не глава признанного эмигрантского правительства. Он представитель организации, которую правительство США, сильнейшей державы мира, причисляет к террористическим группировкам. И вот всемирная организация оказывает главному из этих «террористов» честь, обычно предоставляемую лишь главам государств.

Организация «Jewish Defence League»,[4] поставившая своей задачей охрану еврейских и израильских интересов в США, накануне прибытия Арафата выступила с угрозой позаботиться о том, чтобы этот палестинец живым Нью-Йорк не покинул. В городе, где евреев больше, чем во всем Израиле, такую угрозу

следует воспринимать всерьез. Штат Нью-Йорк, взбудораженный 100-тысячной демонстрацией протеста против пребывания в городе Арафата, сосредоточил вокруг отеля «Уолдорф Астория» и здания ООН крупные силы полиции.

В «Уолдорф Астории» находились апартаменты делегации ООП. Когда Арафат раздвигает шторы, на улице далеко внизу он может видеть автомобили полиции, группирующиеся у входа в отель. На крышах других зданий он замечает снайперов. Прогулка по городу, которую хотел совершить Арафат, невозможна. Арафат воспринимает то обстоятельство, что он должен позволить запереть себя в отеле, как оскорбление достоинства. Он считает, что это результат капитуляции Соединенных Штатов перед сионизмом.

Из уважения к высшему органу всемирной организации Арафат бреется. Он снимает щетину в последний момент перед появлением на трибуне — в туалетной комнате здания ООН. Но от образа, известного всему миру, Арафата отличает только выбритый подбородок. И в этот день на нем палестинский головной платок, и солнцезащитные очки он снимает лишь ненадолго. Факт наличия пистолета в кобуре, висящей под кителем на правом бедре, вызывает сомнение.

Речь Арафата продолжается 90 минут. Лидер ООП рисует широкую панораму своего политического видения мира: становится ясно, кого Арафат причисляет к своим друзьям, а кого — к врагам. В начале речи Арафат излагает свою позицию по проблемам, актуальным в тот момент, в 1974 году — тогда конфликт в Индокитае еще не завершился поражением американцев, а африканское государство Зимбабве, хоть Арафат уже и употребляет это название, еще носит имя «Родезия». Арафат демонстрирует себя лидером, партнером угнетенных всего мира.

Свою организацию он ставит в ряд революционно-освободительных движений. Причисляя ООП к кругу тех, кто стремится к борьбе против угнетения, Арафат завоевывает симпатии большинства своих слушателей — в конце концов, в 1974 году страны третьего мира уже имеют значительный вес на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций.

Называя угнетателей, он явно проявляет осторожность. Даже критика США звучит весьма щадяще. Арафат не создает пропасти. Он подчеркивает готовность к примирению и к диалогу, предлагает евреям партнерские отношения.

Вот почти полный текст речи, которую Ясир Арафат произнес на арабском языке 13 ноября 1974 года перед делегатами Генеральной Ассамблеи ООН — выпущены лишь явные, но

многочисленные повторения.

«Господин президент, я благодарен Вам за приглашение, которое дает ООП возможность принять участие в сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Благодарю всех уважаемых членов Организации Объединенных Наций, которые способствовали тому, чтобы проблема палестинцев была внесена в программу работы Ассамблеи, и приняли решение пригласить нас и таким образом предоставил возможность изложить обстоятельства, сложившиеся вокруг Палестины.

Возобновление рассмотрения палестинского вопроса в рамках повестки дня этого органа объединенных наций является значительным событием. Этот шаг мы рассматриваем как победу всемирной организации и дела нашего народа. Этот шаг знаменует собой новое направление: сегодня ООН уже не та, какой была вчера. Сегодня Объединенные Нации представляют 138 государств и довольно точно отражают волю международного сообщества. Оно стало в большей степени способно претворять в жизнь свою хартию и принципы Декларации прав человека. Оно также стало в большей степени способно поддерживать справедливые и мирные интересы народов. Наш народ и народы Азии, Африки и Латинской Америки ощущают эту поддержку. Это чувство, в свою очередь, способствует росту авторитета ООН в глазах остальных народов. Растет надежда народов земли на возникновение мира без колониализма, империализма, неоколониализма, нового мира, в котором не существует расизма в какой бы то ни было форме, в котором также не существует сионизма.

Господин президент, мы живем в мире, который стремится к миру, справедливости, равенству и свободе и хотел бы стать свидетелем того, как угнетенные народы, страдающие под игом колониализма и расизма, смогут осуществить свое право на самоопределение. Этот мир желает, чтобы отношения между всеми государствами строились на основе равенства, мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела, безопасности, национального суверенитета, единства и независимости. Мир хочет справедливых, равноправных экономических отношений, которые учитывают взаимные интересы.

Он надеется на то, что вся энергия будет концентрироваться на борьбе с нищетой, голодом, болезнями и природными катастрофами. Он стремится к развитию продуктивных научных и технических способностей человека. Он стремится к сокращению пропасти, разделяющей низкоразвитые и высокоразвитые страны. Однако все эти чаяния сталкиваются с миром реальным, в

котором все еще господствуют нестабильность, несправедливость, дискриминация и эксплуатация, которому грозят экономические катастрофы, войны и кризисы.

Все еще существуют народы, например, в Зимбабве, Намибии, Южной Африке и Палестине, которые являются жертвами агрессии, угнетения и террора. В этих регионах мира возникают вооруженные конфликты, которые навязывают народам колониалистские и расистские силы, действуя террористическими методами. Народы сопротивляются этому. Это сопротивление легальное и справедливое.

Господин президент, Организация Объединенных Наций должна выступить в поддержку этих народов и должна помочь им успешно осуществить свои справедливые устремления, должна поддержать их в борьбе за право на самоопределение.

Народы Индокитая по-прежнему подвергаются агрессии и сталкиваются с заговорами, которые препятствуют им в достижении мира. Несмотря на то, что народы мира одобрили договор по Лаосу и мирный договор по Южному Вьетнаму, договоры эти далеки от подлинного мира, поскольку агрессивные силы упорствуют в своем стремлении удерживать Вьетнам в состоянии нестабильности и войны. Народ Камбоджи также по-прежнему подвергается военной агрессии.

Всемирная организация, господин президент, должна принимать активное участие в поддержке этих народов. Она должна положить конец происках агрессоров и противников мира.

Корейская проблема также весьма далека от справедливого и мирного решения, хотя в предложениях демократической республики Кореи содержится выражение ее позитивной и мирной позиции. Несколько месяцев назад мы стали свидетелями возникновения кипрского кризиса и разделяем тревогу народов всего мира за ситуацию на острове. Организация объединенных наций должна и впредь прилагать усилия к достижению мирного решения этой проблемы, которое освободит народ Кипра от тягот войны и сохранит его независимость. Без сомнения, кризис на Кипре входит в круг проблем народов Ближнего Востока и Средиземноморья.

Страны Азии, Африки и Латинской Америки по-прежнему подвергаются жестокой агрессии, направленной против их борьбы за преобразование существующей международной экономической системы, которое сделало бы ее более разумной и справедливой. Следует положить конец разграблению и хищнической эксплуатации богатств недр, принадлежащих бедным народам. Эти страны не должны встречать препятствий на своем

продвижении по пути развития. Они должны самостоятельно располагать своими запасами сырья. Необходимо покончить с диктатом цен на сырье. Организация Объединенных Наций должна энергично стать на сторону борцов за коренное изменение системы мировой экономики. Организация должна энергично выступить против всех тех сил, которые пытаются взвалить ответственность за мировую инфляцию на развивающиеся страны, в особенности на страны, где ведется добыча нефти. Она должна осудить угрозы, направленные против этих стран, которые выставляют лишь справедливые требования.

Господин президент, всемирная гонка вооружений не остановлена.

Это обстоятельство представляет собой постоянную угрозу человечеству, которому приходится опасаться того, что его богатства будут уничтожены. Существует озабоченность угрозой взрывов. Гонку вооружений необходимо остановить, ядерное оружие необходимо уничтожить. Деньги, затрачиваемые на военные технологии, должны быть затрачены на развитие науки, на рост производства и на достижение благосостояния человечества. Эти ожидания народы связывают с активной деятельностью Организации Объединенных Наций.

В нашем регионе нестабильность все еще наиболее сильна, ибо система сионизма прочно цепляется за арабские земли. Система сионизма предпринимает лихорадочные приготовления к новой агрессивной войне. По всем признакам следует отдавать себе отчет в опасности атомной войны, которая несет с собой полное уничтожение. Несмотря на кризисную ситуацию, царящую в мире, в настоящее время мы переживаем исторические события. Мы являемся свидетелями падения старого мира. Мир колониализма, империализма исчезает — и вместе с этим и мир, в котором могли процветать идеи сионизма. Сегодняшний мир становится свидетелем того, как народы земли совершают крупный исторический шаг в новый мир. Справедливое дело победит. Мы верим в эту победу.

Господин президент, палестинская проблема — важная составная часть этого справедливого дела. Поскольку мне предоставляется возможность изложить здесь данную проблему, мне хотелось бы внести предложение, чтобы подобный шанс был предоставлен всем освободительным движениям, борющимся против расизма и колониализма. Выступая перед Вами на этом международном форуме, мы выражаем свою уверенность в том, что наша вооруженная борьба должна завершиться политической, дипломатической акцией.

Выступая сегодня здесь, мы обращаемся в будущее. Говоря же

о настоящем и обращая взор в прошлое, мы хотим живописать тот путь в преисполненное надежд будущее, который стремимся проложить вместе со всеми народами земли, но в первую очередь со всеми освободительными движениями. И если мы подробно останавливаемся на причинах наших проблем, то только потому, что среди присутствующих здесь есть те, кто занял наши дома, собирает урожай с наших полей, снимает плоды с наших деревьев и тем не менее утверждает, что мы всего лишь привидения, без настоящего, без прошлого и без будущего.

Некоторые все еще пребывают во власти представлений о том, что наш вопрос сводится к проблеме беженцев или что ближневосточный конфликт представляет собой спор вокруг границ между арабскими государствами и сионистским образованием. Некоторые также придерживаются мнения, что наш народ ведет спор о правах, которых ему не полагается, что наш народ ведет борьбу, не имея на то разумных оснований, что он нарушает мир, что он терроризирует других. Точно так же и среди вас есть такие — здесь я имею в виду США и еще некоторые государства, — кто оснащает нашего врага самолетами, бомбами и всевозможными средствами уничтожения, кто занимает по отношению к нам враждебную позицию и пытается представить реальную проблему в искаженном свете.

Все это происходит за счет американского народа, за счет его богатства и за счет той дружбы, которую мы стремимся поддерживать с этим великим народом. Мы испытываем глубокую симпатию к американскому народу, памятуя о его опыте в деле борьбы за свободу и единство страны.

Я хотел бы использовать предоставленную мне возможность и обратиться к американскому народу. Перед лицом данного форума я хотел бы призвать американский народ к защите права и справедливости.

Пусть американский народ вспомнит о своем герое Джордже Вашингтоне, который боролся за свободу и независимость Америки. Пусть он вспомнит об Аврааме Линкольне, который поддерживал бедных, угнетенных и страждущих. Пусть он вспомнит о четырнадцати пунктах Вильсона, в которые и наш народ верит. Я обращаюсь к этому американскому народу и задаю вопрос: чем наш народ провинился перед американским?

Господин президент, анализ причин нашей проблемы основывается на нашей убежденности в том, что мы должны учитывать корни возникновения проблемы, ее истоки. К сожалению, сегодня международная политики склонна не принимать во внимание эти корни. Корни палестинской проблемы уходят в девятнадцатый век, во времена колониализма.

Тогда сионистами и колониалистами был выношен план захвата страны Палестины еврейскими переселенцами из Европы.

Это сравнимо с колонизацией Африки переселенцами-колонистами. Тогда тирания колонизаторов возрастала: они двигались в Африку, Азию и Латинскую Америку, чтобы покорять, заселять и эксплуатировать страну — чтобы превратить страну в колонию. Практиковалась самая жестокая форма хищнического разграбления, влияние чего ощущается еще и сегодня в Южной Африке и в Палестине.

Для оправдания своих завоеваний колониалисты использовали в качестве предлога идеи цивилизации и культуры.

Подобное оправдание они использовали и тогда, когда обрушили на Палестину волны переселенцев-сионистов. Во время этого нападения корыстные цели были завуалированы: палестинский народ вначале был подвергнут дискриминации, а затем изгнан. В ту пору колонизаторы использовали эксплуатируемых бедняков, которых засылали вперед при образовании колонии.

Для этой цели международный колониализм и сионистские лидеры использовали неимущих, гонимых евреев Европы. Сионистская идеология, направленная против нашего народа с целью заселения Палестины евреями — выходцами с Запада, применялась в качестве аргумента, чтобы заставить этих евреев покинуть родину.

Сионизм — это идеология колониалистская, расистская и реакционная. Она имеет те же основы, что и антисемитизм. Когда евреи говорят, что единственное решение их проблемы состоит в отделении от нации и общества, составной частью которых они исторически являлись, и в расселении на земле, принадлежащей другому народу, они придерживаются той же позиции, что и антисемиты.

Не существует разницы между Сесилом Родсом, стремившимся к колонизации Южной Африки, и Теодором Герцлем, с помощью поселенцев насаждавшим колониализм на земле Палестины. Родес предоставил Герцлю письменное подтверждение смысла и целей своих колонизаторских планов. Этот документ колониализма Герцль предъявил британскому правительству с целью заручиться его поддержкой при осуществлении своих планов. В качестве ответного шага он создал на палестинской земле опорный пункт империализма.

Итак, начало сионистскому движению было положено завоеванием нашей страны в пакте с международным колониализмом. Позвольте мне привести следующие факты:

• К началу завоевания в 1881 году и перед приездом первой

волны переселенцев число жителей Палестины составляло около полумиллиона. Большинство из них арабы. По своей конфессиональной принадлежности это мусульмане или христиане. 20 000 жителей Палестины исповедовали в то время иудейскую религию. Они живут в религиозном согласии с арабами, что является у нас традицией.

• Палестина была зеленой страной, населенной арабским народом, который там строил свою жизнь и пел славу своей культуре.

• Коварными методами сионистское движение добилось того, что в 1882–1917 гг. около 50 000 европейских евреев покинули родину и эмигрировали в нашу страну. Сионистскому движению удалось получить от британского правительства декларацию Бальфура. В декларации Бальфура в полной мере выражена вся несправедливость колониализма, ибо Великобританией было обещано сионистскому движению нечто, что ей отнюдь не принадлежало.

• Лига наций в своей старой форме оставила палестинский народ на произвол судьбы. Британский колониализм был навязан нам в форме мандата. В течение тридцати лет, последовавших за декларацией Бальфура, сионистскому движению совместно со своим союзником по колонизаторским планам, Англией, удалось переселить из Европы еще больше евреев и насильственно аннексировать арабскую страну Палестину.

При этом число евреев в Палестине к 1947 году выросло примерно до 600 000, и они владели менее чем 6 % плодородных земель. Число палестинцев-арабов составляло к этому времени около 1 250 000.

• Сионистскому движению при согласии правительства подмандатной территории и поддержке Соединенных Штатов удалось добиться у Организации Объединенных Наций на ранней фазе ее существования издания резолюции, предусматривавшей разделение нашей родины. Эта резолюция возникла в результате сомнительных происков и грубого шантажа.

• Организация Объединенных Наций произвела раздел того, чего делить вообще не имела права: страну одной нации. Однако мы отклонили это решение и действовали под стать той истинной матери, которая отвергла предложение Соломона разрезать ее ребенка пополам, когда другая женщина предъявила права на этого ребенка. Несмотря на то, что в соответствии с планом разделения страны переселенцам-колонизаторам было подарено 54 % палестинской земли, этого им было недостаточно.

Они вели террористическую войну против гражданского арабского населения, заняли 81 % всей территории Палестины и

изгнали миллион арабов. Они разграбили 524 арабских городов и сел, 385 из них разрушили и сравняли с землей. Они построили свои поселения и колонии на этих руинах и на месте наших полей и садов.

Вот где корни палестинской проблемы. Их не следует искать в религиозных или национальных противоречиях двух религий или двух национальностей. Это проблема народа, чья страна насильственно захвачена, который изгнан со своей земли, большинство которого живет в изгнании в палатках.

Сионистскому образованию при поддержке империалистических и колониалистических государств — во главе их стоят США, — удалось обмануть Объединенные Нации, так что здесь признается его членство. Ему также удалось добиться исключения вопроса о Палестине из программы работы ООН и ввести международную общественность в заблуждение утверждением о том, что палестинский вопрос представляет собой лишь проблему беженцев, ослабить остроту которой можно состраданием или интеграцией беженцев в другие страны.

Тем не менее расистское государство, основанное на колониализме, не удовлетворилось этим. Оно стало опорным пунктом империализма и превратилось в арсенал с целью выполнять свой задачи в рамках угнетения арабских народов. В 1956 году и в 1967 году это государство вело экспансионистские войны против арабских стран, создавая этим угрозу всеобщему миру. В результате сионистской агрессии в июне 1967 года противник занял египетский Синай вплоть до берега Суэцкого канала, принадлежавшие Сирии Голанские высоты и палестинскую территорию до Иордана. Таким образом в нашем регионе была создана новая ситуация, возникла так называемая ближневосточная проблема.

Резолюции и призывы ООН и всемирной общественности захватчик игнорировал. Все мирные и дипломатические усилия, направленные на то, чтобы побудить захватчика прекратить политику экспансии, были напрасны. Нашей арабской нации, в первую очередь государствам Египту и Сирии, не оставалось ничего другого, кроме военной подготовки к новому конфликту.

Целью военных усилий было противостояние варварскому вторжению и, по исчерпании всех мирных средств, освобождение потерянных территорий, а также сохранение прав палестинского народа, Так разразилась четвертая ближневосточная война, Октябрьская война, доказавшая сионистскому противнику бесплодность его экспансионистской захватнической политики.

Однако лидеры сионистского образования все еще весьма далеки от того, чтобы извлечь из этого урок. Вместо этого они

куют оружие для пятой войны. Они вновь хотят разговаривать с арабами на языке военного превосходства, агрессии, террора и подавления.

Уважаемый господин президент, нашему народу больно слышать пропагандистские заявления о том, что его страна была пустыней, которую освоили чужие поселенцы, что родина палестинцев была необитаемой и поселенцы-колонизаторы не причинили вреда ни одному человеку. Нет, господин президент, перед этим международным форумом мы должны разоблачить ложь.

Все должны знать, что Палестина была колыбелью одной из старейших культур и цивилизаций. Арабский народ Палестины еще тысячи лет назад заботился о распространении сельского хозяйства, возводил здания, взращивал культуру и цивилизацию. Палестинский народ стал примером свободы вероисповедания. Он считался верным хранителем святынь всех религий своей родины. И я как сын из сыновей священного города храню для себя и для своего народа прекраснейшие воспоминания о братском единстве религий, которое царило в нашем городе, пока не разразилась катастрофа.

Наш народ не допускает того, чтобы эта страна стала очагом агрессии против народов или бастионом расизма в борьбе против культуры, цивилизации, прогресса и мира. Поэтому наш народ не может действовать иначе, кроме как сражаться с захватчиками.

Если бы переселение евреев в Палестину имело целью совместное проживание переселенцев рядом с нами в качестве граждан с теми же правами и обязанностями, то мы предоставили бы им пространство в рамках возможностей нашей страны, как сделали это для десятков тысяч армян и черкесов.

Однако целью переселения были насильственная аннексия нашей страны, наше изгнание и превращение в людей второго сорта. Никто не может посоветовать нам согласиться на это. Но наша революция строится не на расизме или на религиозном фанатизме, она направлена не против евреев, а против сионизма, в основе которого лежит расизм. В этом смысле наша революция представляет собой положительное явление и для евреев. Мы боремся за то, чтобы евреи, христиане и мусульмане могли жить рядом друг с другом, имея равные права и обязанности, независимо от расы и религии.

Мы, господин президент, делаем различие между еврейством и сионизмом. Мы боремся с сионистским колониальным движением, однако уважаем религию евреев. Сегодня, столетие спустя после возникновения сионистского движения, мы предостерегаем: это движение будет представлять собой все

возрастающую опасность и для евреев всего мира.

Сионизм все еще настаивает на том, чтобы заставить евреев покинуть страны, являющиеся их родиной. Он все еще хочет создать для них искусственную национальность вместо их первоначальной национальности. Он продолжает подобные действия, хотя они явно обречены на неудачу.

Подтверждение этому следует усматривать в том, что постоянно растет число людей, желающих покинуть израильское государственное образование.

Мы обращаемся ко всем народам и правительствам мира с призывом оказать сопротивление планам сионистов, согласно которым еще большее число евреев должно покинуть свою родину, чтобы отнять у нас нашу родину.

Я спрашиваю себя, господин президент, почему наш народ и наша родина должны взять на себя ответственность за проблему переселения евреев, которая существует лишь в головах отдельных лидеров?

Господин президент, те, кто награждает нашу революцию определением «террор», намеренно вводят мир в заблуждение. Они утаивают истину. Революционер отличается от террориста своей мотивацией. Тот, кто стоит на стороне справедливого дела, кто борется за свободу своей родины, против захвата, оккупации и колониализма, того нельзя называть террористом.

В противном случае американский народ в период, когда он повернул оружие против британского колониализма, тоже был бы народом-террористом. Пришлось бы и европейское движение сопротивления нацистскому режиму назвать террористическим, а борьба народов Азии, Африки и Латинской Америки была бы не чем иным, как террором.

Нет, господин президент, это справедливая, легальная борьба, в защиту которой выступает хартия Объединенных Наций и Декларация прав человека. Те же, кто поднимает оружие против справедливого дела, ведет борьбу за захват родины других людей, тот террорист. Тот, кто грабит, эксплуатирует и колонизирует страну, тот террорист, и его поступки следует рассматривать как военные преступления.

Господин президент, сионистский террор, который был направлен против палестинского народа, когда он нас изгнал и отнял у нас родину, нашел свое отражение в официальных документах Организации Объединенных Наций. Тысячи сыновей и дочерей нашего народа погибли под пулеметным огнем, были убиты залпами пушек, были вынуждены покинуть свои дома и поля. Бесчисленны пути, которыми мужчины, женщины, дети и старики двигались по пустыням и горам, не имея пищи и воды.

Катастрофы, которые в 1948 году разразились над жителями сел и городов, никогда не канут в забвение, несмотря на предпринимавшиеся повсеместно в мире попытки затушевать их.

Были стерты с лица земли 385 сел и деревень палестинцев — и никто не принял этого к сведению. За последние семь лет 19 000 домов было взорвано, что соответствует 200 селам. А замалчивание информации помешало миру узнать эту цифру. Террор не останавливался даже перед оливковыми деревьями. Наши оливковые деревья вырубались.

Как следует понимать фразу Голды Меир о том, что у нее вызывают обеспокоенность палестинские дети, которые рождаются ежедневно? В палестинском ребенке и палестинском дереве видят угрозу, которую необходимо устранить.

Господин президент, в течение десятилетий ведущие деятели нашего народа в культурной, политической, социальной сфере преследуются методами террора, уничтожения, убийства из-за угла, изгнания. Они выдают наши традиции, культуру и народное искусство за свои, они распространили свой террор на наши святыни в возлюбленном городе мира, в Иерусалиме. Они намереваются уничтожить арабско-христианско-исламский характер Иерусалима посредством эвакуации жителей, посредством включения территории в свое государственное образование.

Нет необходимости подробно останавливаться на пожаре в мечети Аль-Акса и на разграблении сокровищ храма Вознесения, на деформации архитектурного стиля и художественного характера Иерусалима. Этот город, великолепный и овеянный дыханием истории — свидетель смены поколений. Каждое из них оставило свой неизгладимый след, отпечаток, культурный памятник, удар человеческого пульса.

Не удивительно, что под небом Иерусалима сплелись в объятии три религии. Они совместно движутся к горизонту и указывают путь людям.

Господин президент, немногие палестинские арабы, которых противник не смог изгнать в 1948 году, сегодня ведут на своей земле жизнь беженцев. Израильский закон рассматривает их как граждан второго, даже третьего сорта — ибо гражданами второго сорта должны ощущать себя ближневосточные евреи. Против них применялись все расистские и террористические формы дискриминации, их землю и имущество конфисковывали. Их убивали, как в деревне Кафр Касем. Их изгоняли и лишали возможности вернуться назад.

Каждому еврею, ступающему на нашу землю в качестве переселенца, совершенно автоматически предоставляется право

гражданства — одновременно каждому палестинцу, который в момент оккупации не находился в своем селе, отказывается в праве гражданства.

На счету израильских властителей бесчисленное множество убийств, совершенных террористическими методами. Это касается и сыновей арабского народа, которые во времена оккупации остались в Синае и на Голанских высотах.

О разгуле терроризма свидетельствует разрушение города Кунейтры, в чем может убедиться каждый. В Южном Ливане террор продолжается.

Если поднять документы этого террора, то размах жестокости вызывает дрожь. Здесь и взрывы, и изгнание, и похищение людей, и выжигание полей. Вспомним многочисленные решения, принятые этой организацией (ООН), которые обвиняют Израиль в агрессии против арабских стран и в агрессии против прав человека.

Если принять во внимание все эти действия, то для них нельзя подобрать иного понятия, кроме как «варварский терроризм». Несмотря ни на что, у захватчиков, действующих расистскими и террористическими методами, хватает смелости называть справедливую борьбу нашего народа террористической деятельностью. Существует ли более дерзкая несправедливость и большее искажение истины?

В течение тридцати лет палестинский народ в условиях британской оккупации и захватнических действий сионистов оказывал сопротивление любым попыткам отнять у него страну. До 1948 года он потерял в этой борьбе 30 000 человеческих жизней.

И после того, как в 1948 году большинство было оторвано от оккупированной палестинской земли, он продолжал свое сопротивление. Наш народ борется за свое существование. Поэтому его сыновья получают образование в эмиграции и ссылке. Они работают, чтобы иметь возможность существовать и далее, в более тяжелых условиях.

Из гущи палестинского народа вышли тысячи врачей, инженеров, профессоров и ученых. Они с полной отдачей трудятся в соседних арабских государствах. Они вносят вклад в развитие этих стран. Из своих доходов они поддерживают младших и старших родственников, которые вынуждены жить в лагерях беженцев. Так брат помогал брату, сестре, родителям и растил собственных детей. В то же время в глубине души он мечтал о возвращении в Палестину.

Он остался палестинцем; он хранил верность своей родине. Ничто не могло заставить его поступиться своей

принадлежностью к палестинцам и своей родиной Палестиной.

Когда надежда нашего народа на Организацию Объединенных Наций не осуществилась, когда наш народ понял, что политической борьбы недостаточно, чтобы вернуть хотя бы пядь родной земли, народ обратился к Палестинской революции и отдал ей все материальные средства, которыми располагал. Народ отдал революции и лучших своих сыновей. За последние десять лет наш народ пожертвовал тысячами своих сыновей и дочерей, которые приняли мученический венец. Тысячи были ранены, искалечены или интернированы.

Массы нашего народа живут сейчас в условиях сионистской оккупации, они живут в «клетке оккупации», но не теряют ни гордости, ни высокого революционного мужества. В ходе этой вооруженной борьбы нашего народа выкристаллизовалось его политическое руководство, укрепились его национальные органы. Было сформировано национальное освободительное движение, охватывающее все палестинские группировки и организации. Его представляет ООП.

Наша организация поставила своей задачей не только вооружить палестинцев для борьбы с нынешними невзгодами, но и подготовить к построению будущего. ООП ведет вооруженную борьбу и противостоит жестокости сионистского террора, однако одновременно и заботится о культурных достижениях. ООП организовала учреждения, занимающиеся научными исследованиями, развитием сельского хозяйства, здравоохранением. Из рядов ООП вышли поэты, писатели и художники. Но наш противник разрушал цивилизацию и культуру путем распространения своей колониалистской, расистской идеологии.

Господин президент, ООП обрела законность своей беспримерной самоотверженностью, своей борьбой в каких бы то ни было формах. Эту законность дали ей массы палестинцев. Массы дали ей право на лидерство. ООП сумела включить все объединения, профсоюзы и другие группировки в Национальное собрание палестинцев.

Эта законность была поддержана всей арабской нацией. Последняя встреча на высшем уровне глав арабских государств постановила, что ООП является единственным легитимным представительством палестинского народа, что ООП пользуется авторитетом на всех освобожденных территориях. Законность укрепляется той поддержкой, которой пользуется ООП со стороны других освободительных движений, существующих в мире, и солидарностью дружественных государств.

Здесь мне хотелось бы от имени наших революционеров и

нашего народа с гордостью выразить признательность и благодарность честной позиции неприсоединившихся африканских государств, честной позиции исламских, а также социалистических государств. Я также благодарю за поддержку дружественные государства Европы и всех друзей в Азии, Африке и Латинской Америке.

Господин президент, ООП — единственный легитимный представитель палестинского народа. В этом качестве она выражает стремления и надежды нашего народа. В этом качестве она представляет эти стремления и надежды Вам и ставит Вас перед лицом большой исторической ответственности за наше справедливое дело в Палестине.

Наш народ пострадал, он заплатил невосполнимую цену кровью своих сыновей, но это не наполнило его ненавистью и жаждой мщения. Нет! Нет! Мы продолжаем осуждать все преступления, совершенные по отношению к евреям, и любые формы скрытой или явной дискриминации, которой подвергались представители еврейского народа.

Я являюсь революционером во имя свободы. Я знаю, что многие из тех, кто меня слушает, находятся в подобной ситуации. Им удалось в борьбе воплотить в действительность свои мечты и чаяния. С этой трибуны я обращаюсь к вам с призывом помочь нам превратить наши общие чаяния и нашу общую надежду на мирное будущее на святой палестинской земле в яркую, незыблемую реальность.

Еврейский борец Аход Адиф, стоя перед израильским военным судом, сказал: «Я не террорист. Я один из тех, кто уверен в возможности когда-нибудь построить в этой стране демократическое государство». Аход Адиф вместе с другими товарищами находится в самом мрачном застенке сионистской военной клики.

Позвольте мне с трибуны этого форума приветствовать Ахода Адифа и его товарищей в тюрьмах. Перед подобным судом стоит сейчас и мужественный архиепископ православной церкви Капуччи. Подняв руку со знаком победы наших революционеров, он говорит: «Я работаю во имя мира в Палестине, чтобы в этой мирной стране все могли жить в мире». Этого архиепископа ожидает та же самая судьба в тех же самых застенках. Позвольте мне передать самый сердечный привет и ему в его мрачный застенок.

Почему же мне не мечтать и не надеяться, господин президент? Революция — это осуществление мечтаний и надежд. Давайте вместе осуществим мечты и надежды с тем, чтобы я со своим народом смог вернуться из изгнания, чтобы христиане,

евреи и мусульмане смогли жить рядом друг с другом в демократическом и прогрессивном государстве, пользуясь равными правами, в условиях справедливости и братства.

Как председатель ООП и как лидер палестинской революции я заявляю перед настоящим собранием, что завтрашнюю Палестину мы планируем и для всех евреев, которые сегодня живут в Палестине и хотят жить совместно с нами на палестинской земле, свободной от дискриминации.

Будучи председателем ООП и руководителем вооруженных сил Палестинской революции, я призываю каждого еврея задать себе вопрос, хочет ли он идти по пути катастрофы, по которому ведет его сионизм и израильское руководство. Оно не может предложить еврею ничего, кроме гибели в кровавых войнах. Мы обращаемся к вам и делаем вам предложение, достойное человека, — жить рядом с нами в демократической Палестине.

Как председатель ООП и руководитель Палестинской революции я заявляю здесь, что мы не хотим пролить ни одной капли еврейской или арабской крови и не будем стремиться к продолжению войны ни на одну минуту, если может быть принята договоренность о справедливом мире, построенном на национальных правах, стремлениях и надеждах.

Как председатель ООП и руководитель Палестинской революции я обращаюсь к Вам с призывом стать на нашу сторону в борьбе за осуществление нашего права на самоопределение, права, закрепленного в хартии Вашей организации. Я обращаюсь к Вам с призывом также дать нашему народу возможность возвращения из своего насильственного изгнания, к которому его вынудили штыками винтовок.

Обеспечьте нашему народу возможность вернуться на родину, в свои дома, под сень своих деревьев, чтобы вкусить свои национальные права, чтобы жить свободно, чтобы принимать участие в процессе человеческой цивилизации, чтобы внести свой вклад во все сферы созидания. Я обращаюсь к Вам с призывом дать нашему народу возможность сохранить свой возлюбленный Иерусалим, чтобы город, свободный от террора и угнетения, стал местом паломничества для представителей всех религий.

Я обращаюсь к Вам с призывом дать нашему народу возможность завоевания своего независимого национального престижа и возможность пребывания на собственной земле.

Господин президент, сегодня я пришел сюда с оливковой ветвью в одной руке и с оружием революции в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки… не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки…не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки!»

Троекратное повторение призыва к миру вызывает бурные аплодисменты делегатов, заполняющих зал Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Через полминуты Ясир Арафат знаком просит прекратить аплодисменты, чтобы произнести запланированную заключительную фразу.

> «Господин президент, из Палестины исходит пламя войны, и в Палестине же возьмет свое начало мир. Спасибо».

Во время приветствия многие делегаты встали, и теперь они тоже стоят, приветствуя Ясира Арафата и ООП. В качестве жеста дружбы он потрясает поднятыми вверх руками. В этот день он по праву констатирует победу, свою и палестинского народа — отныне палестинцы больше не являются отверженными. Арафат придерживается мнения, что его организацию больше не смогут называть «бандой убийц». Ведь он, шеф этой самой ООП, снискал уважение делегатов Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Он считает, что превращение палестинских «беженцев» в «народ Палестины» теперь документально закреплено и удостоверено перед лицом мировой общественности. Арафат надеется, что политики и США, и западноевропейских государств займут по отношению к нему позитивную позицию.

При этом он недооценивает то обстоятельство, что американский президент и европейские политики вынуждены считаться с Израилем.

Через десять дней после речи Арафата Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций голосует за проект резолюции, внесенный 21 арабским государством и Афганистаном, Бангладеш, Конго, Кубой, Гвинеей, Гвинеей-Бисау, Индией, Индонезией, Мадагаскаром, Малайзией, Нигером, Пакистаном, Сенегалом, Угандой, Югославией и Заиром. Голосование проходит позитивно, резолюция может быть утверждена. Сложный текст резолюции приводится здесь дословно:

> «Генеральная Ассамблея рассмотрела палестинскую проблему, заслушала заявление Организации освобождения Палестины, которая представляет палестинский народ, заслушала также другие заявления в ходе дебатов.
>
> Генеральная Ассамблея признает, что проблема палестинцев продолжает создавать угрозу

международному миру и безопасности.

Генеральная Ассамблея признает, что палестинский народ имеет право на самоопределение согласно Хартии объединенных наций.

Она выражает опасение, что палестинскому народу были созданы препятствия в использовании своих неотъемлемых прав, в частности, права на самоопределение.

Генеральная Ассамблея руководствуется целями и принципами хартии. Она напоминает о своих резолюциях по этому вопросу, которые подтверждают право палестинского народа на самоопределение.

1) Генеральная ассамблея еще раз подтверждает неотъемлемые права палестинского народа. Сюда относятся право на самоопределение при невмешательстве внешних сил, а также право на национальную независимость и суверенитет.

2) Генеральная Ассамблея еще раз подтверждает неотъемлемые права палестинцев на возвращение на родину. Она подтверждает претензии палестинцев на свою собственность, которой они были лишены, и высказывается за возвращение.

3) Генеральная Ассамблея подчеркивает, что для решения палестинского вопроса необходимо полное признание и осуществление этих неотъемлемых прав.

4) Генеральная Ассамблея признает, что палестинский народ является основным участником процесса создания справедливого и длительного мира на Ближнем Востоке.

5) Генеральная Ассамблея далее признает право палестинского народа любыми средствами вернуть себе свои права в соответствии с целями и принципами Хартии объединенных наций.

6) Генеральная Ассамблея призывает все государства международной организации оказать поддержку палестинскому народу в его борьбе за восстановление своих прав, в соответствии с хартией.

7) На генерального секретаря возлагается задача установить контакты с Организацией освобождения Палестины по всем вопросам, касающимся палестинской проблемы.

8) Генеральная Ассамблея поручает генеральному секретарю информировать об осуществлении настоящей резолюции.

9) Она принимает решение вынести пункт «палестинский вопрос» на рассмотрение следующей, 30 сессии».

Лишь четыре государства голосуют против этой резолюции: Израиль, США, Доминиканская Республика и Боливия. Они также единственные, кто отклоняет решение о предоставлении Организации освобождения Палестины статуса наблюдателя в органах Организации Объединенных Наций. Однако именно это решение особенно радует Ясира Арафата, ведь оно равносильно признанию ООП в качестве правительства в эмиграции — без учреждения этого правительства и публичного провозглашения его существования. ООП — первое освободительное движение, получившее преимущество такого рода. Этим в процедуре заседания ему присваивается тот же статус, что и Ватикану.

Арафат и его штаб быстро покидают Нью-Йорк. За день до окончания запланированного срока они возвращаются в Берлин. Со времени потери баз в Иордании штаб-квартиры ООП находятся в ливанской столице. Арафат, по-видимому, озабочен тем, чтобы сохранить позиции боевых организаций, существующих в Ливане. Однако явно прослеживаются признаки опасности.

Ливанский президент Сулейман Франжье в своем вступительном слове лично представил Ясира Арафата делегатам Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Пользуясь этой возможностью, глава государства Ливан, христианин по своему вероисповеданию, в проникновенных выражениях говорил о правах палестинского народа. Но Арафат к этому моменту уже располагает информацией, что христиане намереваются выступить против исламско-палестинской части населения небольшого государства, управление которым до сих пор совместно осуществляли христиане и мусульмане. Арафат считает Сулеймана Франжье способным на то, чтобы хвалить ООП перед органом ООН, а дома терпимо наблюдать за приготовлениями к гражданской войне.

24. Борьба на уничтожение в Ливане

С ноября 1969 года взаимоотношения между ливанским правительством и ООП регулирует «Каирское соглашение». Такое соглашение стало необходимым, ибо палестинские боевики явно претендовали на влияние в определенных кварталах Бейрута. Они не желали терпеть власть ливанского государства на территориях, населенных преимущественно палестинцами. Если же государственная власть осуществляла свою волю, боевые организации защищались с помощью демонстраций и в конце концов применяли оружие. Возникали перестрелки.

«Каирское соглашение» преследует цель разрядить напряженность. ООП сдерживается в своих претензиях на власть в городских кварталах. В ноябре 1969 года в ходе переговоров с руководством ливанской армии, представленным генералом Эмилем Бустани, ООП удалось выговорить для себя ответственность за приграничную полосу на юге Ливана, непосредственно примыкающую к израильской территории. Переговоры проводились в Каире самим Ясиром Арафатом; там был также подписан текст договора — отсюда и название «Каирское соглашение».

Соглашение не возымело своего действия. В мае 1973 года Арафат, а вместе с ним все руководство ООП пребывают в состоянии крайнего возмущения, ибо расследование вскрыло обстоятельства убийства Камаля Насера и двух других деятелей освободительной организации. Совершенно очевидно, что израильтянам помогали ливанцы-христиане.

Арафат отдает приказ о вооружении ополчения в лагерях — и этим вновь вызывает гнев ливанской армии. Она хочет преподать ООП урок и приказывает совершить налет боевой авиации на лагеря палестинцев на окраинах Бейрута. Примирение возможно и на этот раз. В бейрутском отеле «Мелкарт» Арафат выторговывает у руководства армией уступки. Эти договоренности закрепляются в «Мелкартском протоколе».

Верховное руководство армией находится под влиянием массовых христианских организаций Ливана. «Христианские» не означает, что они руководствуются религиозными принципами, что их деятельность основана не вере. Название «христианские» отражает лишь принадлежность народа к крупному клану, члены которого, заявляя о своей приверженности христианству, отграничивает этим себя от исламского окружения.

После основания государства Ливан в 1943 году христиане были абсолютными властителями в стране. Однако в ходе трех

десятилетий мусульмане составили большинство и вследствие этого приобрели власть. Мусульмане не заботились об ограничении количественного состава своих семейств и едва ли думали о планировании семьи. Христиане же из чувства ответственности по отношению к потомству намеренно соотносили число детей с финансовыми возможностями.

К началу семидесятых годов христиане имеют основания для беспокойства: превосходящие по численности мусульмане в состоянии разрушить структуру власти, во главе которой стоят христианские кланы. Их беспокойство усиливается присутствием палестинских боевых организаций, которые открыто демонстрируют свои симпатии мусульманам. Пьер Жемайель, глава христианской фалангистской партии, говорит о том, что в Ливане следует навести порядок, с «анархией» необходимо покончить. Его сын Бешир занимается осуществлением требований отца: он организовывает отряд христианского ополчения, многочисленный и хорошо вооруженный.

Зимой 1974 года, вскоре после речи Арафата на Генеральной Ассамблее ООН, руководству ООП становится известно, что Пьер Жемайель готов начать борьбу против палестиицев, чтобы надеть оковы на этих нежеланных «гостей». Арафат не задумывается над тем, что жалобы христиан на стремление ООП показать себя хозяином в Ливане зачастую обоснованны.

Как прежде в Иордании, и в Ливане ООП стремится избегать конфликта с правительством и с группами населения. Ясир Арафат пытается вызвать понимание ситуации, в которой находятся палестинцы, и их потребностей пребывания в стране. Беседы с Пьером Жемайелем проходят в обстановке сердечности. Она не омрачается даже тогда, когда участие представителей христианских кругов в вылазках израильских ударных групп подтверждается убедительными доказательствами.

Арафат считает, что лидер христиан готов предоставить ООП свободное пространство в Ливане, которое необходимо ей для борьбы против Израиля. Мысли о том, что ООП оплакивает погибших, жертвы столкновений с христианским ополчением, Арафат изгоняет из своего сознания.

Он все еще придерживается идеальных представлений о том, что все арабы будут считать своим врагом в первую очередь Израиль и должны выступать единым фронтом, чтобы совместно этого врага одолеть. Однако для Пьера Жемайеля организация палестинцев — настоящий нарушитель спокойствия. В Израиле он давно уже видит не противника, а скорее партнера, с которым возможно сосуществовать. Жемайель стремится к объединению обоих меньшинств в исламских областях на восточном побережье

Средиземного моря: евреи и христиане должны сотрудничать в отражении палестинских притязаний на жизненные права в Ливане. Даже в случае, если эти притязания ограничены лишь каким-то определенным периодом.

Отрицательная позиция Пьера Жемайеля не лишена оснований. Его самого и других влиятельных лиц в среде христиан раздражало то, что палестинцы после совершения нападений на израильские цели всегда возвращаются на ливанскую территорию — и после этого по Ливану регулярно наносятся ответные удары. От этого страдает экономика Ливана; от этого страдает христианская часть населения, занимающая ведущие позиции в экономике.

В ходе каждой беседы Пьер Жемайель заявляет Арафату, что должен учитывать интересы сторонников своей фалангисгской партии, представляющих деловой мир Бейрута.

Они озабочены тем, что «ближневосточная Швейцария» по вине воинственно настроенных палестинцев утрачивает свой мирный характер и становится не столь притягательной для богатых визитеров из нефтедобывающих стран.

Арафат верит утверждениям главы христианского крыла о том, что его высказывания, имеющие антипалестинскую направленность, объясняются озабоченностью и складом ума деловых людей. Ведь все это не настолько уж серьезно: в подобных заявлениях находят выход антипатия и гнев христианского истеблишмента, направленные против палестинцев, и таким образом ситуация смягчается.

Поэтому палестинцы также должны расценивать эти резкие слова позитивно, с точки зрения стремления к ничем не омрачаемому сосуществованию христиан и палестинцев.

Доверие палестинского лидера колеблется только тогда, когда Пьер Жемайель открыто высказывает мнение христиан, которые пребывают в озабоченности тем, что их Ливан гибнет. В своих речах на массовых собраниях христианских организаций он упрекает членов ООП в том, что они ведут себя в Бейруте подобно завоевателям. В небольших городах они терроризируют ливанских граждан. Жизнь ливанцев, выказывающих свои патриотические чувства, находится под угрозой. Жемайель требует «восстановления суверенитета ливанского государства на всей территории». Имеется в виду, что ливанская армия должна ликвидировать самоуправление палестинцев в лагерях и взять в свои руки контроль за областью, граничащей с Израилем. Автономия палестинских областей в Ливане допущена быть не может.

13 апреля 1975 года автобус с палестинцами в христианском

квартале Бейрута Айн Румманех обстреливают из автоматического оружия. В этот день, в воскресенье, Пьер Жемайель торжественно открывает новую церковь в этом квартале. Перед церковью выстроились отряды христианского ополчения. Их командир расценивает появление автобуса с палестинцами в месте дислокации его подразделений как провокацию. Палестинцев интересует оружие ополченцев. Однако прежде, чем автобус выезжает на площадь перед церковью, очереди прошивают стекла и металлическую обшивку. 27 пассажиров убиты на месте, 19 тяжело ранены.

Позже Пьер Жемайель выражает сожаление по поводу обстрела. Он даже передает двух своих ополченцев в руки полиции с указанием на то, что стреляли именно они. Однако объяснения и извинения уже не могут предотвратить беду.

Через несколько минут после обстрела подняты по тревоге подразделения федаинов и христианское ополчение. Повсюду, где примыкают друг к другу христианские и исламские кварталы Бейрута, возникают стычки. Левые организации Ливана призывают к всеобщей забастовке. Гражданская война вступает в свою первую фазу.

В течение месяца продолжаются стихийно вспыхивающие сражения, уносящие жизни сотен людей. Жертвами перестрелок становится в основном гражданское население. Кто в этом столкновении оказался сильнее, остается невыясненным.

В самый разгар этой фазы, 17 мая 1975 года, Ясир Арафат отправляется в президентский дворец, который расположен на возвышенности в восточной части города. Ему известно, что президент Франжье христианин, однако с пониманием относится к палестинской боевой организации. Поэтому его кандидатура и поддерживалась ООП. Но 17 мая 1975 года это понимание никак не проявляется: Ясир Арафат и Сулейман Франжье не находят общего языка. Президент явно представляет интересы христиан в Ливане. Таким образом, беседа заканчивается без какого-либо практического результата.

Гражданская война продолжается, методы ее становятся все вероломнее. На крышах домов в пограничных зонах между христианскими и исламскими кварталами города лежат в засаде снайперы. Заметив в зоне досягаемости выстрела человека, которого по внешнему виду можно идентифицировать как представителя враждебной группы населения, они стреляют. Радио Бейрута объявления касательно уличного движения заменяет сообщениями о том, какая улица в данный момент является зоной риска из-за присутствия на ней снайперов.

С христианским ополчением сражаются организации

исламского населения, на их стороне ООП. Объединившись, палестинцы и ливанские мусульмане сильнее, чем боевые соединения христиан. Союзники, палестинцы и мусульмане, имеют общий идеологический базис, умеренный социализм.

В важнейших кварталах ливанской столицы нормальная человеческая жизнь замирает. Днем никто не появляется на улице. С наступлением сумерек открываются двери магазинов, тяжелые решетки, закрывающие вход в крупные торговые дома, поднимаются по крайней мере наполовину. Смельчаки идут за покупками для своих семей. Однако и ночь не приносит покоя: враждующие городские кварталы обстреливают друг друга ракетами. И у христиан, и у объединенных сил палестинцев и мусульман современное оружие имеется в больших количествах.

Армия и полиция, по численности уступающие враждующим, вначале устраняются от конфликта: они избегают появляться в местах боев. Руководство армией надеется путем подобной сдержанности хотя бы сохранить сплоченность своих подразделений. Обе силы безопасности, армия и полиция, рекрутируются из представителей как исламской, так и христианской общин населения Ливана. От такой команды нельзя ожидать принятия мер в конфликте, в котором противостоят друг другу христиане и мусульмане — христиане в любом случае захотят сражаться на стороне христиан, а мусульмане на стороне мусульман.

Однако на последующей фазе гражданской войны выясняется, что выжидательная позиция сил безопасности Ливана также не может спасти войска от разложения. Пребывая в вынужденном бездействии, солдаты-христиане требуют от офицеров направить их на защиту христианских областей. Если офицеры не следуют этому требованию, то солдаты покидают подразделение без разрешения. Собственные семьи для них важнее, чем ливанское государство, которое так или иначе начинает разваливаться надвое.

Арафат, не ставящий перед собой дели ликвидировать христиан Ливана, в письмах Пьеру Жемайелю пытается предложить христианам различные формы компромисса, которые могли бы стать основой для перемирия — ответа он так никогда и не получил.

23 июня 1975 года Арафата вызвали в президентский дворец. Разговор главы государства и лидера палестинцев происходит в присутствии свидетелей. На эту встречу Сулейман Франжье пригласил послов Египта и Саудовской Аравии — и при первых же словах, обращенных к Арафату, он ссылается на обоих свидетелей: «Вы, очевидно, заметили, что в этой комнате я

единственный христианин. Я пригласил сюда послов Египта и Саудовской Аравии, а также нескольких офицеров армии. Всех их нельзя заподозрить в том, что они принципиально настроены против Вас».

Теперь Сулейман Франжье обращается к Арафату в обвинительном тоне: «Ваше поведение стало невыносимым для ливанского населения. Незадолго до этого я был с женой в горах и, к своему удивлению, вынужден был констатировать, что Вы оклеили стены домов в христианских селах своими плакатами. Плакатами, прославляющими борьбу федаинов».

Ясир Арафат вынужден выслушать от Сулеймана Франжье, что причиной гражданской войны стала заносчивость палестинцев. Она же стала и причиной бойни, учиненной над пассажирами автобуса, обстрелянного в Айн Руммане. Подобные обвинения Арафат однажды уже слышал в Иордании, в начале гражданской войны. С таких обвинений началась беспощадная борьба. Ему и сопровождающим его — среди них, как всегда в критические моменты, Абу Аяд — становится ясно, что примирение с христианами невозможно, ООП навязывают борьбу, точно так же, как в Иордании.

В душе Арафата моментально поднимается гнев. Он перебивает ливанского президента. Из его ответа явствует, что наибольший гнев вызывает у него попытка оправдать стрельбу по автобусу, в результате которой 13 апреля погибли 27 человек. Он говорит Сулейману Франжье, что вовсе не он, руководитель ООП, является в Ливане заговорщиком, нарушающим мир и проповедующим борьбу. В действительности виновными являются христианские организации; они не могли более обуздать свою ненависть к палестинцам.

Он понял, что Пьер Жемайель и другие христианские лидеры приняли безоговорочное решение начать войну на уничтожение против палестинских поселенцев в стране. Ливанский президент на контробвинение Арафата реагирует резко. Сулейман Франжье, который обычно говорит тихо, орет на Арафата: «Дайте нам доказательства! Я хочу видеть доказательства!»

Когда Арафат хочет отмести эти возражения движением руки, Сулейман Франжье находит такие слова, которые задевают честь руководителя ООП: «Будьте же по крайней мере хоть один раз искренним и назовите Ваши доказательства. Мне нужны письменные доказательства, дающие основу Вашим утверждениям!»

Свидетели разговора из штаба Арафата сообщают, что по щекам их шефа потекли слезы. До этого момента он делал записи в карманном календаре. Теперь он захлопнул книжку. С дрожью в

голосе Арафат бросает в лицо президенту оскорбление: «*Я не потерплю, чтобы со мной разговаривали в подобном тоне. Будучи борцом сопротивления, я дорожу своей честью. Я большинством голосов был избран лидером Палестинского движения сопротивления, и притом с перевесом отнюдь не в один голос*». Этим возражением он наносит обиду Сулейману Франжье, который был назначен президентом ливанским парламентом с преимуществом лишь в один голос.

Франжье не отвечает на эту колкость, он даже извиняется, он не имел намерения обидеть Арафата. Ведь для урегулирования конфликта в общих интересах необходимо, чтобы Арафат представил доказательства своих обвинений. Арафат говорит, все еще раздраженным тоном, что ему точно известно, что ливанская армия снабдила христианское ополчение оружием, и притом напрасно. А оружие это ливанское государство закупило в Польше и Болгарии.

Таким образом, однозначно установлено, что боевые соединения христиан оснащаются за счет налогоплательщиков Ливана. Сулейман Франжье подробно не останавливается на этом аспекте снабжения христиан ливанским правительством.

Президент приводит в качестве аргумента то обстоятельство, что равные права должны предоставляться всем — ведь он разрешил ООП закупать и доставлять в страну для защиты лагерей беженцев даже тяжелое вооружение, например, зенитные орудия и артиллерию. Теперь же христиане, со своей стороны, производят заблаговременную подготовку.

Тот же самый Сулейман Франжье, который в трогательных выражениях повествовал перед Генеральной сессией ООН о проблемах палестинцев, теперь требует от лидеров ООП сдержанности и умеренности в их войне против Израиля. Сулейман Франжье считает, что каждый удар по этому противнику вызывает контрудар, который поражает Ливан. Ливанский президент просит о том, чтобы палестинцы удалились в свои лагеря и отказались от проведения акций, ставящих Ливан в затруднительное положение.

После столь бурного проявления эмоций Арафат предоставляет вести дальнейшую дискуссию своему соратнику Абу Аяду, который демонстрирует готовность к взаимопониманию с христианскими организациями.

К удивлению Арафата, ливанский президент прерывает дискуссию, чтобы пригласить лидера ООП на обед. Подается парадный обед в соответствии с арабскими традициями. Самолюбие Арафата удовлетворено. По ходу обеда, который длится три часа, Франжье вновь демонстрирует понимание

претензий палестинцев.

Франжье и Арафат достигают договоренности о том, что совместная палестинско-ливанская комиссия выработает основы, на которых будет строиться сосуществование. Франжье считает, что Арафату необходимо продумать, не будет ли разумным выступить с публичным заявлением, которое успокаивающе подействует на христианскую часть населения. Арафат мог бы просто сказать ливанцам, что палестинцы ни в коем случае не собираются завоевывать Ливан, чтобы основать здесь свою новую родину взамен утраченной. Иногда, по мнению президента Франжье, у ливанцев возникает ощущение, что ООП думает уже не о Палестине, а о том, чтобы расселить палестинцев в Ливане за счет ливанцев. Арафат незамедлительно соглашается: будет составлено заявление, которое вменит ему и ООП в обязанность оставить в неприкосновенности внутренние структуры Ливана.

Хотя руководители ООП и придерживаются мнения, что они продемонстрировали в беседе с ливанским президентом высокий уровень готовности к компромиссу, однако встреча во дворце Франжье не приносит никаких результатов.

Христианская сторона не принимает к сведению обязательство ООП о невмешательстве; она не оставляет палестинцев в покое и тогда, когда ощущает, что ООП рассматривает эти обязательства всерьез.

Лагерь Тел ль аль Заатар, позже ставший местом мученической смерти палестинцев, в первый раз был обстрелян гранатами и ракетами 13 сентября. На следующий день разгораются бои между бейрутскими кварталами Шиях и Айн Руммане. Три дня спустя христианское ополчение атакует Сук, старый экономический центр ливанской столицы. Затем бои перемещаются в район вокруг отелей «Финикия» и Св. Георга. При этом исламистско-палестинские силы добиваются значительного успеха.

Когда в Суке и на окружающих улицах начинаются пожары, возникает надежда, что люди по обе стороны осознают, что они ливанцы, что они позволили втянуть себя в бессмысленную братоубийственную войну. Начало исходит от Ясира Арафата: он обращается к христианскому политику и экс-президенту Шамуну с просьбой о встрече. Шамун соглашается. В конце беседы противники обнимают друг друга.

Это публичное примирение приносит плоды: по всей линии фронта, которая разделяет христианский квартал Айн Руммане и исламский Шиях, звучат возгласы жителей, призывающие к миру. Вначале пересекать линию фронта отваживаются лишь единицы, затем отдельные группы, и в конце концов даже враждующие

ополченцы подают друг другу руки.

Однако уже на следующий день надежда на примирение рассеивается. Притаившиеся снайперы стреляют в каждого, кто собирается пересечь невидимую границу, отделяющую Шиях от Айн Руммане. Все переговоры, направленные на рассредоточение фронтов, наталкиваются на решительность лидеров христиан.

Арафат заявляет, что от отца Павла Наамана, ректора философского факультета маронийского университета, узнал о призыве, обращенном к ливанским монахам, согласно которому каждый из них обязан задушить по одному ливанскому мусульманину и по одному палестинцу. Сам он, святой отец, уже показал хороший пример и проявил активность. Утверждение Арафата не подкреплено никакими доказательствами. Лидеры христиан объявляют его ложным.

Сдержанной позиции Арафата приходит конец 19 января 1976 года. В этот день отряды христианского ополчения Пьера Жемайеля занимают бедный исламский квартал Карантина, названный так, потому что когда-то там находилась карантинная станция. Жителей выгоняют — тот, кто не хочет бежать, обречен на смерть. Нападение на Карантина происходит по стратегическим соображениям, поскольку этот квартал расположен непосредственно у дороги, которая соединяет центр Бейрута с районами, населенными христианами, в северной части Бейрута. Арафат принимает решение отомстить за Карантина.

Для захвата выбирается населенный христианами пригород Дамур, лежащий у моря в двадцати километрах к югу от ливанской столицы. Параллель с Карантина очевидна: если исламский квартал контролировал дорогу, ведущую на север, то через христианский Дамур проходит южная дорога, которая ведет в населенный пункт Саида, в настоящее время находящийся в руках палестинцев.

ООП подчеркивает, что она, в отличие от христианского ополчения, пощадила гражданское население. Христиане говорят о проявлениях жестокости, об искалеченных и убитых. Некоторые руководители ООП допускают, что, возможно, акция обошлась не без жестокости.

После захвата Дамура для лидеров ООП счет взаимной вины снова сравнялся. Они снова придерживаются тактики дипломатии, чтобы вывести свою организацию из изматывающего силы конфликта. Вырабатывается программа из 17 пунктов, обсуждаемая под контролем Сирии, вновь с целью обеспечить мир Ливану. Арафат высказывается о ней положительно, хоть и считает, что она дает христианам слишком большие преимущества.

ООП не удается остаться на нейтральной позиции. Распад ливанской армии создает трудности. Мусульманская часть армии во главе с молодым офицером-исламистом Ахмедом Хатыбом откалывается — они больше не желают служить под началом христиански ориентированного руководства. Ахмед Хатыб со своими солдатами-мусульманами занимает позицию в Южном Ливане.

Хатыб немедленно предлагает ООП союз и со своими армейскими соединениями берет на себя охрану расположений палестинцев. Теперь лидеры христиан обвиняют Арафата в том, что он вызвал раскол ливанской армии тем, что перетянул на свою сторону ее исламскую часть.

Молодой офицер называет свое подразделение «Ливанской арабской армией». Он и руководство ООП исходят из того, что факт его существования и название должны понравиться сирийскому президенту Хафезу Асаду. Однако у Хафеза Асада в этот момент другие планы.

Программа из 17 пунктов, которую ливанский президент привез из Дамаска, основывается в значительной степени на идеях главы сирийского государства. Осуществление программы усилило бы сирийское влияние в Ливане. Однако предпосылкой этого является сохранение единства армии, которая своим авторитетом обеспечит действенность программы. Поэтому Хафез Асад против какого бы то ни было раскола армии.

Сулейман Франжье берет для себя на вооружение сирийскую программу. В опоре на Сирию он видит шанс для Ливана сохранить территориальное и национальное единство. Его предшественник Шарль Хелу в последние месяцы срока своих полномочий смирился с ситуацией и считал разделение страны неотвратимым.

Однако Сулейман Франжье хочет стать «хранителем национального единства». Поэтому он с яростью реагирует на отделение «Ливанской арабской армии», которое препятствует тому, чтобы сплоченная армия следовала планам его и сирийского президента. Ибо непосредственно за основанием «Ливанской арабской армии» следует формирование христианской «Ливанской освободительной армии». Христианско-исламской армии Ливана впредь больше не существует.

ООП, которая, собственно говоря, хочет держаться в стороне от внутриливанских раздоров, втягивается в них все глубже. Вечером 11 мая 1976 года Абу Хасану, офицеру, ответственному за разведывательную службу, становится известно, что бригадный генерал Азиз Ахдаб собирается выступить по радио и телевидению.

Абу Хасан предлагает, чтобы по дороге в студию генерала сопровождала палестинская охрана. Генерал принимает предложение. Офицер разведки отдает себе отчет в том, что речь командира гарнизона может означать только объявление государственного переворота.

Азиз Ахдаб, офицер, имеющий высокие награды, связанный присягой с государством и президентом, требует отставки руководителя государства Сулеймана Франжье и объявляет себя «временным военным комендантом» всей страны. В течение короткого срока парламент должен избрать нового президента государства. Своим шагом генерал Азиз Ахдаб вызывает углубление раскола армии, поскольку некоторые важные подразделения продолжали демонстрировать свое единение с президентом Сулейманом Франжье.

Тот факт, что генерала-путчиста по пути в телестудию сопровождали федаины из ООП, не мог остаться в тайне. Само собой разумеется, законный президент должен предположить, что ООП поддерживает человека, который провозгласил его отставку. Начиная с 11 мая 1976 года моста, соединяющего Франжье и Арафата, больше не существует. Распространение информации о том, что Абу Хасан при назначении охраны из федаинов действовал по своему усмотрению, не докладывая об этом Ясиру Арафату, ситуации не спасает.

Четыре дня спустя снаряды поражают президентский дворец в Бейруте. Отрядам мусульманского ополчения удается изгнать Сулеймана Франжье. Они мстят за явные свидетельства симпатии, которую президент выражал своим братьям-христианам в Ливане. Франжье бежит в селения в Ливанских горах, где ему и его семейному клану безоговорочно предоставляется убежище.

Этот шаг — свидетельство того, что президент покинул свой пост и однозначно занял прохристианскую позицию. Ни для одной из сторон Сулейман Франжье больше не является символом государственного единства Ливана.

На этой фазе полного разложения какой бы то ни было власти в государстве усиливается активность американского посла Дина Брауна. Он посылает Гасана Туени, издателя влиятельной ливанской газеты «Ан Нахар», в штаб-квартиру ООП и ставит ему задачу выяснить, готова ли и в состоянии ли палестинская боевая организация гарантировать соблюдение перемирия со стороны палестинцев. На случай, если такая гарантия не может быть дана, Гасан Туени должен проинформировать Ясира Арафата о том, что Соединенные Штаты Америки теперь больше не выразят протеста против

массированной интервенции сирийской армии в Ливане. Вырисовывается союз христиан с руководством сирийского государства.

В Ливане должен быть избран новый президент. Глава сирийского государства задает вопрос ООП, отдает ли она предпочтение одному из кандидатов. Арафат удивлен вопросом, однако совершенно ясно заявляет Хафезу Асаду, что отдает предпочтение кандидату Элиасу Саркису.

Лидер ООП подчеркивает, что никогда не станет вмешиваться в столь внутреннее дело ливанцев. Сдержанность является весьма разумной, ибо группа борцов сопротивления поддерживается и финансируется Сирией и поэтому находится под сирийским влиянием. Эта группа, «Ас-Сайка», в любом случае будет следовать политике сирийского президента, выступит в защиту кандидата Элиаса Саркиса.

Организации, стремящиеся оказать сопротивление тому кандидату, которому отдает предпочтение Сирия, в день президентских выборов принимают решение изолировать парламент, в котором должны состояться выборы, от окружающих городских кварталов сильным минометным огнем, чтобы не дать депутатам явиться на выборы. Но те не дают себя запугать.

В сопровождении телохранителей они отваживаются добраться на автомобилях до площади перед зданием парламента. Под обманчивой защитой автомобилей они ждут, пока взорвется следующая серия гранат, и бросаются в здание — чтобы узнать там, что заседание по соображениям безопасности перенесено на виллу Мансур (Mansour) на окраине Бейрута.

Даже Камиль Шамун, у которого никогда не наблюдалось недостатка мужества, появляется на вилле Мансур с перекошенным лицом. Он неоднократно попадал под обстрел на подъездной дороге. Премьер-министр Рашид Караме бегом мчится в здание.

Несмотря на то, что группы палестинцев, стремящиеся вызвать беспорядки, скоро пристрелялись и по вилле Мансур, в зале заседаний собирается число депутатов, необходимое для голосования. Христианин Элиас Саркис избирается президентом. И во время гражданской войны действуют правила ливанской политической игры: президентом может стать только христианин. Депутаты-мусульмане также придерживаются этих правил, хоть и критически отзываются о сильной позиции христиан.

Непосредственно после выборов Элиас Саркис принимает главу ООП: улыбаясь, они сидят рядом друг с другом на мягкой скамье Элиас Саркис в элегантном светлом костюме, Арафат сменил арабский головной платок на шапочку, напоминающую

солдатскую. Несмотря на расслабленное настроение, разговора, который послужил бы прекращению убийств в Ливане, не происходит.

Отряды исламского ополчения, по своей идеологии имеющие преимущественно левую направленность, полны решимости атаковать христианские деревни в горах Ливана. ООП позволяет своим исламским союзникам втянуть себя в бои. Начинается «битва за горы». Иногда со стороны палестинцев раздается лозунг: «Дорога в Иерусалим ведет через христианские деревни». Сам же Арафат воздерживается от подобных лозунгов.

Сирийское правительство, которое до сих пор придерживалось мнения, что христиане стремятся в первую очередь к разделу Ливана, чтобы добиться автономии христианских областей, замечает теперь в кругах исламского и палестинского руководства проявление сепаратистских тенденций. Хафез Асад, заинтересованный во влиянии на сплоченное государство Ливан, стремится воспрепятствовать его развалу на автономные области. Он принимает решение приступить к решительным мерам. Его армия готовит вторжение в Ливан.

Сирийские политики никогда не забывали о плане воссоединения Ливана с Сирией. Ливан возник в результате решения колониальной державы Франции, которая, основав это государство, смогла дать родину христианам, проживающим в регионе. В Дамаске постоянно раздавались жалобы на то, что ливанская территория была «украдена» Францией у сирийцев. Теперь Хафез Асад видит шанс аннулировать решение Франции. Однако раздел страны обрек план воссоединения территории Ливана с Сирией на неудачу.

Хафез Асад опасается возможной победы палестинцев в «битве за горы». Он считает, что США и Израиль не станут пассивно взирать на подобную победу. Однако если он хочет достичь своей цели, присоединения Ливана к своей Сирии, то должен исключить возможность интервенции этих двух военных держав. Но победа ООП и отрядов мусульманского ополчения может послужить толчком для этой интервенции. Поэтому Хафез Асад отдает такой приказ: ООП не должна победить в горах.

31 мая 1976 года сирийские танковые соединения переходят границу с Ливаном. Вначале они прорывают кольцо осады вокруг христианских деревень Куббаят и Аиндикт, а затем вторгаются в долину Бекаа. Одно танковое подразделение — оно насчитывает триста бронемашин — движется через перевалы Ливанских гор в направлении ливанской столицы Бейрут.

В недели, предшествовавшие этим событиям, Арафат

неоднократно беседовал с Хафезом Асадом. Главе ООП так никогда и не удалось убедить сирийского президента в том, что у палестинцев нет намерения вырвать в свою пользу часть ливанской территории. Хафез Асад также не поверил уверениям в том, что ООП заинтересована в существовании целостного государства Ливан. Через посредников Арафату становится известно: Хафез Асад придерживается мнения, что ООП состоит из кучки необузданных коммунистов, которые хотят превратить Ливан в сателлит Москвы.

Правда, сириец считает себя союзником Советского Союза. Однако таким союзником, который стремится к независимости. Он не может смириться с существованием у своих западных границ государства, зависимого от Москвы. От Советского Союза невозможно добиться согласия на воссоединение Ливана с Сирией, если уж Ливан подпадет под советское влияние, и Асад знает это. Руководство Кремля будет выступать за сохранение этого плацдарма на Ближнем Востоке.

Спустя неделю после сирийского вторжения намерения Асада становятся очевидны. Около полудня 6 июня федаины из зависимой от Сирии организации «Ас-Сайка» совершают нападение на штаб-квартиру Арафата в Бейруте. Первую информацию о планах просирийски ориентированной группы палестинцев Арафат получил за три дня до этого. Поэтому 6 июня его люди вооружены. Они оказывают нападающим сопротивление и удерживают позиции. Атака организации «Ас-Сайка» захлебывается. Арафат может считать себя победителем в схватке с Хафезом Асадом — во всяком случае, на короткое время.

Теперь Арафат хочет посвятить себя сопротивлению сирийскому наступлению. В последующие дни его часто видят на балконе штаб-квартиры в Бейруте, без платка на лысой голове, с рацией в руках; Арафат обращается непосредственно к своим бойцам в Ливанских горах. Он отдает приказ остановить колонну сирийских танков, которая ползет через перевалы, минами, закопанными на дорогах. Однако, несмотря на большие потери, сирийцы в конце концов достигают окраин столицы. Во время наступления им открыто оказывают поддержку соединения христиан.

До сих пор размах гражданской войны определяли снайперы, а ракетные удары были лишь эпизодами, проявлением коварных методов борьбы. Теперь начинается открытое сражение хорошо вооруженных соединений. Применяются тяжелые гранатометы, артиллерия и реактивные минометы.

В ходе «битвы за Бейрут» гражданское население несет большие потери. Ежедневно гибнет около сотни гражданских лиц,

не входящих в состав подразделений воюющих сторон.

Федаины, имеющиеся в распоряжении Ясира Арафата, почти все без исключения прошли подготовку для партизанской войны. Они не имеют опыта ведения боевых действий в условиях применения тактики традиционной войны. Хоть ООП и имеет в своем распоряжении тяжелое вооружение, однако у нее едва ли есть люди, которые умеют с ним обращаться. Лишь теперь, в ходе оборонительных боев против сирийской оккупации, происходит обучение специалистов для артиллерии и гранатометов.

В июне высшие органы Лиги арабских государств, обладающие правом принятия решений, выносят резолюцию, которая призывает враждующие части населения Ливана заключить договор о перемирии. Этим выбивается почва из-под ног сирийского президента с его вторжением в Ливан.

Арафат и главы большинства исламских организаций соглашаются с резолюцией. Однако лидеры христиан не принимают этот призыв во внимание. Для энергичного осуществления своих целей они находят услужливых помощников.

В центре района к востоку от Бейрута, принадлежащего христианам, находится лагерь палестинцев Телль аль Заатар. Весной 1976 года здесь живут почти 20 000 палестинских беженцев и около 15 000 ливанцев-исламистов, которые бежали из христианских областей под защиту ООП.

В течение нескольких недель лагерь отрезан, лишь немногим транспортам с продовольствием удается пробраться сквозь кольцо окружения вокруг Телль аль Заатар, состоящее из отрядов ополчения Пьера Жемайеля и Камиля Шамуна. 22 июня начинается наступление на лагерь палестинцев. Христианские подразделения могут рассчитывать на поддержку сирийской артиллерии. Она начинает бой за лагерь систематическим обстрелом. Осажденные полны решимости защищаться и готовятся к длительному сражению.

Отрядам христианского ополчения известны критические точки крепости Телль аль Заатар. Они знают, где можно перерезать водопровод. После взрыва водопровода осажденным остается лишь колодец, питаемый грунтовыми водами низкого качества. Кроме того, колодец находится на краю лагеря, в зоне, простреливаемой пулеметами христиан. Доставлять воду из этого колодца можно только ночью, да и в этом случае ценой больших человеческих жертв.

Соратник Арафата Абу Аяд сообщает: «Чаша воды в лагере Телль аль Заатар оплачивалась чашей крови». Абу Аяд считает, что во время осады каждый день умирало от жажды триста

маленьких детей. Именно дети наиболее сильно страдают от жажды.

По истечении пятидесяти двух дней обстрелов, 11 августа, представители Лиги арабских государств вырабатывают соглашение, предусматривающее эвакуацию лагеря на следующий день. Арафат одобряет это соглашение, ибо в нем ясно определяется, что жители лагеря не должны сдаваться в плен своим противникам, христианам, от которых следует ожидать сурового обращения. Соглашением предусматривается передача лагеря представителям Красного Креста.

Однако когда в установленное время гражданское население и федаины, без оружия, отваживаются покинуть разрушенный лагерь, чтобы сесть в ожидающие их автобусы, по ним открывают пулеметный огонь. Стрельба ведется из господствующих над местностью укреплений христиан. Через несколько минут у развалин домов на окраине лагеря лежат десятки сраженных пулями мужчин и женщин. Кто стрелял, позже никто не сможет сказать с определенностью.

Арафат подводит горький итог битвы за Телль аль Заатар: ни от одного из арабских государств он не получил ни поддержки, ни помощи хотя бы словом. Ни один из политиков не поднял голос, воззвав к совести сирийцев, которые активно вмешались в борьбу на стороне христиан.

Глава ООП не остается в неведении относительно того обстоятельства, что для некоторых арабских режимов столкновение между Сирией и ООП в Ливане не является нежелательным. Египтянам видится шанс перетянуть Арафата на свою сторону, ведь в результате конфликта Арафат и Хафез Асад не имеют больше основ для совместной политики.

Багдадское правительство также сообщило, что Арафату следует сопротивляться вмешательству Сирии. Ведь оно является частью американского заговора с целью воспрепятствовать свободе передвижения палестинцев, ограничить радиус их действий в борьбе против Израиля.

Саудовская Аравия, которая готова в любое время по первому желанию пополнить кассу палестинского освободительного движения, втайне убеждала сирийцев заковать ООП в кандалы, поскольку в этой организации якобы все больше и больше возрастает влияние прогрессивных политиков, чуть ли не коммунистов.

В критической фазе битвы за Телль аль Заатар Арафат надеялся, что Советский Союз призовет сирийцев к ответу за нападение на подразделения ООП, — ведь между Арафатом и власть предержащими в Кремле существовало сердечное

взаимопонимание. Однако из Москвы доносится лишь сдержанная критика: сирийского президента щадят, Москва и не думает ставить под угрозу дружественные отношения с сирийским режимом.

После битвы за Тельь аль Заатар палестинцы оплакивали триста убитых. Эта цифра определенно сильно занижена. С этого момента Арафат считает борьбу защитников лагеря примером героизма, доказательством того, что палестинцы готовы бороться и умереть за свое существование как народа.

Сирийская армия, которая до сих пор постоянно угрожала ООП, находясь на окраинах Бейрута, 12 октября продвинулась дальше. Арафат хочет из своей штаб-квартиры в ливанской столице связаться по телефону с главами различных арабских государств, чтобы обратиться к ним с просьбой оказать давление на правительство в Дамаске. Он предполагает, что Садат или король Саудовской Аравии смогут побудить сирийцев прекратить наступление.

Однако ни один из политиков, пользующихся влиянием, вначале не хочет говорить с главой ООП. Повсюду Арафату приходится довольствоваться сообщением, что глава государства, к сожалению, в настоящее время не может оставить неотложные дела. Арафат упорно продолжает свои усилия, и через несколько часов ему удается связаться с кронпринцем Саудовской Аравии, который обещает использовать свое влияние в Дамаске.

Действительно, через несколько часов Хафез Асад отдает своим войскам приказ остановить свое наступательное движение. Он демонстрирует готовность принять участие в конференции на высшем уровне, посвященной разрешению ливанского конфликта. Намек кронпринца на то, что Саудовская Аравия будет вынуждена прекратить предоставление субсидий, подействовал.

Конференция на высшем уровне заседает в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде. Во встрече участвуют король Халед в качестве принимающей стороны, эмир Кувейта, египтянин Садат, сириец Асад, ливанец Саркис и палестинец Арафат. Благодаря гибкости короля Халеда, который дает представителям всех сторон обещания финансового характера, участники конференции демонстрируют свою способность идти на уступки.

Они учреждают военное подразделение для поддержания мира в Ливане, которому дают название «арабский отряд отпугивания». Этот отряд должен отпугивать каждого, кто лелеет мысль о продолжении гражданской войны в Ливане. Подразумевается, что «арабский отряд отпугивания» должен состоять из подразделений армий различных арабских стран.

Однако Арафат, всегда готовый пойти на соглашение, не

рассчитывал на то, что Хафез Асад в конце концов станет в результате конференции в Эр-Рияде безусловным победителем. Хафез Асад, одна из сторон ливанского конфликта, великодушно предоставляет в распоряжение «арабского отряда отпугивания» части своей армии, которые уже находятся на ливанской земле. Поддержку сирийским частям составляют незначительные контингенты из Саудовской Аравии, Судана, Южного Йемена и Абу-Даби.

Теперь сирийская армия, противник ООП в данном конфликте, по воле руководителей арабских государств становится важнейшей силой поддержания порядка в Ливане. ООП должна смириться с фактом существования этой силы.

Отдельные арабские государства имеют все основания для того, чтобы оставаться в стороне от «арабского отряда отпугивания». Ирак в ссоре с Сирией и поэтому не желает оказывать поддержку сирийским частям. Ливия заявляет, что опасается нападения со стороны Египта и поэтому должна сохранять единство своей армии и не может распылять ее силы. Алжир втянут в пограничный конфликт с Марокко, причина которого — спор вокруг Западной Сахары.

Ясир Арафат приходит к единственно возможному выводу: он заключает мир с сирийским режимом; он заключает в объятия президента Хафеза Асада. С сирийскими военными формированиями, которые теперь владеют значительной частью Ливана, Арафат успешно приходит к соглашению. Это примирение не дается ему легко, ибо не забыта «битва за Телль аль Заатар», ход которой определялся и Сирией. В течение последующих лет роль Сирии в ходе боев вытесняется из памяти руководства ООП.

Сирия вновь занимает положение важнейшего друга ООП — по крайней мере, в глазах общественности. Когда Хафез Асад и лидер ООП встречаются за закрытыми дверями, то иногда они высказываются откровенно. В одной из подобных бесед верховный глава ООП услышал от Хафеза Асада, что тот сомневается, в состоянии ли вообще Арафат осуществлять руководство палестинским народом. Он сомневается в этом с 1970 года, со времен гражданской войны в Иордании; однако гражданская война в Ливане усилила его сомнения.

25. Арафат борется за идею Палестины

Начиная с периода гражданской войны Ливан практически разделен. Христиане сосредоточены в районах своего поселения, отдельно от них существуют исламские части Ливана. То, что происходит в стране в целом, практикуется и в столице. Бейрут разрезает пограничная линия. Тот, кому не требуется обязательно ее пересекать, чтобы, например, попасть в единственный в Ливане аэропорт, остается в своем квартале.

Три важнейших городских района исламской части — это бывшие лагеря палестинских беженцев, которые превратились в настоящие городские территории. Это копии городов в Палестине. Здесь люди живут так, как когда-то жили они или их предки на родине. Большинство — не хуже, чем когда-то на родине. Там, где наступает довольство, революционный дух умирает, там стремление к изменениям теряет силу, там мысль о прежней родине превращается в смутное воспоминание.

Такому развитию событий успешно противодействует ООП. Арафат заявляет, что успеха в этой области добиться легко, поскольку люди из Палестины осознают, где их родина. Основа действенности ООП — единственно воля палестинского народа к возвращению на родину. Если этот народ изберет для себя новую родину, тогда никто больше не станет слушать Ясира Арафата, тогда он больше не лидер палестинцев. В годы после ливанской гражданской войны он видит первоочередную задачу в том, чтобы поддерживать мысль о Палестине.

Абу Аяд, важнейшая фигура в ООП наряду с Арафатом, верит в то, что любовь к родине есть нечто само собой разумеющееся, что она прочно живет в представлениях палестинцев: «Нас легче поймут, если будут знать, что каждый палестинец стремится найти себе прибежище, которое находится не на чужой земле. Он стремится найти прибежище, с которым связано и гражданство. Если за границей он находится в бедственном положении, то хотел бы иметь возможность обратиться в консульство.

В тот день, когда нам удастся построить на освобожденной земле государство, мы немедленно начнем выдавать удостоверения личности. С нами, наконец, начнут обращаться как с теми, кто может предъявить паспорт. Наши люди ничего не желают больше, чем достичь подобного достойного состояния. Мы больше не хотим жить с чужим удостоверением личности, в выдаче которого нам правительства арабских стран к тому же

часто отказывают».

Руководству ООП, и в первую очередь Ясиру Арафату, удается из безличной массы беженцев сформировать палестинский народ. Хоть Арафат и заявляет, что этот народ — историческая реальность, в действительности же велика была опасность впасть в состояние безнадежности. Арафат нашел слова, которые вселили в народ мужество надеяться на будущее. В сознании палестинцев Арафат — человек, выражающий их нужды и чаяния, он — олицетворение их борьбы. Его физическое существование является гарантией того, что мысль о родине не погаснет.

Однако правительство Израиля хочет создать предпосылки для того, чтобы стремление иметь родину предстало перед мировой общественностью как упрямые попытки цепляться за нереалистичные представления. В сентябре 1977 года служба администрации израильского премьер-министра, отвечающая за информацию для заокеанских стран, издала документ, следующим образом регулирующий языковые нормы: «Употребление наименования «Западная прибрежная область» в документах должно быть прекращено. Эти области имеют названия, и упоминать их следует только под этими названиями. Они называются Иудея и Самария.

Употребление этих названий должно строго соблюдаться как по отношению к неизраильтянам за границей, так и в самом Израиле. Понятие «аннексия» применительно к идее присоединения этих территорий к государству Израиль должно исчезнуть. Можно аннексировать только ту землю, которая принадлежит кому-либо другому. Употребление понятия «аннексия» лишь усиливает ошибочные и лживые требования арабов и их друзей. Они считают, что хозяева земли — арабы. Если речь идет о присоединении областей Иудея, Самария и Газа к государству Израиль, то следует употреблять понятия «присоединение» и «применение израильского права».

Употребление выражения «возврат» поддерживало арабский аргумент о том, что данная область принадлежала арабам. Ибо очевидно, что нельзя говорить о возврате чего-либо, если не отдавать этого владельцу. Во всяком случае, так могла прижиться идея о том, что Иудея, Самария и Газа — не говоря уже о Синае и Голане, — собственность арабов. Такое представление зародилось даже у людей доброй воли.

Мы должны указать на то, что этот конфликт был развязан не из-за захватнических устремлений Израиля, а из-за отказа арабов признать наше право на отечество».

Эти языковые регламентации были показаны и Ясиру Арафату. Они утвердили его во мнении, что у израильтян

отсутствует всякая готовность к миру. Египетского президента он упрекает в том, что тот относится к подобным документам со слишком большой долей легкомыслия. Видимо, он считает, что они содержат преувеличения, вышедшие из-под пера чересчур рьяного чиновника. По мнению Арафата, такие документы, которые вдруг становятся достоянием общественности, свидетельствуют об истинной позиции израильских политиков.

Если разум и сердце изгнанного народа поразит равнодушие, оно может стать союзником израильтян в их стремлении предать забвению тот факт, что на свете есть палестинцы и что существуют притязания арабов на определенные земли. «День земли», празднуемый с целью укрепления связи с землей родины, Арафат ежегодно использует для того, чтобы методами риторики рассчитаться с израильтянами, отрицающими права палестинцев.

Место проведения этих праздников родины — актовый зал Арабского университета в Бейруте. Он расположен в кварталах, находящихся под контролем ООП. За час до прибытия Арафата над площадью перед университетом из динамиков гремит музыка. Особенно часто транслируется марш «Билади» — «Отечество», исполняемый сильными мужскими голосами. На «лендроверах» подъезжают вооруженные люди в камуфляжной форме, с автоматами Калашникова на груди.

Затем на площадь выезжает небольшой грузовик, на котором укреплен тяжелый пулемет. Мужчины и женщины толпятся у ворот главного здания Арабского университета. Они одеты по-разному: одни в платьях и костюмах западного покроя, на других палестинская национальная одежда.

Из автобусов высаживаются десятки мужчин, которые лишились рук или ног, участвуя в боях в рядах ООП; на костылях или с посторонней помощью, хромая, они добираются до зала. За четверть часа до начала празднества выстраивается почетный караул. Он состоит из бойцов всех возрастов. Форма выдержана в цвете хаки, на голове белые каски.

При появлении Арафата — он выходит из «лендровера» — федаины почетного караула обнажают оружие. Арафат приветствует собравшихся, поднося руку к виску; при этом он старается создать впечатление, что ему особенно нравятся военные церемонии. Когда Арафат входит в зал, присутствующие встают. Все стоя слушают палестинский гимн «Биладй-билади-билади».

Затем Арафат начинает говорить. Он приветствует слушателей как товарищей по совместной борьбе. Он быстро переходит к теме нынешнего «Дня земли»: Он говорит: *«Кому принадлежит земля между Иорданом и Средиземным морем? Разве*

она принадлежит человеку по имени Менахем Бегин, который родился в Польше? Разве она принадлежит человеку по имени Йозеф Бург, министру внутренних дел израильского государственного образования? Ведь он вырос в Берлине.

Их родина в других странах, однако они отняли родину у нас. Они хотят, чтобы наша страна называлась Израилем, чтобы название Палестина» исчезло. Эта страна, которая принадлежит нам, отторгнет израильское государственное образование, вовеки будет нашей Палестиной». В сильном возбуждении Арафат кричит: *«Палестина… Палестина… Палестина!».* Длительные аплодисменты дают ему возможность успокоиться.

Против американцев направлена вторая часть речи, против *«наглости империалистов»*, подаривших страну евреям через голову палестинцев, как будто она не имела хозяина, подобно бесхозному имуществу. Арафат задает вопрос: *«Что мы сделали США, что с нами так обращаются, будто с собаками, которых отталкивают и гонят? В 1974 году, в ноябре, я протянул руку американскому народу, но он мне не ответил»*. В ходе этой речи также становится ясно, что лидер ООП не считает пропасть между американским правительством и движением освобождения Палестины вечной и непреодолимой.

Он снова и снова пытается напомнить народу Соединенных Штатов его собственное прошлое, блестящей главой в котором была освободительная борьба против колониальной державы Англии. Найти в США понимание своей борьбы — это желание Арафата, которое он выражает постоянно. Даже атаки на американскую политику — это всегда лишь повод для проверки, не наступит ли позитивная реакция.

Встрече со Збигневом Бжезинским, советником президента Картера по вопросам безопасности, которая происходит во время празднования годовщины независимости в Алжире в 1979 году, Арафат придает большое значение, хотя она была скорее случайной. Арафат сообщает следующее: *«Я был приглашен, и советник американского президента по вопросам безопасности — также. Он вместе с другими гостями подошел к двери, а я как раз там стоял. Бжезинский разговаривал со мной весьма любезно. Я сказал ему: «Надеюсь, Вы не потеряете своего поста, как Эндрю Янг».*

Арафат намекал на отставку главы делегации США в Организации Объединенных Наций, которую президент Картер счел необходимой, ибо Эндрю Янг отважился вести интенсивный политический диалог с Терзи, наблюдателем при ООН от Палестины; позже отставка была представлена как добровольный уход.

О внимании, которое уделяет ему наиболее влиятельный советник президента, лидер ООП говорит во время многочисленных встреч с другими палестинцами в Бейруте. Наконец, считает он, США также принимают к сведению, что существует палестинский народ и Организация освобождения Палестины. Он постоянно подчеркивает: *«Раньше, чем всем нам кажется, у палестинцев будет родина».*

Надежда — его важнейшее оружие в усилиях, направленных на дальнейшее поддержание у палестинцев твердой веры в конечную цель, в основание родины в Палестине. Любая ситуация, любое событие, которое, по мнению Арафата, может служить усилению надежды, используется для пропаганды. Слушателям внушается, что было бы преступлением, будучи столь близко к цели, отказаться от борьбы за Палестину.

Арафат проявил способность преодолевать кризисные ситуации, грозящие опасностью для ООП. Подобная ситуация имела место, когда президент Анвар Садат совместно с главой американского государства разработал оригинальную идею, чтобы выйти из тупика, в который зашли переговоры. Египетский президент полетел в Израиль для беседы с противником. Арафат оценивает поездку Садата в Иерусалим как капитуляцию. Он говорит, что до последнего момента не мог поверить, что египетский президент совершит это предательство, как он называет шаг Садата. Полтора десятилетия спустя Арафат сам пожмет руку своему противнику.

26. Кэмп-Дэвид

На виселице висят три чучела: они изображают Менахема Бегина, Анвара Садата и Джимми Картера. Вокруг этой виселицы стоят сотни членов молодежной организации ООП — «Молодые львы». Они наблюдают, как чучела поджигают, как их охватывает пламя. Один из лидеров, возрастом не старше пятнадцати лет, в ярости выкрикивает в мегафон: «Как горят эти предатели и враги здесь, так они сгорят и в действительности. Они украли у палестинского народа страну. Они виновны в унижениях, которые вынужден терпеть наш народ». Молодые люди стоят плечом к плечу, пока пламя окончательно не уничтожает чучела.

В эти дни я беседую с жителями лагеря Бурж Баражна. Инициатива египетского президента могла бы означать надежду для людей, которые десятилетиями вынуждены жить вдали от своей исконной родины. Садат обещает, что добьется для палестинцев статуса автономии на занятых территориях. Автономия могла бы стать для всех людей, живущих в лагере, шансом снова увидеть родину — ибо автономия означала бы, что жители области, ставшей автономией, могут принимать суверенные решения и, к примеру, по собственному усмотрению возвращать на родину других палестинцев.

Однако в домах палестинского квартала Бурж Баражна не чувствуется и следа подобной надежды. «Садат не имеет права говорить за нас. Вести переговоры о будущем палестинцев можно только с нами, с палестинским народом». Это мнение можно повсюду услышать в ответ. Собеседники выбирают слова в зависимости от уровня воспитания и образования.

Некоторые пожилые женщины выкрикивают по адресу египетского президента ужасные оскорбления. Но исламский священник спокойно заявляет, что, будучи служителем веры, должен взвесить добрую волю, которая лежит в основе шага, подобного тому, который совершил Садат. Однако, поскольку Иерусалим продан Садатом израильтянам, эта добрая воля должна быть расценена как весьма малая. Арафат, считает он, единственный патриот и националист, на которого палестинский народ может положиться.

Палестинцы, живущие в ливанской ссылке, в эти дни сплотились вокруг Арафата. Бурным восторгом были встречены его слова: *«Никто не может продать Иерусалим, это должны знать Садат и Картер. Садат должен понять, что не может обменять Иерусалим на горсть песка на Синае. Над Иерусалимом будет поднято только одно знамя, знамя арабской нации. Это*

произойдет независимо от того, согласны или не согласны с этим Садат и Картер».

Умелый тактик, Анвар Садат с самого начала сделал Ясира Арафата свидетелем своих усилий вступить в диалог с руководством государства Израиль. В ноябре 1977 года египетский президент обратился к лидеру ООП с просьбой нанести ему визит в Каире. Хусни Мубарак, вице-президент, принял Арафата и передал ему приглашение Садата на следующий день быть гостем президента, а именно по случаю важной речи, которую тот должен произнести перед парламентариями Египта. Арафат слушает эту речь и удивляется тому, что Садат так часто упоминает его и даже хвалит. Затем президент описывает свои усилия, направленные на урегулирование отношений с израильтянами, и прежде всего на то, чтобы хотя бы усадить их за стол переговоров. Все шаги были напрасны. Однако для того, чтобы приблизиться к миру, он готов говорить с самим дьяволом — с этой целью он даже отправится в Израиль.

В тот момент Садат ведет себя так, словно этот текст он сымпровизировал, словно его осенила внезапная идея. Непосредственно после речи Садат пытается еще больше усилить впечатление, что он действовал спонтанно. Он говорит министру иностранных дел Исмаилу Фахми, что хочет найти возможность поставить мир в известность о том, что в действительности и не думает о посещении израильских политиков в Иерусалиме.

Арафат, который становится свидетелем разговора между Садатом и Фахми, вначале верит словам египетского президента о том, что он допустил риторическую ошибку. Он не может представить себе, что арабский политик пойдет на такого рода шаг.

Его озадачивают лишь слова Садата о том, что тот полетит в Дамаск, чтобы посоветоваться с президентом Хафезом Асадом. Как известно Арафату, Садат решается лететь в Дамаск только тогда, когда развитие событий принимает драматический характер. Поскольку в этот момент Садат не помышляет о войне, то предметом дискуссии может быть только сенсационный жест мира. В письме Садату Арафат все же пытается отговорить его от визита в Иерусалим — однако Садат придерживается своего плана.

В замешательстве руководители ООП наблюдает на экране прибытие Садата в Иерусалим, транслируемое телевидением Ливана. До самого последнего момента они надеются, что на борту самолета, приземлившегося в иерусалимском аэропорту, Садата нет. События последующих дней они воспринимают как

жестокое поражение: наиболее влиятельный из глав арабских государств пожимает руки своих прежних противников. Он говорит о том, что война никогда больше не повторится, смеется шуткам Голды Меир.

Мысли руководителей ООП заняты обстоятельствами визита в Иерусалим. В состоянии депрессии и отчаяния они не в состоянии осознать, что египетский президент ни в коем случае не отходит от своей прежней позиции. Об этом свидетельствует речь, произнесенная Садатом перед кнессетом. Мир зависит от того, говорит Садат, будет ли найдено решение проблемы Иерусалима и будут ли удовлетворены палестинцы в своем требовании обрести родину. Требований в максимальном объеме Садат не выдвигает, однако после выступления в кнессете его не назовешь политиком, отказавшимся от своих взглядов.

Внутри руководящих органов ООП непосредственно после визита в Иерусалим нарастает напряженность. Два направления претендуют на то, чтобы считать свою точку зрения единственно правильной. Одна группа считает, что ООП не может позволить себе порвать отношения с Египтом: ведь эта страна, в конце концов, имеет наибольший политический вес в арабском мире.

Защитники этой точки зрения опасаются, что ссора с Садатом будет непосильным грузом для ООП, что может привести к новым кровавым конфликтам. Однако представители другого направления склонны теперь причислять Садата к врагам палестинского народа. Борьба со всеми теми, кто говорит «да» капитуляции Египта, должна быть бескомпромиссной. Необходимо свержение его режима.

Ясир Арафат принимает решение направить ООП по антисадатовскому курсу. В выступлении перед молодыми бойцами он говорит: *«Картер и Бегин нашли агента в арабском мире. Заговор продолжается, ибо его поддерживают США. Америка хочет показать себя хозяином, однако этот хозяин нас не запугает. Но мы должны признать, что сионизм и международный империализм, возглавляемый США, одержали над нами ряд побед. Некоторые арабские бастионы сейчас в руках Соединенных Штатов.*

Предпринимается попытка поставить на колени арабскую нацию, а вместе с ней и палестинский народ. Применяется тактика фальшивого, лживого мира. Мы, борцы Палестинской революции, дали этому миру название «американско-сионистский мир». Мы можем покориться этому миру и тогда навеки станем проклятым поколением. Однако мы можем признать, что наша историческая обязанность состоит в борьбе с этим лживым миром.

Мы, носители идеи Палестинской революции, будем бороться и оказывать сопротивление до последней капли крови. Это означает, что злобная кампания против Палестинской революции будет расширяться. Нажим с помощью террористических акций против нас будет усиливаться.

Однако чем больше мы задумаемся над словами американцев, очерняющими нас, тем глубже ощутим, что именно эти враждебные заявления в действительности являются своего рода признанием того, что мы представляем собой прочное ядро ближневосточного конфликта. Никто не может исключить нас как фактор ближневосточной реальности.

Я бросаю им вызов, агентам США, какое бы имя они ни носили, будь их имя Картер или Менахем Бегин, будь они израильтянами или сионистами где-либо в мире. Я бросаю им вызов, и пусть они только посмеют искать решение конфликта, минуя нас. Пусть только посмеют заключить мир без привлечения палестинского народа и Палестинской революции.

Из беженцев мы превратились в народ Палестины. Мы теперь не дрожим от страха, когда представляем себе, что Израиль наш враг. Сопротивление Израилю — наша судьба. Никто не может заковать в кандалы эту революцию. Никто не может оказать на нее давление. Мы стали осью борьбы во всем арабском регионе. У конфликта на Ближнем Востоке только один центр: борьба за основание государства палестинцев.

Неважно, получат ли египтяне песок Синая обратно. Важно, что будут удовлетворены притязания нашего народа. Логика господ Бегина и Садата окончится провалом, так же, как всегда заканчивалась провалом логика тех, кто подавлял правомерные притязания.

Но наш народ станет победоносным. Поскольку мы хотим добиться свободы и мира, мы за правое дело. А оно всегда в конце концов побеждало».

За то обстоятельство, что в результате переговоров в Кэмп-Дэвиде выиграли одни только египтяне, что они «получили обратно песок Синая», несет ответственность Джимми Картер. Это американский президент принял решение вычленить проблему Синая из комплекса всех предметов конфликта, чтобы путем концентрации всех сил в ходе переговоров решить эту проблему.

Американский план переговоров с самого начала предусматривал исключить из рассмотрения тему «судьба палестинцев на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа». Об Иерусалиме также следовало по возможности не говорить. Главам делегаций Картеру, Садату и Бегину нужно было посвятить себя лишь наиболее простой из проблем,

«территориальному вопросу Синая». В этой области можно было ожидать рывка в переговорном процессе и результата.

Американскому президенту, чей престиж среди американских избирателей, по данным опросов, достиг низшего уровня, нужно было продемонстрировать успех в чем-либо. Концентрация на пункте переговоров «Синай» давала возможность такого успеха.

Однако Анвар Садат давал обещание не заключать сепаратного мира с Израилем. Урегулирование, которого он хотел достичь, должно было выйти за пределы соглашения, которое отчуждало у израильтян только район Синая. Эзер Вейцман, израильский министр обороны и частый партнер Садата по переговорам, стал свидетелем того, как президент Египта снова и снова пытался включить в переговоры тему «палестинцы».

В конце марта 1978 года Вейцману пришлось наблюдать взрыв ярости Садата, причиной которого стала расплывчатая позиция правительства Бегина относительно будущего западного берега Иордана и палестинцев. Эзер Вейцман говорит: «Когда Садат в ярости, то имеет привычку закидывать голову назад и громко кричать «Нет! Нет! Нет!» Так же он поступил и теперь. Затем он предостерег нас: «Даже если мы решим проблему Синая, это не принесет мира без решения проблемы палестинцев! Я понимаю Ваши опасения относительно западного берега Иордана. Я знаю, что Израиль видит в этом проблему безопасности, от решения которой зависит, быть или не быть стране. Но без решения проблемы палестинцев мира не будет. Сепаратный договор с Египтом не приведет к окончательному миру»».

Во время этого разговора Садат произнес фразу, которую можно понять, только исходя из опыта прошедших недель. Фраза гласит: «ООП я вычеркнул из своего лексикона!» Месяц назад на Кипре, в отеле «Хилтон» в Никозии, был застрелен Юсиф эль Сибаи, главный редактор каирской ежедневной газеты «Аль Ахрам». Юсиф эль Сибаи был другом и советчиком египетского президента. Это послужило двум преступникам, которыми были палестинцы, основанием для убийства этого человека.

Анвар Садат отдал приказ отомстить, однако его спец-подразделение, откомандированное на Кипр, в аэропорту Ларнака было обстреляно кипрской национальной гвардией — ему пришлось штурмовать самолет компании «Cyprus Airways», который преступники удерживали силой. Спец-подразделение Садата потеряло пятнадцать человек убитыми. Когда гробы с телами жертв везли в Каире к обелиску Неизвестного солдата, многотысячная толпа кричала: «Долой Палестину! Смерть палестинцам!»

Эти лозунги вновь находят отражение в беседе, которую

Садат имел с израильским министром обороны Эзером Вейцманом в конце марта 1978 года. По мнению Садата, Иордания вновь должна была взять на себя ответственность за людей, проживающих на западном берегу Иордана. Садат сказал: «Мы должны вернуться к ситуации 1967 года. Причем земля по Иордану присоединяется к Иордании, а Газа — к Египту». Эзер Вейцман осведомился: «Из этого я делаю заключение, что палестинского государства не будет». Садат ответил: «Правильно! Но если я скажу это Бегину, то на следующий день он сделает это всеобщим достоянием. Вам я могу сказать: государства не будет!»

Эзер Вейцман сообщает, что день спустя Садат отошел от этой резкой точки зрения. Президент сказал: «После встречи с Вами вчера вечером я имел беседу с палестинскими представителями из Газы. Они хотят права на самоопределение. В настоящее время поддержка палестинцев важна для нас».

В месяцы, предшествующие решающей встрече в Кэмп Дэвиде, Эзер Вейцман еще раз имеет возможность проверить точку зрения президента Египта. Министр обороны Израиля был согласен с тем, чтобы ответственность за жителей западного берега Иордана взял на себя король Хусейн. Он спросил Садата: «Что будет, если Хусейн не прибудет на мирные переговоры?» Ответ Садата: «Тогда я возьму на себя ответственность за западный берег Иордана и за Газу».

Он тут же добавил, что в любом случае должно быть гарантировано право для палестинцев на самоопределение: «Мы проведем выборы. Я хотел бы, чтобы Вы отозвали свое вето на референдум». Вейцман возразил: «Господин президент, об этом не может быть и речи! Если состоится референдум, тогда жители захотят палестинское государство и ООП возьмет власть». Садат был другого мнения: «ООП пришел конец. Арафат лишится своего поста. На его место встанет Абу Аяд».

Это предсказание не осуществилось. Анвару Садату впредь пришлось считаться с политической силой ООП. Так президенту Египта пришлось вспомнить о своем обещании не заключать сепаратного мира с Израилем. Во время переговоров в Кэмп-Дэвиде следовало сохранять видимость того, что делегации стремятся к всеобщему миру на Ближнем Востоке. Поэтому трем министрам иностранных дел было поручено выработать «общий план мира на Ближнем Востоке».

В этом общем плане не должна была быть вынесена за скобки ни одна тема — в том числе и тема «палестинцы». С самого начала работа над общим планом страдала недостатком интереса, чего Джимми Картер вовсе не намерен был скрывать. Но Бегин отнесся к формулировкам, закрепленным тремя

министрами иностранных дел на бумаге, с недоверием.

Следует констатировать, что Джимми Картер в начале кэмп-дэвидских собеседований пытался включить в переговоры и вопрос о национальных правах палестинцев. Ответ Менахема Бегина гласил: «Об этом не может быть и речи». Когда Картер пожелал проявить упорство, Бегин отреагировал жестко: «Господин президент, пожалуйста, не нужно угроз!»

Результатом параллельных усилий трех политиков высшего ранга, Бегина, Садата и Картера, и министров иностранных дел в конце концов явились два документа Кэмп-Дэвида, между которыми не существует никакой к чему-либо обязывающей связи. Садат настаивал на таковой, однако под давлением американского президента подчинился Бегину, который не придавал документу, составленному министрами иностранных дел, никакого значения.

Отсутствие четких рамок сделало кэмп-дэвидское соглашение совершенно неприемлемым для Ясира Арафата. В конце концов, при реализации результатов соглашения практическое значение имел лишь документ, регулировавший возвращение Синая. Однако соглашение по вопросу автономии палестинцев оставалось ни к чему не обязывающим.

Если бы Садат достиг каких-либо успехов в палестинских делах, Ясиру Арафату было бы нелегко столь безусловно настаивать на своем полном неприятии соглашения. Настойчивость, проявленная по отношению к Менахему Бегину, могла бы сделать достоверным утверждение Садата о том, что он также выступает за права палестинцев. Однако в ходе этого доказательства достоверности Анвар Садат был обманут.

Вскоре после полудня 17 сентября 1978 года — вечером было предусмотрено подписание документов — в Кэмп-Дэвиде все еще обсуждалась тема самоуправления жителей сектора Газа и западного берега Иордана. Президент Картер попытался в ходе дискуссии с глазу на глаз быстро прийти к единому мнению с Менахемом Бегином.

Он покинул премьер-министра Израиля с сознанием, что добился от него двух уступок: Картер помнил слова Бегина о том, что Израиль не будет строить новых поселений на захваченной территории и что Израиль согласен с самоуправлением палестинцев западного побережья и Газы. Об этом успехе Картер сообщил президенту Египта. Картер добавил, что на следующее утро Бегин напишет письмо, которое в деталях зафиксирует эти две уступки. На основании этого сообщения Садат подписал соглашение по урегулированию проблемы Синая.

Письмо Бегина утром следующего дня действительно

прибыло, однако его содержание вызвало у Анвара Садата горькое разочарование. Согласие отказаться от строительства новых поселений было ограничено тремя месяцами, а о самоуправлении палестинцев в письме не было ни слова. В ответ на вопрос об устном обещании Бегин заявил, что никогда не давал Картеру подобных обещаний. Президент Картер раскаивался, что немедленно письменно не зафиксировал уступки Израиля.

В ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде американский президент неоднократно подчеркивал, что чувствует себя обязанным достичь улучшения политического положения палестинцев. Руководство ООП ощущало, что Картер воспринимал эти обязательства в известных границах, всерьез. Однако оно было озадачено, обнаружив, что он руководствуется в своих действиях заблуждением о том, что Арафат и органы ООП должны соглашаться с тем, с чем согласился Садат. Если ООП не пойдет на уступки добровольно, то в конце концов по крайней мере два арабских государства, Саудовская Аравия и Иордания, принудят ее свернуть на курс Кэмп-Дэвида — так Картер проанализировал ситуацию непосредственного будущего.

Заблуждение быстро прошло: правящее семейство Саудов и король Хусейн обнаружили, что Садат — безразлично, действовал ли он сознательно или был обманут, — возвратился из Кэмп-Дэвида с сепаратным миром. Они не дали втянуть себя в механизм переговоров, которые и для них закончились бы аналогичным результатом. Они не отступились от своей позиции — «нет!» кэмп-дэвидскому соглашению.

Хотя сепаратные действия Садата и разрушили надежду ООП с помощью солидарности арабов проложить себе путь на родину, они предоставили шанс нового альянса, который до сих пор не считался возможным.

27. Примирение с Хусейном

Восемь с половиной лет спустя после гражданской войны в Иордании, в конце которой руководство ООП, будучи побежденным, покинуло королевство, Арафат нашел в себе решимость протянуть руку королю. Арафат, давший себе клятву никогда больше не переступать границ Иордании, пока страной правит этот монарх, считал в данной политической ситуации примирение в интересах ООП разумным. Король и глава ООП стали союзниками.

Анвар Садат спаял этот союз — совершенно не желая того. Президент Египта, и вместе с ним многие политики арабского мира считали, что Хусейн примет участие в любой мирной инициативе, если не будет вынужден делать первый шаг к компромиссу. Хусейн, и таково было общепринятое мнение, был бы вторым арабом, поставившим свое имя под документом, кладущим конец войне в Израиле.

Всех, кто так думал, король поверг в удивление. Он отклонил мирную инициативу главы египетского государства, поскольку видел в ней только путь к сепаратному миру между Египтом и Израилем. А сепаратный мир Хусейн рассматривал как предательство общего дела всех прифронтовых арабских государств. Хусейн стремился к новой войне с Израилем, он не верил в длительный военный успех. Переговоры вполне отвечали его намерениям, однако он стремился к переговорам, опирающимся на солидарность арабов.

Хусейн противостоял агитации Садата именно потому, что хотел добиться всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы, которое удовлетворило бы требования Иордании, Сирии и Палестины. Король даже отодвинул на второй план свое собственное стремление к власти над людьми на занятых территориях. Он признал, что политическое руководство жителями западного берега Иордана и сектора Газа должна осуществлять ООП.

В окружении Арафата с удивлением констатировали поворот в мышлении короля. Шесть лет назад Хусейн провозгласил план, согласно которому хотел предоставить палестинским областям после их освобождения известную автономию. Однако было условие — они останутся под его суверенитетом. Сейчас же он ни в коем случае не напрашивался палестинцам.

Когда на конференции глав арабских государств ООП была определена представителем всех палестинцев, король пришел к выводу, что в дальнейшем именно ООП надлежит заботиться об

освобождении священного города Иерусалима. Подобных крайних взглядов он теперь не придерживался. Хусейн дал знать Арафату, что без каких-либо оговорок и без всякого предубеждения готов к встрече с высокопоставленной делегацией ООП.

В субботу, 17 мая 1979 года, Хусейн и Арафат встречаются на военной базе Мафрак, принадлежащей Иордании. Оба улыбаются самым задушевным образом, сердечно пожимают друг другу руки, словно гражданская война 1970 года не сделала короля и главу ООП врагами.

Для встречи Арафата король вышел из своего бунгало и пошел Арафату навстречу. Арафат угадывает за этим желание монарха жестом продемонстрировать, что он сожалеет о событиях 1970 года. Позднее в окружении Арафата можно было услышать, что как Хусейн, так и Арафат вполне допускали, что тогда совершили ошибку. Оба брали на себя вину за катастрофу гражданской войны в Иордании.

В оценке текущей ситуации на Ближнем Востоке имеет место единство. Они совместно осуждают действия Садата, в которых видят угрозу делу арабов, в особенности же делу палестинцев. Хусейн говорит о неотъемлемых правах палестинского народа. Сюда относятся право на родину, а также право бороться за эту родину. Было высказано признание, что Иордания должна оказывать ООП поддержку в большей степени, чем до сих пор. Речь идет о координации совместных усилий.

Арафат ждет того, что король сам затронет вопрос об ООП как о представителе палестинского народа. В конце концов, до 1967 года в соответствии с нормами международного права Хусейн представлял собой высшую власть в одной из частей старой Палестины. Кое-кто из жителей провинций Хеброн и Набулус все еще считают Хусейна своим правителем. Хусейн мог бы указать на свои права — однако подобной атаки на престиж ООП не происходит. В совместном коммюнике Хусейн одобряет требование ООП быть единственным представителем палестинцев.

Арафат, на которого должны произвести впечатление дружественные жесты и предупредительность, выражает монарху Иордании свою благодарность. Он благодарит за инициативу Его величество, которая предшествовала этой встрече. Он также благодарит за поддержку, предложенную Хусейном палестинскому народу, который под руководством ООП борется за свою свободу. Поблекло воспоминание о том, что когда-то Арафат называл короля «палачом Аммана».

Не все организации палестинцев поддерживают коренную перемену позиции Арафата. Анализ списка делегатов показывает,

что просирийски ориентированная боевая организация Аль-Сайка представлена на мафракской встрече, а Народный фронт освобождения Палестины и Демократический народный фронт своих представителей не прислали. Жорж Хабаш часто выражал мнение, что в интересах своего дела можно заключить союз даже с чертом, однако он не может одобрить примирение с монархом Иордании. На совести Хусейна жизни тысяч людей — такова точка зрения Хабаша. За смерть этих сыновей и дочерей палестинского народа прощения быть не может.

Подтверждение своей позиции Жорж Хабаш находит в словах Эзера Вейцмана, который говорит: «Никакой Израиль в свое время не убил столько террористов, сколько приказал устранить король Иордании». Эзер Вейцман во всех членах ООП видит террористов.

Хабаш, в дальновидности часто не уступающий Арафату, уверен в том, что Хусейн пошел на примирение лишь по тактическим причинам. Он столь же хладнокровно снова предаст палестинцев, если такой шаг будет его устраивать. Арафат попался на мнимое признание королем собственных ошибок. Хусейн не раз доказывал, что он враг палестинцев — он останется врагом палестинцев во веки веков.

Скепсис лидера Народного фронта освобождения Палестины нельзя назвать необоснованным — это обнаруживается в дальнейшем. Несмотря на то, что Арафат и Хусейн договорились о целесообразности регулярных консультаций, таковые не проводятся. Надежда на то, что Хусейн вновь предоставит ООП возможность оборудовать базы для борьбы с Израилем, разбивается. Для Хусейна встреча с Ясиром Арафатом остается эпизодом. Он использовал ее для того; чтобы доказать всем арабским режимам, что монарх Иордании не дает израильтянам поймать себя в ловушку.

Однако Ясир Арафат расценивает встречу с королем Хусейном как успех, ибо она документально подтвердила в глазах мировой общественности, что Арафат — политический представитель палестинцев. Он может чувствовать себя ответственным за жителей захваченных территорий, которые до 1967 года принадлежали к Иордании и с этого же года, отмеченного войной, вынуждены жить под контролем Израиля.

28. Годы борьбы за влияние на захваченных территориях

В 1967 году, когда военные действия на исходе Июньской войны завершились перемирием, израильтяне захватили территории, население которых составляло почти миллион человек. Эти палестинцы были для государства Израиль врагами — противниками в войне, которая только что закончилась. 70 000 палестинцев, жители восточной части Иерусалима, декретом были приравнены к гражданам еврейского государства. Этой акцией израильское правительство хотело продемонстрировать свою решимость никогда не поступаться Восточным Иерусалимом. Однако жителям захваченных территорий по западному берегу Иордана и сектора Газа пришлось смириться с военной администрацией.

В этот момент правительство Израиля намерено было доказать миру, что никакой Палестины вовсе не существует. Леви Эшкол, премьер-министр Израиля, заявлял: «Кто такие палестинцы? Я таких не знаю. Жители областей, которыми мы владеем, не являющиеся евреями, — это арабы, бедуины!» А Голда Меир высказалась следующим образом: «Неправда, что мы изгнали людей и отняли землю. Страна была почти пуста».

Министр, ведающий вопросами воспитания, сообщал учителям израильских школ: «Важно разъяснить нашей молодежи, что, вернувшись в эту страну, мы не обнаружили какого-либо другого народа и другой нации. Не было народа, который мог претендовать на то, что поселился здесь столетия назад. Мы встретили арабов, предки которых осели здесь лишь несколько десятилетий назад. В период 1830–1840 годов они бежали из Египта, поскольку ощущали на себе гнет властителя Египта Мухаммада Али».

Миллион жителей захваченных территорий вначале ощущали себя лишенными управления. Для них встал вопрос собственной идентификации, национальной принадлежности. Король Хусейн, бывший для них до того момента главой государства, своими политическими и военными ошибками положил начало бедствиям.

Он не мог больше оставаться главной фигурой для большинства жителей Иерихона, Вифлеема, Хеброна и Набулуса. До настоящего времени в этих городах политику определяли члены уважаемых семейств и слой зажиточного купечества. Они установили тесные связи с администрацией короля в Аммане,

однако теперь были вынуждены подчиниться власти израильских военных губернаторов. Им пришлось принять к сведению, что на рынках в захваченных областях о короле Хусейне отзываются с презрением, обвиняют его в предательстве.

Молодежь в особенности протестовала против традиционного руководства, оказавшегося несостоятельным. Они устраивали демонстрации, направленные против Хусейна, — и они охотно прислушивались к словам Ясира Арафата, который в то время в окрестностях Набулуса тайно призывал к сопротивлению власти израильских захватчиков.

Выражение горечи палестинцев, находящихся под контролем израильского военного губернатора, нашел поэт Камаль Насер, христианин, которого высоко ценил Ясир Арафат. Позднее Камаль Насер оказался в числе жертв налета израильских отрядов на Бейрут. Его «Гимн ненависти» в дословном переводе звучит так:

«Если бы Иисус жил среди нас и увидел, что происходит, Он потребовал бы от нас Священной войны с мечом. Страна, в которой он вырос, сегодня вынуждена иметь миллион рабов.

Почему Он не показывает свое возмущение?

Почему Он не требует зуб за зуб и око за око?

О, апостол прощения! В нашем несчастье не остается места прощению и любви!»

Более широкий резонанс, чем стихи Камаля Насера, имели статьи того журнала, который с начала шестидесятых годов выходил ежемесячно. Оформление было простым. Издание состояло всего из тридцати страниц, печаталось оно в Бейруте. Название его — «Наша Палестина». Для читателей журнал нашел особое название: их называли «дети катастрофы».

Наиболее видный автор «Нашей Палестины» входил в ближайшее окружение Ясира Арафата. Написанное им превратилось в программу постоянно расширяющегося движения сопротивления против израильской военной администрации:

«Неизменно наше страстное стремление к потерянной стране, в которой сейчас властвуют другие. Потерю страны мы рассматриваем как национальный позор, который покрыл нас стыдом. С этой страной связана наша честь. С утратой страны нас лишили всего — нашего имени и нашего существования как народа.

Изгнать завоевателя — вот что является нашим обязательством. Все, что ускоряет уничтожение Израиля, мы рассматриваем как свое право. Месть есть предпосылка мира.

Это психологическое состояние, в котором нам надлежит жить — нам, детям катастрофы. Месть — мерило нашей морали и

идеалов. Жажда мести стала так сильна, что мы стремимся жить только для того, чтобы в борьбе вновь обрести нашу страну, нашу землю, нашу свободу и наше достоинство».

Три месяца спустя после июньской войны 1967 года сопротивление проявилось в действии: неподалеку от Яффских ворот в Иерусалиме взорвался заряд взрывчатки, другой повредил кинотеатр. Военная администрация вынуждена была признать, что многие молодые люди на захваченных территориях были полны решимости воплотить призывы «Нашей Палестины» в реальные действия.

Экспроприационные меры, проводимые по распоряжению военной администрации, побуждали к сопротивлению. Населенные палестинцами дома вокруг Стены плача следовало освободить: дома сносились, чтобы освободить место для богослужений у Стены плача. Выполнялось предписание по «очистке» еврейских кварталов города от арабского населения. Военная администрация явно приняла решение ликвидировать арабский характер Восточного Иерусалима. На земле, отнятой у палестинских владельцев, возникали поселения еврейских граждан.

Когда Генри Киссинджер после Октябрьской войны 1973 года в поисках решения конфликта совершал поездку по Ближнему Востоку, он рассматривал изменения, произошедшие в арабской части Иерусалима, как осложнение для переговоров и как несправедливость. Американский министр иностранных дел сказал тогда своему штабу: «Я вообще не принимаю эти постройки к сведению. Для меня они прозрачны. Я смотрю прямо, сквозь них. Поскольку, когда придет время, президент позаботится о том, чтобы арабы придали своей стране такой образ, какой захотят».

Министр обороны Моше Даян взял на себя ответственность на захваченных территориях. Он издал неожиданное постановление о том, что следует держать открытыми мосты через Иордан, то есть путь в оставшуюся часть Иордании. Однако эту «политику открытых мостов» нельзя было интерпретировать как выражение мягкости.

Даян сам предостерегал палестинцев, цитируя арабскую поговорку: «Когда ты видишь зубы тигра, не думай, что он улыбается». Если жители городов и сел демонстрировали свое недовольство израильской оккупационной властью слишком явно, Моше Даян наводил порядок суровыми методами. Первыми почувствовали жесткую руку коммерсанты Набулуса — их всеобщая забастовка была прекращена с применением силы.

Даян попытался привлечь к сотрудничеству с Израилем мэров

крупнейших городов. Лишь очень немногие из них отказались от личного контакта с Даяном. Али Ябери, мэр Хеброна, выразил убежденность в том, что при гарантированном самоуправлении на уровне общины израильскую оккупационную власть можно вынести до тех пор, пока не будет принято решение о том, кому, собственно, принадлежат захваченные территории. В январе 1968 года Али Ябери призвал Жителей города Хеброна «прогнать тех, кто вредит нам и чьи акции ничего не доказывают». Имелись в виду сторонники Ясира Арафата. Мэр Набулуса, Хемди Кнаан, возмущенно ответил: «Если бы я был помоложе, то примкнул бы к Аль Фатах».

Хемди Кнаан, который мыслил объективно и производил впечатление лично на Моше Даяна, не побоялся вступить в конфронтацию и при малейшем признаке произвола оккупационной власти выражал протест. Хемди Кнаан управлял городом Набулусом, жители которого, как мужчины, так и женщины, всегда неохотно подчинялись властям.

Независимо от того, мирились ли жители города с израильтянами или враждебно относились к оккупационным войскам, политическая деятельность им не была разрешена. Проявлять активность не имела права ни одна партия, ни одна группировка. Политический потенциал захваченных областей бездействовал. Тот, кто обладал темпераментом политической ориентации, воспринимал ситуацию как неудовлетворительную.

Лидеры палестинской революции осознали свой шанс: Ясир Арафат увидел, что политический вакуум ему весьма кстати. Он сумел наметить цель, поставить задачу. Он был в состоянии создать образ будущего.

Наиболее значительного успеха добилась Аль Фатах в секторе Газа, управление которым до 1967 года осуществлял Египет. В лагерях в секторе Газа жили семьи беженцев из Аскалона, Асдота и Мигдала. Они были вынуждены ютиться в жалких хижинах, в отвратительных условиях. Египтяне не заботились об этих людях: их бедственное положение Гамаль Абдель Насер считал фактором антиизраильской пропаганды.

Антиизраильская агитация началась в секторе Газа еще перед июньской войной 1967 года. Первые сторонники сопротивления рекрутировались вначале из слоев учителей, учащихся и коммерсантов. Однако вскоре активность, исходящая от Аль Фатах, расширила революционный потенциал: молодежь из всех слоев следовала лозунгам освободительной борьбы. Членам Аль Фатах и сочувствующим в 1970 году почти удалось саботировать работу военной администрации. Ни один израильский солдат не смел теперь появиться в узких улочках лагеря беженцев в Газе.

Моше Даян утратил контроль за палестинцами в секторе Газа. Но он сумел отомстить.

В январе 1971 года он наложил полный запрет на выход из лагеря Шати. Под защитой сильных воинских соединений множество домов было убрано и снесено. Там, где в тесном скоплении хижин возникли пустые пространства, были проложены улицы, по которым могли разъезжать бронемашины. Многие мужчины из числа жителей лагеря Шати сопротивлялись. Строительные подразделения израильтян были обстреляны, понесли потери убитыми и ранеными.

Израильтяне в конце концов взяли верх, однако отныне им пришлось считаться с неукротимой ненавистью жителей Газы. Эта ненависть была несколько смягчена в результате обширной программы включения палестинцев из Газы в израильский рынок труда. Население лагеря приняло программу. ООП вновь утратила часть влияния в секторе Газа.

Несмотря на потерю некоторой части влияния, она осталась единственной организацией, которая могла предложить программу. Король Иордании Хусейн, бывший до настоящего времени постоянным конкурентом в претензиях на политическое руководство захваченными территориями, в 1970–71 годах утратил симпатию, которой еще пользовался у многих жителей захваченных областей. То, что Хусейн в Аммане отдал приказ обстрелять палестинский лагерь, что уничтожил тысячи палестинцев с помощью гранатометов, привело в ужас тех палестинцев, которые еще оставались на родине. С одобрением было принято к сведению, что на конференции глав арабских государств Ясир Арафат пользовался равными правами наравне с королями и президентами, что главы арабских государств в конце концов возвели ООП в ранг представителя палестинцев.

В тексте листовки, предназначенной для жителей сектора Газа и западного берега Иордана, сформулированы цели, к достижению которых стремились Ясир Арафат и другие лидеры ООП: «Герои арабского народа в захваченной стране! Призываем вас именем арабского героя Саладина, который победил рыцарей-крестоносцев! Поднимайтесь против чужеземной оккупации! Не дайте сионистским захватчикам осквернить нашу священную арабскую землю.

Нас поведет за собой пример легендарного сопротивления алжирцев, которые принесли в жертву более миллиона человек. Сионисткая оккупация не что иное, как повторение крестовых походов. Государство крестоносцев исчезло. Израиль исчезнет.

Мы достигнем своих целей разнообразными средствами. Мы должны бойкотировать все экономические, культурные и

юридические учреждения сионистов. Мы должны организовать тайные ячейки сопротивления на каждой улице, в каждой деревне. Такие ячейки сопротивления могут нанести врагу значительный ущерб. Скатывайте с гор на дороги крупные камни, чтобы разорвать вражеские линии сообщения! Если сможете подобраться к вражескому транспорту, бросайте песок или сахар в бензобаки!»

Эти указания выполнялись, хотя и не с таким размахом, как представлял себе Арафат. Несмотря на то, что сторонники ООП сумели нанести по израильским оккупационным войскам сильные удары, им никогда не удавалось причинить израильтянам серьезные затруднения. Причина состоит не в недостатке воли к сопротивлению, а в умении израильской военной администрации подавлять мятеж в зародыше, запугивать людей и брать реванш жесткими методами.

Мощная волна симпатий к ООП ощущается в период, последовавший за речью Арафата перед делегатами Генеральной Ассамблеи ООН. Вспыхнула надежда на то, что описанное Арафатом демократическое государство Палестина сможет стать реальностью. Местные политики, говорившие о терпении и о возможности кооперирования с Израилем, потеряли своих сторонников. Своей речью Ясиру Арафату удалось пробудить в душах палестинцев, живущих на захваченных территориях, гордость своей национальностью.

Люди, которые после 1967 года потеряли свою национальную принадлежность, с этого момента знали, к какому народу принадлежат. Лозунги на стенах домов в Рамаллах и Набулусе свидетельствовали об успехе Арафата: «ООП — да, сионисты — нет!»

Учителя, адвокаты, врачи открыто демонстрировали свою симпатию к ООП. Их мнение было таково: почти весь мир признает ООП — почему мы не должны признать ее.

Страх перед последствиями антиизраильских выступлений отступил — слишком много было теперь тех, кто поносил Израиль. Не могла же военная администрация отдать приказ на арест десятков тысяч. В результате радикализации взглядов исчезла надежда на то, что возможно примирение между еврейским и палестинским народом. Али Ябери, мэр Хеброна, сам резкий противник палестинского освободительного движения, вынужден был констатировать, что его сын поддерживает тесные контакты с Аль Фатах Ясира Арафата.

Военная администрация, которая до сих пор пыталась путем запугивания подавить проявления симпатии к ООП, начала размышлять над политическим курсом. Для того чтобы извлечь

друзей ООП из-под покрова тайны на свет божий, были назначены выборы. Люди, приближенные к ООП, также должны были иметь возможность проголосовать в соответствии со своими взглядами. В 1972 году Арафат еще отклонил выборы на захваченных территориях, ибо в то время придерживался мнения, что со стороны его сторонников будет неразумным при голосовании предать огласке свои взгляды. Но теперь, в 1976 году, ООП была за проведение выборов и против их бойкота.

По призыву руководства ООП все политики, поддерживавшие палестинский национализм, невзирая на партийные ограничения, объединились в блоки, программой которых было образование палестинского государства.

Почти каждый из этих политиков высказался положительно относительно существования ООП. Некоторые в ходе предвыборной пропаганды даже настоятельно подчеркивали свою близость к ООП.

Политики палестинско-националистского блока выиграли выборы в апреле 1976 года. В Хевроне нетто Али Ябери занял Фахед Кавасме. Израильская военная администрация интерпретировала выборы следующим образом: новых градоначальников следует рассматривать как наместников Ясира Арафата. При этом необходимо отметить, что руководителей общин на севере западного побережья Иордана следовало рассматривать как наиболее твердых последователей курса ООП. Бассам Шака'а, новый мэр Набулуса, пользовался чрезвычайным уважением руководства ООП.

Выборы в апреле 1976 года на захваченных территориях следовало считать победой ООП, однако ситуация, возникшая в результате, беспокоила политиков из окружения Арафата. Существовала опасность, что выигравшие выборы станут кичиться самостоятельностью и независимостью. Осенью 1978 года представители общин городов и деревень западного берега Иордана и сектора Газа приняли решение о создании исполнительного комитета, который следовало рассматривать как основную форму единого и централизованного управления захваченной областью.

Лидеры ООП, которые считали притязания своей организации на представительство палестинского народа само собой разумеющимися, взирали на эти действия с подозрением. Приходилось опасаться, что представители общин выработают политические линии, которые не смогут быть приведены в соответствие с линией ООП. Арафату удалось из столицы Иордании Аммана оказать влияние на исполнительный комитет.

Ощутимо его воздействие на формулировку заключительного

манифеста первого заседания комитета. В нем можно прочесть, что не может быть мира без гарантии возвращения палестинских беженцев на родину с целью основать там автономное государство со столицей в Иерусалиме.

Следовало также исключить опасность того, что жители захваченных территорий смогут счесть своим представителем Анвара Садата, который после визита в Иерусалим хотел вступить в переговоры с правительством Израиля относительно их прав. Однако исполнительный комитет не отступил от линии ООП: он организовывал антисадатовс-кке демонстраций под лозунгами ООП. Во время одной из демонстраций цитировали покойного палестинского поэта Камаля Насера:

«Не теряй надежды, о беженец, брат мой.

Святая обязанность — возвращение в нашу страну, возвращение к холмам Иерусалима и Яффы».

Не всегда исполнительный комитет палестинцев на захваченных территориях следовал желаниям Арафата. Когда весной 1979 года лидер ООП принял решение предпринять попытку примирения с королем Хусейном, комитет представителей палестинских общин выразил протест. Они считали соглашение с Хусейном опасным — в том числе и в части возможных притязаний монарха на суверенитет по отношению к своим бывшим подданным в Западной Иордании. Арафат провел совещания в Аммане и Бейруте с отдельными градоначальниками из захваченных областей, однако они не согласились с тем, что союз с Хусейном может быть полезен палестинцам.

Особым образом проявил себя мэр Набулуса Бассам Шака'а, который осенью 1979 года возглавил демонстрации против строительства израильских военных поселений на захваченных территориях. Он был одним из самых решительных противников политики Менахема Бегина по заселению палестинских областей. Мэр подогревал чувства жителей Набулуса — этот город стал очагом манифестаций сопротивления, распространившихся по всем захваченным территориям. 2 июля 1980 года Бассам Шака'а потерял обе ноги в результате срабатывания взрывного устройства, заложенного в его автомобиль. Ответственные за это покушение не были найдены израильской службой безопасности. Бассам Шака'а убежден, что его хотели убить израильские сторонники политики строительства военных поселений.

Покушению предшествовало резкое обострение политического климата на захваченных территориях. В Хевроне был убит выстрелом в спину учащийся талмудистской школы. Евреи, живущие в данной местности, организовали в ответ на это акции мести. При этом им благоприятствовало то обстоятельство,

что палестинцам было запрещено покидать лагерь. Мэр Фахед Кавасме произнес речь, в которой предсказал гибель израильского государства, «так же, как разрушились всемирная британская империя и нацистский рейх». Эта ссылка на нацистов б, ыла невыносимой для правительства Израиля.

Дополнительное раздражение вызвали там следующие слова кадия Хеброна: «Придет день, когда наше знамя будет развеваться в Яффе, Хайфе и Акке, а эти евреи подвергнутся уничтожению!» Фахед Кавасме, который не был больше в силах сдержать политическую бурю, подумывал об отставке, но руководство ООП потребовало от него не оставлять поста.

2 мая 1980 года эскалация насилия достигла кульминации: пять убитых и шестнадцать раненых — таков был итог жертв нападения на молодых евреев, живших в Хевроне. Правительство Израиля среагировало быстро. Фахед Кавасме и кадий Хеброна, а также еще один мэр-палестинец были высланы с захваченных территорий и депортированы через ливанскую границу.

Правда, позднее им была предоставдена возможность доказывать перед израильским судом свое право вернуться назад.

С 1967 года области, прилежащие к Набулусу, Иерихону, Хеброну и Восточному Иерусалиму находятся в руках израильтян. До момента начала Июньской войны существовал шанс «иорданского решения палестинской проблемы». Тогда было еще возможно интегрировать палестинцев в иорданское государство. Уважаемые лица на западном берегу Иордана продемонстрировали готовность отказаться от мысли о собственном государстве для палестинцев. Они примирились с тем, чтобы быть иорданцами.

Израиль, развязав войну в июне 1967 года, сам прервал этот процесс, выгодный для Израиля. В период после 1967 года король Хусейн утратил политическую и моральную власть на захваченных территориях — несмотря на то, что он пытался сохранить и создать основы доверия путем финансовых отчислений в пользу организаций и отдельных лиц.

Ясир Арафат и ООП в целом приобрели у жителей Набулуса, Иерихона, Хеброна и Восточного Иерусалима именно то доверие, которое утратил король Хусейн. Исход борьбы за влияние на захваченных территориях имел решающее значение для существования ООП. Победное окончание этой борьбы обеспечило Ясиру Арафату полную законность его политической деятельности.

В конце сентября 1980 года Ясир Арафат находится в болгарской столице Софии. Он приглашен на «мирную конференцию», которая организована коммунистической партией

Болгарии. Во время торжественного открытия конференции Арафат стоит среди тысяч делегатов и оживленно беседует с тремя мужчинами и одной женщиной. В этом не было бы ничего необычного, не будь двое из этих мужчин членами кнессета, израильского парламента. До этого дня Арафат остерегался разговоров с депутатами кнессета, по крайней мере, на публике.

Во всяком случае, эти депутаты относятся к особой категории. Они оба, Чарли Битон и Тевфик Тоуби, являются членами Коммунистической партии Израиля, которая ориентируется на указания Москвы. Тевфик Тоуби — израильтянин арабского происхождения.

В беседе с депутатами Ясир Арафат говорит о том, что счастлив *«встрече с израильскими силами мира»*. Чарли Битону Арафат говорит: *«Вы хорошо известны мне как борец за мир. Я хочу, чтобы Вы знали, как сильна наша надежда на дружбу с еврейским народом. Совместно с Вами мы боремся за прочный мир на Ближнем Востоке на основе признания прав палестинцев на самоопределение»*.

Поведение Арафата подтверждает тезис короля Марокко Хасана, который гласит, что ООП в конце концов признает Израиль — правда, в границах 1967 года, — если Израиль, со своей стороны, признает ООП.

29. Арафат встречается с Брандтом и Крайски

Ясир Арафат называет днем, который почти так же важен для развития ООП, как 13 ноября 1974 года, когда Арафат выступал перед Генеральной Ассамблеей Объединенных Наций, день 7 июля 1979 года. Арафата в этот день совместно с Вилли Брандтом принимает федеральный канцлер Австрии.

Арафату оказывают прием, как главе государства. Уже в аэропорту Вена-Швехат у трапа рейсового самолета его встречают федеральный канцлер и министр иностранных дел Австрии. Взаимное приветствие проходит сердечно, Арафат и Крайски обнимают друг друга как старые друзья. Арафату оказываются официальные почести, обычно положенные главам правительств. На этом фоне стандартной встречи на государственном уровне имеют место лишь небольшие изъяны: дипломатические представители государств Западной Европы отсутствуют, точно так же как послы США и государства Израиль. Присутствуют представители арабских государств и восточного блока.

О предыстории приглашения федеральный канцлер Австрии говорит следующее: «Я часто бывал в арабских государствах. В большинстве случаев в качестве руководителя делегаций, которые видели свою задачу в том, чтобы получить информацию.

Во время одного из таких путешествий я уже познакомился с президентом движения освобождения Палестины, Ясиром Арафатом, Тогда после беседы с ним я полетел к нашим социалистическим друзьям в Израиле. Из этих встреч я сделал вывод о том, что существуют предпосылки Для мирного решения, что при известной настойчивости их можно развить.

Последовали дальнейшие визиты в арабские страны. Через некоторое время мы доложили Социалистическому Интернационалу о результатах наших бесед. В этой связи между президентом Арафатом и мной имели место все новые и новые контакты. Например, во время одной из встреч в Дамаске. Мы часто писали друг другу.

Так возникло доверие, которое необходимо для обсуждения существующих актуальных вопросов. После такого обмена посланиями мы пришли к соглашению о том, что, в свою очередь, необходима подробная беседа. Мы также придерживались единого мнения, что было бы не вполне разумно встречаться где-либо тайно или за границей, вновь искать случая для организации встречи.

Тогда наиболее простым решением было просто сказать Арафату: «Приезжайте в Вену! Вы знаете, что я в малой степени следую традициям — и во внешней политике общепринятые пути мне в большинстве случаев безразличны».

Бруно Крайски уделяет Ясиру Арафату много времени. До глубокой ночи они беседуют в частной квартире федерального канцлера. Крайски, сам будучи евреем, относится к позиции ООП с пониманием. Он не скрывает своего негативного мнения о Менахеме Бегине: он возлагает вину за жесткую позицию Израиля лично на израильского премьер-министра.

Бруно Крайски — вице-президент Социалистического Интернационала. По заданию этой организации он должен прояснить вопрос об отношении ООП к факту существования государства Израиль. Подоплека вопроса заключается в желании ООП принимать участие в конгрессах Социалистического Интернационала. Если ООП выразит намерение уничтожить Израиль, то разрешение на участие едва ли может быть дано, поскольку своим намерением ООП ставит под угрозу существование государства, уже официально принятого в круг Социалистического Интернационала.

Бруно Крайски считает правильным задать вопрос лично главе данной организации, и приглашает свидетеля, президента Социалистического Интернационала и бывшего канцлера Федеративной Республики Германии Вилли Брандта.

Столь важная для Арафата трехсторонняя встреча происходит 7 июля 1979 года. Она осуществляется в результате усилий представителя ООП в Бонне. Его зовут Абдалла Франги.

Местом встречи Бруно Крайски выбрал государственную канцелярию, а не какое-либо другое здание, носящее менее официальный характер. Отвечая на вопрос, не придает ли он этим лидеру ООП статус, который ему совершенно не соответствует, федеральный канцлер Австрии проводит параллель с событиями, которые ему довелось пережить: «Я сам вынужден был много лет провести в эмиграции, в то время, когда Австрии не существовало на географической карте, а австрийский народ, разумеется, существовал. Я был тогда очень растроган и очень счастлив, когда меня все же принял в своей канцелярии премьер-министр Швеции. Поэтому я отношусь с особым пониманием к нынешней ситуации, в которой находится народ Палестины. Это причина, по которой я, возможно, принимаю в делах палестинцев несколько большее участие, чем это обычно принято».

О рассмотрении сути проблемы в ходе трехсторонней встречи Бруно Крайски сообщает следующее: «Утверждение, что ООП стремится уничтожить Израиль, я и раньше уже считал

злонамеренной интерпретацией намерений этой организации — и я говорю это как человек, который знаком с ситуацией. Однако всегда полезно узнать о положении вещей как можно больше. Я попросил президента Социалистического Интернационала, Вилли Брандта, по этому поводу прибыть в Вену».

Арафат получает шанс подробно изложить свою позицию. Его анализ соглашения в Кэмп-Дэвиде показывает, что он рассматривает его лишь как сепаратный мир между двумя ближневосточными государствами, который не касается основной проблемы конфликта. Но Кэмп-Дэвид заблокировал путь к миру, ибо договор между Египтом и Израилем делает конференцию в Женеве невозможной. Мира Кэмп-Дэвид не принес, считает Арафат. Подтверждением этому являются бомбовые удары, почти ежедневно наносимые по Южному Ливану вооруженными силами Израиля с воздуха, с моря и суши. Политика израильтян, направленная на создание поселений, также свидетельствует о гом, что о мире говорить не приходится. Если речь идет об установлении мира, то почему же, задает вопрос Арафат, Соединенные Штаты в столь большом объеме снабжают армию Израиля оружием? *«Израиль игнорирует решения Совета Безопасности — разве это политика мира?»*

Свое собственное представление о мире Ясир Арафат определяет следующим образом: *«Мир должен быть прочным, справедливым и истинным. Не может быть мира, основой которого является угнетение палестинского народа и который дает возможность продолжать оккупацию палестинской земли. Мир может быть прочным, справедливым и истинным лишь в том случае, если будут учтены легитимные права палестинцев. Это означает, что для нашего народа должно существовать право на возвращение на родину и право на образование независимого государства».*

Ясир Арафат требует для палестинцев права на самоопределение, они сами должны решать свою судьбу. Следует предвидеть, что народ захочет вернуться на прежнюю родину единым. Разумеется, он видит проблемы, могущие при этом возникнуть, однако их можно направить в определенное русло. Национальный совет палестинцев принял резолюцию о создании независимого государства, пусть даже на отдельном небольшом участке освобожденной территории. На совершенно прямой вопрос, дистанцируется ли ООП категорически от идеи ликвидации Израиля, Арафат отвечает: *«ООП поддерживает все резолюции Организации Объединенных Наций по теме Ближнего Востока. Все исходят из того, что Израиль будет существовать».*

Вилли Брандт подводит итог: на основании желания ООП

обеспечить палестинскому народу право самоопределения нельзя делать вывода о том, что ООП стремится уничтожить другой народ. Однако в ходе бесед с Арафатом президент Социалистического Интернационала не давал зародиться сомнению в его лояльности «по отношению к друзьям в Израиле». Он, разумеется, не поддерживает уничтожение или ликвидацию Израиля.

На вопрос о том, не создалось ли у него впечатления, что ООП стремится уничтожить Израиль, Бруно Крайски отвечает: «Такого впечатления у меня нет. Я также не могу представить себе, как подобное может произойти по отношению к государству, которое оснащено самым совершенным оружием. Такого рода идеи не имеют ничего общего с реализмом».

Позицию своего собеседника Арафата Крайски определяет следующим образом: «Без всякого сомнения, Ясир Арафат имеет право говорить от имени всех палестинцев в целом. Здесь недопустимы никакие изменения. Повсюду на Западе Арафат признан как представитель народа Палестины. С этим согласны и все выборные лица, обладающие политической ответственностью. Если не все, то все же почти все».

Из Вены Арафат отбывает с ощущением, что западный мир все больше и больше осознает значение ООП для разрешения конфликта на Ближнем Востоке. О встрече в Вене Арафат говорит как о «поворотном пункте в борьбе палестинского народа», ибо этот диалог проложил путь новым диалогам такого рода.

В состав делегации ООП в Вене входит палестинец, который раньше сам возглавлял боевую организацию: д-р Исам аль Сартави. В месяцы, предшествовавшие венской встрече, он прилагал усилия к тому, чтобы лидер ООП получил международное признание. Необходимыми для этого связями д-р Исам аль Сартави располагает с того времени, когда работал в Соединенных Штатах кардиологом. Он имеет широкий круг друзей и знакомых в Соединенных Штатах. Д-р Исам аль Сартави сумел добиться в Вашингтоне молчаливого согласия на встречу Брандт — Крайски — Арафат.

Этот человек, сослуживший Арафату подобную службу, десять лет назад не был сторонником ни Арафата, ни его центральной организации Аль Фатах. Тогда д-р Исам аль Сартави имел офис в одном из аристократических районов столицы Иордании Аммана. Я посетил его, поскольку его организация, которая называла себя «Общество освобождения Палестины», в мюнхенском аэропорту Рим пыталась угнать пассажирский самолет израильской линии Эль Аль. Попытка провалилась; пилот оказал сопротивление. В ходе нападения один пассажир

был убит и одиннадцать ранены.

Д-р Исам аль Сартави тогда встретил меня язвительными словами: «Почему Вы приходите ко мне? Разве это для Вас не пустая трата времени? Ведь Вы всегда позволяете Аль Фатах дезориентировать Вас». По своим целям его группа не отличалась от Аль Фатах.

Напротив, он упрекал организацию Арафата в том, что она слишком бюрократична, что ее погубит собственный аппарат. Его прогноз в 1970 году: «Об Аль Фатах через год никто не вспомнит. Мы — боевая организация будущего». Он не одобрял и финансовую политику Аль Фатах: «Она получает деньги от Саудовской Аравии, от короля Фейсала. А этот король заодно с США. Но ведь нельзя бороться с империализмом и одновременно брать деньги у сторонника империализма. Сомнений тут быть не может: кто платит, тот и заказывает музыку».

Лидер «Общества освобождения Палестины» имел неприятности с руководством ООП, когда летом 1970 года открыто заявил о том, что принятие Гамалем Абдель Насером американской мирной инициативы — это умный маневр. ООП в это время категорически отклоняла любого рода мирные инициативы. Один из сторонников Арафата сказал мне тогда: «У каждого народа есть свой чудак. У нас — этот кардиолог».

Во время гражданской войны в Иордании д-р Исам аль Сартави лишился собственной организации: она была разогнана армией короля. Однако Аль Фатах сумела выстоять. Три месяца спустя после окончания гражданской войны этого человека арестовала полиция Аль Фатах. Больше с ним ничего не случилось. В конце концов он снова предоставил себя в распоряжение Аль Фатах. Арафату нужны были головы, умеющие мыслить политическими категориями.

30. «Хомейни — Арафат! Хомейни — Арафат!»

На борту сирийского чартерного самолета, которым 17 февраля 1979 года Ясир Арафат летит в Тегеран, в течение пятнадцати минут удерживается атмосфера нервозности. Нервозность вызвана появлением двух боевых «Фантомов», летящих параллельно самолету Арафата. На них опознавательные знаки Ирана. Лишь шесть дней назад Аятолла Хомейни пришел к власти в Иране — никто не может быть уверен в том, что иранские военно-воздушные силы, до этого тесно сотрудничавшие с Израилем и Соединенными Штатами, допустят прибытие главы ООП в Иран.

Арафат и члены его делегации по привычке считают боевые «Фантомы» вражескими, ведь самолеты именно этого типа с израильскими пилотами за штурвалом часто совершали налеты на лагеря палестинцев в Ливане. Силуэт этого самолета знаком каждому федаину.

Наконец сирийский пилот устанавливает контакт с экипажами истребителей. Он сообщает, что доставляет к Аятолле Хомейни дружественную делегацию. Через несколько мгновений иранские самолеты приближаются на расстояние нескольких метров. Арафат с облегчением констатирует, что пилоты машут руками. Вскоре «Фантомы» исчезают.

Незадолго до захода солнца сирийский самолет приземляется в аэропорту Тегерана. Два часа спустя Аятолла Хомейни уже принимает Арафата в училище Алави, штаб-квартире главы шиитов. Хомейни и Арафат садятся рядом друг с другом на корточки на полу скудно меблированной комнаты: они сидят на обычных подушках. Арафат сияет, и даже Аятолла заставляет себя изобразить на своем строгом лице улыбку.

Арафат принадлежал к первым из тех немногих, кто открыто продемонстрировал свою радость по поводу победы Хомейни. Текст телеграммы, которую Арафат направил Хомейни И февраля 1979 года, гласит:

> «От имени палестинского народа и его революционеров поздравляю Вас с этой исторической победой, которую иранский народ одержал под Вашим руководством. Эта победа знаменует собой кульминационный пункт истории человечества. Одновременно она знаменует собой победу и для

Палестинской революции. Этот исторический поворотный пункт означает начало новой эпохи в этом регионе. Предвестники победы становятся очевидны другим народам после длительного периода бедствий и длительного периода гнета расистов-сионистов, которые изгнали наш народ и отдали на порабощение империализму США. Луч революции, который сияет из Ирана, озарит и небосклон нашей Палестины, и небосклон всей нашей исламской нации. Исламская нация одержит победу над всеми врагами — империалистами, колониалистами и сионистами. Возвращение в Иерусалим близко!»

13 февраля Аятолла Хомейни сообщил Арафату по телефону, что благодарен ему за помощь, которую тот оказал во время революции. Так был подготовлен путь для хорошего приема делегации ООП в Иране.

Результат первого совещания объявляется на следующий день: «Революционное правительство Ирана прерывает все дипломатические отношения с Израилем». Персоналу израильской миссии в Тегеране предлагается покинуть страну; собственные дипломаты в Тель-Авиве получают распоряжение немедленно вернуться в столицу Ирана. Премьер-министр Базарган говорит: «Мы не желаем более иметь ничего общего с сионистским правительством».

Помещения израильской миссии в Тегеране предоставляются в распоряжение ООП, она может устроить там свое представительство. Аллея, идущая мимо представительства ООП, в дальнейшем должна называться «улица Палестины». Уже 19 февраля Арафат производит торжественное открытие. Совместно с шиитским духовенством и представителями революционных организаций Ирана Арафат стоит на балконе дома, в который теперь въехала ООП. Внизу на улице ликующая многотысячная толпа скандирует: «Хомейни — Арафат! Хомейни — Арафат!». Они выкрикивают только эти два имени, ничего другого.

На стене перед балконом можно прочесть слова «Viva ООП», написанные крупными латинскими буквами. Парапет балкона оклеен портретами Хомейни. В этот час спадает покров тайны со своеобразного альянса, который долгое время оставался скрытым.

Шах стал Арафату врагом, поскольку дал американскому правительству обязательство ежегодно поставлять Израилю шесть миллионов тонн нефти. В 1973 году, когда обязательство вошло в силу, это количество составляло около 40 % израильского потребления нефти. Поводом для поставок иранской нефти

Израилю было стремление тогдашнего американского министра иностранных дел Генри Киссинджера, чтобы Израиль покинул два месторождения на Синайском полуострове. Замену нефти, которую потеряло израильское государство в результате передачи месторождения Египту, должен был обеспечить шах Ирана. США были готовы взять на себя финансирование этого предприятия.

Генри Киссинджер мог быть уверен в том, что шах выполнит обязательства, связанные с поставками нефти, ведь торговые отношения между Израилем и Ираном и прежде можно было назвать хорошими. Однако вскоре выяснилось, что подобными действиями Киссинджер поставил шаха в затруднительное положение. Арабско-исламский мир с неудовольствием взирал на то, как мусульманин Мохаммед Реза Пехлеви снабжает еврейское государство жизненно важной энергией. Арафат выдвинул лозунг: *«Шах смазывает своей нефтью военную машину израильтян, которая используется против палестинского пароода».*

Однако стратегия Арафата пошла еще дальше. Еще в начале семидесятых годов он советовал заставить три государства отказаться от их курса однозначной поддержки Израиля с помощью резолюций. Эти три государства были Эфиопия, Турция и Иран. При этом следовало идти на союз со всеми политическими группировками, независимо от того, имели ли они левую или религиозную ориентацию.

Возможность сыграть активную роль в ходе осуществления иранской революции давала «Organization of Iranian People's Fedai Guerillas» (O.I.P.F.G.), которая в своей «программе» провозглашала борьбу с шахским режимом. Во всяком случае, O.I.P.F.G. стремилась к изменению всей системы в целом для того, чтобы построить государство марксистско-ленинской ориентации. Падение шаха должно было повлечь за собой гибель феодального строя и, в конечном итоге, господства национальной буржуазии над средствами производства. Как знак своего идеологического происхождения O.I.P.F.G. наиболее примечательными в символе своей организации сделала молот и серп. Организация возникла в результате объединения двух марксистских групп.

В информационном бюллетене ООП от 1 марта 1978 года это объединение было провозглашено победой борьбы пролетариата в Иране. Из этого бюллетеня также можно узнать о целях O.I.P.F.G., стратегия вооруженной борьбы должна противодействовать фашистским методам шахского режима. «Время политики выжидания должно закончиться. Силы общества, обладающие политическим сознанием, анализируют положение иранского народа и в соответствии с этим вырабатывают теорию вооруженной борьбы.

Необходимо вырастить новое поколение кадров революции. Угнетенным классам разъясняется, что помочь им может только борьба. Из осознания своей угнетенности вырастает воля и готовность масс к борьбе. O.I.P.F.G. видит основное поле своей деятельности в среде рабочего класса».

В марте 1978 года ООП, казалось, еще шла по пути тесного сближения с O.I.P.F.G. Однако чем ярче обозначался исламский характер иранского революционного движения, тем больше ООП дистанцировалась от этой организации, которая столь очевидно проявляла себя как марксистская боевая группа. Арафат обнаружил, что в среде революционных сил Ирана есть только один человек, которого можно назвать выдающимся: Аятолла Хомейни. О нем было известно, что политиков левой ориентации он ненавидел не меньше, чем шаха.

Хомейни боролся за образование «Исламской республики», а не за построение марксистско-ленинского общественного строя. Марксисты были для него людьми, которые отрицали существование бога, которые считали, что мир приводится в движение с помощью механики, носящей название «диалектический материализм». Хомейни в качестве движущей силы мог признать только Аллаха. Хомейни объявил «безбожников — марксистов и коммунистов» врагами человечества.

Если Арафат и ООП хотели встать на сторону иранского революционного движения, то определенно не на стороне того, кто с большой степенью вероятности окажется проигравшим. В программе O.I.P.F.G. отсутствовало какое-либо указание на историческую задачу верующих — устранить в Иране несправедливость. Духовенство, считавшее себя поборником справедливости, не упоминалось вообще. Для лидеров O.I.P.F.G. не существовало возможности союза со сторонниками Аятоллы. Общественная значимость поборников религии оценивалась неправильно.

Нереалистичность позиции O.I.P.F.G. привела к тому, что ООП в конечном итоге установила непосредственный контакт с доверенными лицами Аятоллы Хомейни. Она поставляла его революционным группам оружие, прежде всего ручное огнестрельное оружие. В течение восьми месяцев революционеры получили из запасов ООП тысячу тонн военного снаряжения: пулеметы, автоматы, противопехотные ракеты.

В беседе с представителями ООП, которые в конце 1978 года посетили его в парижской эмиграции, Хомейни подчеркивал религиозный характер иранского освободительного движения: «В первую очередь я хотел бы прояснить важный момент. Нынешние

народные волнения в Иране имеют стопроцентную исламскую ориентацию. Ход и цель борьбы инспирированы исламом. Народ отклоняет компромисс с шахом потому, что ислам принципиально против компромиссов с тиранами. Точно так же народ отклоняет компромиссы, которые должны быть заключены с иными идеологиями. Сам я всегда был против гибких позиций и всегда буду против».

Хомейни убедительно подчеркивает тесную связь между революцией в Иране и проблемой Палестины: «Когда сионисты заявили о своих претензиях на Палестину, это было болезненно воспринято нами. Это было печальное событие для всех прочих мусульман. И лишь шах и люди из его окружения не воспринимали потерю Палестины как злонамеренную ампутацию важной части исламского мира. Шах помогал Израилю, но это приносило страдания народу Ирана, ибо он был полон симпатии к палестинскому народу и к борцам ООП.

Пятнадцать лет я проклинал помощь шаха Израилю. Многие сыновья и дочери Ирана были брошены за решетку и претерпели истязания за то, что протестовали против агрессии Израиля. Мы всегда, до самой последней возможности, будем оказывать защиту палестинцам в их притязаниях.

Тогда, в 1965 году, мы узнали, что существует движение сопротивления, которое хочет вырвать Палестину из рук сионистов. Однако в шахской прессе это всегда изображалось в искаженном виде, что было вызвано ненавистью.

Шах хотел создать впечатление, что арабы вообще не способны чего-либо достичь. Так Иран стал важнейшим пособником сионистского государства. Эта позиция сделала иранскую и палестинскую революции союзниками».

Ясир Арафат в своей речи, которую после победы иранской революции произносит с балкона вновь открытого представительства ООП в Тегеране, также подчеркивает единую основу иранской и палестинской революций:

> «Две революции соединились в одной. В этот исторический момент я ощущаю себя ближе к своей родине Палестине больше, чем когда-либо ранее. Иранский народ будет бороться вместе с палестинским народом. У нас, палестинцев, теперь две родины: Иран, страна, дающая нам родину, и Палестина, страна, которая ждет нас!»

Речь Арафата постоянно прерывается криками массы людей, скандирующих внизу на улице импровизированные лозунги. Группа тех, кто выкрикивает «Хомейни — Арафат!», становится

все сплоченнее. Когда их голоса стихают, становится слышна другая группа, выбравшая в качестве лозунга только одно слово: «Палестина! Палестина! Палестина!»

Политический итог, который подводит Арафат в эти дни, гласит:

> «Мощное землетрясение совершается в этом регионе мира. США остаются лишь две альтернативы. Они цли могут добиться отказа от кэмп-дэвидских договоренностей, поскольку они стали бессмысленными после иранской революции — события, имеющего всемирно-историческое значение. Или же США могут и дальше подталкивать президента Египта Анвара Садата по роковому пути сепаратного договора.
>
> Приходится опасаться, что они изберут вторую альтернативу. Этот шаг в будущем сделает поражение еще более явным».

В распоряжение делегации ООП на эти дни предоставлен микроавтобус. Когда Арафат едет в нем от здания представительства Палестины в направлении училища Алави для беседы с Аятоллой Хомейни, автобус едва движется по улицам. Сотни людей образуют тесные толпы, чтобы увидеть Арафата. Глава ООП признается, что дни пребывания в Тегеране были одними из самых счастливых в его жизни. Он испытывает ощущение сопричастности к успеху этой революции, за что теперь и получает признание.

В эти февральские дни он предвкушает возвращение в Палестину — визит в Тегеран вознаграждает его за многие поражения. Начиная с февраля 1979 года, Арафат более уверен в себе. Он знает, что его организация способствовала тому, чтобы преподать американцам урок страха. Он рассчитывает на то, что теперь его будут принимать всерьез.

Хани аль Хасан, один из наиболее близких доверенных лиц Арафата, его первый представитель в Тегеране, так видит политическое значение изменений, произошедших в Иране: «Иран покинул лагерь израильтян и теперь находится в лагере палестинцев. Как говорит Абу Амар (Арафат), иранцы теперь в наших окопах. Иран был бастионом американцев, а теперь — бастион неприсоединившихся. Меч из руки шаха перешел в руку народа, а народ применит оружие против сионизма и против империализма. Это самая большая поддержка, на которую мы вообще могли надеяться. Я вспоминаю, как шах в ответ на просьбу короля Саудовской Аравии Халеда дать ООП согласие на открытие бюро в Тегеране заявил следующее: «Я никогда не

признаю ООП и не желаю никогда ничего больше о ней слышать!» В конце концов шах исчез на свалке истории».

Хани аль Хасан обнаруживает даже практическое воздействие революции в Иране на палестинцев на захваченных территориях: «Долгое время отсутствовал рынок для апельсинов из Газы. Израильтяне пользовались ситуацией и закупали апельсины по чрезвычайно низкой цене. Они делали из них сок.

Тогда палестинские крестьяне перестали выращивать второй урожай. Они больше ничего не зарабатывали. Многие стали безработными. ООП прилагала большие усилия для того, чтобы помочь крестьянам.

Мы были очень рады тому, что Иран, хоть и совершенно не нуждается в апельсинах, хочет купить треть урожая. Саудовская Аравия заявила, что готова закупить две трети. Имам Хомейни настоял на том, чтобы его страна, совместно с Саудовской Аравией, помогла палестинцам».

По словам Хани аль Хасана, между вождями Палестинской революции и Иранской революции существовало братское единение: «Наше положение в Иране не имеет себе равных. Мы ночуем в домах лидеров революции. Если удается, мы идем в дом имама Хомейни и остаемся там иногда целыми днями. Там не существует протокола, и беседы между нами заранее не планируются. Мы находимся в доме Хомейни. Мы беседуем с ним — иногда даже в те часы, которые предназначены для отдыха Хомейни».

То, что Арафат когда-то стремился сотрудничать с иранскими марксистами, предано забвению. В эти дни они исчезли с активной политической сцены, поскольку не стали приспосабливаться к ситуации. Даже группировки, прежде имевшие однозначно левую ориентацию, подчеркивают свою солидарность с Аятоллой Хомейни и со всем шиитским духовенством.

Арафат проявляет уважение по отношению к шиитскому направлению исламской религии — сам же Арафат суннит. В сопровождении сына Хомейни Ахмеда он посещает священные места в Мешеде, где похоронены выдающиеся имамы и мученики шиитов. Во время этого путешествия он отваживается произнести лозунг, за который на него позже обиделись некоторые члены руководящих органов ООП: «Наша Палестинская революция столь же исламская, как и Иранская революция».

Христиане и марксисты в рядах ООП с удивлением задают себе вопрос, рассчитывает ли вообще Арафат в будущем на их сотрудничество, не утвердился ли он под воздействием Аятоллы Хомейни в полностью происламской ориентации.

На заседаниях исполнительного комитета раздаются предостерегающие голоса. Вот их аргумент: «Мы не имеем права на столь тесную связь с религиозным движением. До сих пор наша революция носила светский характер. Мы будем втянуты в спор религиозных направлений между собой. К уже имеющимся предметам конфликта добавятся новые».

Арафат, приводя свои возражения, подчеркивает, что религия в действительности приобрела большое значение для любого политического процесса в регионе между Марокко на западе и Пакистаном на востоке. Тот, кто хочет оказывать влияние на политику, должен учитывать фактор религии, должен вести работу с верующими и не имеет право просто не замечать их. Арафат придерживается мнения, что Иранская революция дала Палестинской революции свободу от разного рода зависимостей в арабском регионе. Он говорит буквально следующее: «Мы выиграли в глубоком тылу». При этом он употребляет немецкое слово «хинтерланд»[5].

Уже вскоре после революции становится очевидным, что слишком большой энтузиазм иранцев также может привести к трудностям. Молодые иранцы, всерьез воспринимающие лозунг Арафата о единстве Иранской и Палестинской революции, хотят принимать активное участие в борьбе палестинцев против Израиля. Около сотни таких юношей собираются в тегеранском аэропорту и ждут бесплатной отправки в Бейрут. Ни одно правительство, ни одна организация не желает предоставить самолет в распоряжение добровольцев. Ливанское правительство подумывает о том, чтобы воспрепятствовать въезду иранских сторонников ООП. Оно с неудовольствием взирает на усиление боевой мощи ООП за счет иностранной помощи.

Сам же Арафат хоть и согласен с тем, что молодые люди из Ирана готовы к борьбе за дело палестинцев, однако знает, что они не прошли никакого обучения обращению с оружием и технике ведения боя. Он должен готовиться к тому, что гости из Ирана в течение долгого времени будут обузой его организации. В конце концов он спокойно воспринимает весть о том, что молодые иранцы останутся дома.

Когда в ноябре 1979 года революционно настроенные умы из окружения Хомейни принимают решение взять в заложники американских дипломатов, Арафат проверяет, не сможет ли он извлечь политическую пользу, действуя в качестве посредника между Вашингтоном и Тегераном.

Поскольку влияние Арафата на Хомейни и на революционную гвардию, прошедшую обучение в основном в ООП, было значительным, успех посреднической миссии был

вполне возможен. Условием оказания помощи президенту Картеру было признание правительством США ООП как представителя палестинцев — однако к этому Картер не был готов. Таким образом, мечты Арафата не сбылись.

Год спустя после успешного окончания Иранской революции Арафат признает, что слишком тесный союз с Аятоллой Хомейни может принести неприятности. Со стен штаб-квартиры ООП один за другим начинают исчезать портреты Хомейни. Война между Ираном и Ираком несет с собой постепенное ослабление тесного контакта с Аятоллой Хомейни. К моменту смерти Хомейни отношения между Ираном и Палестиной совсем прекратились.

31. Ясира Арафата беспокоит иракско-иранская война

На середину октября 1980 года и Дамаске запланировано заседание Национального совета Палестины. На повестке дня темы, касающиеся присоединения восточной части города Иерусалима к столице Израиля. Несколько недель назад Менахем Бегин заявил, что городские кварталы, бывшие когда-то арабскими, теперь «навеки» являются составной частью объединенного Иерусалима. От Национального совета ожидают заявлений относительно того, какими мерами палестинцы могут противостоять этому решению правительства Израиля. Однако ответа на вызов, брошенный израильтянами, не последовало. Конфликт, возникший вокруг Шатт-аль-Араб, препятствует созыву Национального совета Палестины.

Война начинается в середине сентября. Иракские войска на десантных катерах и моторных паромах переправляются через реку шириной триста метров. Вначале иранская армия не оказывает сопротивления. На просторах территорий, напоминающих пустыню, разворачиваются танковые соединения, быстро продвигающиеся вперед. Радио Багдада сообщает о колоссальных успехах, провозглашает победу над режимом Аятоллы Хомейни. Как становится известно из передач последних известий, судьба осажденных защитников городов Абадан и Хорамшар решена.

Президент Ирака, Саддам Хусейн, отдал приказ о нападении, так как хотел положить конец пропагандистским лозунгам лидера шиитов Хомейни, который уже много месяцев призывал иракских шиитов — а их в этой стране большинство, — отправить режим Саддама Хусейна туда, «где его место, а именно к дьяволу в ад».

Подвергаемый подобным нападкам режим Ирака состоит из мусульман суннитского направления:. Однако большинстве населения принадлежит к шиитскому направлению — так же, как и большинство жителей Ирана. Разница между религиозными принципами шиитов и суннитов невелика, однако они отличаются друг от друга структурой иерархии: шииты в гораздо большей степени, чем сунниты, подчиняются верующим, пользующимся большим авторитетом. К тому, что сказал и приказал Аятолла, относятся с уважением.

Хоть и не приходилось опасаться того, что иракские шииты могли бы последовать указаниям Аятоллы Хомейни, направленным на свержение суннитского режима, однако

Хомейни следовало преподать урок.

В начале войны Саддам Хусейн убежден в том, что власть Аятоллы под ударами иракской армии очень скоро рухнет. Иранские офицеры, которые со времен революции Хомейни живут в эмиграции в Багдаде, дали президенту соответствующую информацию: по их мнению, иранский армейский корпус деморализован и более не в состоянии оказать активное сопротивление.

Похоже, возник благоприятный шанс и для устранения другой проблемы, которая с 1975 года омрачает отношения между Ираном и Ираком. В тот период шах с помощью военного давления и шантажа добился того, что суверенное право на водный путь Шатт-аль-Араб было поделено между двумя прилежащими к нему странами.

До этого момента Шатт-аль-Араб находился в единоличном владении Ирака. Такое особое положение, налагавшее на иранских моряков обязанность на пути к порту Абадан брать на борт иракских лоцманов, возникло в тридцатые годы в результате решения колониальной державы Англии, которая хотела предоставить права пользования своему протеже Ираку. В то время Иран был слаб в военном отношении и не смог оказать сопротивление. Когда же позднее шах имел в своем распоряжении самую сильную в регионе Персидского залива армию, он сумел принудить багдадское правительство к разделению водного пути.

План президента Ирака, направленный на то, чтобы посредством блицкрига покарать Хомейни и вновь получить Шатт-аль-Араб под свой полный контроль, не удается осуществить. Через несколько дней в пограничную область прибывает иранское подкрепление. Военная авиация используется против иракских танковых соединений. В городах Абадане и Хорамшаре, являющихся предметом спора, усиливается сопротивление. Иракские специалисты по пропаганде совершают ошибки: они неоднократно сообщают о захвате важнейших иранских нефтяных месторождений, что не соответствует действительности. Ирак выигрывает сражения, однако закончить войну не может.

Начало войны застает Ясира Арафата на стадии подготовки к заседанию Национального совета. Он сразу ясно видит возможные осложнения. ООП принимала участие в иранской революции. Ее лидеры выражали симпатию к Аятолле Хомейни. Звучал лозунг о том, что «Иранская и Палестинская революции едины». Если они действительно образуют единство, тогда ООП должна быть одной из сторон в конфликте, в который втянут иранский партнер.

Однако Ясир Арафат не может занять позицию в пользу Ирана и против Ирака. Несмотря на все разочарования в период гражданской войны в Иордании в 1970 году, лидеру ООП кажется, что правительство Багдада на его стороне и представляет ООП доказательства своей дружбы.

Ирак принадлежит к тем арабским странам, которые не колебались с оказанием финансовой поддержки, когда финансисты освободительного движения Палестины указывали на потребность организации в денежных средствах.

В интересах сохранения единства всех группировок в рядах ООП Арафат не может созывать Национальный совет в этот момент. Это привело бы к столкновению между сторонниками Ирана и Ирака. Было бы необходимо занять позицию, поддерживающую ту или иную сторону. Заседания закончились бы ссорой. Эта ссора, со своей стороны, оказала бы воздействие на другие органы ООП. Арафату даже видится опасность раскола.

Он не скрывает своего разочарования тем, что вновь сражаются друг с другом два исламских государства. В братоубийственной войне расходуется человеческий и материальный потенциал, который лучше было бы использовать для борьбы претив «врага ислама», против Израиля. Его надежда на то, что Иран применит свою военную мощь в защиту дела палестинцев, не может осуществиться, пока Иран нуждается в оружии и людских резервах для отражения иракской агрессии.

То обстоятельство, что Арафат находится в хороших отношениях с обеими враждующими сторонами, дает шанс выступить посредником в конфликте: глава ООП предлагает свои услуги. Вскоре после начала войны у Шатт-аль-Араб он посещает столицы. Его призыв к братским арабским государствам проявить здравый смысл и найти общий язык друг с другом в Тегеране не услышан. Арафат вынужден принять к сведению, что спор имеет глубокие корни.

Руководство иранского режима посылает проклятия по адресу «шайки безбожников», находящейся у власти в Багдаде; мир с этими «врагами религии» совершенно исключен. В Багдаде Саддам Хусейн и его приверженцы ругают «проклятых набожных дьяволов», которые в своем фанатизме утратили всякий рассудок. Арафат держится подальше от этого адского котла взаимных проклятий. Таким образом он избегает опасности быть втянутым в пожар войны у Шатт-аль-Араб.

В конце ноября 1980 года появляется угроза расширения конфликта. В то время, как король Иордании Хусейн упорно пытается созвать в своей столице Аммане конференцию глав арабских государств на высшем уровне, президент Сирии Хафез

Асад отдает приказ о выступлении своих танковых частей на границу с Иорданией. Целью демонстрации военной мощи является блокирование танковых соединений Иордании: следует помешать королю Хусейну предоставить в распоряжение правительства Ирака солдат и вооружение для борьбы против Ирана.

Хусейн считает себя союзником президента Ирака, Сирия же стала на сторону Ирана. Таким образом проявилась традиционная враждебность между режимами в Дамаске и Багдаде. Хафез Асад, глава сирийского государства, хочет не дать правителям Ирака с помощью Хусейна одержать победу, которая поднимет их престиж в арабском мире.

Ясира Арафата расширение конфликта ставит перед новой дилеммой: правительства, с которыми ООП имеет дружественные отношения и от поддержки которых зависит, вступили в столкновение друг с другом.

Арафат, заинтересованный в интенсификации отношений с королем Иордании, охотно принял бы приглашение Хусейна принять участие в конференции на высшем уровне, но под давлением сирийского правительства он отказался от поездки в Амман. Поступая так, Арафат занимает позицию Хусейна, направленную против человека, с которым он хочет достичь лучшего взаимопонимания. Согласие, данное королю Хусейну, вызвало бы прекращение политической и поенной поддержки ООП со стороны Сирии. Арафату пришлось бы отказаться от союза, до некоторой степени все же надежного, ради отношений с королем Иордании, отягощенных прошлыми спорами и недоразумениями.

И вновь он видит свою задачу в том, чтобы выступить в качестве посредника. Более двух часов длится беседа Арафата с президентом Хафезом Асадом. Высказать свое мнение о Хусейне глава ООП не готов; однако он не оправдывает и решимости короля оказать багдадскому режиму военную помощь. Арафат умоляет Асада покончить с внутриарабским спором, который лишь отвлекает от важнейшей задачи, поставленной перед арабами — от борьбы против Израиля и за освобождение утраченной земли.

События поздней осени и зимы 1980 года со всей очевидностью показали Арафату, что на Аравийском полуострове он выступает как объединяющая сила. ООП всегда ставила своей задачей ликвидировать раздор между арабскими государствами и усиливать сплоченность. Высшие органы ООП часто подчеркивали, что проблема палестинцев должна быть делом всех арабов; все арабы должны внести свой вклад, чтобы притязания

палестинского народа были удовлетворены. Поэтому ООП считает себя связующей силой, воздействующей на стремящиеся отдалиться друг от друга регионы арабского мира. В связи с этим особым положением, которое занимает его организация, Арафат считает себя компетентным выступать в качестве посредника в споре между арабскими государствами.

Чем больше Лига арабских стран утрачивает свое значение как верховная организация стран арабского мира, тем более осознает Арафат, что он необходим в качестве посредника. Однако он едва ли может отметить эффективные или хотя бы видимые успехи своих усилий. Арафат выступает как голос совести всех арабов, но представители правящей верхушки действуют в своих интересах. Устные увещевания в защиту арабского единства остаются безуспешными.

32. Попытка быть гибким

Руководство ООП осознает, что в Основном законе палестинцев, в Манифесте 1964 года, может заключаться препятствие на пути к разрешению конфликта на Ближнем Востоке. Оно верит в возможность маневра в рамках Основного закона палестинцев. Из окружения Ясира Арафата раздаются голоса о том, что в Манифесте палестинского народа ни словом не упоминается об уничтожении государства Израиль — только лишь об освобождении Палестины. Это различие раскрывает возможности для различных интерпретаций. Здесь можно отыскать отправную точку для дискуссии о том, нельзя ли основать государство палестинцев также и на части территории прежней родины.

Стоит бросить взгляд на изменения, которые предприняты палестинским Национальным конгрессом по ключевым вопросам. Первое из изменений в Манифесте палестинцев повлекло за собой заметное ужесточение. В июле 1968 года собрание приняло решение особо выделить волю к вооруженной борьбе — только она может привести к освобождению родины. Тогда речь шла о полном освобождении.

В августе 1970 года, в период, когда надвигалась гражданская война в Иордании, конгресс потребовал от руководства ООП широкомасштабного отклонения всех мирных планов, которые начинали вырисовываться в тот момент.

Конгресс палестинцев в апреле 1972 года осудил любые намерения основать государство лишь на какой-либо части палестинской территории — однако тем не менее идея о возможности такого решения уже проникла в мышление и дискуссии.

Ровно два года спустя мини-государство признается как грядущая реальность, пусть пока только как предварительная ступень к освобождению всей страны. «На любой освобожденной части Палестины» следует создать государство.

Спустя еще три года Национальный конгресс представляет руководству ООП, то есть Ясиру Арафату, полную свободу действий для участия в любых возможных переговорах о каких-либо решениях, которые могли бы привести к реализации стремлений палестинского народа.

Летом 1979 года Арафат считает возможным для себя дать понять американскому президенту, что он вполне готов вступить в переговоры с главой американского государства. На соответствующий вопрос он отвечает: *«Если бы я мог встретиться*

с президентом Картером, то напомнил бы ему о его ответственности. Он президент одной из двух сверхдержав, которые обязаны заботиться о сохранении мира.

Во-вторых, я обратился бы к нему как к верующему человеку, каковым он и является. Он в действительности испытывает религиозные чувства и в глубине души убежден в том, что палестинцы также имеют право на человеческое обращение. Будучи человеком верующим, Картер знает, что достичь мира он может только посредством справедливого и человеческого обращения с палестинцами.».

До этого момента руководство ООП всегда объявляло американского президента виновным в несчастьях палестинского народа, обвиняло его в пособничестве или даже настоящем подстрекательстве израильтян к изгнанию палестинцев.

Однако в это время американский президент с подчеркнутой ясностью заявил о том, что не имеет намерения начинать переговоры с Ясиром Арафатом или каким-либо другим представителем ООП. До тех пор, пока Организация освобождения Палестины не откажется от вооруженной борьбы, завязывание контактов вообще невозможно. Предпосылкой должна также стать поддержка Арафатом решения Совета Безопасности № 242, который предполагает существование Израиля в пределах установленных границ.

В 1975 году американское правительство обещало Израилю не обращать внимания на любое зондирование почвы, которое Арафат предпринимает или собирается предпринять. Это обещание в 1979 году еще имело силу.

На этот месяц Совет Безопасности назначил дебаты по вопросу прав палестинцев. Эндрю Янг, американский посол в ООН, предварительно разработал резолюцию, которая могла быть принята Советом Безопасности. Эта резолюция требовала от израильского правительства прекращения политики строительства поселений на захваченных территориях: впредь ни один гражданин Израиля не должен селиться на земле, изначально принадлежащей арабам.

Вначале Джимми Картер был за принятие текста резолюции, проект которой составил его посол в ООН, однако он внезапно потребовал от. Эндрю Янга отказаться от резолюции. Посол чувствовал себя обманутым собственным президентом.

По инициативе правительства Саудовской Аравии на стол перед делегатами лег второй проект резолюции. В этом тексте ясно говорилось о праве государства Израиль на признание его существования, однако он упоминал также о притязаниях палестинского народа на создание отечества. Правда, Джимми

Картер уже высказал мнение о том, что палестинцы должны получить «homeland», что они могут свободно распоряжаться собой, однако он не решился включить подобную точку зрения в текст решения Совета Безопасности. Его обоснование: поскольку не имеется приемлемого проекта резолюции, заседание не имеет смысла. Оно завершится безрезультатно.

Если Эндрю Янг хотел настоять на отсрочке, то ему нужны были союзники. Он нашел их в лице делегатов ООН от Кувейта и Саудовской Аравии. Они придерживались мнения, что от ООП можно добиться признания права Израиля на существование. Правительство Саудовской Аравии дало понять, что готово в качестве компенсации за эту уступку оказать ООП материальную и политическую помощь.

Представителем арабских стран в Совете Безопасности в 1979 году был делегат от эмирата Кувейт Абдалла Якуб Бишара. Кувейтский дипломат согласился с тем, что дебаты в Совете Безопасности со столь рискованным исходом не имеют смысла. Он хотел высказаться за отсрочку, однако счел разумным, чтобы представитель США переговорил с ответственным лицом в ООП. Этой организации, о которой непосредственно идет речь, необходимо самой назвать причину переноса сроков дебатов. Только таким образом можно избежать обострения.

Эндрю Янг дал понять, что президент Картер запретил контакты с представителями ООП. Однако Абдалле Якубу Бйшаре известны прецеденты. В июне 1977 года принц Саудовской Аравии Сауд от имени американского министра иностранных дел Сайруса Вэнса вел переговоры с советниками Арафата о возможных вариантах резолюций ООН.

Более значительным был второй прецедент: в ноябре 1978 года депутат Конгресса Пол Файндли прилетел в Дамаск для встречи с главой ООП. Файндли доставил послание американского президента. В этом послании содержался вопрос о том, не откажется ли ООП от применения силы, если палестинское государство будет создано на территориях западного берега Иордана и сектора Газа. Арафат тогда ответил, что в этом случае возможно заявление об отказе от применения силы.

Абдалле Якубу Бишаре было известно еще об одном случае, когда ситуация была подобна той, в которую он сейчас хотел поставить американского дипломата. Весной 1979 года посол Соединенных Штатов в Вене, Милтон Вольф, получил от своего правительства задание познакомиться с д-ром Исамом аль Сартави, который представлял в Вене движение освобождения Палестины. Сначала инструкция гласила, что послу надлежит

избегать беседовать с д-ром Сартави на политические темы. Непосредственно после встречи между Брандтом, Крайски и Арафатом государственный департамент отменил ограничение — Милтон Вольф получил разрешение говорить на любые темы.

Было известно по крайней мере об одной встрече между д-ром Сартави и американским послом. В июне 1979 года Абдалла Якуб Бишара придерживался мнения, что, встречаясь с представителем Арафата, Эндрю Янг ничем не рискует. Была достигнута договоренность о встрече с наблюдателем от ООП при ООН, Зехди Лабибом Терзи.

Это было сделано с дипломатической осмотрительностью. Эндрю Янг сказал Бишаре: «Не могу же я указывать Вам, кого принимать в своем доме. Во всяком случае, я приду к Вам, чтобы обсудить с Вами проблематику переноса сроков дебатов в ООН». Кувейтский делегат ООН понял намек: он пригласил палестинца Зехди Лабиба Терзи к себе в свою квартиру на Бикман Плейс в Нью-Йорке. Было назначено время — вечер 26 июля 1979 года.

Чтобы посещение дома Бишары выглядело как чисто частный визит, Эндрю Янг привел с собой шести летнего сына. Ему уже часто случалось играть вместе с сыном дипломата из Кувейта, который был одного возраста с ним. Через несколько минут после прихода отца и сына Янгов в дверях стоял палестинец Терзи, вскоре за ним последовал посол Сирии.

По долгу службы Эндрю Янг повторил свой текст: он не уполномочен обсуждать с Терзи важные политические вопросы, этот разговор никоим образом не носит формы каких-либо переговоров. Терзи поблагодарил Янга за его сделанное ранее высказывание о том, что представители ООП при Организации Объединенных Наций принадлежат «к чрезвычайно достойному роду человеческих существ». После такого вводного ритуала Янг быстро перешел к настоящей теме: дебаты Совета Безопасности должны быть перенесены. Лучше вообще не проводить заседание, чем завершить его безрезультатно. Беседа на эту тему длилась пятнадцать минут.

Зехди Лабибу Терзи, палестинцу, имеющему официальный статус наблюдателя при Организации Объединенных Наций, шестьдесят лет. Редкие волосы на шарообразной голове белы; того же цвета усы и борода. По внешности и манерам это представитель буржуазного слоя Палестины. Но степенность ему чужда — по глазам угадывается живой ум.

Терзи обещал американскому послу в ООН сделать все, что в его силах, чтобы отсрочить дебаты. Действительно, на следующий день группа делегатов из арабских стран подала ходатайство о назначении дискуссии в Совете Безопасности по палестинскому

вопросу лишь через месяц. Было выиграно время для выработки новой резолюции.

Непосредственно после этой встречи палестинец шифрованной дипломатической телеграммой поставил руководство ООП в известность о том, что беседовал с Эндрю Янгом. Терзи сообщил Арафату, что и сам выступает за отсрочку дебатов в Совете Безопасности. Неразумно упорно стоять на правовых позициях, если это не принесет положительного результата. Тема палестинцев станет избитой, если дискуссия по ней не закончится принятием резолюции. Терзи получил ответ из Бейрута: лидеры ООП не имеют возражений против отсрочки дебатов.

Отсрочка дебатов была скорее всего и в интересах Израиля. Он не мог быть заинтересован в том, чтобы вновь проводить политику, продиктованную Советом Безопасности. Совет Безопасности никогда не был тем органом, который был бы готов в своих резолюциях щадить государство Израиль. Если принять во внимание это обстоятельство, то поведение израильского правительства можно назвать только странным: целенаправленно разглашая тайну, оно позволило просочиться информации о том, что знает о встрече Эндрю Янга и Зехди Лабиба Терзи.

Совершенно очевидно, что шифрованная телеграмма, направленная Терзи в бейрутскую штаб-квартиру Арафата, была перехвачена и расшифрована. При разглашении тайны было выражено возмущение поведением американского правительства, которое нарушило обещание не поддерживать контактов с ООП.

Этот инцидент становится неприятным для правительства США из-за попыток скрыть истинное положение дел. Испуганный бестактными ссылками на встречу, заместитель министра иностранных дел Чарлз Уильям Мэйнз позвонил Эндрю Янгу, который как раз находился в Нью-Йорке. Янг заявил второму лицу в министерстве иностранных дел США, что встретил Терзи случайно. Разговор не вышел за рамки вежливости и любезности.

В тот момент Янг не знал, что ответственные фигуры израильской политики были информированы о содержании беседы в доме Бишары. Ведь Терзи в своем — ставшем известным израильтянам — сообщении Арафату подчеркнул, само собой разумеется, политические пассажи беседы, а об обмене «любезностями» не упомянул вовсе.

Министерство иностранных дел США, не зная об информации, имеющейся в распоряжении правительства Бегина, пытается внести спокойствие с помощью заявлений невинного характера: в дипломатических кругах, расположившихся вокруг центра Объединенных Наций, почти невозможно избежать такого

рода встреч.

На этой фазе развития инцидента Эндрю Янг считает разумным сообщить Иегуде Блюму, делегату от Израиля при ООН, в ходе беседы, длящейся девяносто минут, об истинной подоплеке.

Иегуда Блюм немедленно направил в израильское министерство иностранных дел меморандум касательно этой беседы, несмотря на то, что Янг умолял его молчать. Ведь открытый скандал вокруг этого дела превратит чернокожих граждан США в еще больших, чем раньше, друзей палестинцев. Он, Янг, в конце концов, тоже чернокожий — если он получает выговор, то все чернокожие в целом будут чувствовать себя жертвами дискриминации.

Успокаивающее заявление американского министра иностранных дел и соответствующий действительности меморандум, составленный Иегудой Блюмом, прибывают к главе правительства Менахему Бегину одновременно. В расхождении обоих высказываний он видит лишь доказательство двуличия американцев. Бегин прилагает усилия, чтобы американское правительство столкнулось с мощным протестом. Джимми Картер видит только один выход: он расстается с Эндрю Янгом и сразу вызывает гнев чернокожих в Соединенных Штатах, поскольку Эндрю Янг, в конце концов, один из них.

Предыстория отставки Эндрю Янга вскрыла сложное положение, в котором находился Джимми Картер. Он хоть и стремился к устойчивому разрешению ближневосточного конфликта, но был связан необходимостью учитывать интересы Израиля. Арафат инстинктивно пришел к пониманию того, что только встреча с Картером может прояснить путь к реальному миру. В свою очередь, и Картер от своих предшественников Никсона и Форда воспринял урок о том, что только у США имеется ключ к решению ближневосточного конфликта. Президент отдавал себе отчет относительно ответственности, которую должен нести непосредственно он. Эндрю Янг знал об этой персональной ответственности своего президента, и он также верил в то, что находится на намеченном Картером пути вовлечения ООП в мирный процесс.

До тех пор, пока необходимые для этого встречи и беседы с представителями лидера палестинцев Ясира Арафата могли оставаться тайной, Картер предоставлял своим дипломатам полную свободу действий. Однако он опасался гнева правительства Израиля, поэтому не был готов пойти на риск.

«Я реагирую чрезвычайно нетерпеливо, когда вижу, как акции, которые должны были привести к миру, затягиваются. Так

мы в течение еще долгого времени ничего не достигнем. Я не сделал ничего такого, что тотчас не повторил бы». С этими словами Эндрю Янг распрощался со своей должностью.

Арафату и ООП скандал был выгоден. Лидеры чернокожих видели, что один из них в ходе этого скандала подвергается унижению. Если до этого момента они уже выражали симпатии палестинцам, ибо видели в них народ, лишенный своих корней и насильственно перемещенный из Африки, то теперь это чувство солидарности усилилось. Бенджамин Хукс, председатель организации «National Association for the Advancement of Coloured People», которая ставит своей задачей приносить пользу делу чернокожих, сказал: «Посол был ягненком, которого закололи. При этом он осуществил блестящий дипломатический прием. Он, собственно говоря, заслужил орден». Высказывание руководства ООП, одобренное Арафатом, встретило одобрение Джесси Джексона, популярного лидера американских негров. Это высказывание гласит: «Этим американское правительство совершило акт духовного терроризма и подало пример для расового преследования».

33. Европа и палестинцы

После скандальной двойной игры, которую позволил себе президент Картер, вначале не существовало больше никаких шансов для контактов, даже самых осторожных, с официальными органами США. В дальнейшем взор главы ООП обратился к Европе в надежде вступить с переговоры с первыми лицами индустриальных держав континента.

Пример Франции вселял в Ясира Арафата мужество. Это государство до 1962 года находилось в лагере противников арабских стран. Его армия беспощадно боролась с организацией освобождения Алжира, к которой все арабы относились с симпатией и которую поддерживал Гамаль Абдель Насер. Лишь после окончания алжирской войны, результатом которой явилось признание независимого государства Алжир, Шарлю де Голлю удалось улучшить отношения с руководством арабского мира. До этого момента правительство Франции поддерживало дружбу с Израилем, который мог считаться полной противоположностью Египту, оказывающему наиболее значительную помощь движению освобождения Алжира. Шарль де Голль не колеблясь после окончания войны в Алжире приступил к развитию отношений с президентом Насером.

Во время июньской войны 1967 года президент французского государства стал на сторону арабов; он назвал нападение Израиля агрессией и наложил эмбарго на поставки в Израиль оружия и запчастей. Де Голль заявил тогда, что Израиль — это государство, которое стремится захватить арабские государства, израильтяне — властный народ, который должен научиться сосуществовать с другими народами.

Его последователи в Елисейском дворце придерживались той же политической ориентации. В октябре 1974 года Жискар д'Эстен первым из глав государств Запада заявил о том, что палестинский народ имеет право на собственное отечество. Индустриальные державы обязаны создать предпосылки для того, чтобы палестинцы получили родину. О том, где и каким образом это должно произойти, Жискар д'Эстен не упомянул. Он отдал представителю Франции при ООН распоряжение голосовать за приглашение главы ООП Арафата.

То обстоятельство, что Франция, влиятельное европейское государство, совместно с Ирландией и Италией сделала возможным выступление Арафата перед Генеральной Ассамблеей ООН, было для ООП фактором, вызвавшим удовлетворение. Министр иностранных дел Гиринго выдвинул требование о

признании прав всех народов Ближнего Востока. Не говоря конкретно о палестинцах, Гиринго заявил, что следует учитывать жизненные права этих народов.

Фарук Каддуми, возглавлявший у Арафата ведомство внешней политики, в 1977 году в ходе дебатов Национального совета Палестины на тему «Внешние сношения ООП» прямо упомянул образцовое отношение французского правительства к палестинскому вопросу: этой позиции должны следовать и другие государства Европы. Высказываясь о Франции столь позитивно, Каддуми смог сослаться на совершенно определенный пример доброжелательного отношения французского правительства к движению освобождения Палестины.

В один из январских дней 1977 года палестинец Мохаммед Да'уд Мохаммед Ауда полетел из Бейрута в Париж. Он получил от Ясира Арафата распоряжение представлять Организацию освобождения Палестины на похоронах парижского представителя ООП Махмуда Салеха. Мохаммед Да'уд Мохаммед Ауда должен был произнести у гроба покойного траурную речь. Махмуд Салех был застрелен 3 января прямо у магазина арабской литературы, которым он руководил в Париже. Прибытие Мохаммеда Да'уд Мохаммед Ауды не осталось незамеченным. Французской секретной службе, «Direction de la Surveillance du Territoire», палестинец был известен под принятым в ООП псевдонимом Абу Дауд.

На момент его прибытия во Францию ему было 39 лет. Родился Мохаммед Да'уд Мохаммед Ауда в пригороде Иерусалима. Его профессия: учитель математики и физики. С середины шестидесятых годов он в рядах Аль Фатах. В 1968 года Арафат доверил ему организацию «службы наблюдения» Аль Фатах. Абу Дауд значился в розыскных списках криминальной полиции Германии, поскольку в 1972 году его подозревали в организации нападения на общежитие в мюнхенской Олимпийской деревне, где проживала еврейская команда.

Во время контроля в аэропорту Орли к документам Абу Дауда никаких претензий не возникло. Абу Дауд предъявил проверяющим иракский паспорт на имя Юсефа Ханна Раджи. Для недоверия относительно паспорта никаких поводов не было.

Абу Дауд прибыл в Париж не один, вместе с ним был направлен и другой палестинский лидер, известный под псевдонимом Абу Мейзар. Они сняли комнату в отеле на Рю дю Фобур-сент-Оноре. Французские власти были осведомлены относительно личности прибывших: непосредственно после поселения обоих представителей ООП в отеле у входа заняли пост двое полицейских. Руководство ООП считает, что израильские

секретные службы обратили внимание «Direction de la Surveillance du Territoire» на Абу Дауда и Абу Мейзара.

На второй день пребывания в Париже с палестинцами беседовал чиновник министерства иностранных дел Франции в здании на набережной д'Орси. Он называл Абу Дауда именем Раджи. Абу Дауду было дано обещание, что французское правительство сделает все, чтобы разыскать и схватить убийцу представителя ООП в Париже.

Однако на третий день визита Абу Дауд был арестован и доставлен в министерство внутренних дел. Там Абу Дауд узнал, что Федеративная Республика Германии подала ходатайство о его выдаче. Федеративная республика намеревалась возбудить дело против Абу Дауда за подстрекательство к убийству. Точнее, ходатайство возбудила земля Бавария. В действительности власти в Бонне проявили сдержанность, поскольку знали, что содержание Абу Дауда в немецкой тюрьме и возможный процесс против него толкнет ООП на организацию актов террора в ФРГ.

Однако правительство Израиля сообщило, что тоже направит французскому министерству иностранных дел ходатайство о выдаче. Абу Дауд должен нести ответственность перед израильским судом, поскольку организовал не указываемые подробно акты террора против граждан государства Израиль.

В соответствии с французским законодательством Абу Дауд был заслушан по факту подачи ходатайств. Он заявил, что полагался на то обстоятельство, что находится в Париже под защитой правительства, ведь, в конце концов, существует договоренность между ООП и правительством Франции относительно взаимного признания.

Чиновник французского правительства, представлявший во время слушания интересы государства, признавал правоту каждого аргумента защиты. Абу Дауд имел значительную юридическую поддержку: его интересы представлял адвокат Ролан Дюма, успешно осуществлявший защиту на важных политических процессах. Судья, рассматривавший дело, встал на позицию защиты и представителя государства — он освободил Абу Дауда.

В течение нескольких минут лица, уполномоченные на это правительством, сумели доставить Абу Дауда в аэропорт Орли. Сотрудник ООП, разыскиваемый вольным государством Баварией и Израилем, улетел в Алжир в салоне первого класса рейсового пассажирского самолета линии Air Algerie. Стоимость полета оплатило французское государе гво.

На основании действий правительства Жискар д'Эстена Фарук Каддуми заключил, что Франция готова идти на риск

международного масштаба, чтобы оказать помощь ООП. Каддуми определил действия Франции как образцовые и достойные подражания. Желание Каддуми видеть со стороны европейцев больше понимания по отношению к притязаниям палестинцев частично сбылось уже через три месяца: 29 июня 1977 года правительства европейских стран совместно высказались за осуществление «легитимных прав» народа Палестины и одновременно потребовали выхода израильтян с захваченных территорий. Эти заявления европейского сообщества последовали в ответ на предложение Жискар д'Эстена.

Однако остальным европейским государствам с большим трудом удается перейти от слов к делу и признать ООП своим политическим партнером. Арафат и его советники демонстрируют стойкость и изобретательность. С помощью ливийских денежных средств осенью 1979 года удается организовать в Лиссабоне «Всемирный конгресс в поддержку арабского народа и палестинцев». Ясира Арафата, гостя конгресса, принимают как главу государства. Он получает частные аудиенции у премьер-министра Марии де Лурдеша Пинтасилгу, у президента Антониу Ромалью Эанеша и у лидера социалистов Мариу Соареша.

Арафат выступает в лиссабонском Дворце спорта, где собрались десять тысяч человек. Он говорит:

«От имени каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка Палестины я приветствую каждого ребенка, каждую женщину и каждого мужчину в Португалии. Я приветствую каждый дом, каждую долину, каждый камень». В ответ на восторженные крики десяти тысяч собравшихся он восклицает: «Я *говорю спасибо! спасибо! спасибо!»*

Он говорит о том, что в будущем, после такого успеха в Португалии, будет легче представлять дело палестинцев в Европе: *«До сих пор европейские страны с пониманием относились лишь к позиции наших врагов. У меня такое чувство, что теперь происходит поворот».*

Лишь несколько недель назад в Мадриде Арафата совершенно открыто обнимал испанский премьер-министр Суарес. Его советник по внешнеполитическим вопросам Фарук Каддуми поздней осенью 1977 года беседует с министром иностранных дел Италии Франко Мария Малфатти, с министром иностранных дел Бельгии Анри Симоне и с Клодом Шессоном, комиссаром Европейского сообщества по связям с развивающимися странами. Турецкое правительство также дает Арафату знать, что стремится к дружественным отношениям с ООП. Французское министерство иностранных дел оценивает

дипломатическую деятельность Арафата и Каддуми как «наступление очарования».

Вскорости Ясир Арафат смог с удовлетворением констатировать, что президент Франции крайне скептически смотрит на усилия египтянина Анвара Садата прийти к длительному соглашению с израильтянами. Жискар д'Эстен негативно оценил результаты переговоров в Кэмп-Дэвиде, которые ничего не дали палестинцам. Напротив, их позиция была ослаблена вследствие снижения политического потенциала Египта. Государство Садата до сих пор считалось окружающими союзником ООП, этот альянс давал ООП по меньшей мере психологическую поддержку.

Президент Франции предполагал, что Арафат теперь и не помышляет о том, чтобы вверить судьбу палестинцев египтянину. Напротив, Жискар считал само собой разумеющимся, что подлинное решение ближневосточной проблемы может быть достигнуто только при участии ООП в переговорах. Кроме того, Жискар совершенно открыто высказывает сомнение в готовности израильского правительства заключить мир, который учитывал бы интересы палестинцев.

Подобная позиция принесла Франции положительные результаты: Саудовская Аравия дала обещание, что французская промышленность всегда может рассчитывать на бесперебойное снабжение нефтью. Премьер-министр Жискара, галл Ширак, заручился подобными обещаниями со стороны Саддама Хусейна, иракского гиганта. Правда, его согласие на поставки нефти утратило свое значение, когда осенью 1980 года разразилась война между Ираком и Ираном за Шатт-аль-Араб. Добыча нефти в Ираке была приостановлена.

Президент Помпиду однажды уже имел повод продемонстрировать, как щедро окупается пропалестинская позиция. Когда во время нефтяного кризиса 1973 года прочие государства были озабочены тем, что могут остаться без нефти, поток нефти во Францию всегда был обеспечен. Исходя из этого, Жискар д'Эстен отказался примкнуть к инициируемому Соединенными Штатами единому фронту государств-потребителей нефти.

Франция, как считал президент, наилучшим образом сможет помочь себе сама. Умелая политика обеспечивает Франции сепаратное снабжение энергоносителями. Жискар д'Эстен считал, что лишь французские политики обладают тончайшим чутьем, необходимым для того, чтобы пробудить симпатии арабов. В начале марта 1980 года Жискар д'Эстен посетил эмираты Кувейт, Бахрейн и Катар на побережье Персидского залива,

принадлежащие к нефтедобывающим государствам.

В каждом из трех эмиратов французский президент в рамках своей речи произносил слова, которые очень нравились Арафату. Жискар д'Эстен говорил: «Народ Палестины имеет притязания на самоопределение. Он должен сам решать свою судьбу». Само собой разумеется, в этом случае в самоопределение входит и возможное решение в пользу родины палестинцев, в пользу государства палестинцев. Жискар д'Эстен не упоминает, каких уступок следует потребовать от Израиля.

После визита президента в нефтяные эмираты советники Арафата сочли, что назрел момент для визита главы ООП в Париж. Член исполнительного комитета ООП, Абдул Джавад Салих, сказал, что идет подготовка к поездке. Однако этого решающего прорыва к всеобщему признанию ООП европейскими государствами в 1980 году не произошло.

Причиной того, что приглашения не последовало, было не уменьшение взаимопонимания с Арафатом, а критическое политическое положение на Ближнем Востоке. Между Сирией, Ираком и Иорданией царил раздор. Арафат, хоть и не имел отношения к спору, все же был причастен к критической политической ситуации, ибо считал себя партнером глав правительств конфликтующих государств. Поскольку позиции глав правительств были несовместимы друг с другом, они совершенно непроизвольно втягивали в конфликт и своих партнеров.

Жискар д'Эстен хотел сначала дождаться окончания с трудом прогнозируемых осложнений — президент французского государства был не готов изложить свою точку зрения. Приглашение же Арафата при известных условиях означало бы демонстрацию определенной точки зрения.

Позитивные отношения между Ясиром Арафатом и Жискар д'Эстеном были омрачены в апреле 1981 года. В ходе нового вооруженного столкновения в Ливане президент Франции вспомнил о роли покровителя, которую прежде играл в этом ближневосточном государстве. Жискар д'Эстен рекомендовал «интернационализировать» конфликт в Ливане, с помощью сторонних вооруженных сил — например, французских — локализовать и прекратить его. Арафат, усмотревший опасность для свободы действий ООП в Ливане, немедленно резко отклонил эту инициативу: *«Дни французского империализма прошли. Только народы этого региона могут определять свои цели».*

Арафат даже поставил вопрос о том, не собирается ли Франция предпринять акцию блокировки по отношению к ООП. Президент Франции отреагировал на действия Арафата: в Париже

впредь не говорили больше об интернационализации конфликта в Ливане. Вновь были открыты двери для секретных контактов.

После выборов 10 мая 1981 года, которые привели к власти социалиста Миттерана, отношения стали теснее. Франция наиболее красноречиво среди европейских государств выступала за право палестинского народа на существование.

34. Конкурент Арафата становится осторожнее

Уже в тот период, когда Арафат еще не получал приглашений из Парижа и Бонна, было очевидно, что растет число политиков, которые видят в лидере ООП человека, готового взять на себя ответственность за палестинский народ. Чем выше поднимался престиж Арафата, тем бледнее становились личности, которые прежде, несомненно, обладали весом в Организации освобождения Палестины.

Жорж Хабаш — палестинец, имя которого называлось средствами массовой информации всего мира почти так же часто, как имя Арафата. Жорж Хабаш родился в Лидде. Сейчас это место называется Лод. Это община, на территории которой находится международный аэропорт Израиля. Хабаш родился в 1926 году. Его отец был хлеботорговцем. Он принадлежал к христианской части палестинского народа.

Жорж Хабаш так рассказывает о своей жизни: «Отец хотел, чтобы я изучал медицину, и я делал это в Американском университете в Бейруте. В 1948 году я вернулся в Лидду. Это был год образования Израиля. Британцы отказались от своих полномочий. Руководители Арабского легиона решили эвакуировать из Лидды женщин и детей. Они несли ответственность за защиту арабских территорий. Эвакуация должна была облегчить Арабскому легиону, военным соединениям Иордании, борьбу против еврейских хаганах.

По пыльной дороге, ведущей в Рамаллах, колонна женщин и детей уходила из опасной зоны. Тогда я, двадцатидвухлетний, был студентом-медиком. Меня использовали в качестве санитара. После войны 1948 года я вернулся в Бейрут и закончил образование, получив диплом доктора медицины.

Но к этому времени более важным стало другое: возвращение в Палестину. В Бейруте я искал организацию, которая могла подготовить возвращение в Палестину. Таких было немного. Существовала партия Баас, выступавшая за арабское единство, но проблему Палестины она не считала важной. Коммунисты нами вообще не интересовались, поскольку Москва до этого уже признала план ООН, определяющий порядок раздела территорий, и этим продала нас».

Поскольку д-р Жорж Хабаш не нашел организации, от которой можно было ожидать поддержки, он основал собственную группу и дал ей название «Арабское национальное

движение». Большинство ее членов были студентами или выпускниками Американского университета в Бейруте.

Название группы показывало, что палестинец Жорж Хабаш не ограничивал свои политические цели узкими рамками: он не ограничился действиями, посвященными народу Палестины. Его национальное движение обращено ко всем арабам, задумано как объединенное движение всех арабских националистов. Для Хабаша движение палестинцев могло быть лишь частью политического подъема всех арабов.

Развитие Арабского национального движения шло медленно. В 1955 году оно насчитывало 250 членов; это были сплошь представители интеллектуальных кругов.

В столице Иордании Аммане д-р Жорж Хабаш открыл врачебную практику. У него было мало пациентов. О том времени Хабаш говорит: «Тогда я вместе с рецептами раздавал больным небольшое сочинение. Оно было озаглавлено «Аль Раи» — «Мнение». Однако у меня было такое чувство, что в моем мнении никто не заинтересован». В 1957 году Хабаш был арестован полицией Иордании за панарабскую пропаганду.

Несколько недель его продержали в заключении, а затем отпустили без судебного разбирательства, указав на то, что ему было бы лучше покинуть Иорданию. Хабаш последовал совету и попытал счастья, открыв врачебную практику в столице Сирии Дамаске.

Несмотря на то, что Хабаш, живя в Дамаске, воздерживался от политической деятельности, он в конце концов попал в черный список — он спрятался, а позднее бежал в Ливан.

В Бейруте Хабаш возродил Арабское национальное движение. Оно замышляло восстания, разрабатывало планы революций. В Ливии Жорж Хабаш был заочно приговорен к шести годам тюремного заключения, так как пытался свергнуть монархию. Правительство же Северного Йемена, напротив, обвиняло его в том, что он вступил в союз с монархическими силами с целью ликвидировать республику.

Противником Арабского национального движения стала сирийская партия Баас, правительственная партия в Дамаске. Ее сторонники были выходцами из тех же слоев населения, из которых рекрутировались члены Арабского национального движения: политические приверженцы д-ра Хабаша происходили из студентов, врачей, учителей, инженеров и адвокатов. Партия Баас и Арабское национальное движение были конкурентами и в части своей деятельности: и те, и другие стремились к объединению арабов.

Уже к началу семидесятых годов организация Хабаша имела в

своем распоряжении небольшие, прошедшие военную подготовку группы, которые давали себе имена, свидетельствовавшие о честолюбии или хвастовстве. Они назывались «Герои возвращения в отечество» или «Молодые мстители». О каких-либо значительных акциях этих групп не сообщалось.

Когда Хабашу стало известно об успехах организации Аль Фатах, он задумал превратить свои зародыши боевых организаций в освободительное движение масштаба Аль Фатах. Так возник «Народный фронт освобождения Палестины». Как и Ясир Арафат, Хабаш занял дом в Аммане и устроил там свою штаб-квартиру.

В уверенности, что господствующая партия Баас в Дамаске простила ему его панарабскую деятельность, Жорж Хабаш в апреле 1968 года поехал на переговоры в столицу Сирии. Он хотел просить руководство Баас о поддержке Народного фронта освобождения Палестины. Однако перед домом главы секретной службы сирийского правительства Хабаша втащили в легковой автомобиль. Его ожидала камера в тюрьме шейха Хасана.

Там он пробыл семь месяцев. Люди из его боевой организации освободили его, когда его везли в обычном автомобиле из тюрьмы на заседание военного трибунала.

В тюрьме д-р Жорж Хабаш размышлял о том, что боевая организация, поставившая своей целью освобождение Палестины, нуждается в идеологии. Об этих мыслях он сказал так: «Политическое мышление в любой революции начинается с вопроса: Кто наши враги? Палестинский народ до сих пор не дал ясного ответа на этот вопрос. Однако без однозначного определения врага предвидение грядущей борьбы невозможно.

До сих пор мы судили о своем противнике только на уровне чувств. Добившись небольшой частичной военной победы, массы ликуют. Враг сразу же видится нам слабым, мы недооцениваем его — мы считаем, что победа уже у нас в руках. Если мы разбиты, то впадаем в другую крайность и считаем врага непобедимым».

Д-р Жорж Хабаш видит трех врагов палестинского народа и определяет их так: «Первый враг — Израиль. Государственное образование с тремя миллионами жителей. Этот враг превосходит нас в техническом отношении: он лучше вооружен, лучше обучен, он гораздо динамичнее нас.

Поскольку этот враг убежден, что должен вести борьбу не на жизнь, а на смерть, он развил в себе способность к предельной мобилизации своих сил. При каждой конфронтации с этим врагом мы должны принимать в расчет его техническое превосходство. Не случайно до сих пор мы проиграли все сражения с этим

врагом.

Большой ошибкой является поиск оправданий этих поражений, которые никоим образом не затрагивают сути явления. Здесь нам остается только открыто признать, что мы с нашими прежними средствами уступаем противнику».

Второго врага палестинского народа д-р Жорж Хабаш видит в международном движении сионизма: «Израиль не одинок. Его поддерживают четырнадцать миллионов евреев во всем мире. Они финансируют израильскую агрессию. Они обеспечивают оружие. Они присылают иммигрантов, которые располагают техническими знаниями».

Третий враг — империализм: «Для империализма характерно стремление к эксплуатации слаборазвитых стран. Его метод выглядит следующим образом: он закупает в слаборазвитых странах сырье по минимальным ценам. Затем сырье облагораживается и продается тем же странам по максимальным ценам.

Такая система обеспечивает империалистическим государствам чудовищную прибыль за наш счет. Мы остаемся бедными и слаборазвитыми. Арабские страны имеют полезные ископаемые, преимущественно нефть, и одновременно являются потребителем промышленной продукции. Империалисты хотят, чтобы такое положение сохранилось. Поэтому империализм полон решимости задушить любое революционное движение, которое стремится просветить народ относительно экономической ситуации и от тисков эксплуатации.

При этом Израиль выступает как важный инструмент империализма. Он сражается в пользу империалистических государств, против освободительной революции в арабском регионе. Преследуя экономические интересы, империалисты не оставят Израиль на произвол судьбы».

Лидер Народного фронта освобождения Палестины называет страны, которые считает империалистическими: «К этому ряду относятся прежде всего Соединенные Штаты. Они снабжают Израиль боевыми самолетами «Фантом». Они оказывают помощь израильской экономике. Они смягчают проблему инфляции в Израиле.

Западная Германия — империалистическая страна — она по приказу Америки выплатила Израилю многие сотни миллионов западногерманских марок. Мы должны принимать в расчет американскую и западногерманскую помощь как один из факторов в нашем столкновении с Израилем. Бреши, которые мы пробиваем в обороне Израиля, снова латаются США и Западной Германией». Как говорит д-р Жорж Хабаш, эти две страны —

главнейшие враги народа Палестины.

На вопрос о друзьях народа Палестины Хабаш отвечает столь же подробно: «Анализ этого следует начать с нас, палестинцев. Не у всех классов одинаковое отношение к революции. То обстоятельство, что все мы не имеем родины, для многих палестинцев еще не является основанием для участия в борьбе за эту родину. Не все живут в одинаково тяжелых условиях. Многие приспособились.

В лагерях беженцев в Сирии, Ливане и Иордании живут крестьяне и рабочие нашего народа. Прежде они имели немного и это немногое потеряли. Они не смогли приспособиться. Эти крестьяне и рабочие составляют большинство нашего народа. Они — основа нашей революции.

Представители классов крупной и мелкой буржуазии не живут в лагерях. Оба класса пришли к соглашению с существующим строем в принявшей их стране. К мелкой буржуазии мы причисляем независимых ремесленников, учителей, чиновников среднего уровня, адвокатов, инженеров. Этот класс является весьма многочисленным и в слаборазвитом обществе. Большая часть этого класса мелкой буржуазии живет в довольно приличных условиях. Употребим марксистскую терминологию: они имеют свой достаток и получают излишек. Они стремятся к условиям жизни, характерным для крупной буржуазии. Они не ориентируются на массы».

Для Хабаша само собой разумеется, что крупная буржуазия не принимает участия в революции: «Они нисколько не заинтересованы в изменении своего положения. Положение всех других слоев, по мнению буржуазии, также должно оставаться таким, как есть».

Но мелкую буржуазию Хабаш не считает классом, который обладает истинной революционной энергией. Он предупреждает: «Эти мелкие буржуа на определенной стадии нашей революции могут на ограниченный период приниматься в расчет в качестве союзников. Однако основа революции, союз рабочих и крестьян, должен остерегаться ставить мелких буржуа на ключевые посты. Результатом мелкобуржуазной инфильтрации в центральное руководство революцией были бы трусость, вялость и нерешительность.

Мелкие буржуа никогда не будут до конца бороться за нашу революцию, они будут пытаться осилить существующий строй. Поэтому следует изолировать мелких буржуа от всех постов, на которых они могли бы быть причастны к выработке стратегии революции. Этот класс образован, умен, обладает техническими знаниями. Сложно иметь его союзником и, несмотря на это,

удерживать под контролем до такой степени, чтобы он не мог продвинуться в руководство».

На основании этих выкладок делается вывод о том, что от правительств арабских стран не приходится ждать помощи палестинской революции, поскольку в этих правительствах носителями политической ответственности являются мелкие буржуа: «Мелкая буржуазия пришла к власти, сменив крупную арабскую буржуазию, которая во времена колониализма заключила союз с колониальными державами, с империалистами.

В период декаданса колониализма руководство массами взяла на себя группа образованных молодых людей, в основном это были офицеры. Все эти молодые люди принадлежали к мелкой буржуазии. Они инспирировали массы к борьбе против крупной буржуазии, против землевладельцев-феодалов.

Во время катастрофического поражения в борьбе против Израиля в 1948 году возник повод для перехода власти в руки мелкой буржуазии. Это стало возможным в момент, когда стало очевидно, что интересы крупной арабской буржуазии диаметрально противоположны интересам масс.

Господство крупной буржуазии захлебнулось в революциях. Так катастрофа 1948 года проложила путь приходу к руководству мелкой буржуазии. Яркий пример этого — революция Насера. В Сирии, Ираке, Алжире и Южном Йемене возникли подобные мелкобуржуазные режимы».

Д-р Жорж Хабаш считает, что господство слоя мелкой буржуазии в пятидесятые годы было оправдано, это было частью закономерного исторического развития, направленного на освобождение арабов: «Насер изгнал англичан, которые сидели у Суэцкого канала в качестве оккупационной власти. Насер успешно боролся против западных военных пактов, с помощью которых империализм хотел вновь привязать к себе арабские страны — под предлогом, что от Советского Союза исходит угроза.

Однако мелкобуржуазные режимы отстали от времени. Их закатом со всей очевидностью стал бесславный конец Июньской войны 1967 года. Им не удалось мобилизовать массы. Эти режимы пребывают в плену мелкобуржуазных представлений. Поэтому в Египте, Сирии и Ираке власти препятствуют процессу социализации. Этому процессу позволяют развиваться лишь настолько, чтобы не нарушать мелкобуржуазного представления об отношениях владения собственностью».

В поражении 1967 года Жорж Хабаш видит признак банкротства мелкобуржуазного режима. Однако, считает он, уроков из этого не извлекли: «Эти правительства не распознают в

Израиле оплот империализма. Они не понимают, что Израиль всегда будет иметь только один интерес подавлять арабов. В рамки представлений мелкого буржуа укладывается взаимопонимание с Израилем».

То обстоятельство, что результат этого анализа, на беду палестинцев, часто оказывался верным, создало д-ру Жоржу Хабашу репутацию серьезного мыслителя.

Народный фронт освобождения Палестины стал привлекательным для интеллигенции, которая стремилась ориентироваться на стройную концепцию. Они упрекали сторонников Арафата в том, что те игнорируют интеллектуальные достижения их лидера. Арафат же считал, что такого рода теория делает сотрудничество с правительствами арабских стран принципиально невозможным. Будучи лидером движения освобождения Палестины, он не мог позволить себе подобную позицию. ООП, напротив, должна хвататься за любую поддержку, которая ей представляется.

Популярность д-ра Жоржа Хабаша достигла кульминации в тот момент, когда Народный фронт организовал угоны самолетов. Вскоре инфаркт миокарда парализовал инициативу лидера — Народный фронт утратил значение. Однако Народный фронт все еще остается политической и военной силой, с которой следует считаться.

Инфаркт миокарда — не единственный удар, поражающий д-ра Жоржа Хабаша. Осенью 1980 года ему удаляют опухоль мозга. Операция сложна и не проходит без последствий: у Жоржа Хабаша развивается легкий односторонний паралич руки и ноги.

В сентябре 1974 года Народный фронт освобождения Палестины вышел из Исполнительного комитета ООП. Тогда Хабаш обвинил Ясира Арафата и его сторонников в том, что они ищут пути выхода из конфронтации с Израилем, оставляют для себя возможность капитуляции. Хабаш считал, что Аль Фатах больше не стремится завоевать всю территорию Палестины в целом и удовлетворится лишь краешком родины — тогда, в 1974 году, Хабаш был убежден в том, что не сможет стерпеть подобного ограничения целей борьбы.

В 1983 году, когда Ясир Арафат в действительности думает о том, чтобы удовлетвориться более скромными целями, Хабаш готов вновь вернуть свою организацию в рамки исполнительного комитета. Абу Махер, член Народного фронта освобождения Палестины, во время сессии Национального конгресса Палестины в Дамаске избирается в руководящий орган ООП.

Возвращение в руководящие органы ООП не означает, что д-р Жорж Хабаш приводит свои взгляды в соответствие с позицией

главы ООП. Он признает лидерство Арафата, однако и теперь отклоняет любое решение ближневосточных проблем, которое не удовлетворяет его максимальным требованиям. Хабаш говорит: «Я думаю, что решение означает создание государства, в котором смогут жить как евреи, так и арабы. Для меня решения Совета Безопасности № 242 не существует, ибо оно признает Израиль в границах 1967 года. Если эго решение Совета Безопасности будет реализовано, то Израиль и впредь будет удерживать восемьдесят процентов Палестины.

Что скажут палестинцы, если мы сообщим им, что им предстоит получить всего двадцать процентов родины и что они в большинстве случаев не смогут вернуться на прежнее место жительства? Предположим, что нам предлагают пятьдесят процентов земли нашей родины. Следует ли нам принять такое предложение? Совершенно категорически, нет. Мы не желаем терпеть государство Израиль.

Ни один араб не может смириться с расистским государством, которое классифицирует его, араба, как гражданина второго сорта. И те, кто сегодня лелеет мысль о признании Израиля, придут к пониманию того, что пребывают в глубоком заблуждении».

Престижу главы Народного фронта не вредит повторное вступление на определенных условиях в органы ООП. Хабаш может сослаться на то, что всегда был прав, что предвидел даже прилет Садата в Иерусалим — и, в конце концов, также и бессмысленность этого «предательства». Мелкий буржуа Садат капитулировал, поскольку он, в соответствии с мышлением своего класса, просто не мог действовать иначе.

Аль Фатах, считает он, вновь и вновь поддается иллюзии возможности прийти с людьми типа Садата к общей точке зрения. Ясир Арафат руководствуется фантазией о том, что может достичь взаимопонимания с христианскими политиками в Ливане. Даже подкрепленное доказательствами подозрение, что лидеры христиан в Ливане могут быть соучастниками покушения на друга и соратника, не могут поколебать Арафата в его решимости искать возможность компромисса.

35. Смерть в шаббат

В тот шаббат в марте 1978 года Менахем Бегин готовился к поездке в Вашингтон. У него был Ричард Вьютс, заместитель посла США в Израиле — ему было поручено передать письмо президента Египта, которое, в свою очередь, представляло собой ответ на письмо Бегина. Оба они были совершенно незначительными. Ричард Вьютс имел указание сигнализировать премьер-министру Израиля о том, что Джимми Картер недоволен перепиской, вводящей в заблуждение.

Американский президент настаивал на визите главы израильского правительства именно в этот момент: он должен оживить переговоры о мире на Ближнем Востоке, которые зашли в тупик. Картер был полон решимости настоятельно рекомендовать израильтянам гибкую позицию по отношению к палестинцам, причем признание ООП не имелось в виду. Когда Менахем Бегин узнал, что произошло в этот шаббат, он отменил полет.

На дороге Тель-Авив — Хайфа группа вооруженных мужчин и женщин остановила автобус. Группа состояла из дюжины человек. Они были доставлены катером к израильскому побережью, а затем на надувных лодках «Зодиак» добрались на низкого берега. Двенадцать мужчин и женщин ступили на израильскую землю у кибуца Мааган Михаэль. Они были вооружены автоматами, ручными гранатами и небольшими противотанковыми ракетами.

Непосредственно после высадки на берег, под вечер, группа отправилась к четырехрядной скоростной дороге Тель-Авив — Хайфа. Там они выстрелами остановили автобус. Шофер, несмотря на полученное ранение, был в состоянии вести автобус. Он подчинился приказу «В Тель-Авив!», пересек разделительную линию и вывернул на противоположную полосу движения — в направлении на Тель-Авии.

На протяжении сорока пяти километров автобус сеял вокруг себя смерть. Коммандос стреляли по встречным легковым автомобилям. Они остановили второй автобус, двигавшийся по встречной полосе в направлении Хайфы. Его пассажирам пришлось выйти и пересесть в первый автобус. Теперь в руках коммандос был семьдесят один заложник. К этому моменту Менахем Бегин уже был информирован о происходящем.

Сквозь первое импровизированное дорожное заграждение, сложенное лишь из досок и железных прутьев, автобус прорвался. Полиция готовила следующее заграждение в пригородных кварталах Тель-Авива. Движение транспорта было остановлено.

Специальные острые шипы прокололи шины автобуса, он съехал с дороги в кювет.

Автобус был в пути менее получаса. Времени было достаточно для того, чтобы поднять по тревоге специальное подразделение по борьбе с терроризмом, однако невозможно было доставить его в Тель-Авив в течение нескольких минут.

Задача спасения заложников легла на экипажи патрульных машин, которые получили приказ выдвинуться к скоростной дороге. Около тридцати полицейских были готовы уничтожить террористов огнем из пистолетов и автоматического оружия в случае, если они начнут расстреливать заложников. Возможность тактической координации отсутствовала: одни полицейские стреляли, другие выбивали стекла в автобусе, чтобы дать заложникам возможность выбраться.

Тем временем внутри автобуса раздались выстрелы. Коммандос стреляли в пассажиров. Один из мужчин-заложников схватил пистолет убитого террориста и открыл ответную стрельбу. Раздались взрывы гранат. Автобус внезапно охватило пламя. Тот, кому удавалось вырваться из огня, попадал под автоматные очереди одного из террористов, который стрелял, пока сам не был смертельно ранен. Четверо коммандос, были убиты, еще четверо захвачены. Остальным удалось уйти.

В общей сложности в горящем автобусе и в автомобилях на скоростной дороге Тель-Авив — Хайфа погибло сорок человек. В больницы было отправлено восемьдесят раненых. Таким образом, количество убитых и раненых в ходе этого вооруженного инцидента превысило число жертв аналогичных акций в прошлом и будущем.

Шестнадцать человек стали жертвами нападения в мюнхенской Олимпийской деревне в 1972 году. Двадцать девять человек погибли два года спустя, когда палестинцами была захвачена школа в Маалоте. Восемнадцать человек погибли во время сражения в тель-авивском отеле «Савой» — из них семь коммандос.

Уже вечером в день шаббата исконная организация Ясира Арафата Аль Фатах взяла на себя ответственность за нападение на автобус. По данным Израиля, арестованные заявили, что Ясир Арафат лично отдал распоряжение о проведении акции и категорически приказал сражаться до последней капли крови.

За три месяца до описываемых событий в ливийской столице Триполи собрались главы арабских государств, которые отклонили инициативу Садата и американские планы мирного урегулирования. Организацию освобождения Палестины, как представительницу палестинского народа, которого это касалось

больше всего, призвали к решительным действиям против Израиля.

Президент Ливии Моаммар Каддафи недвусмысленно заявил, что ожидает от палестинского народа готовности к жертвам. Ясиру Арафату был задан вопрос о том, почему в течение уже трех лет со времени выстрелов в отеле «Савой» в Тель-Авиве ООП не предприняла в Израиле ни одной по-настоящему значительной вооруженной акции.

Д-р Жорж Хабаш, один из руководителей Народного фронта освобождения Палестины, на встрече глав государств в декабре 1977 года также придерживался точки зрения, что наиболее жесткий ответ на «капитуляцию» Садата должны дать сами палестинцы. Ясир Арафат, который давно уже был убежден в том, что ООП должна утратить имидж «организации убийц», психологически все же не мог противостоять аргументам Моаммада Каддафи и д-ра Жоржа Хабаша.

Он говорил всегда, что честь палестинцев держится на действии автомата Калашникова, поэтому теперь был вынужден держать слово. В кругу ближайших советников Арафату уже напоминали о его словах, сказанных когда-то: если он больше не готов к борьбе, то теряет право на жизнь — а сейчас самое время вести борьбу.

Тогда ливийский президент высказал подозрение, которое затем неоднократно повторял, что Ясир Арафат, подобно Анвару Садату, будет искать решения проблем своего народа путем переговоров; Арафат уже занят наведением контактов с американским правительством.

От Арафата потребовали доказательств того, что он все еще боец.

По его представлениям, диверсия, направленная против граждан или каких-либо объектов в Израиле, считается не террористическими действиями. Это акт вооруженной борьбы между двумя народами, которые находятся в состоянии войны друг с другом. При этом он исходит из того, что борется за правое дело — ведь израильский противник является поработителем.

Штаб ООП не подтверждает, но и не опровергает слух о том, что за несколько недель до этого Ясир Арафат в личном письме американскому президенту заявил о том, что вынужден нанести по Израилю решительные удары. Цель их — продемонстрировать миру, что без его участия мирное урегулирование невозможно. Арафат якобы написал, что ему нечего терять, кроме своего палестинского головного платка.

Исполнение его приказа о проведении акции на дороге Тель-Авив — Хайфа не осталось без последствий. Многие жители

захваченных территорий с удовлетворением констатировали, что ООП вновь дает о себе знать и полна решимости продолжать борьбу.

Бассам Шака'а, мэр Хеброна, был обвинен правительством Израиля в том, что в разговоре с высокопоставленным израильским офицером одобрил стрельбу по гражданам Израиля и даже приветствовал ее. При реконструкции разговора выяснилось следующее: Бассам Шака'а лишь сказал, что может понять, когда какой-либо палестинец решается на акт отчаяния перед лицом безнадежной ситуации, в которой находится его народ.

Выражения гнева израильского правительства по отношению к мэру Хеброна вызвали беспорядки в общинах, расположенных на захваченных территориях. Население поддерживало Бассама Шака'а. Большинство было убеждено в том, что он в действительности одобрял стрельбу.

Поскольку аргумент Арафата о том, что его народ находится в состоянии войны с Израилем и имеет право на военные действия, был резко отклонен западной стороной, то и реванш Израиля также был встречен с возмущением. Министр обороны Эзер Вейцман, который в момент упомянутых событий находился в США, уже вскоре после террористического акта высказался о возможности нанесения Израилем ответного удара с воздуха в качестве возмездия. Правительство Соединенных Штатов попыталось смягчить удар Израиля. Джимми Картер в спешно изготовленном послании призывал Бегина пощадить невинные жизни.

Однако Менахем Бегин не внял этому призыву. Израильские сухопутные войска вторглись в Южный Ливан. Израильский Генеральный штаб дал этой операции кодовое название «Камень мудрецов». При поддержке воздушного флота пехотинцы убивали федаинов и представителей гражданского населения. Число убитых в ходе этой кампании возмездия намного превысило число жертв нападения на автобус. В замешательстве американское правительство констатировало, что воздушный флот Израиля использовал американские осколочные бомбы, применение которых было разрешено лишь при защите от нападения и с настоятельного разрешения Вашингтона.

Министр обороны Израиля Вейцман сам вынужден был признать: «Мы слишком много стреляли по гражданским населенным пунктам. А делали мы это потому, что там находились террористы».

Арафату пришлось вновь констатировать, что братские арабские государства не помогали палестинцам и ливанцам в

отражении израильской агрессии. Правда, президент Сирии предостерегал главу ООП: «Если вы спровоцируете израильтян — мы ничего не сможем для вас сделать. Это ваша борьба». Арафат затем продолжил эту мысль на собрании палестинцев в Бейруте: *«Мы одиноки! Но мы гиганты, гиганты, гиганты!»*

Его секретарь по вопросам печати Махмуд Лабади так объяснил этот взрыв высокомерия: «Мы вынуждены были давать отпор объединенным силам израильской армии, израильским военно-воздушным силам и израильскому флоту. Мы выстояли. Это признал даже Вейцман».

36. Смерть в Бейруте

В последний понедельник января 1979 года во второй половине дня, в 15.30, по бейрутской Рю Верден медленно едет легковой автомобиль марки «шевроле». В автомобиле сидит Абу Хасан Саламе. Ему 36 лет. Арафат, который не имеет семьи в узком смысле этого слова и потомков, называет Абу Хасана Саламе «своим сыном».

Известно, что израильские секретные службы дали ему кодовое имя «Красный принц». На Абу Хасана Саламе было совершено несколько различных покушений, начиная с 1973 года израильтяне пытались убить «Красного принца». Тогда в Норвегии погиб кельнер-марокканец, потому что израильские секретные службы приняли его за Абу Хасана Саламе.

Абу Хасан Саламе представлял собой цель усиленных поисков, поскольку подозревался в том, что входил в число организаторов нападения на резиденцию израильских спортсменов в мюнхенской Олимпийской деревне.

Абу Хасан Саламе принадлежал к буржуазной палестинской семье, в которой борьба за независимость родины стала традицией. Его отец, Хасан Саламе, вместе с другими палестинцами оказывал сопротивление образованию государства Израиль. Члены израильской боевой организации Хаганах взорвали здание, в котором Хасан Саламе составлял план действий своей группы. Сам он был при этом смертельно ранен.

Его сын Абу Хасан Саламе погибнет в этот январский понедельник 1979 года. Когда его шевроле на бейрутской улице Рю Верден проезжает мимо припаркованного фольксвагена, срабатывает заложенный туда заряд. Шевроле разлетается на куски. Абу Хасан Саламе и трое его телохранителей убиты на месте. Погибают четверо прохожих, случайно находившихся поблизости на Рю Верден; в больницу увозят еще восемнадцать раненых.

С самого начала не было сомнений в том, что сработал радиоуправляемый заряд. Момент взрыва был выбран точно: взрывное устройство сработало, когда шевроле проезжал на минимальном расстоянии от фольксвагена. Именно в этот момент некто произвел взрыв. Офицеры службы безопасности ООП убеждены в том, что взрыв радиоуправляемого заряда произведен из одного из домов по Рю Верден.

Поиски сконцентрировались вокруг одной особы, которая непосредственно после взрыва с громким криком выскочила на улицу из подъезда дома. Свидетели показали, что у них

сложилось впечатление, будто женщина находится в состоянии шока. Автомобиль «скорой помощи» — первый из появившихся на месте взрыва — подобрал эту женщину и на большой скорости скрылся, не обращая внимания на других жертв теракта.

Другие свидетели видели этот автомобиль на границе между исламской и христианской частями ливанской столицы: он въехал в христианский район. Подтвердить показания свидетелей не представляется возможным.

Названная женщина приехала в Ливан с британским заграничным паспортом, выданным на имя Эрики Мэри Чемберс. Она прибыла в ноябре 1978 года и немедленно сняла квартиру на Рю Верден. Соседи считали ее немолодой, чудаковатой, одинокой женщиной, которая окружила себя кошками. Часто ее можно было видеть у окна. Она зарисовывала уличные сцены в блокнот.

Каждому из соседей, с кем она знакомилась, Эрика Мэри Чемберс говорила, что ее зовут просто Пенелопой.

На вопрос, почему она, явно располагая деньгами, выбрала для жительства именно Бейрут, город, все еще несущий на себе следы гражданской войны, Пенелопа отвечала, что любит эту страну и ее людей. Кроме того, в Западном Бейруте, в районе, заселенном мусульманами, можно чувствовать себя хорошо.

Офицеры службы безопасности ООП считают, что Пенелопа изучала образ жизни и привычки Абу Хасана. Абу Хасан проживал в переулке, отходившем от Рю Верден.

Он проживал там в качестве супруга Джорджины Ризк, бывшей королевы красоты, носившей титул «Мисс Вселенная». Пенелопе нетрудно было установить, что Абу Хасан ежедневно в обеденное время был у своей жены и после 15 часов ехал по Рю Верден в штаб-квартиру ООП. Из своей квартиры Пенелопа могла выбрать нужный момент для взрыва.

Несмотря на то, что фольксваген, в который был заложен заряд, был полностью разрушен, удалось установить регистрационный номер. Автомобиль принадлежал фирме «Ленакар», дающей автомобили напрокат. Четырнадцать дней назад фольксваген был сдан англичанину по имени Питер Скриверс.

Люди из ООП, производящие расследование, предполагают, что Скриверс поместил взрывное устройство в автомобиль.

Третий участник подозревается в том, что за час до взрыва припарковал фольксваген на Рю Верден. Питер Скриверс к этому моменту покинул Ливан — он уже прибыл в Афины рейсовым самолетом компании Middle East Airlines.

Не установлена личность ни одного из участников нападения. Пенелопа исчезла в христианской части Бейрута; очевидно,

оттуда она была вывезена из страны на корабле. Поблизости от границы между христианскими и исламскими районами города вскоре после инцидента был обнаружен легковой автомобиль серого цвета марки «симка»; фирма «Ленакар» сдала его напрокат мужчине, предъявившему канадский паспорт. Этого мнимого канадца в Ливане также не обнаружили. Видимо, припарковав фольксваген в удобной для взрыва позиции, он использовал симку для бегства в христианскую часть Бейрута.

Уже в начале семидесятых годов ООП пришлось превратить заросший высокими пиниями участок земли, находящийся на окраине бейрутского района Сабра, в кладбище. Здесь должны были найти прибежище погибшие члены Организации освобождения Палестины — пространство было обширным. Однако тот, кому участок вначале показался бы слишком большим, позднее увидел бы, что под сенью пиний могилы расположились вплотную друг к другу. К моменту, когда в январский день 1979 года десятки тысяч мужчин и женщин шли за гробом Абу Хасана, здесь уже нашли последнее успокоение многие сотни погибших.

В кругу руководителей ООП, занявших место у гроба, находился юноша, скорее ребенок — сын покойного. Ясир Арафат обнимал его за плечи. Решимость, написанная на лице мальчика, не была наигранной: он ощущал себя последователем деда и отца в борьбе за родину палестинцев.

Арафат сказал: *«Живые приходят на смену мертвым. Мы не сдаемся!»*

Поток посетителей, которые в этот день желали выразить Арафату свое соболезнование, был долгим. Его возглавил премьер-министр Ливана д-р Салим аль-Хосс; его сопровождали члены кабинета и послы арабских государств в Ливане. За ними следовали послы Советского Союза, Кубинской, Венгерской и Германской Демократических республик. Представители христианской части Ливана отсутствовали. Однако Арафат ни в чем не обвинял их. Он не произнес ни одного слова, которое могло бы дать христианским политикам повод к вооруженному нападению на опорные пункты и жилые кварталы палестинцев.

Ясир Арафат видел, что в этот период намечаются такие политические изменения, в ходе которых ему необходимо показать себя мудрым государственным деятелем. Если ООП хочет выйти из этих политических событий победительницей, то ему следует сконцентрировать силы организации. Эта задача в условиях политического климата Ближнего Востока, претерпевающего бурные перемены, является чрезвычайно трудной.

37. ООП необходимо серьезнее относиться к религии

В декабре 1980 года руководству ООП становится известно об арестах арабских граждан в Израиле. Задерживаются преимущественно молодые мужчины. Некоторые в прошлом поддерживали слабые контакты с боевыми организациями. Лишь немногие из арестованных решались на активные действия в составе групп федаинов.

Содержание израильских газет не дает штабу Ясира Арафата никаких отправных точек для объяснения причин кампании арестов. Газеты лишь вскользь упоминают о том, что кто-то арестован. Собственное расследование, предпринятое руководством ООП, позволяет выявить более четкую картину.

Акция израильских властей концентрируется в ограниченной области Галилеи. В четырех поселениях, сгруппированных вокруг деревни Ум аль Фахм, арестованы молодые мужчины. В этих поселениях, в число которых входит и Кафр Касем, живут довольно состоятельные крестьяне и ремесленники, которые со времени основания государства Израиль проявляли склонность к политической сдержанности. Они признавали это государство до тех пор, пока оно оставляло их в покое.

Взрослые мужчины из населенных пунктов Ум аль Фахм и Кафр Касем всегда могли считаться примером того, что действительно существовали «арабские граждане» еврейского государства, которые проявляли известную лояльность, даже если никогда не порывали своих связей с ООП.

Теперь же шестьдесят из них были арестованы — очевидно, лояльность по отношению к Израилю дала трещину. Эти шестьдесят мужчин принадлежали к наиболее богатым семьям четырех населенных пунктов. Некоторое количество из них являются выпускниками израильских вузов; таким образом, они извлекли вполне определенную пользу из учебных заведений израильского государства. Однако, согласно мнению израильских властей, они были застигнуты за подготовкой акций, которые нанесли бы ущерб государству Израиль.

В этой связи руководству ООП представляется необычным, что в число арестованных входят и несколько представителей исламского духовенства. Еще более странным является поведение органов следствия: они освобождают несколько человек — но священнослужители остаются в тюрьме> Из этого можно заключить, что служители веры образуют ядро тех кругов,

которые израильская полиция считает опасными для существования своего государства.

Лишь весной 1981 года постепенно становится ясным, что же произошло. Полиция напала на след тайных сборищ, происходивших в мечетях населенных пунктов Ум аль Фахм и Кафр Касем. После окончания молитв мужчины незаметно собирались в кружки. Вначале велись разговоры на темы местного значения. Однако потом темой беседы стало государство Израиль. Наконец, люди заговорили о том, что считают недостойным для себя то обстоятельство, что ими управляют евреи.

Представители духовенства не только спокойно взирали на подобные действия: они обеспечивали участников дискуссии аргументами. Они напоминали о шейхе Набахани, который в 1960 году стал создателем освободительного движения, полностью проникнутого духом ислама.

Это движение не проявило себя в действии, поскольку вначале была очень сильна конкуренция со стороны ООП. Теперь же, в период пробуждения исламской религии, имеется шанс воплотить в жизнь идеи шейха Набахани. Согласно предначертаниям Набахани, Палестина — это страна, которая принадлежит исламу и должна управляться по исламским законам и правилам.

Призывы духовенства следовать законам ислама имели успех: их последователи в начале лета 1980 года сожгли здание кинотеатра в селении Ум аль Фахм, потому что демонстрировавшийся там художественный фильм показался им слишком фривольным. Параллели с процессами, имевшими место на ранних стадиях иранской революции, были очевидны. По знаку духовенства в Тегеране и Бандар Аббасе запылали пожары в кинотеатрах как предвестники протеста против режима, который не принял ислам всерьез. В огне погибли сотни людей.

Во время дискуссий в мечетях часто звучали клятвы верности идеологии Аятоллы Хомейни, которая заявляет о превосходстве ислама над всеми остальными религиями. По словам Хомейни, Аллах открыл нам ислам как корректив иудейских и христианских воззрений на единого и всемогущего Бога всех людей — то есть не как добровольно выбираемую альтернативу иудаизму и христианству, а как замену этих двух религий. Жители сел из окрестностей Ум аль Фахм также верили в абсолютное право ислама.

Последователи шейха Набахани также осознают значение Иерусалима для ислама. Как гласит традиционная доктрина, из этого города Магомет вознесся на небеса, чтобы принять

внушение Корана. Его ступни при этом коснулись мощной скальной плиты, которая сегодня находится под защитой сияющего золотого купола скального храма. О происхождении этой традиционной доктрины можно узнать из начальных стихов 17-й суры Корана, она носит название «Путешествие в ночи». Вокруг этой суры возникли легенды и традиционные предания. Так, сообщается, что Магомет в ночное время чудесным образом нашел путь по воздуху из Медины в Иерусалим.

Следует признать, что подобное священное место не может оставить убежденного мусульманина равнодушным. Религиозная традиция объясняет, почему мусульмане называют Иерусалим «Аль Кудс» — «священный».

Зачастую мусульмане, серьезно относящиеся к притязаниям своей религиозной общины на Иерусалим, оспаривают тесную связь иудейской религии со священным городом. Король Фейсал не верил тому, что Стена плача — это остатки античного храма иудеев; он утверждал, что археологи не представили доказательств этого. Как сформулировал король, ничего не осталось более от царства иудеев, или же Аллах уничтожил все его следы, включая и корни.

Последствием этих слов в сознании истинно верующих является убеждение, что Аллах не желал возрождения иудейского государства религиозной ориентации и в наши дни. Те, кто верит, что Аллах дарует исламу победу над всеми остальными идеологиями, должны ощущать себя призванными к борьбе с государством иудеев на земле, освященной Магометом и исламом.

Жители четырех деревень Галилеи ощущали себя призванными внести вклад в разрушение Израиля. Они установили контакт с черным рынком оружия: раздобыли автоматы «УЗИ» и ручные гранаты. В результате собственного расследования руководство ООП пришло к убеждению, что минимум четверо израильских солдат продали свои автоматы противникам государства Израиль на религиозной почве.

Импульсы, идущие из Ирана, оказали значительное воздействие на мотивацию мусульман из окрестностей Ум аль Фахм, готовых к решительным действиям. Будучи суннитами, они тем не менее в части притязаний ислама следовали ходу мыслей Хомейни.

С 197.8 года они располагали разрешением правительства Израиля на участие в паломничестве в Мекку; в Мекке, вместе с сотнями тысяч исламских братьев, они познали мощь и жизненную силу своего вероучения. Они не желали более покоряться политической опеке со стороны членов чуждой им

религиозной общины — они были раздражены политикой строительства поселений. Премьер-министр Менахем Бегин бесцеремонно отдавал распоряжения об аннексии арабских земель на захваченных территориях в пользу фермеров-израильтян.

Конструктивно обоснованный аргумент о том, что израильтяне похитили у арабов плодородные земли и обращались с «арабскими гражданами» страны как с людьми второго сорта, уже давно был постоянной составной частью пропаганды, исходящей от ООП. Аналитики из окружения Ясира Арафата установили, что эта аргументация, действующая лишь в одном направлении, иногда бывает недостаточной, чтобы подвигнуть арабов в Израиле на акции против еврейского государства.

Люди из селений Ум аль Фахм и Кафр Касем хоть и прислушивались к лозунгам пропагандистов, проникающих тайными путями, однако никогда не давали склонить себя к тому, чтобы приобрести оружие с серьезным намерением действительно пустить автоматы и гранаты в ход. Однако представителям духовенства удалось склонить их именно к таким действиям.

Верхушка ООП вынуждена была признать, что по меньшей мере арабов, живущих в Израиле, не всегда можно поднять на активную борьбу против государства евреев с помощью программы, имеющей чисто националистическую ориентацию. Два из числа поводов, побудивших жителей окрестностей Ум аль Фахм купить оружие, носили сугубо религиозный характер — именно этого ООП до сих пор избегала. И не без основания.

Хоть после победы Аятоллы Хомейни Ясир Арафат и заявил в Тегеране, что «Палестинская революция столь же исламская, как и Иранская революция», однако после возвращения в Бейрут эти слова были поставлены ему в упрек: христиане, входящие в Организацию освобождения Палестины и бывшие в большинстве своем одновременно и марксистами, указали Арафату на то обстоятельство, что их революционная позиция не определяется исламом. Для них Хомейни был в первую очередь не «представителем веры», а патриотом и борцом против империализма.

ООП в своей пропаганде также совершенно сознательно избегала сферу религии, поскольку в представлениях о будущем государстве Палестина она не имела никакого значения. В государстве, где должны мирно сосуществовать мусульмане, евреи и христиане, не может быть государственной религии, доминирующей над другими религиями.

Для того чтобы избежать напряженности религиозного

характера, религии следовало лишить их политического значения; в планируемом государстве Палестина они должны были иметь лишь частное значение для отдельного индивидуума.

В период осознания мусульманами основ своей веры подобная теория сугубо индивидуального значении религии в государстве не может рассчитывать на всеобщее одобрение. Эта теория резко противоречит учению шейха Набахани, которое желает видеть страну, лежащую вокруг Иерусалима, в руках ислама. Которое хоть и стремится ггредоставить иудеям и христианам свободу религии, однако ни в коем случае не положение, равноправное исламу.

Явное расширение программы ООП за счет фактора «религия» невозможно, каким бы простым ни казалось такое решение. Против этого протестовали бы христиане, но прежде всего на это недружелюбно отреагировала бы покровительствующая сила, сирийское правительство. Включение в программу ООП лозунгов религиозного содержания могло бы быть интерпретировано таким образом, будто бы Ясир Арафат сближает свою организацию в идеологическом плане с «Мусульманскими братьями». Эта группировка вызывает опасения правящих кругов в Дамаске, поскольку стремится к свержению режима президента Хафеза Асада, носящего скорее светский характер. Но Ясир Арафат не имеет права по легкомыслию лишиться благосклонности сирийского президента. Христианское ополчение в Ливане усмотрит в расколе альянса между структурой власти президента Асада и ООП шанс для уничтожения ООП.

Израильские органы следствия дали понять, что король Хусейн, который терпит «Мусульманских братьев» в своем государстве Иордания, поддерживает исламское сопротивление существованию еврейского государства. Ведь этим он может создать среди арабов в Израиле и на захваченных территориях противодействие влиянию палестинского освободительного движения. В ответ ООП приводит аргумент, что жители селения Ум аль Фахм не имели никаких контактов с мусульманским братством. Речь идет о палестинских националистах, которые были движимы особо интенсивным религиозным пылом. Место их было, собственно говоря, в рядах ООП.

Израильская полиция вмешалась прежде, чем купленное оружие могло быть использовано для нападения. После ареста радио Израиля сообщило о раскрытии «наиболее значительной террористической сети», которая когда-либо угрожала Израилю. Судебные процессы над палестинскими исламскими националистами проходили под покровом секретности — редкое

явление в израильской юридической практике. Приговоры не были обнародованы. Касательно тяжести наказания существуют различные версии: некоторые из арестованных, по-видимому, были приговорены к шести месяцам ареста, другие же — к тюремному заключению на срок от трех до пятнадцати лет.

В инцидентах в селениях Ум аль Фахм и Кафр Касем руководство ООП усматривает положительные аспекты, ибо считает, что они доказывают беспочвенность утверждений правительства Израиля об интеграции «арабских граждан» Израиля в государство.

Однако руководству ООП приходится также считаться и с тем, что в стране, которую оно называет Палестиной, мусульмане в массе своей ожидают серьезного отношения к исламской религии. По пятницам в час молитвы мусульмане заполняют мечети Иерихона, Набулуса и Хеброна. Сегодня больше мужчин и женщин следуют зову муэдзина, чем в первые годы существования государства Израиль. Теперь они больше заботятся о том, чтобы дети посещали школы по изучению Корана.

38. «Не угодить в барханы ливанской политики!»

Предостережение относительно втягивания во внутриливанский конфликт Арафат высказал летом *Ш* 1980 года. Он предсказывал продолжение гражданской войны. К этому моменту решение по выборам президента в США еще не было принято, однако ООП не придавала их исходу решающего значения.

От президента Картера не приходилось ожидать признания ООП в качестве политического представителя палестинского народа — как и от Рональда Рейгана. По словам Арафата, пренебрежение к ООП, выказываемое великой державой США, развязывает руки врагам этой организации для провокаций и открытых нападений.

Арафат предостерегает: *«Если мы дадим втянуть себя в вооруженные столкновения в Ливане, то выпустим из виду свою конкретную задачу. Эта конкретная задача может означать только одно: дать родину собственному народу. Лозунг гласит: «Мы не дадим заманить себя в побочные театры военных действий».*

В «побочном театре военных действий», Ливане, летом 1980 года произошли обеспокоившие Арафата изменения: 7 июля отряды ополчения организации Катаиб[6] под командованием шейха Бешира Жемайеля разбили также христианское, конкурирующее с ними ополчение бывшего ливанского президента Камиля Шамуна.

Христиане стреляли в христиан. Ополченцы, которые во время гражданской войны в Ливане вместе наступали и держали оборону, которые захватили лагерь палестинцев Телль аль Заатар, будучи братьями по оружию, 7 июля 1980 года стали врагами. Люди, бывшие соратниками в 1975 и 1976 годах, сегодня убивали друг друга. К исходу кровавого столкновения шейх Бешир Жемайель — бесспорный командир христианского ополчения. Камиль Шамун и его сторонники утратили военную власть и, следовательно, политическое влияние.

Бешир Жемайель, победитель, вскоре после успеха так выскажется о подоплеке борьбы за власть: «Конкуренция между двумя соперничающими группами означала истощение ударной силы христианской стороны. Напряженность между нашими людьми и людьми Камиля Шамуна была настолько сильной, что по малейшему поводу начиналось столкновение. Безобидное

дорожно-транспортное происшествие, в котором оказывались замешанными члены конкурирующих групп, могло послужить поводом для стрельбы, по окончании которой на улицах лежали убитые.

За период с июля 1979 года по июль 1980 года в ходе беспричинных столкновений погибло 160 человек. Достаточно было двоим молодым людям за коктейлем вспылить. Если они обнаруживали, что один из них принадлежит к группе Катаиб, а другой — к группировке Шамуна, то вытаскивали оружие, и в конце концов погибали оба.

Я долго пытался снизить напряженность. Ведь у нас одна и та же цель. Но с помощью слов невозможно было чего-либо добиться, нам пришлось заставить уважать себя силой оружия. Этим мы внесли вклад в безопасность жителей Ливана». Разумеется, только в безопасность жителей «свободного Ливана».

«Свободным Ливаном» Бешир Жемайель называет области, контролируемые отрядами христианского ополчения. Они образуют слитную зону на севере Бейрута. Но поселения христиан также образуют островки на территории проживания мусульман — к ним относится город Захла в долине Бекаа, к ним относятся города и села, расположенные в Ливанских горах.

Некоторые из этих островков во время гражданской войны в Ливане были захвачены мусульманским ополчением и палестинцами. Высшая цель Бешира Жемайеля — вернуть потерянные города и села. Однако его намерения простираются дальше. «Ливан, поскольку он не относится к «свободному Ливану», является оккупированной страной. 600 000 палестинцев представляют собой оккупационную силу».

Такой видится главе ополчения ситуация в Ливане. Бешир Жемайель считает, что эти 600 000 палестинцев разыгрывают из себя хозяев страны; они злоупотребили гостеприимством. Он говорит: «Палестинцы перестали осознавать, что здесь они живут на земле, которая им вовсе не принадлежит. Они вновь должны это осознать. Они должны понять, что Ливан никогда не будет им принадлежать».

Уже вскоре после столкновения 7 июля 1980 года Бешир Жемайель провозгласил, что пробьет «час Н», час освобождения: «Это решенное дело. Мы готовы освободить национальную ливанскую землю, сломить господство чужаков». Лидер христианского ополчения считает, что эта «освободительная борьба» — дело не одних лишь христиан: «Я обращаюсь ко всем ливанцам с призывом примкнуть к нам в усилиях, направленных на очищение родины от самонадеянных палестинцев с тем, чтобы ливанцы вновь смогли использовать в Ливане свои суверенные

права».

Этот призыв Бешира Жемайеля обращен к мусульманам Ливана, противникам времен гражданской войны. Совместно с ними должна быть «завоевана» свобода. Однако глубокую пропасть между христианами и мусульманами, которая обнаружилась во время гражданской войны, нелегко преодолеть.

Бешир Жемайель заявляет: «Мы продвинемся вперед в наших усилиях обеспечить единство всего населения Ливана, если нам удастся убедить мусульман в том, что не палестинцы составляют их единственную защиту. Вот что удалось руководству ООП: многие мусульмане в Ливане считают, что христиане готовятся уничтожить их. В условиях подобной опасности лишь ООП гарантирует выживание мусульман. Если нам удастся разрушить эту сфабрикованную легенду, то тогда станет возможной совместная деятельность христиан и мусульман».

Руководство палестинцев Бешир Жемайель обвиняет в заинтересованности поддерживать в Ливане неспокойную обстановку, которая мешает всем потенциальным противникам предпринять решительные шаги против ООП. Он заявляет: «Они пытаются вызвать хаос и у нас, в «свободном Ливане». Этим они отвлекают от хаоса на собственной территории».

Международную поддержку «часа Н» Бешир Гамаель надеется получить с помощью следующей аргументации: «Лагеря палестинцев в Ливане представляют собой очаги терроризма — Европа не может на это закрывать глаза. Мы полны решимости оказывать сопротивление власти палестинских оккупантов. Мы — подлинное движение сопротивления. К тому же с 7 июля 1980 года мы — единое движение сопротивления. Теперь наши орудия и танки объединены для сопротивления». В этой беседе с лидером христианского ополчения в Ливане лишь единожды произносится слово «Сирия»: «Правительство Сирии и ООП — союзники в организации беспорядков. Оба заинтересованы в поддержании психологического страха мусульман перед христианами». Подобная сдержанность примечательна, ибо Сирия представляет собой наиболее значительную вооруженную силу в Ливане.

Сирийские войска вошли в страну, чтобы установить мир, когда в ходе гражданской войны 1976 года Ливан уничтожал сам себя. Сирийские солдаты твердой рукой пытались развести сражающихся. При этом они сохраняли политическую поляризацию между кланами, называющими себя христианскими, и кланами, объявляющими себя сторонниками ислама. Ни одна из сражающихся сторон не должна была испытать военное поражение — как не должно было быть и победителя.

Когда мусульманское ополчение и палестинцы перешли в

совместное наступление на территории, населенные христианами, то сирийские артиллеристы открыли огонь по мусульманам и палестинцам. Началось сражение за лагерь Телль аль Заатар. Сотни палестинцев погибли от пуль сирийцев. Тогда миротворческие войска из Сирии спасли военную мощь христианского ополчения.

Вначале Бешир Жемайель имел основания для сдержанности по отношению к правительству в Дамаске. Однако весной 1981 года настает день, когда Жемайель обвиняет Сирию в том, что она оккупирует две трети Ливана. А Ясир Арафат имеет возможность продемонстрировать, что его организация, по крайней мере, на этот раз, не нарушает законов гостеприимства. Правда, нейтралитет, в котором клянется руководство ООП, соблюдать нелегко.

В городе Захле, центре долины Бекаа, живет 130 000 человек. Большинство жителей заявляют о своей приверженности христианской вере — однако вокруг в деревнях и небольших городках живут мусульмане. Лишь в нескольких километрах к югу от Захлы проходит дорога Бейрут — Дамаск. Она представляет собой жизненно важную артерию для сирийских войск, которые размещены в Ливане.

Руководство войсками в Дамаске видит в сильном христианском ополчении, которое рекрутируется из молодежи мужской части населения Захлы, угрозу этой артерии. В момент, когда христианский анклав должен получить прямое транспортное сообщение с территориями преимущественного расселения христиан, президент Сирии Хафез Асад дает согласие атаковать Захлу.

Весной 1981 года специалисты по строительству дорог работают на перевале западнее Захлы. Они строят дорогу на месте перехода через Ливанские горы, который до сих пор можно было скорее назвать тропой. Он идет параллельно нормальной дороге из Бейрута в долину Бекаа. Стратегическое значение очевидно: для снабжения Захлы в дальнейшем нет необходимости пользоваться дорогой, контролируемой сирийскими войсками.

Однако прежде, чем лента дороги достигает города, сирийская пехота окружает Захлу поясом блокады, подтягиваются танки и артиллерия. Начинается обстрел города. Высшее сирийское командование приняло решение изгнать из Захлы вооруженные силы христиан.

Христианское присутствие в Захле раздражало высшее сирийское командование и по причинам высшего порядка.

Основная масса сирийских войск расположена на Голанских высотах. Если в случае открытого конфликта Израиль направит

туда удар, его танкам придется столкнуться с сильным сопротивлением. Однако это препятствие на Голанских высотах легко обойти: израильским танкам стоит лишь продвинуться на север, в долину Бекаа, и затем, повернув на восток, пересечь проходимые Антиливанские горы.

Сирия должна считаться с тем, что при таком наступлении израильтяне получат поддержку христианского ополчения. Хафез Асад рассматривает долину Бекаа как сирийскую зону безопасности; на ее территории он не желает терпеть крепость противника.

Военные действия не ограничиваются районом Захлы. Искра переносится в столицу Бейрут. Вдоль демаркационной линии, которая разделяет христианские и исламские кварталы, возникают перестрелки. Христиане заявляют, что подвергаются ракетным обстрелам со стороны сирийских войск. Одновременно говорят о сдержанной позиции мусульманского ополчения.

Ясир Арафат в этом конфликте подчеркнуто демонстрирует свой нейтралитет. Его позицию можно определить следующим образом. Если Организация освобождения Палестины станет на чью-либо сторону в конфликте между ливанскими христианами и примкнувшими друг к другу сирийцами и ливанскими организациями левого толка, она неизбежно увязнет в барханах ливанской политики.

Тогда возникнет не только угроза ослабления боевой мощи палестинцев, но и, в случае поражения, опасность полной потери Ливана в качестве базы для существования ООП. При реалистичной оценке ситуации Ясиру Арафату приходится считаться с возможностью поражения. Она может возникнуть в случае вмешательства израильтян, которые не упустят шанса посредством войны на два фронта взять ООП в клещи между христианским ополчением и израильскими войсками. Вновь положение складывается так, что организация может лишиться родины.

Спустя одиннадцать лет после изгнания ООП из Иордании и пять лет после перенесенных лишений ливанской гражданской войны Ясиру Арафату вновь приходится рассчитывать на то, что штаб-квартиры ООП придется переносить в другое государство.

Ее готов был бы принять Дамаск — однако перевод штаб-квартиры ООП в Дамаск означал бы почти безусловное подчинение. Президент Сирии Хафез Асад теперь имел бы больше возможностей определять политику ООП. Поэтому Ясир Арафат должен стремиться к тому, чтобы подчеркивать свой нейтралитет в условиях разгорающегося ливанского конфликта.

8 апреля Ясир Арафат выступает перед будущими младшими

командирами подразделений ООП. Они почти полностью закончили обучение. Они продемонстрировали решимость испробовать на практике полученные знания в области тактики и методов ведения партизанской войны.

К главе верховного командования обращены их возгласы: «Революция до победы!» Вдали слышны взрывы. Встреча Арафата с младшими командирами происходит в Бейруте.

Арафат рассказывает о плане противника — и дает этому плану название «Операция клещи». Он говорит: *«Я предвидел эту операцию и достаточно часто предсказывал ее в своих выступлениях. Христиане Ливана против присутствия палестинцев и сирийцев в этой стране. Христиане атакуют палестинцев и сирийцев с территории севернее Бейрута. А с юга движутся израильтяне. Этими клещами нас должны схватить, окружить и уничтожить. Хоть мы и распознали этот план, но должны владеть собой и быть сдержанными. Нас провоцируют, наши лагеря обстреливают, но в этой войне мы должны оставаться нейтральными.*

Израильтяне и христиане прилагают совместные усилия для того, чтобы уничтожить нас. Мне известно, что две недели назад генерала Эйтана, главу генерального штаба Израиля, видели в штаб-квартире христианского ополчения в Джунии. И все же это не наша война. Мы боремся за родину — и не Ливан будет этой родиной».

Официальный секретарь ООП по вопросам печати, Махмуд Лабади, в эти критические дни подчеркивает, что палестинцы своим присутствием в Ливане преследуют только одну цель — обрести в борьбе родину, Палестину: «Мы никогда не думали о том, чтобы остаться в Ливане. Ливан принадлежит ливанцам. И мы в Ливане не оккупанты. Наш принцип таков: никакого вмешательства во внутренние дела Ливана!»

Однако против высказываний Ясира Арафата и Махмуда Лабади лидеры христианского ополчения могут выдвинуть существенный аргумент. В начале конфликта в Ливане объединение ПОА, фактически подчиненное Ясиру Арафату, из бейрутского квартала Рас Ан Наб вело стрельбу по отрядам христианского ополчения, дислоцировавшимся в районе Бердшави. Если Арафат хочет сохранить лицо, он не может признать, что истинными командирами ПОА являются сирийские офицеры и что действуют они по приказу президента в Дамаске.

Как обычно на опасных фазах существования своей организации, Ясир Арафат советуется с главами арабских государств. Президент Ливии Моаммар Каддафи призывает верховного главнокомандующего включить ООП в «Фронт

ликвидации агентов Израиля». Этот фронт должен быть образован из левых политических группировок, боевых организаций палестинцев, сирийских союзов и объединений добровольцев, которых могут предоставить Ливия, Алжир и Южный Йемен.

Советники Арафата на этот раз придают предложению Каддафи большее значение, чем обычно. На этот раз они оценивают его не по риторическому эффекту, ибо это предложение имело бы конкретные политические последствия. «Мир должен знать, что ООП — единственный правомочный представитель народа Палестины».

Эти слова произносит президент Ливии — и Ясир Арафат слушает. Поводом для выступления Моаммара Каддафи служит день, когда исполняется 33-я годовщина утраты Палестины для арабов — имеется в виду день образования государства Израиль.

Присутствие Арафата при публичном высказывании Каддафи в защиту Палестины знаменует собой новую ориентацию в отношениях между лидером ливийской революции и ответственной персоной боевой организации палестинцев. Два года назад отношения стали прохладными, взаимные обвинения уничтожили последние остатки доверия. Тогда руководство ООП опасалось, что Моаммар Каддафи стремится путем основания народного комитета для живущих в его государстве палестинцев воспрепятствовать влиянию ООП на них.

В этот период Каддафи создавал народные комитеты для всех групп населения и сфер жизни — они являются важной составной частью общественного строя, который он придумал и к установлению которого стремился. Однако для Ясира Арафата народные комитеты палестинцев в Ливии представляли собой нежелательную конкуренцию его организации на региональном уровне.

Протесты ООП вызвали нападки со стороны лидера ливийской революции. Он обвинил Арафата в стремлении в конце концов подвести руководство ООП к капитуляции перед Израилем.

Обвинение звучало конкретно, Арафат уже подумывал о том, чтобы признать кэмп-дэвидское соглашение, заключенное Бегином, Садатом и Картером. В момент наибольшего ухудшения отношений между Ливией и ООП Моаммар Каддафи сказал: «Арафат уже находится на пути предательства, поскольку ищет взаимопонимания с Израилем!» Арафат не последовал призыву использовать своих коммандос для взрыва Суэцкого канала. Он также отказался воспрепятствовать транспортировке арабской нефти по дороге от Хормуза в «империалистические страны».

За этими обвинениями последовали жесткие выводы: Ливия приостановила ежегодную выплату ООП семидесяти миллионов долларов. Лишь несколько месяцев назад Ливия сама взяла на себя обязательство переводить указанную сумму. При аннулировании выплаты Каддафи сказал: «ООП напоминает мне товар, выставленный в витрине универмага. Никогда не знаешь, чего товар стоит».

Резкий контраст этому составляет высказывание Моаммара Каддафи в мае 1981 года: «ООП заслуживает безоговорочной поддержки со стороны всех нас. За Ясиром Арафатом и руководством ООП стоит ливийская революция». Замечание, что никто не имеет права брать ООП под свою опеку, Арафат воспринимает как сигнал того, что Ливия окончательно отказалась от планов создания в Ливии организации, могущей составить конкуренцию ООП.

Выступлению лидера ливийской революции предшествовали практические шаги по поддержке палестинцев, страдающих от выпадов Израиля в Южном Ливане. Моаммар Каддафи посылал оружие: гранатометы, орудия калибра 130 и зенитные ракеты. Это вооружение, сопровождаемое обслуживающим персоналом, поступало в Ливан.

В день, когда Моаммар аль Каддафи произносит свою речь, более четырехсот ливийцев находятся на позициях южнее Бейрута. Другие ливийцы обучают палестинских танкистов, которые должны научиться управлять советскими танками. Бронемашины старой и отчасти новой конструкции в предшествовавшие месяцы прибыли из Венгрии. Речь идет о шестидесяти танках Т-34 и восьмидесяти танках Т-55. Адель Шруро, один из руководителей Генерального штаба народного фронта освобождения Палестины в начале июня 1981 года заявляет о том, что ливийцы, находящиеся в Ливане, являются не солдатами регулярной армии, а «добровольцами».

Однако очевидно, что ливийское руководство приняло решение активизировать свои действия в Ливане на стороне палестинцев. Моаммар Каддафи говорит: «Мы не имеем намерения выступать в Ливане в роли зрителя. Мы предоставим в распоряжение коммандос и национального движения Ливана любое оружие, которое им необходимо — мы готовы передать и самое современное наше оружие». Ливиец называет партнерство между Организацией освобождения Палестины и «Национальным движением Ливана» своим именем.

Основой этого союза является документ, который в середине апреля 1981 года был составлен идеологами левых организаций в Бейруте — в разгар сражений между сирийскими войсками и

христианским ополчением. Этот документ озаглавлен «Хартия национального движения». Он должен выражать собой позицию, противоположную политике лидеров христиан, которых упрекают в «изоляционистском поведении». Не называя имен, документ обвиняет Бешира Жемайеля в том, что он стремится отделить христианскую часть Ливана от исламских регионов.

«Хартия национального движения» клянется в верности «единству, которое объединяет друг с другом палестинский и ливанский народ». Выражением этого единства является соглашение, которое регулирует отношения между ливанским государством и Палестинским освободительным движением. Имеется в виду каирский договор, который был заключен еще под наблюдением Гамаля Абдель Насера. Хартия устанавливает границы совместного военного руководства для ополчения левых группировок и Организации освобождения Палестины. Перед ООП ставится задача обеспечивать безопасность палестинцев в Ливане.

Этот документ важен для Ясира Арафата, поскольку с его помощью он может доказать неверность утверждения, что жители Ливана в целом были бы рады, если бы Организация освобождения Палестины исчезла из их страны. Сторонники организаций левой ориентации держатся за союз с палестинской революцией.

Этот союз показывает себя на деле летом 1981 года, когда палестинцы в Ливане подвергаются военным ударам израильтян. В это критическое время Арафат с удивлением констатирует, что христианское ополчение ведет себя корректно. Появляется возможность разрешения кризиса под Захлой.

39. «Мне нужны ваши мечи, а не ваши слова»

Давно уже Ясир Арафат не выступал со столь пространной речью. 16 апреля 1981 года он почти три часа говорит перед делегатами Национального совета Палестины, эмигрантского парламента своего изгнанного народа. В этом совете представлены все политические и общественные силы, умеющие сформулировать свою позицию.

Делегатов выставляют боевые организации, профсоюзы, женские организации. Женщины и мужчины из лагерей в Сирии, Иордании, Ливане и секторе Газа собираются на совещание с представителями палестинского народа на захваченных территориях. Делегаты — терпеливые слушатели — в этот вечер им необходимо было выслушать утомительные речи и менее красноречивых ораторов.

Они тесно сидят в зале дома профсоюзов в Дамаске. Воздух накален, хоть окна и открыты. Ветер, свежий после пролившегося дождя, достигает лишь тех, кто сидит недалеко от окон.

В зале ощущается, что Национальный конгресс палестинцев проходит под защитой и контролем кругов, находящихся у власти в Дамаске: свободное пространство стен заклеено портретами президента Хафеза Асада. Куда ни обрати взор, он наталкивается на изображение властелина сирийцев.

В условиях подобного повсеместного визуального присутствия сирийского президента изложение Арафатом конфликта в Ливане не может отличаться от официальной точки зрения Сирии. Наступление сирийцев на город Захлу в долине Бекаа он изображает как шаг, направленный на защиту линии коммуникации между сирийскими войсками в Ливане и их базами снабжения на родине. Такая интерпретация событий недалека от действительности.

Незадолго до того, как произнести первые слова этой речи, Арафат снял твердое белое жабо, которое вынужден носить для снятия нагрузки на верхние шейные позвонки. Со времени челночных поездок между Тегераном и Багдадом осенью 1980 года с целью восстановления мира между Ираном и Ираком — усилия, которые остаются безрезультатными, — глава движения освобождения Палестины страдает от сильных болей в спине.

В отличие от своих прежних речей, Арафат позволяет себе длительные паузы для размышления. Он надевает очки с толстыми сильными стеклами и отыскивает в своих записях

следующее ключевое слово. Интерес слушателей не ослабевает, поскольку ему всегда удается после паузы увлечь их высказыванием, импонирующим делегатам Национального конгресса Палестины.

Когда Ясир Арафат обзывает американского президента *«политическим ковбоем»,* раздается взрыв смеха. Продолжительные аплодисменты вызывает следующий пассаж: *«Рональду Рейгану следует хорошенько послушать то, что я сейчас скажу: вовсе не так уж давно Збигнев Бжезинский, советник Картера по вопросам безопасности, считал, что ООП мертва.*

Он тогда сказал «До свидания, палестинская революция». Но сегодня мы можем сказать «До свидания, Збигнев Бжезинский». Ибо он не имеет власти».

Основу собственной власти Ясир Арафат определяет точно: *«Я зависим от бойца, который прорывается через фронт и пробивается к самому сердцу врага».* Это сказано в адрес группы, которая еще только прилагает усилия для достижения признания внутри ООП. Свои притязания на место в исполнительном комитете она строит на творческом применении вспомогательных технических средств для преодоления линии фронта. Ясир Арафат, который хочет ограничить число боевых организаций и членов исполнительного комитета, едва ли может отклонить притязания этой группы на признание.

Однако противник, Израиль, комментирует достижения этой группы скорее насмешливо и отрицательно. Израильская газета «Маарив» так изображает их в карикатуре: федаин летит на воздушном шаре, наполненном горячим воздухом. Арафат с удивлением смотрит ему вслед. Две птицы также удивляются удачному полету, одна из птиц говорит: «Какое техническое совершенство!»

Мысль проникнуть на израильскую территорию по воздуху возникла у руководства одной из групп палестинцев, которая называет себя «Фронт освобождения Палестины» — ФОП. До 1977 года эта группа входила в состав «Народного фронта освобождения Палестины — Генерального штаба». Причина отделения состояла в недовольстве Ахмедом Джебрилем, главой «Генерального штаба», который вел себя все менее радикально.

Основатели «Фронта освобождения Палестины» обвиняли Ахмеда Джебриля в том, что он также превращается из революционера в бюрократа — «точно так же, как Арафат и прочее высшее руководство Аль Фатах».

Талаат Якуб, генеральный секретарь «Фронта освобождения Палестины», излагает возникновение идеи летающего федаина так: «Летом 1980 года один из нас увидел по телевидению

рекламный ролик, в котором было показано, как элегантно скользит в воздухе дельтапланерист. Этой ночью человек, видевший рекламу, не мог спать.

Однако на следующий день руководители ФОП лишь любезными кивками отреагировали на идею попасть в Израиль с помощью дельтаплана. Вначале идея была сразу отклонена.

Вместо этого лидеры ФОП разработали план полета федаина из Ливана в Израиль на воздушном шаре, наполненном горячим воздухом. В пользу воздушного шара говорило то обстоятельство, что он мог поднять большее количество оружия и боеприпасов, чем дельтаплан. Преимуществом считалось также то, что на одном шаре по воздуху смогут передвигаться несколько федаинов. Однако «операция воздушный шар» не удалась.

Однажды ночью поздним летом 1980 года трое членов «Фронта освобождения Палестины» собирались в гондоле воздушного шара пересечь линию фронта. Через несколько минут после старта оболочка шара воспламенилась. Первоначально она была серебряного цвета, но в целях маскировки это серебро было закрашено. Однако новая краска не была огнестойкой; она вспыхнула, и в результате оболочка сгорела. При падении шара один из федаинов погиб. ФОП называет погибшего «мученик Гасан аль Хаки».

За месяц до открытия Палестинского национального конгресса «Фронт освобождения Палестины» готов к новой попытке использовать полеты для целей борьбы палестинцев — какими бы примитивными ни были летательные аппараты. Руководство ФОП хочет продемонстрировать гибкость федаинов, неистощимый кладезь их идей, направленных на преодоление препятствий, которые соорудил Израиль для отпора бойцам ООП.

Как считают лидеры ФОП, прыжки по воздуху исправят состояние подавленности, распространившееся в рядах ООП с тех пор, как израильским войскам удалось плотно закрыть границы на земле. Начиная с весны 1980 года проникновение в Израиль из Иордании, Сирии или Ливана стало почти невозможным. Генерал Рафаэль Эйтан, глава генерального штаба Израиля, к этому времени оценивает шансы федаина проникнуть в Израиль как 1:20.

В ночь с 6 на 7 марта некоторые жители кибуца Афак в Галилее непосредственно после окончания телевизионных программ — только что отзвучал гимн Израиля — слышат в воздухе звук «бибиканья» слабого мотора. Утром неподалеку от поселка находят некую разновидность дельтаплана, управляемого с помощью мотора.

Несколько позже пилот оказывается в заключении. Он был

арестован в 5 часов утра в совершенно заспанном состоянии перед дверью дома в селении бедуинов Тамра.

Два дельтаплана стартовали 6 марта в 20 часов 30 минут с ливанской территории. Однако второй пилот в полете потерял ориентировку, он приземлился на территории, находящейся под командованием ливанского майора Саада Хаддада. Майор Хаддад сотрудничает с израильтянами — Хаддад выдал пилота-палестинца израильтянам.

Как ни бесславно закончилась эта акция, однако тот факт, что летательный аппарат пересек фронт незамеченным, ООП может расценить как успех. Планер имел на борту пилота, автомат Калашникова, ручные гранаты и значительное количество боеприпасов. В лагерях палестинцев в Ливане стал часто слышен лозунг: «Наши дельтапланы не могут быть уничтожены «Фантомами» противника!» Проводится параллель с Давидом и Голиафом — слабый имеет превосходство над сильным.

«Мы не боимся никого!» — говорит Ясир Арафат в своей речи перед палестинским Национальным конгрессом 16 апреля 1981 года. *«Победоносное шествие революции сдержать невозможно».* Делегаты ждут подобных энергичных слов. Тот факт, что в действительности Арафат постоянно помнит об истинном положении, что он осознает, в какой ситуации находится его организация, можно понять из одной фразы выступления. Собственно говоря, она должна послужить слушателям утешением. Арафат говорит: *«Чем темнее кажется нам ночь, тем ближе утро».*

На кого Арафат возлагает вину за то, что на палестинскую революцию спустилась темнота? Арафат считает, что вину несет Анвар Садат, поскольку он подписал кэмп-дэвидскую капитуляцию: *«Садат предал 80 000 жертв, которые, начиная с 1947 года, Египет принес делу арабов».* Со своих позиций Арафат не в состоянии осознать, что именно эти 80 000 жертв явились для президента Египта причиной для того, чтобы положить конец состоянию войны с Израилем. Для него Анвар Садат предатель, который изменил правому делу палестинцев.

Арафат указывает на то, что это «предательство» тем серьезнее, что палестинцы во время Октябрьской войны 1973 года сражались плечо к плечу с египетскими солдатами у Суэцкого канала. Он говорит: *«Наши палестинские мученики похоронены у Суэцкого канала!»*

Для главы движения освобождения Палестины виновными в затруднительной ситуации, в которой находится ООП, являются также те, кто хоть и называет себя друзьями палестинцев, но действует с помощью слов, а в поступках проявляет

сдержанность. Арафат дает понять, что имеет в виду, собственно говоря, глав всех арабских государств: *«Во время встречи на высшем уровне в Тайфе я сказал арабским руководителям: «Нам нужны ваши мечи, а не ваши слова!» Сегодня я спрашиваю: где арабское оружие? Где арабские массы? Куда течет арабская нефть? Куда текут арабские деньги? Я имею право задавать эти вопросы».*

Ответ известен каждому из присутствующих в зале. Оружие арабских армий едва ли находится в распоряжении палестинцев. Субсидии поступают, но в дозированных количествах. Арабская нефть принадлежит Западу, который готов помогать Палестине самое большее с помощью тщательно подобранных слов. Мощные потоки капиталов из нефтедобывающих стран переводятся в США и Европу.

Палестинский Национальный конгресс, состоявшийся в апреле 1981 года, знаменует собой крушение многих надежд. Советники главы ООП исходили из того, что американский президент Джимми Картер во время второго срока полномочий сумеет отыскать путь, который поможет народу Палестины обрести родину.

Хоть Джимми Картер и подписал кэмп-дэвидские документы, однако этот шаг мог быть интерпретирован таким образом, что президент видел в переговорах по вопросу автономии для палестинцев, являющихся результатом кэмп-дэвидского документа, первый шаг к созданию государства палестинцев. А то, что Рональд Рейган, президент США с января 1981 года, никоим образом не мыслит такого развития событий, стало очевидно уже в первые три месяца периода его полномочий.

Когда на последней неделе апреля 1981 года возникает опасность того, что конфликт в Ливане может привести к открытой конфронтации между Сирией и Израилем, дипломаты Соединенных Штатов путем многочисленных консультаций пытаются разрядить напряженность. Официальный спикер государственного департамента заявляет, что его ведомство поддерживает контакт со всеми правительствами «and with virtually all parties» — и практически со всеми сторонами, — которые имеют влияние в Ливане и на Ливан. На языке государственного департамента формула «and with virtually all parties» означает, что не ведутся переговоры лишь с одной стороной в конфликте — с ООП Ясира Арафата. В момент, когда делается это заявление, в Дамаске становится известно, что Ясир Арафат получил послание от Леонида Брежнева, в его тексте глава ООП заверяется в том, что он может положиться на поддержку Советского Союза.

Следует напомнить о позиции, которую прежде занимали

советские политики по отношению к движению освобождения Палестины. Наиболее ясно эта позиция была выражена в комментарии радио Москвы в январе 1969 года: «Было бы чистой демагогией утверждать, что центр арабско-израильского конфликта составляет сопротивление палестинских партизан. В этом конфликте есть только две стороны, которых это в наибольшей степени касается: израильтяне и арабские государства».

С тех пор многое изменилось. Москва утратила свое влияние на политику Египта. Советскому руководству пришлось испытать, насколько быстро могут разорваться его договоры о дружбе с арабскими правительствами. Однако ООП Ясира Арафата осталась стабильным партнером. На укреплении связей между ООП и Москвой благотворно сказался неуклонный и неудержимый уход китайцев из ближневосточного региона.

Забыты слова Мао Цзе-дуна, сказанные им в 1965 году, предсказывавшие ООП объединение с китайской революцией: «Вы владеете парадным входом на огромный азиатский континент, а мы — черным ходом. У нас одни и те же проблемы. Американцы произвели на свет Израиль как орудие против вас и Формозу как орудие против нас. Цель существования обеих территорий одна и та же: сдерживание революции!»

Пять лет спустя Арафат еще имел все основания высказать похвалу китайскому руководству на страницах «Пекин Ревью»: «Китайская народная республика представляет собой наибольшую опору нашей революции. Ей мы благодарны за то, что можем выстоять. Помощь китайского народа — это важная опора нашей революции».

Еще более ясно высказался тогда, в 1970 году, д-р Жорж Хабаш: «Китай наш лучший друг. Китай хочет, чтобы Израиль исчез с географической карты, а вместе с ним и плацдарм империализма на входе в Переднюю Азию».

Однако вскоре настало время неприятных предупреждений о том, что Палестина должна прекратить «террористические посягательства», поскольку таким путем она революцию не выиграет. Предостережения затрагивали внутренние распри в боевых организациях. В мае 1971 года Чжоу Энь-лай напоминал: «Единство — это ключ к победе палестинцев!» Тогда он был, по-видимому, весьма удивлен тем, что члены палестинской делегации в присутствии хозяев-китайцев спорили о том, кто в делегации глава, а кто спикер.

Ясир Арафат не придавал большого значения предупреждениям и напоминаниям. Тогда, по окончании поездки в Китай, он заявил: *«Китайское руководство поддерживает нас без*

каких-либо ограничений — и до победного конца!». Однако он вынужден был констатировать, что палестинским делегациям приходится беседовать со все менее и менее влиятельными политиками Китая, что китайские газеты от года к году утрачивают интерес к палестинцам.

Во время гражданской войны в Ливане крупнейшие китайские политики никогда не высказывали какого-либо мнения, которое могло бы оказаться полезным для палестинцев — они всегда рассматривали ситуацию как борьбу за власть между двумя супердержавами: США и СССР.

В последующий период сближение между Китаем и США почти полностью положило конец связям китайского руководства с ООП. Пекин отказался от помощи любым освободительным организациям, поддержка которых могла вызвать раздражение в Вашингтоне — наряду с ООП симпатии утратила и «Организация освобождения Персидского залива», боровшаяся против султанского режима в Омане.

Насколько окончательно ООП утратила опору в лице Китая, становится ясно летом 1981 года: китайское руководство заявляет, что верит в разумность урегулирования, достигнутого в Кэмп-Дэвиде. Однако осуществление решений Кэмп-Дэвида прекратило бы существование ООП.

Из речи Арафата на Палестинском национальном конгрессе очевидно, что он хочет особо подчеркнуть свое доверие к Леониду Брежневу. Он называет Брежнева «мой лучший друг». Для ближневосточных мирных инициатив Советского Союза Арафат находит хвалебные слова, преувеличивающие значимость этих инициатив: *«Я уже говорил президенту европейского парламента о том, что он опоздал со своей инициативой, поскольку Советский Союз уже полностью представил мне инициативу по Среднему Востоку. Я еще раз повторяю, что инициатива, представленная Леонидом Брежневым, являет собой справедливое разрешение конфликта на Среднем Востоке».*

Однако, будучи разумным политиком, он знает, что удовлетворительное решение, идущее навстречу интересам палестинцев, возможно лишь с одобрения американского правительства. Не забыты убедительные слова президента Египта, сказанные им Арафату: «Не откладывайте все яйца в советскую корзину. Оставьте несколько и для американцев.[7] Советы могут дать Вам оружие — но разве Вы торговец оружием? Вам нужна страна для своего народа, а не оружие. Страна находится в руках израильтян. А израильтяне находятся в руках американцев».

Но каким образом Ясир Арафат сможет отложить «несколько яиц» в корзину американцев? Высказывания Рональда Рейгана

оставляют ему небольшую надежду. О том, сколь немногого ООП может ожидать от американского правительства, Арафат узнает 16 июня 1981 года.

С 1979 года движение освобождения Палестины пытается добиться допуска группы делегатов на совместное ежегодное заседание Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда. Саудовская Аравия и другие члены организации стран-экспортеров нефти выдвинули ходатайство относительно приема ООП, даже если не в качестве полноправного члена, то хотя бы со статусом наблюдателя.

Представителям США, применившим все виды искусства уговоров, которые только можно использовать в личной беседе, удается убедить членов исполнительного комитета Международного банка реконструкции и развития и Международного валютного фонда в том, что ООП не имеет права быть представленной в международном органе, объединяющем министров финансов всего мира.

Делегаты действуют по указанию правительства Вашингтона, которое, в свою очередь, находится под давлением Израиля. Израильтяне аргументируют тем, что «террористическую организацию» следует держать подальше от международного финансового мира.

Федеральный канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, возвратившись из поездки в Саудовскую Аравию, заявляет — за несколько дней до выступления Арафата перед Палестинским национальным конгрессом, — что отнесение ООП к разряду террористических организаций бросает ее в объятия Москвы. Этим он демонстрирует, что понял сигналы Арафата, который громко сообщает о своей дружбе с Москвой, чтобы оживить Запад, вступить с ним в диалог.

Осознание ключевой роли Запада в любой попытке предоставить палестинцам родину, государство, заставляет Арафата весной 1981 года опасаться любых тенденций к радикализации внутри ООП. Немало руководителей среднего ранга и глав малых организаций придерживаются мнения, что народу Палестины нечего ждать от политиков Соединенных Штатов и Европы — поэтому не стоит проявлять сдержанность в выборе средств борьбы.

Представители этой точки зрения совершенно открыто заявляют, что ООП вновь следует нанести серьезные удары, направленные против израильтян и против тех европейцев, которые, считаясь с интересами Израиля, отказывают Организации освобождения Палестины в признании.

В случае победы подобной позиции террор мог стать тем

оружием, которое внушило бы миру страх перед палестинской революцией. Тогда попытки доказать жителям индустриальных стран, что ООП отрицает терроризм как средство борьбы и должна рассматриваться как член общества, ориентированного на мир и гуманизм, следовало бы считать законченными. Однако в таком исходе дела Ясир Арафат ни в коем случае не заинтересован. Он стремится расширить диалог с Европой и далее надеется начать переговоры с американскими политиками. Арафат сохраняет надежду на это, несмотря на обидные для его организации высказывания президента Рейгана, сделанные весной 1981 года.

Выступление Арафата перед делегатами Палестинского национального конгресса вначале заставляет насторожиться поборников радикальных действий. И тут звучит фраза: «Мы не испытываем страха — мы внушаем страх!» На трибуну вышел Салах Калаф, чтобы призвать к созданию специальной партизанской группы, которой будет поставлена задача наносить удары по местам поселения и деятельности американцев на Ближнем Востоке. Надо также наказать всех «предателей», которые оказывают сопротивление революции палестинцев.

Эта партизанская группа должна продемонстрировать всему миру, что ближневосточный конфликт может быть завершен только «палестинским решением» — решением, которое соответствует праву палестинцев на самоопределение. Тот, кто противится такому решению, ощутит на себе кулак революции.

Из заключительного коммюнике Палестинского национального конгресса явствует, что в конечном итоге радикальное направление не смогло одержать верх. Не отклонять инициатив европейского сообщества — энергично потребовали некоторые делегаты. Это оставляет открытым путь для переговоров, в которых должна принимать участие ООП, ведь инициативы имеют лишь одну цель — дать толчок переговорам.

В заключительном коммюнике особо подчеркиваются усилия главы советского государства, направленные на всеобъемлющее разрешение конфликта. Приветствуется план Брежнева по созыву ближневосточной конференции с участием всех сторон, в том числе и движения освобождения Палестины. Согласие на созыв подобной конференции означает, что в будущем следует действовать не только по принципу: «Страну, которую мы потеряли с оружием в руках, можно вернуть только срлой оружия». Это означает отказ от мнения, что этого требует честь арабов.

40. «Каждое существо тоскует по родине»

Когда Ясиру Арафату указывают на то, что, подчеркивая значение советской инициативы, он дает повод заподозрить себя в безоговорочной принадлежности к лагерю Советского Союза, в большинстве случаев он отвечает: *«Я ни у кого не служу».* Он печется лишь об интересах палестинской революции, он вступит в союз с каждым, кто может оказаться полезным для палестинцев. В настоящий момент Советский Союз гарантирует поддержку в дипломатической и военной сфере. Советский Союз, как считает Арафат, является союзником, а не тюремщиком палестинской революции.

Арафат вполне осознает, что кремлевские руководители преследуют на Ближнем Востоке собственные цели. Однако он считает, что московские лидеры не станут, подобно колонизаторам, цепляться за страну, если население этой страны в конце концов больше не захочет их терпеть.

В уходе Советов из Египта он видит пример неколониалистского поведения Советского Союза. Когда Анвар Садат настоятельно призвал Советы покинуть Египет, они, не выражая протеста и не создавая трудностей, быстро улетели домой. Соединенные Штаты в случае выдворения попытались бы сопротивляться, в этом Арафат убежден. Они стремились бы с помощью путча привести к власти людей, которые готовы и дальше сотрудничать с правительством в Вашингтоне.

В своих речах Ясир Арафат часто обращается к правящим кругам США. Он задает неприятные вопросы, которые, однако, в большинстве случаев остаются в Вашингтоне без ответа: *«Как долго вы еще предполагаете удерживать свое влияние в нашем регионе? Вы потеряли Иран — и не извлекли из этого никакого урока. Теперь американское правительство ставит на «исламскую лошадь». В Иране оно оказывало сопротивление исламской революции. Теперь в Афганистане оно внезапно стало сторонником ислама. Эти изменения курса не приносят американцам пользы. Они должны понять, где ахиллесова пята их положения на Ближнем Востоке. Эта ахиллесова пята — мы, палестинцы».*

Обвинение Арафата, выдвинутое против США, конкретно: *«Я готов послать Фарука Каддуми в Вашингтон. Он глава политического отделения ООП. Но я сделаю это лишь при известных условиях. Американское правительство должно признать права палестинского народа. Сюда входит право на*

возвращение на родину, право на самоопределение, на собственное государство. Мы не ищем диалога ради диалога. Диалог должен иметь политическую цель и давать политический результат».

На вопрос о том, видит ли он в будущем возможность такого развития событий, которое приведет к сосуществованию жителей палестинского и еврейского государств рядом друг с другом, Арафат отвечает: *«Прежде, чем я смогу дать ответ, вначале должно существовать палестинское государство. Я все еще беженец. Человек без родины и без государства. Если потом я буду иметь свое независимое государство и жить как человеческое существо, я дам ответ».*

Каддуми, занимающийся в ООП вопросами внешней политики, дополняет слова Арафата, так что они становятся вполне понятными: «Ответ на этот вопрос требует от нас заявления о том, признаем ли мы государство Израиль. Если мы скажем Израилю «да», то разыграем карту, которая нам остро необходима на предстоящих переговорах. На переговорах мы хотим предоставить возможность говорить с нами на эту тему».

Руководство ООП держит карту, говорящую «да» существованию Израиля, в кармане. Однако оно дает понять, что примирилось с существованием Израиля. Свое государство, которое должно быть построено «на краешке родины», оно хочет поставить в ряд демократических государств. При этом Ясир Арафат имеет возможность указать на то, что Палестинский национальный конгресс и органы ООП уже сегодня могут представить доказательство серьезности стремления палестинцев к демократии.

В своей речи в Национальном конгрессе в апреле 1981 года в Дамаске формулировка Арафата вызвала аплодисменты: *«В большинстве случаев политические лидеры обладают большим величием, чем их народы. У нас наоборот. Народ более велик, чем руководство».* Себе Арафат дает такое определение: «Я *человек из Палестины, Голгофа которого заключается в том, что он несет крест на плечах и терновый венок на голове с тем, чтобы завоевать основу существования для своего народа».*

В том, что ему удастся вернуть палестинский народ на родину, Арафат убежден: *«Наше возвращение продиктовано законом природы. Там, в природе, существуют птицы, которые улетают далеко в огромный мир и возвращаются туда, где их родина. Там существуют рыбы, которые из рек плывут в озера и в море. Они возвращаются к своему истоку. Каждое существо тоскует по родине. Корни родины в сердце каждого человека.*

Я желаю себе, чтобы мой народ нашел свою родину. Народ состоит из человеческих существ. Наверное, я произвожу

впечатление счастливого человека. Меня часто видят улыбающимся. Но внешность обманчива. На сердце моем трещина. Мне доставляет страдания трагедия моего народа.

Однако я в то же время и оптимист. Народ достигнет своей цели. Если чудом считается то, что еврейский народ пережил все удары судьбы, которые были ему предназначены, то чудом должно считаться и то, что палестинский народ еще жив». Арафат и другие члены руководства ООП внесли в это немалый вклад.

Палестинцы не имеют страны, но создали для себя государственный строй. Они создали школы, планируют открытие собственного университета, имеют фабрики и мастерские, организуют больницы. Больницы и социальная программа ООП составляют сферу деятельности д-ра Фатхи Арафата, брата главы ООП, который возрастом немного младше его. Он председатель организации «Палестинский Красный Полумесяц», которая сотрудничает с международным Красным Крестом.

Д-р Фатхи Арафат с гордостью указывает на то, что ООП удалось завоевать официальный статус в международных органах. Но гордость быстро уступает место горьким мыслям: «Западные правительства не помогают нам. Наверное, считается, что где-то существует зоопарк, в котором мы живем. С большой вывеской перед решеткой: «Здесь террористы»».

Вопрос Ясиру Арафату, самому лидеру ООП: «Ведь вы ведете бесперспективную борьбу. Разве Вы этого не видите?» Его ответ: *«Бесперспективную? Ни в коем случае! Я знаю, что положение в арабском мире трудное. Но я рассматриваю вещи под историческим углом зрения. Мы достигли решающего успеха, который говорит в нашу пользу: сегодня на карте политики Палестина вновь имеет свое место».* Арафат мастер гордых высказываний, которые иногда имеют мало общего с реалистической оценкой ситуации. Корни их зачастую следует искать в безграничном стремлении к выживанию.

Его можно проклинать и возлагать на него часть ответственности за то, что смерть собирает на Ближнем Востоке богатый урожай. Однако его следует понимать как силу, играющую определенную роль в политической действительности.

Ключ к личности Арафата и его образу действий дает понимание того, что он — пламенный патриот. Он считает, что мы, европейцы, неправильно понимаем его и пренебрежительно к нему относимся. И все это лишь потому, что такого рода патриотизм стал нам чужд.

41. Битва за Бейрут

Во вторник, 13 апреля 1982 года — только что миновала Пасха, — я впервые услышал, как Ясир Арафат говорит о своих опасениях относительно ближайшего будущего. По телефонному звонку, раздавшемуся в полночь, я пришел в его офис, расположенный поблизости от Арабского университета в Бейруте.

Арафат хотел поговорить не торопясь. Ситуация, в которой он находится, представлялась ему следующим образом: *«В пятницу я ожидал серьезного удара израильтян. До сих пор его не последовало. Однако все равно мы должны на него рассчитывать.*

Не следует предполагать, что американцам удастся долго удерживать Менахема Бегина от желания уничтожить ООП. У нас мужественная армия, но она никогда не сможет противостоять израильтянам».

В ту ночь Арафат не строил себе больших иллюзий относительно исхода борьбы: *«Израильская военная машина обрушится на нас. Правда, мы располагаем обещаниями арабских стран помочь нам, если мы продержимся хотя бы три дня. Я мало надеюсь на это. По-видимому, в предстоящей битве мы погибнем».* Однако этим выражением истинной озабоченности Арафат не хотел завершать разговор.

Он считал, что от него, главы движения освобождения Палестины, ждут оптимистичного видения будущего. Он подчеркнул свои слова широким жестом рук: *«Дело палестинцев победит, ибо оно соответствует нормальному ходу истории».*

Никогда раньше я не замечал, что Ясир Арафат носит на левом лацкане военной куртки, в петлице, оправленную в золото жемчужину. На груди, скрытая лацканом, была видна тонкая золотая цепочка. Более причудливый контраст мне едва ли приходилось видеть: аристократическое украшение плохо вязалось с грубой камуфляжной тканью куртки. Революционер Арафат слегка поддался стремлению к прекрасному и благородному.

Спустя семь недель после ночного разговора с Арафатом началась битва за Бейрут. Израиль начал войну правительственным заявлением:

«Кабинет принял следующее решение: вооруженные силы Израиля получают приказ позаботиться о том, чтобы гражданское население Галилеи не подвергалось более огню террористов из Ливана. Базы и штаб-квартиры террористов сконцентрированы в Ливане. Название операции гласит: «Мир для Галилеи». Во время этой операции сирийская армия не будет подвергнута нападению,

если сама воздержится от нападения. Нашей целью является заключение мирного договора с Ливаном, с независимым Ливаном, территориальная неприкосновенность будет сохранена».

В воскресенье, 6 июня 1982 года, израильские танковые соединения вступили в Ливан. Уже в первый день нападения они достигли лагеря палестинцев Набатия, расположенного внутри территории Ливана в двадцати километрах от границы, и пригородных кварталов крупного южноливанского города Тир.

Этим задача, которую вооруженные силы Израиля получили от своего правительства, была почти выполнена. Подразделения ООП были оттеснены настолько далеко от израильской границы, что их гранатометы не могли более представлять опасность для городов и деревень южнее этой границы. «Мир для Галилеи» был достигнут, однако мощное продвижение танков на север было продолжено.

ООП Арафата сообщало об успехах в отражении противника. Она распространила информацию о том, что в первый день войны было уничтожено шестьдесят израильских танков. Однако подобные сообщения, как правило, оказывались пропагандистским вымыслом. Отдельные группы ООП оказывали мужественное сопротивление в Набатии и Тире, однако как единая армия палестинские войска оказались несостоятельными.

Концепция Арафата о формировании на основе военного крыла ООП армии в традиционном смысле слова не оправдала себя. Хоть сотии бойцов и были посланы в военные академии стран восточного блока с тем, чтобы получить квалификацию командиров — танкистов, артиллеристов, связистов, — однако слушатели курсов учились с минимальным усердием. На письменном столе Арафата постоянно лежали сообщения о том, что претенденты на звание офицера в Москве, Праге или Софии вели себя недисциплинированно. Никто из них не приобрел достаточной квалификации для командования единым фронтом обороны.

Поскольку в начале войны разумных приказов не поступало, отдельные боевые соединения пытались отступить на север, в направлении Бейрута. В момент, когда разразилась война, Ясира Арафата в Бейруте не было. Он поставил себе цель положить конец конфликту в Персидском заливе, кровавому столкновению между Ираном и Ираком.

Для выполнения этой дипломатической миссии глава ООП находился в Саудовской Аравии. Лишь на третий день войны сухопутным путем через Дамаск он прибыл в Бейрут — одновременно с израильтянами, которые в тот же день достигли

окраин Бейрута.

В этот третий день войны Арафат ожидал чуда. Правительства в Дамаске, Рияде и Каире обещали ему, что через 72 часа после начала израильского наступления международное давление вынудит агрессора к отступлению. На случай, если международное давление не будет иметь места, Сирия обещала оказать ООП помощь с использованием всего своего военного потенциала. Вечером того же дня Арафат был вынужден констатировать, что Сирия заключила с Израилем перемирие, что арабский мир хранил молчание касательно продвижения Израиля на Бейрут, что Леонид Брежнев не предпринимал ничего, чтобы помочь ООП.

В воскресенье, 13 июня, окружение Бейрута было завершено. Израильтяне контролировали дорогу вдоль побережья, ведущую на юг, и горную дорогу в направлении Дамаска. Соединения христианских фалангистов Ливана контролировали северное направление. Окруженная крепость Бейрут включала в себя исламскую часть города от международного аэропорта на юге до порта на севере. На осажденной территории находилось 600 000 человек; 400 000 из них составляли ливанцы, которые, собственно говоря, не имели никакого отношения к войне израильтян против ООП. Арафат и его заместитель по военным вопросам Абу Джихад — человек изящного сложения с элегантными локонами на голове — располагали в Бейруте 12 000 бойцов.

В распоряжении этих бойцов было значительное количество боеприпасов. Арафат использовал год, в течение которого длилось перемирие с Израилем, для того, чтобы через порты Южного Ливана доставлять в Ливан боеприпасы. Из стран восточного блока его снабжали гранатометами, артиллерийскими орудиями, вооружением для отражения вражеских ударов с воздуха, танками устаревшей конструкции.

Оружие хранилось в подземных бункерах, построенных среди леса пиний, создающих зеленый пояс Бейрута, и в подземных гаражах высотных домов в Бейруте. Боеприпасы находились также в распоряжении союзников Арафата. Альянс, сформировавшийся в ходе гражданской войны, выдержал и экстремальную нагрузку: левые исламские группировки, в прошлом действовавшие заодно с ООП при отражении властных притязаний христиан, и теперь были на стороне Арафата.

Большинство из 400 000 жителей Бейрута ливанского происхождения не имело ничего против того, чтобы Арафат организовал сопротивление израильскому вторжению не только в лагерях палестинцев, но и в чисто ливанских кварталах Бейрута. В отличие от христианского руководства Восточного Бейрута,

которое приветствовало израильское наступление, исламские лидеры в Западном Бейруте рассматривали агрессию вооруженных сил Израиля как нарушение международного права, как преступление. Сопротивление вторжению было для них делом чести. Такая позиция сделала мусульман союзниками Арафата.

Блок зданий, где работал глава ООП, подвергался чрезвычайной опасности. Одна из стен выходила на море и была легко уязвимой для израильской корабельной артиллерии. В самом начале военных действий самолеты, совершавшие полеты над морем, обстреляли ракетами дома в непосредственной близости от квартиры Арафата и повредили их. Он переселился в командный бункер ООП в бейрутском квартале Фахани — этот бункер, центр нервной системы организации, носил название «операционная». Израильской авиации вскоре, очевидно, стало известно, что Арафат находится в Фахани, поскольку она стала разрушить блок зданий, в подвале которого помещалась «операционная». Самолеты обстреливали ракетами каждый дом, в который Арафат входил в течение последующих недель.

Поскольку он быстро менял место пребывания, самолеты предпринимали атаку, когда он уже покидал дом. Тем не менее удивляет уровень информированности израильтян относительно передвижений главнокомандующего в осажденном городе.

Лишь позднее охрана Арафата обнаружила, что в его автомобиле находился миниатюрный передатчик, сигналы которого можно было принимать за пределами крепости.

Во время войны летом 1982 года мой наблюдательный пункт находился на балконе верхнего этажа отеля «Александр», расположенного гораздо выше линии фронта. Отсюда был виден весь театр военных действий: лагеря Сабра, Шатила и Бурж Баражна — лес пиний с системой бункеров — населенная ливанцами южная часть Западного Бейрута. Можно было наблюдать каждый выстрел из израильского орудия и каждую ракету, выпущенную артиллерией ООП.

Едва замкнулось кольцо окружения, как на осажденный город обрушился массированный удар израильской артиллерии. Орудия, установленные на холмах южнее Бейрута, обстреливали гранатами лагеря палестинцев, превратившиеся в автономные города ООП. Громкий воющий звук свидетельствовал о том, что боевые самолеты пикируют, видно их, как правило, не было. Лишь по облакам взрывов можно было определить, по какому району ведется атака с воздуха. Заградительный зенитный огонь вели в Бейруте сотни легкий орудий. Их снаряды не поразили ни одного из израильских самолетов.

Ночи не приносили покоя. На участке к югу от города

взлетали целые залпы ракет, которые, оставляя за собой огненные шлейфы, пролетали над городом, чтобы затем взорваться, озарив все вокруг мощными вспышками.

Магниевые факелы, выпускаемые израильской артиллерией в ночное небо, медленно планировали вниз на парашютах; огонь их окутывал город блекло-желтым светом. Военные ночи в Бейруте были светлыми — во всяком случае, на улицах. Но в домах царила тьма. Израильские саперы вывели из строя системы электро- и водоснабжения осажденного города.

Время от времени объявлялось перемирие. Тишиной, которая наступала в оговоренное время, жители Западного Бейрута обязаны американской дипломатии. Чтобы положить конец войне, президент Рональд Рейган откомандировал на Ближний Восток Филипа Хабиба, американца ливанского происхождения. Из здания американского посольства, которое расположено на отрогах холмов к востоку от Бейрута, Хабиб днем и ночью имел возможность наблюдать, с какой жестокостью израильские вооруженные силы наносят удары по Западному Бейруту.

Исходным пунктом его переговоров была попытка разубедить израильское руководство, состоящее, по существу, из премьер-министра Менахема Бегина и министра обороны Ариэля Шарона, в их решимости навсегда уничтожить Арафата и его сторонников.

Тотальная война против ООП должна была привести к уничтожению исламской части Бейрута. Филип Хабиб видел свою задачу в том, чтобы вывести Арафата вместе с его бойцами из Бейрута — не для того, чтобы спасти их, а для того, чтобы сохранить город.

Для Арафата обстоятельства складывались следующим образом: *«Бегин получил согласие своего кабинета на ведение ограниченной войны в Ливане для того, чтобы уничтожить базы ООП, которые расположены вблизи Израиля.*

Но его министр обороны Шарон начал военные действия с намерением ликвидировать палестинское сопротивление. Шарон всегда стремился дойти до Бейрута. Он вынудил Бегина дать согласие на расширение действий. Однако существовала договоренность с американским правительством о завершении операции по прошествии трех дней. На этот период министр иностранных дел Александр Хейг предоставил Бегину и Шарону свободу действий для вторжения в Ливан.

В качестве ответной услуги Хейг заручился согласием Израиля способствовать выдвижению еврейской общиной в США кандидатуры министра иностранных дел кандидатом на президентских выборах. Трехдневный срок истек без достижения какого-либо ощутимого результата — ООП продолжает

существовать. Лишь Бегин и Шарон попали под американское давление».

К удовлетворению Арафата, спустя две недели после начала войны Александр Хейг был вынужден передать пост министра иностранных дел Джорджу Шульцу. Его односторонняя причастность к конфликту была слишком явной. Если Рональд Рейган не хотел потерять в качестве экономического партнера Саудовскую Аравию, король которой был чрезвычайно раздражен действиями Хейга, ему оставался лишь один выход: пожертвовать Александром Хейгом. Лишь после отставки министра иностранных дел стало известно, что Хейг дал Филипу Хабибу указание не доводить до сведения Рейгана или Бегина ни одного из предложений, которые Арафат высказывал через связных с целью разрешения конфликта.

Важнейшее предложение Арафата было сформулировано следующим образом: *«ООП готова передать свое оружие армии Ливана, чтобы затем покинуть Бейрут морским путем. Условием эвакуации города является отвод израильских соединений от Бейрута на 4,5 км».*

В конце июня израильское правительство дает понять, что не собирается уходить с окраин Бейрута. В листовках, разбрасываемых боевыми самолетами над Бейрутом, вооруженные силы Израиля предупреждают жителей о массированном израильском ударе. Людей призывают покинуть Западный Бейрут. Реакция Арафата: *«Мы ожидаем нападения. Мы будем сражаться с израильтянами на каждой улице, на каждой площади».*

Он знает, что число жертв уличных боев будет высоким. Уже сейчас жители Бейрута понесли большие потери. В воскресенье, 27 июня, Арафат называет эти цифры: *«Лишь за прошедшую пятницу здесь было убито или ранено две тысячи человек. 95 % жертв — гражданские лица, женщины и дети. За последние три дня число жертв составило четыре тысячи человек».* Арафат преувеличивает, цифры следует снизить наполовину. Утверждение же о том, что больше всего страдает гражданское население, соответствует действительности.

В те дни во время бесед без свидетелей Арафат заявлял, что ему известно: Бейрут — ливанский город, а не палестинский. Он не имеет права принести Бейрут в жертву делу палестинцев. Если возможен достойный уход, то он уйдет. Однако стоило вблизи появиться микрофону, как Арафат высказывался так: *«Разве Уинстон Черчилль покинул Лондон, когда немецкая военная авиация нанесла удар? Говорить о том, что я ухожу — глупая пропаганда».*

В действительности руководство ООП уже подготавливало вывод бойцов. Однако нерешенным оставался важный вопрос: куда их отводить. Само собой напрашивалось решение эвакуировать людей в Сирию. Такое решение стало невозможным вследствие замечания президента Сирии Хафеза Асада о том, что его страна не предоставит места окруженным в Бейруте соединениям ООП. Еще раньше египетский глава государства Хусни Мубарак сообщил, что охотно примет в Каире политическое руководство палестинцев, однако вооруженные люди, бойцы должны искать прибежища в другом месте.

Затишье и бои сменяли друг друга. К знакомым звукам сражения примешивались другие: были слышны металлические удары — это израильские канонерки, стоящие вдоль побережья, обстреливали дома на набережной Корниш. От разрывов их снарядов поднимались облака белого дыма.

Выстрелов с канонерок боялись, потому что их артиллеристы не считались меткими стрелками. Часто снаряды перелетали дома Западного Бейрута и взрывались в христианской, дружественной Израилю восточной части города.

Спустя шесть недель после начала войны израильские войска все еще блокировали Западный Бейрут. Арафат заявил, будто ему точно известно, что Менахем Бегин обещал США не отдавать израильским вооруженным силам приказа о штурме осажденной крепости. *«США по крайней мере играют какую-то роль в этом конфликте, а Советский Союз хранит полное молчание!»*

Эту фразу слышал каждый, кто виделся с Арафатом. Часами он размышлял о том, почему Леонид Брежнев явно не принимал к сведению борьбу палестинского народа против вооруженной мощи Израиля.

Через четыре месяца после окончания войны Арафат сказал мне, к какому выводу он пришел в результате размышлений во время израильских обстрелов: *«Тогда я сначала не вспомнил о том, что для Советов ялтинские соглашения все еще имеют силу. После второй мировой войны мир был поделен. С тех пор арабские страны относятся к американской сфере влияния. Советская сфера начинается на ирано-иракской границе. То, что происходит в Ливане, Советы, как правило, уступают на долю американцев. Тут нам не приходилось слишком рассчитывать на советскую помощь».*

То обстоятельство, что Рональд Рейган решил избавить население Западного Бейрута от жертв, было ощутимо в штаб-квартире Арафата: по мнению американского правительства, следовало найти дипломатическое решение конфликта. Через посещавших его американских представителей различного ранга Арафат узнал, что сам может создать важные предпосылки для

этого. Ему необходимо было лишь однозначно прояснить, что он признает право Израиля на существование.

Соответствующий сигнал он получил даже непосредственно из Вашингтона. Вновь назначенный министр иностранных дел Джордж Шульц заявил в комиссии сената по иностранным делам: «Кризис в Ливане болезненным образом разъясняет центральную проблему Среднего Востока. Эта центральная проблема состоит в легитимных притязаниях палестинского народа. Мы должны позаботиться о них во всех их проявлениях».

Слова ободрения Арафат слышал и со стороны отдельных израильтян. Политик и журналист Уви Авнери посетит его в осажденном городе, чтобы сообщить ему, что сейчас больше израильтян, чем когда бы то ни было, готовы вступить в диалог с ООП. Ури Авнери предложил Арафату, чтобы руководство ООП без каких-либо оговорок ясно заявило, что стремится к взаимному признанию израильского государства и ООП.

Арафат был готов к такому взаимному признанию. Однако и сейчас, в критических условиях войны, обнаружилось, что он не обладает неограниченной командной властью над своей организацией. В окруженном городе находился также и д-р Жорж Хабаш, составлявший конкуренцию в течение всех прошлых лет.

Несмотря на паралич правой части тела, воля его не была сломлена. Он потребовал, чтобы Арафат отказался от плана отхода из города. Бейрут, считал Жорж Хабаш, должен стать «Сталинградом» для атакующих израильтян, у городских валов агрессоры должны истечь кровью. Такая решительная борьба требовала отказа от любого рода дипломатических тонкостей — прямолинейная политика ООП не должна была претерпевать поворотов в сторону США.

На седьмой неделе войны Арафату показалось, что он нашел выход из дилеммы. На листе линованной бумаги, лежащем на его письменном столе, он написал шариковой ручкой: «Председатель Арафат признает все резолюции Организации Объединенных Наций, которые касаются палестинского вопроса». Внизу он поставил свою подпись «Y.Arafat» и дату «25.7.82». Затем Арафат передал лист члену американского конгресса Полу Мак-Клоски. Этот конгрессмен-республиканец в составе делегации, в которую входили и политики от демократической партии, прибыл в осажденный город для того, чтобы самостоятельно составить себе картину происходящего.

В разговоре с Арафатом Мак-Клоски затронул проблему взаимного признания друг другом Израиля и ООП. Глава ООП сказал, что может пойти настолько далеко, чтобы объявить решения ООН обязательными также и для Организации

освобождения Палестины. Поскольку ООН в своих резолюциях исходила из условия дальнейшего существования государства Израиль, признание их председателем ООП означало, что он также считает существование этого государства законным. Роберт Мак-Клоски ушел от Арафата с чувством, что ему удалось внести важный вклад в решение палестинской проблемы.

В тот же вечер израильское правительство продемонстрировало, что оно думает по поводу признания со стороны Ясира Арафата: оно направило боевые самолеты для нанесения удара по Западному Бейруту. Они пикировали на город и обстреливали ракетами дома, которые тут же рушились. В темном небе невозможно было разглядеть самолеты. Зенитчики ООП нацеливали свои выстрелы по реву реактивных двигателей несущихся самолетов. Их огонь не препятствовал израильским пилотам, которые вновь и вновь обрушивались на город.

Атаки концентрировались в районе командного пункта Арафата. В конце концов здание над «операционной» превратилось в груду развалин. Центр нервной системы обороны был больше не способен функционировать. Арафат перешел в подземный гараж высотного дома. Там он проводил ночи.

Вскоре по осажденному городу поползли слухи о том, что в эти полные опасностей дни Арафат встретил женщину, с которой хочет навсегда соединиться. Соответствуют ли эти слухи действительности, установить не удалось.

В конце июля главе ООП были представлены первые планы вывода его соединений из Бейрута. Их разработал Филип Хабиб. Это было нелегко и прежде всего отнимало много времени.

Министр иностранных дел Джордж Шульц дал Филипу Хабибу указание не вести переговоры непосредственно с Арафатом, поскольку тот все еще открыто и безоговорочно не признавал за Израилем права на существование — бумагу, доставленную Мак-Клоски, Шульц считал ничего не стоящей. Следуя указаниям, Филип Хабиб сначала всегда сообщал о своих идеях бывшему премьер-министру Ливана Саибу Саламу, который затем передавал их руководству ООП.

Позиция Арафата, в свою очередь, окольными путями через Саиба Салама доводилась до сведения Филипа Хабиба, который затем мог поставить израильское правительство в известность относительно точки зрения ООП. Так затягивались переговоры. Страдания людей в осажденном городе продолжались. Люди погибали сотнями.

По данным ливанской полиций, лишь в воскресенье, 1 августа, погибло более двухсот мирных жителей. Они погибли от взрывов или при обвале бетонных перекрытий и стен домов.

Двенадцать кошмарных часов продолжался налет, в котором приняли участие артиллерия, минометы, боевые самолеты и корабельные орудия. Ночь, последовавшая за налетом, была светлой для оставшихся в живых: пылали пожары, которые невозможно было потушить. Насосы, обеспечивавшие водоснабжение Западного Бейрута и выведенные из строя израильскими саперами, по-прежнему не работали.

Эту ночь, озаренную огнем пожарищ, невозможно забыть и из-за адского грохота. В лесу, неподалеку от линии фронта, выстрелы попали в склад боеприпасов ООН. Взрывались ракеты и артиллерийские снаряды. Взрывы выбрасывали высоко в небо гигантские снопы огня. Миллионы автоматных пуль с огромной силой вылетали из нагревшихся в огне гильз, производя страшный треск. Фейерверк длился до утра. Однако он разрушил всего лишь часть боеприпасов Арафата, которые хранились во многих складах, рассеянных по всему Западному Бейруту.

Премьер-министр Ливана Шафик Ваззан был возмущен силой израильского удара, причем имел в виду разрушения лишь жилых кварталов. Смысл подобного террора, сказал Шафнк Ваззан, остается для него загадкой. Ведь в конце концов израильскому правительству было известно, что руководство ООП заявило о готовности к выводу своих соединений из Бейрута.

Президент Рональд Рейган, по политическим соображениям, как правило, очень осторожный в выражениях недовольства действиями Израиля, на этот раз весьма ясно заявил, что мир не может «больше терпеть постоянную эскалацию насилия».

Однако насилие растет. 6 августа израильская авиация применила бомбы чрезвычайной разрушительной силы, чтобы уничтожить здание в центре жилого района Западного Бейрута. От взрыва подломились все несущие опоры, вся конструкция обрушилась внутрь. Под обломками погибли 250 мужчин, женщин и детей. Правительство Израиля обосновало разрушение именно этого здания тем, что в некоторых квартирах якобы находились офисы ООП.

Международный протест против уничтожения мирного населения не помешал Ариэлю Шарону уже 6 августа отдать приказ о нанесении по Западному Бейруту нового массированного воздушного удара, сила которого была направлена преимущественно против лагерей беженцев Сабра и Шатала.

В этот день было заметно, что зенитные орудия ООП почти не стреляли по атакующим самолетам. Махмуд Лабади, в то время секретарь Арафата по вопросам печати, сказал мне: «Наши люди наконец поняли, что израильские самолеты для них слишком

проворны».

Спустя восемь недель после начала войны ООП все еще находилась в Западном Бейруте. Отдельные попытки израильских сухопутных войск ограничить зону действия обороняющихся закончились неудачей. Попытки нанесения удара со стороны леса, который окружает исламскую территорию, пока что удавалось отразить противотанковым орудиям палестинцев. На всех участках битвы, где материальное превосходство израильтян не было решающим, палестинцы успешно защищались. Ошибок, совершенных при отходе из Южного Ливана, в Бейруте они не повторили.

В результате утомительных переговоров американского спецуполномоченного Филипа Хабиба возник конкретный план вывода ООП из Бейрута. Были установлены следующие сроки: 21 августа должно было прибыть французское соединение с целью не допустить диверсий в ходе эвакуации.

Днем позже был предусмотрен отход контингентов, отступавших в Ирак и Иорданию. На 23 августа Хабиб запланировал отход бойцов, принимаемых Тунисом. На следующий день должен был покинуть Бейрут контингент ООП, направляющийся в Северный Йемен. Начиная с 26 августа четыре дня были предусмотрены для отправки подразделений, уходящих из Бейрута в Дамаск. Выработка такого плана стала возможной благодаря заявлению президента Сирии Хафеза Асада о том, что его страна готова принять подразделения ООП из Бейрута. После того как Хафез Асад выразил свое согласие, другие арабские правительства также заявили о готовности принять в своих столицах защитников Бейрута.

Окончательное утверждение договоренностей было нарушено Ариэлем Шароном. В 6 часов утра 12 августа министр обороны Израиля отдал приказ о начале наиболее опустошительного за всю войну воздушного налета на Бейрут. В течение одиннадцати часов боевые самолеты атаковали лагеря палестинцев и жилые районы. Самолеты поодиночке проносились над городом, сбрасывали бомбы и выпускали ракеты. Четыреста домов были разрушены или повреждены. Погибло триста человек, в основном из числа гражданского населения.

Этот воздушный налет, которому не было никакого оправдания, вызвал у американского президента такое раздражение, что он потерял самообладание. Спикер Белого дома, леди Спике, так описала реакцию Рональда Рейгана: «Сегодня утром президент был шокирован, когда узнал о новой ожесточенной бомбардировке Западного Бейрута. Он немедленно позвонил премьер-министру Бегину, чтобы выразить свое

возмущение. Налет повлек за собой бессмысленные разрушения и кровопролитие. Он поставил под угрозу усилия Филипа Хабиба».

Поскольку Менахем Бегин со своей стороны отреагировал оскорбленно и не проявлял готовности к каким бы то ни было уступкам, уже день спустя американскому президенту не оставалось ничего другого, как направить израильскому премьер-министру слова примирения. Таким образом Филип Хабиб смог своевременно достигнуть прочных договоренностей относительно сроков отхода Арафата.

Ясиру Арафату предстояло принять последнее решение в Бейруте. В больнице города палестинцев южнее Бейрута в цинковых гробах лежали тела пяти израильских солдат, которые погибли в начале вторжения в Южный Ливан. Арафат отдал распоряжение, чтобы погибшие были переданы израильской армии через представителей Красного Креста.

Израиль также попросил Арафата сообщить, где находятся могилы четырех погибших, которые были похоронены бойцами ООП в Южном Ливане в 1978 году. Правительство Бегина было информировано о том, что эти погибшие покоятся на кладбище христианского селения. В тот же день ООП передала пленного пилота Красному Кресту. Он мог вернуться в Израиль.

В те дни израильская боевая авиация не появлялась в небе над Бейрутом, по домам города больше не стреляли из артиллерийских орудий и не выпускали ракет. Несмотря на это, воздух сотрясали взрывы: бойцы ООП уничтожали свои склады боеприпасов. Хранилища, служившие прекрасными убежищами, замуровывались и засыпались землей. Многие из них не найдены до нынешнего времени.

Последние дни осады Арафат провел во временном жилище, в подземном гараже современного торгового дома «Пиккадилли» поблизости от торговой улицы Хамра в Западном Бейруте. Каждое утро его джип выезжал из гаража по крутому пандусу, с наступлением темноты Арафат возвращался в безопасное убежище. Об этом пристанище израильские секретные службы никогда не узнали — за несколько дней до переселения в «Пиккадилли» телохранители убрали из автомобиля Арафата мини-передатчики.

В последней впечатляющей демонстрации Организацией освобождения Палестины своего присутствия в Бейруте Арафат принимает участие лишь в течение нескольких секунд. Бойцы, покидающие Бейрут, собираются там, где он целое десятилетие принимал парады, на спортивной площадке Арабского университета. Почти у всех на глазах слезы. Тот, кто вынужден оставить жену и детей, безудержно рыдает.

Сейчас не просто войска покидают какой-то чужой им город: мужья, отцы и братья покидают свои семьи. Мужчины, которые сегодня уходят, не знают, что произойдет с их женами, детьми и стариками. Чтобы скрыть переполняющие их чувства, бойцы расстреливают магазины своих «Калашниковых». Они стреляют в воздух, но пули возвращаются на землю — девять человек погибают в результате дикой стрельбы на спортплощадке. Отдельные группы скандируют одну и ту же клятву: «Абу Амару и Палестине мы приносим в жертву свою душу и свою кровь!»

Однако Абу Амар вскоре покинул спортплощадку. Он не показывает чувств, также обуревающих его. В качестве отговорки Арафат заявляет, что должен нанести прощальные визиты лидерам своих союзников в «Национальном движении» и в коалиции социалистических группировок.

Арафат уступает место на трибуне своему заместителю по военным вопросам Абу Джихаду. Глядя на бойцов, которые сплошь в новой униформе, Абу Джихад говорит: «Лучших войск, чем эти, ООП никогда не имела». Лучших у нее никогда уже не будет.

Позиции на линии фронта у пиниевого леса покинуты, на базах ООП в городе вскоре также не остается ни одного бойца. Штаб Арафата уже отправился в Тунис. Он живет в пустой квартире неподалеку от улицы Мазра. С ним только несколько телохранителей.

Арафат не согласен с тем, что потерпел поражение. Он говорит: *«Мои люди уходят непобежденными. Они до последнего оказывали сопротивление превосходящей силе, а также самому современному американскому оружию. Это американское оружие убивало наших женщин и детей. Но мы выстояли. И мы продолжим борьбу. У моего народа и у меня, у нас нет другого выбора. Мира не будет без признания наших прав».*

В понедельник, 30 августа 1982 года, Ясир Арафат прощается с Бейрутом. В автомобиле ливанского премьер-министра Шафика Ваззана он едет в порт. По пути его приветствуют с таким ликованием, словно он победил. На греческом судне «Атлантида», узком, элегантном, белом пассажирском пароходе Арафат покидает город, который в течение многих лет был центром его политической и военной власти. Его последние слова на бейрутской земле: «Я *ухожу для того, чтобы борьба продолжалась. Лишь так мы сможем выиграть войну»*. На шее у него ожерелье, пестрые бусины которого расположены так, что образуют флаг Палестины. Арафат и бойцы ООП смогли сохранить при себе свое оружие — они ушли на почетных условиях.

В эти почетные условия входило также и переданное от имени американского посредника Филипа Хабиба заверение в том, что с оставшимися семьями ничего не случится. Однако две с половиной недели спустя после ухода Арафата из Бейрута собственный отъезд казался лидеру ООП вовсе не таким уж почетным бегством от ответственности.

Ясир Арафат упрекал себя в том, что оставил женщин, детей и стариков беззащитными в бейрутских лагерях, в то время как сам он и бойцы живут в безопасности.

Безоружные, беззащитные палестинцы были зверски убиты ливанским христианским фалангистским ополчением 16, 17 и 18 сентября 1982 года. Под надзором израильских оккупационных войск ополченцы проникли в лагеря Сабра и Шатила на южной окраине Бейрута. Они выгоняли жителей из домов и расстреливали в упор. Днем и ночью в лагерях происходили убийства.

Так христианские ополченцы отомстили за кровавые избиения, которые во время гражданской войны совершали палестинцы. Но в первую очередь они мстили за убийство законно избранного президента-христианина, в смерти которого палестинцы, впрочем, ни малейшим образом не были виновны. За несколько дней до этого Бешир Жемайель погиб в результате покушения с применением взрывного устройства, обстоятельства этого инцидента не выяснены до настоящего времени.

Месть фалангистских ополченцев в те три дня в середине сентября 1982 года унесла более двух тысяч жизней. Непосредственную ответственность за это Ясир Арафат возложил на американское правительство, которое не может обуздать израильтян и предоставляет Менахему Бегину свободу действий «для геноцида палестинцев». Он заявил: *«Убийство произошло, несмотря на то, что Филип Хабиб дал нам гарантии, несмотря на то, что мы достигли договоренностей. Страшное событие показывает, что США не способны проводить на Ближнем Востоке объективную политику. Мое доверие к США и к Рональду Рейгану исчерпано».* То, что фраза об исчерпанном доверии состояла лишь из пустых слов, стало ясно в последующие недели.

42. Иллюзия победы

Программа беглеца из Бейрута была ориентировая на на то, чтобы заставить его и ООП забыть о потере их единственной базы. На белом корабле «Атлантида» Арафат прибыл в греческий порт Пирей. Там почетный караул военно-морских сил исполнил гимн ООП «Билади, билади»; там он был принят премьер-министром Андреасом Папандреу. Приветственные слова грека понравились лидеру ООП: «Мы считаем чрезвычайной честью, что Ясир Арафат и его соратники избрали в качестве первого этапа именно нашу страну. Мы поддерживаем героическую борьбу ООП. Греция всегда будет на стороне палестинцев».

Арафат при прибытии в Грецию был полон решимости не производить впечатления беженца, который вызывает сочувствие. Он подчеркивал, что является победителем в битве за Бейрут: *«Совместно с ливанцами и с населением Бейрута нам удалось оградить Бейрут от захвата дикими, варварскими ордами израильской армии. Мы не позволили израильтянам разрушить город. Они имели твердое намерение сделать это».*

Арафат смог привести один пункт, который действительно мог быть причислен к успехам: «Это была самая долгая война, которая когда-либо велась между арабами и израильтянами».

Из Афин Арафат вылетел в Тунис. Там, в месте пребывания Лиги арабских стран, которая была задумана как структура, возглавляющая все арабские государства, он хотел разместить свою штаб-квартиру. Правительство Туниса предоставило в его распоряжение в качестве служебных зданий дом у моря и гостиничный комплекс. Разумеется, за плату, поскольку ООП по-прежнему считалась, и по праву, состоятельной организацией.

Как бы живописно ни были расположены дом и отель, глава ООП не имел намерения отдыхать. Вскоре Арафат был принят папой в Ватикане. Иоанн Павел II этой аудиенцией хотел продемонстрировать свою симпатию к палестинскому народу, на долю которого этим летом выпало исключительно много страданий.

Однако Арафат считал, что жест папы можно истолковать как признание политической функции лидера ООП. Он прибыл в Ватикан как представитель государства, у которого лишь отсутствовала территория. Он ощущал одобрение своей деятельности в словах папы: «Палестинцы имеют право на родную страну». Это было 15 сентября. День спустя христианские коммандос-убийцы совершили нападение на лагеря палестинцев в Бейруте.

Тактика Арафата состояла в том, чтобы, выступая в качестве «бейрутского победителя», обеспечить своей организации и палестинцам уважение к их успехам. Теперь следовало добиться прорыва к международному признанию — если уж с ним беседовал папа, то и Рейган не мог далее избегать диалога с ООП. В соглашении, которое было заключено при участии Филипа Хабиба, Арафат видел отправные точки для такого диалога: *«В конце концов, мы были партнерами в переговорах с американцами. Ведь Хабиб беседовал не с духами».*

Однако международного признания можно было достичь лишь в том случае, если большинство арабских государств будет чествовать Арафата как «бейрутского победителя». Чем обширнее была бы его опора среди арабов, тем энергичнее смог бы Арафат рассчитывать на уважение со стороны ведущих государственных и политических деятелей в Европе, а прежде всего в США. Возможность такого чествования предоставила конференция глав арабских государств в Фесе. Принимающей стороной был король Марокко Хасан 11.

Когда Арафат на зафрахтованном для него самолете компании Tunis Air прибыл в региональный аэропорт Фес, все короли и президенты арабского мира собрались в отдельном зале, чтобы приветствовать «героя» братским поцелуем, отсутствовал лишь глава сирийского государства Хафез Асад. Он не хотел простить главе ООП, что тот подчеркнуто уклонялся от размещения своей штаб-квартиры в Дамаске. Асад также не мог забыть упреков Арафата в том, что Сирия подвела ООП, слишком рано заключив перемирие.

Поскольку Арафат весьма рассчитывал иметь на своей стороне единый блок арабских государств, ему следовало сделать первый шаг к примирению. Когда делегации конференции на высшем уровне пришли к соглашению о том, что Сирии надлежит вывести свои воинские соединения из Ливана, и когда президент Сирии уже поневоле и скрепя сердце согласился с этим, тут Ясир Арафат громко запротестовал.

Он обосновал свой протест следующим образом: «После отхода сирийских войск оставшиеся подразделения ООП в Северном Ливане и в долине Бекаа стали бы полностью беззащитными перед нападением израильской армии. Если сирийцы уйдут, это будет равносильно подстрекательству Израиля и христианского фалангистского ополчения к окончательному уничтожению ООП. Нам необходима защита Сирии».

Арафат сознательно возвел сирийского президента в статус покровителя ООП. Хафез Асад отреагировал мгновенно: он

вообще больше не говорил о своей готовности вывести сирийскую армию из Ливана. Он информировал глав других арабских государств о том, что Сирия покинет ливанскую территорию только после того, как израильтяне отступят. В тот день работы конференции арабских государств на высшем уровне сирийская политика в Ливане выражалась четкой формулой: безусловная связь между отводом израильских и сирийских войск.

Арафат считал, что конференция на высшем уровне в марокканском городе Фесе посвящена только лишь его «успеху в Бейруте» и его последствиям. Но вскоре ему пришлось убедиться в том, что предпочтение отдается другим пунктам повестки дня. Многие часы ушли на препирательства президентов Сирии и Ирака. Арафат сидел за одним столом с ними, когда Хафез Асад и Саддам Хусейн обменивались взаимными упреками в том, что каждый их них подсылает к другому диверсантов. Они не прекратили обмен оскорблениями и тогда, когда король Саудовской Аравии Фахд поднял вверх правую руку Арафата, чтобы тот изобразил знак победы. На «победителя» уже просто не обращали внимания.

При завершении конференции главы государств приняли решение о том, что делегация из семи человек, состоящая из президентов и королей, отправится воздушным путем в Вашингтон для того, чтобы при участии Рональда Рейгана разработать совместную мирную инициативу. Ясир Арафат настаивал на том, чтобы также войти в состав этой делегации. В принципе этой просьбе пошли навстречу, но с оговоркой, что глава ООП воздержится от поездки в Вашингтон совместно с президентами и королями. Тогда Рональд Рейган не смог бы использовать присутствие Арафата как предлог для того, чтобы вообще не принять глав арабских государств.

Арафат согласился с пожеланием воздержаться от поездки в Вашингтон, однако ему было необходимо найти такого члена делегации, который был бы в состоянии представлять позицию палестинцев. В состав ее входили король Марокко Хасан, король Саудовской Аравии Фахд, король Иордании Хусейн, президент Сирии Хафез Асад, президент Туниса Хабиб Бургиба и президент Алжира Шадли Бенджедид.

Речь могла идти только об одном — о короле Хусейне. Правда, Арафату было нелегко обратиться к нему с просьбой представлять в Вашингтоне интересы палестинцев — двенадцать лет назад Хусейн отдал приказ о выдворении из Иордании Арафата и ООП. Тогда, в сентябре 1970 года, иорданскими пулями и снарядами были убиты тысячи палестинцев. В ту пору глава ООП употребил выражение «палач из Аммана». Пусть за

прошедшие годы отношения между королем и палестинским революционером улучшились, однако они были отягощены воспоминанием о жертвах 1970 года.

Во время конференции в Фесе Ясир Арафат принял решение забыть о том, что когда-то Хусейн был его злейшим врагом. Если Рональд Рейган не желает говорить с ним, Арафатом, то его все равно пригласят за стол переговоров. И сидеть за ним вместо Арафата будет Хусейн, король Иордании.

43. Примирение с Хусейном вызывает раскол ООП

Спустя шесть недель после ухода Арафата из Бейрута он склонил короля Хусейна на свою сторону. Глава ООП заявил, что не хочет своим присутствием препятствовать попыткам прийти к решению путем переговоров. Израиль посредством оказания давления добился того, что Рейган не имел возможности говорить и вести переговоры с кем-либо из руководства движением освобождения Палестины. Он, Арафат, сторонник координации политики своей организации с политикой короля.

Они сидели друг против друга, прежние противники. О прошлом они не говорили. Однако будущее оба они представляли следующим образом: «Страна палестинцев на западном берегу Иордана будет входить в конфедерацию с Иорданией. Однако район западного берега представляет собой автономную административно-территориальную единицу, которую король Иордании представляет лишь в вопросах внешней политики.

Автономная административно-территориальная единица, которая должна охватывать арабскую часть Иерусалима, является родиной палестинцев». В ходе переговоров король должен позаботиться о том, чтобы израильтяне освободили эту родину — захваченную территорию Западной Иордании.

Единое видение будущего вначале не было задокументировано: оно должно было оставаться в тайне. Публично же Арафат сообщил о результатах переговоров, упомянув лишь некоторые общие места: *«Переговоры с королем Хусейном прошли позитивно, конструктивно и успешно».* За этим последовало выражение, которое он особенно любил: *«Оставим слова. Дела говорят громче слов!»*

Этому девизу последовал и король Хусейн. По его распоряжению премьер-министр Иордании издал приказ об амнистии для 736 палестинцев, которые входили в розыскной список королевской полиции, поскольку в связи с событиями гражданской войны 1970 года обвинялись в государственной измене. К тому же король Хусейн предоставил главе ООП возможность произвести смотр подразделений вооруженных сил Иордании, которые двенадцать лет назад были его противниками. Солдаты этих подразделений салютовали Арафату. Благодаря этому жесту честь Арафата в Иордании снова стала незапятнанной.

План создания конфедерации между Иорданией и западным

берегом Иордана представлял собой огромный риск для короля и для лидера ООП. Хусейну следовало рассчитывать на то, что бедуины его страны будут сопротивляться увеличению доли палестинского населения. Арафату же приходилось опасаться упрека в том, что он дарит легитимные права своего народа королю Иордании, который на самом деле не кто иной, как агент Соединенных Штатов.

Перед отлетом из столицы Иордании Арафат попытался сгладить впечатление, что он заключил с Хусейном тайное соглашение: «Я всего лишь председатель ООП. Единолично я не могу заключать договоренностей. Мы очень демократичная организация».

Верхушке сирийского руководства еще ничего не стало известно о результатах переговоров, до Дамаска дошли лишь домыслы об этом, а министр информации Ахмед Искандер Ахмед уже предостерегал: «Никто не имеет права обсуждать дела палестинцев с посторонними». Он произнес фразу, которая дала возможность предвидеть события последующих месяцев: «Сирийское правительство поддерживает отношения с ООП, а не с господином Арафатом!»

Однако председатель не принял этого предостережения во внимание. Он был твердо убежден в том, что все его намерения будут поддержаны большинством в органах ООП. Ведь, в конце концов, восемь из пятнадцати членов исполнительного комитета были с ним в Аммане и одобрили план конфедерации между западным берегом Иордана и королевством Иорданией.

В последние дни января 1983 года Арафат пригласил верхушку ООП для того, чтобы настроить ее на свою политику. В качестве места совещания он выбрал Аден, столицу социалистического Йемена. Для руководства ООП был зарезервирован отель «Голд Мохур» (Gold Mohur), расположенный между голыми скалами и морем. Арафат, которого в Адене принимали как главу правительства, жил на отдельной государственной даче, это комфортабельное здание стояло на выступе скалы.

В виде исключения он пригласил меня для разговора в нормальное дневное время: хотел видеть меня до ужина. Мы сидели на софе в стиле Людовика XIV. Я спросил, как он оценивает ситуацию в ООП спустя пять месяцев после потери базы в Бейруте. Ответ Арафата: *«В течение этих пяти месяцев мы доказали, что уничтожить ООП невозможно. Сейчас наши бойцы доставляют Израилю больше хлопот, чем когда-либо — на захваченных территориях и прежде всего в самом Израиле».*

На мой вопрос, продолжает ли он не считать исход битвы за

Бейрут поражением, Арафат сказал: *«Для этого у меня нет совершенно никакой причины. И политически мы также сильнее, чем когда-либо прежде. Мир понял, что мы человеческие существа, которые хотят где-то чувствовать себя дома. Такого поворота во мнении мы достигли потому, что три месяца в одиночку противостояли израильтянам и силе их американского оружия».*

В тот вечер, во влажной духоте Адена, Арафат изображал убежденность в том, что он нашел путь, который ведет на родину. Все надежды он возлагал на короля Хусейна. На мой вопрос о том, забыты ли события 1970 года, он ответил очень коротко: *«Это мы миновали».* Король, как он считал, одобрил планы конфедерации без каких-либо оговорок. Я спрашиваю: «Значит, теперь король Хусейн Ваш партнер?» На это Арафат отвечает: *«Я партнер короля!»*

Поскольку он ощущал, что столь близок к своей цели, к образованию палестинского государства, я поинтересовался, каковы его представления о родине. Он заявил: *«Иерихон, Хеброн и Набулус будут входить в нее, а также вся плодородная земля на западном берегу Иордана. Иерусалим, само собой разумеется, также входит туда. Иерусалим будет нашей столицей».* Затем Арафат указал на меня и сказал: «Мы ***двое, мы встретимся в Иерусалиме».***

С возражением о том, что без поддержки Сирии он едва ли сумеет создать родину для палестинцев, Арафат не был согласен: *«Если мы доведем движение до политического застоя, сирийцам придется поддержать нас. Тогда им не останется ничего другого».* Арафат признавал, что его огорчают плохие отношения с Хафезом Асадом: *«Наши отношения с ним столь же бесплодны, как скалы Адена».*

Во время совещания в отеле «Голд Мохур» ни один из советников не обратил его внимания на грозящую опасность. То обстоятельство, что д-р Жорж Хабаш, постоянно выступающий с резкой критикой всех контактов с королем Хусейном, не приехал в Аден, Арафат не воспринял как предостережение. Он считал, что глава Народного фронта освобождения Палестины, страдающий заболеванием сердца, воздержался от поездки из-за невыносимо влажного климата.

После заседания в Адене Арафат придерживался мнения, что сделал все возможное для начала решительного поворота. От делегатов Палестинского национального совета, эмигрантского парламента, Арафат ожидал, что они одобрят партнерство с королем Хусейном.

Когда 14 февраля во Дворце нации алжирской столицы председатель Организации освобождения Палестины вновь

говорил о «бессмертной славе битвы за Бейрут», 350 делегатов приветствовали его возгласами ликования. Арафат вновь праздновал победу над Израилем. Но в коридоре перед залом люди из штаба Арафата встретили смехом замечание дипломата ООП д-ра Исама Аль Сартави: «Еще три такие победы, и мы будем совещаться на островах Фиджи». Восемь недель спустя д-р Исам Аль Сартави был мертв — застрелен в Португалии во время конгресса Социалистического Интернационала.

После празднования победы Арафат заявил делегатам о своем намерении объединить родину палестинцев с Иорданией в рамках конфедерации. Успех этого заявления был невелик. Ахмед Джебриль, командир небольшой организации внутри палестинского сопротивления, почувствовал, что в этом вопросе председатель не может рассчитывать на явную поддержку большинства делегатов Национального совета.

Джебриль попросил слова, чтобы сообщить, что устроит ад кромешный любому палестинцу, который признает Израиль. Делегаты поняли угрозу — им надлежало быть осторожными с поддержкой плана Арафата, который по сути своей означал признание Израиля.

Д-р Жорж Хабаш, председатель Народного фронта освобождения Палестины, на четвертый день совещания сформулировал точку зрения тех, кто не был согласен с планами создания конфедерации: «Мы готовы сотрудничать с народом Иордании, но не с королем Иордании.

Поэтому: не давать мандата королю Хусейну. Он не обладает правом говорить от имени палестинцев. Право на это принадлежит лишь самим палестинцам!» Во время выступления д-ра Жоржа Хабаша Арафат мрачно смотрел перед собой.

К разочарованию Арафата, эмигрантский парламент не дал ему полномочий на прочную договоренность с королем Хусейном. Несмотря на это, он считал, что может продолжать свой курс, ведь, в конце концов, он был командующим наиболее сильной группировкой в рамках ООП. Имея за спиной Аль Фатах в качестве домашней власти, он считал себя достаточно сильным для того, чтобы осуществить план создания конфедерации.

Арафат дал знать королю, что готов к подписанию соглашения, которое следует рассматривать в качестве мандата для Хусейна. Король может вести переговоры с американским президентом о создании автономной палестинской административно-территориальной единицы на западном берегу Иордана. Основой для переговоров является американский план мирного урегулирования, разработанный осенью прошлого года.

Хусейн и Арафат совместно составили текст договора. В

конце марта 1983 года этот документ был готов. Когда подпись должна была придать соглашению силу, глава ООП, к удивлению короля, сообщил, что ему необходимо совершить одну поездку, но через несколько дней он снова будет в Аммане.

Однако вместо него в Амман прибыл Фарук Каддуми, специалист Арафата по вопросам внешней политики. Изумление короля еще более усилилось при заявлении Каддуми о том, что ООП не может предоставить полномочий на ведение переговоров до тех пор, пока не будет категорически подтверждено, что эти переговоры ни при каких обстоятельствах не будут опираться на американский план мирного урегулирования.

По этому пункту, касавшемуся плана Рейгана, обеими договаривающимися сторонами, главой ООП и королем, было достигнуто определенное соглашение. Однако Фарук Каддуми не принимал участия в предварительный беседах и в выработке текста договора. Он вел себя так, будто всю столь обширную проблему можно заново подробно обсудить еще раз.

Совершенно очевидно, что во время своей непродолжительной поездки в Дамаск и в государства Персидского залива Арафат ощутил мощное сопротивление предоставлению полномочий со стороны командования Фатах. Внезапно его оптимизм исчез. Он разом осознал, что его планы могут вызвать раскол Аль Фатах.

Правда, теперь его поведение в глазах короля выглядело не совсем порядочным: Арафат не сдержал своего обещания приехать в Амман — он подставил королю вместо себя другого партнера для переговоров. Когда председатель в конце концов все же прибыл в столицу Иордании, его встретил неблагосклонно настроенный король. Он указал Арафату на то, что касательно пользы американской инициативы было достигнуто единство мнений. Глава ООП позже рассказывает, что его возражение звучало так: «Если бы я принял план Рейгана, то Рейган немедленно, без всяких околичностей, направил бы мне посланника с особой миссией, и тогда мы вообще не воспользовались бы Вашими услугами в качестве ходатая».

Арафат хотел убедить короля в том, что достижение единого мнения касательно американской инициативы было недоразумением. Явно ощущалось, что он находится под давлением, оказываемым собственной организацией с целью не допустить его перехода в политический лагерь США. При таких обстоятельствах король Хусейн воздержался от продолжения переговоров.

Арафат был убежден в том, что благодаря быстрому изменению своей позиции на переговорах ему удалось

предотвратить раскол Аль Фатах. Его поведение осталось двусмысленным. Недовольным внутри собственной организации он заявил, что не собирается предоставлять королю Иордании полномочия на ведение переговоров — в Иорданию же он сообщил о своей готовности вскоре продолжить диалог с королем.

В мае 1983 года стало ясно, что Арафату не удалось успокоить волнения в собственной организации. Во время пребывания в Дамаске ему сообщали о проявлениях недисциплинированности отдельными региональными командирами. Председатель ООП лично отправился из Дамаска в ливанскую долину Бекаа, чтобы побеседовать со взбунтовавшимися офицерами из Фатах. Он хотел на месте узнать, почему не исполняются приказы.

В расположениях бойцов Фатах в долине Бекаа ему откровенно объявили о том, что вызвало недовольство в войсках: Арафат передал верховное командование двум офицерам, Абу Хайиму и Хайи Исмаилу. И это несмотря на то, что ему было известно об их неспособности командовать, проявившейся во время ливанской войны летом 1982 года. Поскольку сопротивление их назначению оставалось мощным, главе ООП не оставалось ничего другого, как отозвать их.

Однако этот шаг все еще не успокоил волнений. Офицер Хайи Исмаил, в свою очередь, подвергся нападкам как фаворит Арафата.

Выразителем общего критического мнения стал командир подразделения, 55-летний Абу Муса: «Это было в Сайде, когда все мы ждали приказов Хайи Исмаила. Его просто невозможно было найти. Выяснилось, что он покинул город. С ним ушли еще четыре офицера, у которых были все планы боевых действий. Так наши бойцы остались в Сайде без всякого руководства, многие погибли, другие в последний момент пытались уйти на север. Хайи Исмаил вместе с Абу Хайимом и его братом жил в Сайде как король. Они любили роскошь». Адресованный кому-либо из членов организации Аль Фатах упрек в пристрастии к роскоши был направлен против самого Арафата.

Спустя несколько дней Абу Муса распространил обвинения и на сферу политики: «Арафат ищет примирения с Израилем. Мы могли почувствовать это даже во время битвы за Бейрут. Уже тогда он глубоко погряз в болоте обещаний Филипа Хабиба. Мы просто должны были остановить его на этом пути».

Если вначале Арафат считал, что диалог с недовольными возможен, то в конце июня был вынужден признать свое заблуждение. Деловые вопросы были не важны, в центре

столкновения стояла его персона. Абу Муса требовал смены Арафата — однако Абу Муса лишь орудие в руках сирийского президента Хафеза Асада. К этому моменту Арафат осознал, что Хафез Асад хочет уничтожить его.

Еще существовала возможность примирения с сирийским президентом. Если бы Арафат назвал свои переговоры с королем Хусейном заблуждением, если бы объявил Хафеза Асада покровителем палестинцев, сириец был бы настолько милостив, что разрешил бы ему и впредь исполнять должность председателя ООП.

Правда, это примирение было бы и концом независимой палестинской политики. Арафату пришлось бы подчиниться сирийцу. На это он пойти не мог. Наоборот — Арафат обвинил Хафеза Асада, а с ним и ливийского революционного лидера Моаммара Каддафи, в стремлении уничтожить ООП.

Сирийское правительство немедленно дало ответ на эти нападки. В первой половине дня 24 июня 1983 года Арафату позвонил глава сирийского генерального штаба Хикмат Аль Шехаби и предложил покинуть Сирию до 14 часов того же дня. Если же он не последует этому предложению, то после 14 часов будет доставлен в аэропорт силой. Арафат подчинился и в 13.30 вылетел в Тунис.

Выдворение, как недвусмысленно заявил генерал Хикмат Аль Шехаби, распространяется не только на Дамаск, но и на долину Бекаа и север Ливана. Арафату также не разрешается посещать лагеря палестинцев Нахр аль Баред и Баддави у города Триполи. Этим лидер ООП был отрезан от своих бойцов.

Люди из Фатах в долине Бекаа, расположенной между Бейрутом и Дамаском, по-прежнему пребывали в непосредственной конфронтации с Израилем — и им Арафат теперь не имел права отдавать приказы. При отлете Арафата Абу Муса с издевкой сказал: «Желаю ему сладкой жизни на побережье Туниса».

В последующие недели Абу Мусе удалось одного за другим убедить лидеров Фатах в том, что организация нуждается в ином руководстве. Его аргумент: «Под руководством Арафата Фатах стала слишком жирной, слишком обрюзгшей». Действительно, она утратила порыв революционной импровизации; к власти пришла бюрократия.

Абу Муса, настоящее имя которого Саид Муса, дослужился в рядах Аль Фатах до звания полковника. Во время ливанской войны летом 1982 года он занимал должность заместителя командующего «операционной» ООП — его функция была сравнима с деятельностью заместителя генерального штаба.

Когда его начальник был убит, Абу Муса надеялся занять его место, но Арафат назначил шефом генерального штаба другого офицера. Чувствуя себя обойденным, Абу Муса обвинял Арафата в том, что тот действовал самоуправно и перестал советоваться с испытанными офицерами своей организации.

Сочетание двух факторов сделало Абу Мусу мятежником: он считал себя обойденным и твердо верил в то, что руководство Фатах исчерпало себя, оно лениво и готово заключить мир. Этот человек был весьма кстати сирийскому президенту.

Соединения, желавшие сохранить верность Арафату, постепенно вытеснялись из долины Бекаа в северном направлении. Они были приняты в лагеря беженцев Нахр аль Баред и Баддави на окраине Триполи. Командиром там был Абу Джихад, заместитель Арафата по военным вопросам. В течение июля и августа Абу Джихад наблюдал, усиливающуюся концентрацию сирийских соединений вокруг Триполи. Следовало ожидать наступления с целью уничтожить последний оплот верных Арафату людей.» Верховный главнокомандующий не мог больше оставаться в Тунисе.

Через два с половиной месяца после того, как сирийское правительство запретило Арафату когда-либо вновь ступать на землю Северного Ливана, глава ООП прибыл в порт Триполи. Для перехода через море на Кипре было зафрахтовано небольшое старое грузовое судно.

Корабли израильского военно-морского флота, которые контролировали акваторию моря перед ливанским побережьем, не задержали грузовое судно. Торпедные катера израильтян, которые обычно тщательно охраняли подходы к ливанским портам, исчезли — хоть и не было тайной, что Арафат, прибыв на Кипр, отважится отправиться в Триполи.

44. В час крайних затруднений — политический взлет Арафата

Аль Фатах — соль земли, Арафат — вождь!» Это изречение, выдуманное адъютантами Арафата и размноженное на сотнях плакатов, висело на стенах офисов Фатах и хижин беженцев в лагере Баддави к северо-востоку от Триполи. На окраине лагеря возникли четыре прочных многоэтажных дома, построенных за прошедшие месяцы по распоряжению Фатах в качестве служебных помещений для председателя и его штаба. В домах находились также квартиры руководителей Фатах.

Деньги у организации были, и об этом наглядно свидетельствовали офисы: оборудование было изготовлено на европейских мебельных фабриках. На рабочих столах стояли дорогие пишущие машинки, с которыми молодые женщины, сидящие за клавиатурой, не умели обращаться. Арафат распорядился оборудовать офисы так, словно собирался надолго превратить лагерь в Баддави в центр управления Аль Фатах и ООП.

В невысоких домах и хижинах живут тридцать тысяч человек. Отцы семейств — ремесленники, торговцы, крестьяне. Лагерь Баддави представляет собой экономическое единство, которое само себя обеспечивает. Подобным же образом организован расположенный поблизости лагерь Нахр аль Баред, который находится по соседству с оживленной дорогой, ведущей из Триполи на север, к сирийской границе.

Начиная со дня прибытия, Арафат был озабочен положением лагерей с военной точки зрения. Они находятся у обширного подножия возвышенности Торбол, уходящей на северо-восток. Для того чтобы занять ее, вооруженных сил Арафата недостаточно. Противник — соединения, переметнувшиеся на сторону Абу Мусы, и поддерживающие их сирийские войска — эту возможность использовал: установил свои артиллерийские орудия на возвышенности Торбол.

После совещаний с Абу Джихадом Арафат принял решение самому утвердиться в городе Триполи, чтобы иметь в своем распоряжении тыл, откуда сможет происходить снабжение бойцов, находящихся в Баддави. Было важно иметь выход к порту, поскольку Арафат ожидал подкрепления, которое должно было подойти морским путем.

Однако территория вокруг порта Триполи, городской район Мина, была в руках коммунистической организации, которая

симпатизировала Сирии и поэтому входила в число противников Арафата. Если Арафат хотел иметь в распоряжении порт, вначале следовало прогнать коммунистов. С этой целью председатель Фатах пошел на союз с существующими в Триполи силами, имеющими сугубо исламскую ориентацию.

Эти силы были организованы в «Движение исламского единения», которым руководил священник-суннит шейх Саид Шаабан. «Движение исламского единения» в течение двух лет с помощью ООП создало боеспособное ополчение, бойцы которого были дисциплинированны и имели в своем распоряжении любое оружие — от автоматов до легкой артиллерии. Это ополчение контролировало важные кварталы в центре Триполи.

Шейх Саид Шаабан был благодарен Арафату за военную и финансовую помощь. Тем не менее прежде, чем деятельность союза Аль Фатах с «Движением исламского единения» принесла эффект, он выдвинул одно условие: он потребовал, чтобы Арафат взял на себя обязательство придерживаться законов ислама как в повседневной жизни, так и в политической деятельности. Арафат, который до сих пор, учитывая наличие в рядах ООП палестинцев-христиан, воздерживался от подобных обязательств, дал требуемое согласие.

В ответ на это шейх Саид Шаабан отдал своему ополчению приказ очистить район порта от коммунистов. Эта акция состоялась на второй неделе октября 1983 года. Важнейших партийных функционеров-коммунистов священнослужитель приказал арестовать и казнить. С этим кровавым злодеянием, которое не было согласовано с Арафатом, руководство Фатах не могло примириться, ибо оно вгоняло клин между председателем и кремлевскими лидерами.

Арафату следовало ожидать, что власть предержащие в Москве вменят ему в вину соучастие в убийстве 47 членов Коммунистической партии Ливана, находящейся в зависимости от Москвы. Арафат также находился в зависимости от Москвы — в частности, в своем столкновении с Хафезом Асадом.

Лишь две недели спустя после завоевания порта Триполи противники Арафата прекратили свои выступления в восточной части города. К числу противников относятся следующие соединения: подразделения Фатах, послушные приказу полковника Абу Мусы; батальоны подчиненной сирийцам Палестинской освободительной армии под командованием бригадного генерала Тарека аль Хадра; группы просирийски ориентированной организации «Ас-Сайка»; боевые соединения «Народного фронта освобождения Палестины — Генерального штаба» Ахмеда Джебриля и не бывшей до сих пор сколь-нибудь

значительной группы «Боевой народный фронт Палестины» д-ра Самира Гоша.

31 октября в 5 часов 30 минут противники Арафата артиллерийским ударом начали наступление на лагеря Нахр аль Баред и Баддави. С позиции на возвышенности Турбол орудия и гранатометы давали залп за залпом по позициям войск, верных Арафату. Мятежники имели преимущество в тяжелом вооружении, однако не в боевом опыте и решимости. Гранатометы, находившиеся в распоряжении Абу Мусы, не всегда поражали желаемую цель.

Так, уже в первый день сражения снаряды рвались на территории нефтеперерабатывающего завода в Триполи. Огонь охватывал один резервуар за другим. В небо поднималось огромное облако дыма, по форме и высоте сравнимое с атомным грибом. В ходе боев за Триполи сгорели запасы нефти стоимостью сто миллионов марок.

На четвертый день боев Абу Джихад, полевой командир Арафата, признал необходимость незамедлительно покинуть лагерь Нахр аль Баред: противнику удалось прорваться внутрь линии обороны. Отход из Нахр аль Бареда означал для сторонников Арафата потерю радиостанции. Ее не смогли своевременно размонтировать.

Вечером того же дня передатчик транслировал обращение Абу Мусы к «арафатистам» с призывом сдаваться. Правда, Арафат был далек от мысли о капитуляции. Во время короткой беседы в зоне боев он дал мне понять, что его положение далеко не критическое, что у него в запасе есть сюрпризы.

Неделю велись ожесточенные бои за лагерь Баддави. 16 ноября он был захвачен мятежниками, однако уже два дня спустя мусульманин Арафат смог в пятницу вознести свою молитву в мечети Баддави. Правда, потом он потерял и этот последний лагерь в Ливане, который был в состоянии контролировать.

Ни в одной из стран теперь не существовало автономного лагеря палестинцев. В Баддави Арафат еще был главой правительства, а в качестве гостя лидера мусульман шейха Саида Шаабана он был беженцем, который ищет защиты. *«Я покину Триполи, когда жители Триполи этого от меня потребуют»*, — говорил Арафат.

Абу Джихад, приказы которого во фронтовой обстановке имели определяющее значение, считал, что на открытой местности Абу Муса имеет превосходство благодаря своим танкам, однако в «бетонных джунглях» города защитник будет иметь преимущество перед нападающим. Нападения не произошло.

В ночь с 23 на 24 ноября 1983 года Арафат выиграл дипломатическое сражение, имеющее большое значение: ему удалось освободить 4600 палестинцев и ливанцев из израильского лагеря для военнопленных Аль Ансар в обмен на выдачу шести пленных израильтян. Переговоры об обмене велись в течение месяцев. Теперь Израиль уступил столь непомерным требованиям Арафата, чтобы вывести пленных израильтян из зоны повышенной опасности в Триполи.

В этот день Арафат с полным правом мог сказать: «Это чудо палестинской революции! Окруженные здесь, в Триполи, врагами, мы оказываемся в состоянии освободить почти 5000 наших людей. Наши противники стреляют в палестинский народ. Мы вызволяем наших братьев из израильского лагеря для военнопленных». 1117 из освобожденных на зафрахтованном многоместном реактивном лайнере компании Эйр Франс вылетели из Израиля в Алжир.

Оказавшись на свободе, они размахивали портретами Арафата и кричали: «Мы отдадим свою кровь за Абу Амара!» Большинство из них были полны решимости немедленно отправиться в Триполи.

Жители захваченных территорий на западном берегу Иордана никогда не допускали сомнений в том, что желают хранить верность Арафату, даже если он находился в затруднительном положении. Когда ему удалось вызволить из-под власти Израиля и отправить домой столь большое количество палестинцев, Абу Амар стал по-настоящему народным героем. Начиная с той ночи с 23 на 24 ноября 1983 года, в палестинских селах поют песни-легенды об Арафате.

Президент Сирии Хафез Асад больше не может позволить себе уничтожить Арафата. В сознании масс палестинцев Арафат превосходит своего противника Хафеза Асада. Однако действительность не соответствует легендам.

45. Интифада — восстание

В конце борьбы за Северный Ливан в 1983 году Ясир Арафат был вынужден быстро отойти. Ему пришлось бежать. Приключение закончилось бесславно. С этого момента в течение четырех лет глава ООП находился в обороне. Руководство израильской армией, позволившее ему ускользнуть морским путем в Тунис, вскоре осознало, что совершило ошибку.

Если бы во время бегства Арафат был взят в плен, движение освобождения Палестины на этот момент не имело бы никакого шанса выжить. Не было личности, которая могла бы выдвинуться в лидеры. Бойцы были деморализованы: они жертвовали собой не в борьбе против Израиля, а в столкновении с арабскими и палестинскими братьями.

Сторонники Арафата жили в странах, удаленных от Израиля. Образ страны, которая могла бы называться Палестиной, разлетелся на куски. В течение этих четырех лет, прошедших с 1983 года, Арафат часто был единственным, кто еще верил в создание родины на палестинской земле. Он был убежден, что однажды произойдет поворот.

Ценные соратники были убиты. Погиб и Абу Джихад, глава военного ведомства ООП. Арафат же избежал даже израильского воздушного налета на его штаб-квартиру в Тунисе. Ситуация на Ближнем Востоке изменилась 8 декабря 1987 года: палестинская молодежь на захваченных территориях поднялась против израильских захватчиков.

Генерал и политик Ариэль Шарон переехал в исламскую часть Иерусалима — Старый город. Этот переезд был задуман Шароном как провокация: он хотел раз и навсегда продемонстрировать палестинским мусульманам, что и восточная часть Иерусалима навеки относится к Израилю. Если бы переезд совершился скромно, это не вызвало бы подъема движения протеста. Однако Ариэль Шарон перебирался в сопровождении громадной пропагандистской шумихи — и устраивал пышные празднества для друзей и политических единомышленников. Алкогольные напитки предлагались в избытке. Это особенно раздражало мусульман в Старом городе Иерусалима. Израильские политики, обладавшие глазомером — такие, как Абба Эбан, бывший министр иностранных дел, — опасались, что «фестиваль чревоугодия» закончится бедой.

Первые демонстрации молодых палестинцев прошли без применения насилия. Они выкрикивали: «Шарон исчезни!» Хоть камни еще и не летели, израильская полиция сочла необходимым

выставить вокруг дома Шарона цепи охраны. Присутствие многочисленных полицейских и солдат, в свою очередь, вызвало возбуждение палестинцев. Они окружили здание.

Священники мечети Аль Акса у наскального храма — оба святилища находятся в Старом городе Иерусалима — в пятницу, предшествовавшую 8 декабря, произносили проповедь о «задаче стать мучениками в священной борьбе за веру». Молодежь восприняла эти слова как призыв исламских лидеров отдать свои жизни в борьбе против Израиля. Психологическая ситуация созрела для восстания.

Оно возникло не стихийно. Акция была вполне подготовлена. Молодые люди организовались в группы и создали структуры руководства. Это произошло независимо от Ясира Арафата и ООП. Верхушка движения освобождения Палестины находилась в Тунисе — вдали от очага конфликта между палестинцами и израильтянами.

На исходе 1987 года молодежь в Старом городе Иерусалима, в Иерихоне, Хевроне и секторе Газа и не думала о том, чтобы позволить «ленивым, инертным толстякам в Тунисе» давать себе указания. По их мнению, Арафат и его советники сидели в безопасности вдали от выстрелов. Они же были вынуждены ежедневно страдать под жестким кулаком израильских захватчиков.

Летом 1987 года исполнилось двадцать лег со времени завоевания сектора Газа и западного берега Иордана — и, следовательно, исламской части Иерусалима — израильской армией. Тот из жителей этих областей, кому было меньше двадцати лет, никогда не жил в условиях свободы. Он вынужден был привыкнуть к израильским патрулям, к оскорбительным проверкам, к обыскам в домах. Политика захватчиков всегда строилась на запугивании с помощью строгости режима. Палестинцам было запрещено открыто заниматься политической деятельностью, направленной на освобождение. От них требовались спокойствие и покорность. Их гордость была сломлена.

Старики тогда смирились, однако в молодых в том 1987 году проснулась воля к протесту. Они сами желали вершить борьбу и сопротивляться. Так произошло, что на захваченных территориях возникли группировки, независимые от ООП. Они были организованы по региональному принципу и отказались от вышестоящих командных структур.

Группы объединяло одно: они ждали повода для нанесения удара и стремились действовать сообща. Переезд Ариэля Шарона в Старый Иерусалим всеми группами был воспринят как вызов, на

который следует отреагировать.

Когда на всех захваченных территориях в израильских солдат полетели камни, то немедленно возникло меткое название для этой акции: интифада — восстание. Телевидение транслировало кадры, изображавшие детей, которые подбегали к израильским солдатам, чтобы забросать их камнями величиной с кулак. Девочки и мальчики были проворны — солдаты реагировали неповоротливо.

На них были стальные каски и противоосколочные жилеты, весившие пять килограммов; на поясе у них были ручные гранаты и в руках автоматы. Вооруженные таким образом — и это было заметно — они чувствовали себя в своей неуклюжести жуткими и выставленными на посмешище.

Вскоре комментаторы уже использовали символику Давида и Голиафа. До сих пор израильтяне всегда были горды тем, что в ближневосточном очаге напряженности выступают в роли Давида, который устоял против могущественного Голиафа — имелся в виду арабский противник в целом. Теперь же израильтянам пришлось констатировать, что Давидом комментаторы называют палестинскую молодежь, а Голиафом — вооруженных до зубов солдат. Впервые за всю историю ближневосточного конфликта симпатии мировой общественности были на стороне палестинцев.

До настоящего времени в результате террористических актов — таких, как стрельба по прохожим и нападения на школы — возникало впечатление, что палестинцы делают ставку на применение грубой силы. Но действия юношей, швыряющих камни, мировая общественность не считала насильственными. Скорее, солдат-оккупантов обвиняли в том, что они проявляли жестокость в ответных действиях.

В действительности зачастую они не видели другой возможности помочь самим себе, кроме как открывать прицельную стрельбу. По официальным данным Израиля, в течение первой недели интифады от выстрелов израильтян погибло 23 палестинца. 76 молодых людей были ранены. В последующее время в неделю погибало в среднем десять палестинцев.

Ясир Арафат выдвинул лозунг: «Мы не применяем оружия. Винтовки спрятаны. Это революция камней!» Он сознательно смирился с тем, что палестинцы умирают, в то время как камни не наносят солдатам вреда. Для его политики важны были «святые мученики»: он нуждался в сострадании мировой общественности.

Он хотел вызвать в сознании прежде всего американского населения возмущение против Израиля, которое, в свою очередь,

можно было использовать в политических целях. Критика действий израильтян должна была быть настолько неприятной руководству еврейских общин в США, что они оказали бы воздействие на политиков государства Израиль.

Арафат имел намерение заставить власти Израиля вступить в контакт с ООП с тем, чтобы лидеры Организации освобождения Палестины положили конец выступлениям молодежи. Арафат поставил себе политической целью вынудить политиков блока «Ликуд» к уступкам. Они должны были признать ООП в качестве политической силы, с которой следует вступать в переговоры. Правильность подобного расчета подтвердилась позднее.

Премьер-министр Шамир вначале придерживался мнения, что восстание стихнет: «Если мы в течение достаточно долгого времени проявим стойкость, этот огонь погаснет!» Израильские политики его поколения уже сталкивались с эмоциональными порывами арабов, которые вспыхивают и снова остывают. Однако на этот раз опыт оказался бесполезным: нормализации на захваченных территориях не наступало.

До настоящего времени израильской армии по отношению к строптивым палестинцам приходилось проявлять лишь суровые меры, и любое сопротивление бывало сломлено. Солдаты были привычны к тому, что население захваченных территорий отвечало на строгость смирением, покорностью. Министр полиции Хаим Бар-Лев первым констатировал изменение в поведении палестинцев: «Чувствуются мужество и гордость!»

На этот раз смирение распространяется в Израиле. Министр обороны Рабин воспротивился подобному изменению настроений, заявив: «Мы применим все военные средства, чтобы задушить насилие со стороны палестинцев».

Когда число застреленных юношей возросло, интифаду приняло к сведению и правительство Египта. Президент Хусни Мубарак — постоянно озабоченный тем, чтобы ничем не обременять свои отношения с Израилем, — заявил, что возмущен жестокостью израильских оккупационных властей. Президент Египта вслух рассуждал о том, не будет ли разумным заморозить дипломатические отношения с Израилем. При сложившихся обстоятельствах они более недопустимы. Израильский премьер-министр был поставлен перед опасностью того, что мир с Египтом находится под угрозой.

Король Иордании Хусейн пытался с помощью публичных заявлений дать понять израильским политикам, что интифада — реакция на двадцати летнюю оккупацию. Добиться окончания восстания можно лишь скорейшим объявлением о выходе с захваченных территорий.

Молодым людям в Восточном Иерусалиме, Хевроне и Иерихоне следует вселить надежду на то, что по прошествии обозримого времени их жизнь обретет смысл. Однако это возможно только в том случае, если будет дана перспектива достойного человека существования на собственной родине, которая не подлежит чужому контролю.

14 сентября 1988 года Арафата принимают в Европейском парламенте в Страсбурге. Я получаю возможность побеседовать в ним. Арафат говорит: *«Сейчас начинается конечная фаза конфликта с Израилем. Я уверен, что мы сможем прийти на свою родину».* Впервые Арафат ясно заявляет, что твердо решил провозгласить государство палестинцев.

В 1988 году Арафат знает, что не сможет развязать восстание, которое послужило бы его целям. Поэтому он даже не пытается отдавать указания «революционерам камней» — они не послушались бы. Его беспокойство вызывает сознание того, что молодежь все больше и больше прислушивается к словам исламских священников, которые проповедуют подчинение будущего государства Палестины законам ислама. Достичь этого государства можно вообще только посредством строго следования заповедям Аллаха.

Мысль об этом глава ООП отклоняет. Хоть он и мусульманин, однако всегда помнит о том, что не все палестинцы мусульмане, что многие из них приверженцы христианского вероисповедания. Исламизация Палестинского освободительного движения вбила бы клин между конфессиональными общинами палестинского народа. Если он хочет сохранить их единство, то должен пропагандировать идею, могущую составить противовес идеологии исламского государства.

Если ранее Арафат давал понять, что не является противником осуществления в будущем государстве Палестина всего богатства социалистических идей, то теперь он совершенно забыл о подобных наклонностях. Советский Союз, с которым он считался, в период пребывания у власти Горбачева полностью утратил какое-либо влияние на события на Ближнем Востоке.

Теперь ничто не вынуждало Арафата заявлять о своей приверженности социализму. Ему больше не было необходимости беспокоиться о будущем идеологическом устройстве государства палестинцев. Свое представление о родине палестинцев он свел к наименьшему знаменателю: *«Это будет национальное государство нашего народа!»*

46. Арафат провозглашает государство палестинцев

Именем Бога и арабского палестинского народа я провозглашаем государство Палестину на палестинской земле». Такова была решающая фраза, которую Арафат произнес 13 ноября 1988 года. Он добавил: *«Столицей будет Эль-Кудс»* — под этим он подразумевал Иерусалим.

Слушателями были делегаты боевой организации Аль Фатах, составляющей личное владение Арафата. Место действия: зал заседаний центра конгрессов «Клуб де Пин» в окраинных районах Алжира. Это не являлось еще провозглашением государства палестинцев — подобное могло произойти лишь в Национальном совете Палестины, эмигрантском парламенте.

Заседание этого органа должно было состояться два дня спустя. Арафат знал, что убедить делегатов Национального совета в своем намерении провозгласить государство ему удастся лишь в том случае, если вначале он сможет привлечь на свою сторону посланцев Аль Фатах. Однако сейчас они проявили упрямство. Так просто они не следовали желанию своего председателя.

Причина их колебаний заключалась в том, что он потребовал согласия с решением Совета Безопасности № 242 — а это означало согласие с правом государства Израиль на существование. До настоящего времени сам Арафат никогда не принимал еврейское государство по-настоящему всерьез. Аргумент его был таков: непризнание права на существование — это последний козырь для переговоров, который остался у палестинского народа. Его можно сдать только в ходе прямого диалога с израильтянами. От этой точки зрения Арафат не отступал никогда.

Внутри руководящего органа Аль Фатах шла дискуссия о том, какую территорию должно охватывать государство Палестина. Двадцать лет назад боевая организация приступила к уничтожению еврейской структуры, чтобы дать возродиться Палестине, которая должна была стать родиной для мусульман, евреев и христиан. Теперь же государство палестинцев должно было существовать как отдельный автономный регион.

Решение об отказе от родины, которая включала бы всю территорию между Средиземным морем и Иорданом, далось сторонникам Арафата нелегко. Делегаты из района Хайфы жаловались, что никогда не смогут увидеть землю предков, поскольку она теперь навсегда будет принадлежать государству

Израиль. Арафат аргументировал тем, что такой отказ необходим с целью сохранить хотя бы часть страны Палестины: *«Я готов создать наше государство в самом малом уголке Палестины. Он положит начало нашему суверенитету, который однажды распространится на всю Палестину. Отказ ограничен во времени».*

В том 1988 году Арафат праздновал свое 60-летие. Он подводил итог своей жизни. В течение двадцати лет он был лидером боевой организации, которая преследовала цель создания родины для лишенного прав народа палестинцев. До сих пор она не достигла практически ничего. Арафат честно признавался себе в том, что теперь он едва ли был выразителем надежд своего народа.

К тому же здоровье его было подорвано. Ему доставляло много хлопот заболевание шейных позвонков, причиняющее сильную боль. От разочарования его могло спасти лишь одно успешное событие. Он считал, что провозглашение государства Палестина послужит ему стимулом.

Однако в ночь с 13 на 14 ноября 1988 года план провозглашения государства, казалось, обречен на поражение. Верх взяли делегаты Аль Фатах, выступавшие против плана. Они обвиняли Арафата в предательстве палестинской революции с целью проведения буржуазной политики по примеру глав капиталистических государств. Ведь он всегда говорил, что будет заслуживать смерти, если когда-нибудь изменит принципам борьбы палестинцев. Он был убежден в том, что отнятое силой следует возвращать с применением силы. Один из делегатов спросил, не забыл ли Арафат свой лозунг, что только автомат Калашникова открывает путь на родину.

Арафат признавал, что уже много лет назад отдал командиру своей охраны приказ пустить ему пулю в голову, если он когда-нибудь выскажет мысль о необходимости признания Израиля. Но и командир понимал, что времена изменились, что наступила эра переговоров. Арафат распорядился пригласить командира в зал заседаний и спросил его, правду ли он сказал. Полковник охраны кивнул.

Его появление вызвало желаемый эффект. Противники утратили мужество. Арафат покинул делегатов на два часа. Его охватила усталость. Но спать он не хотел — он ходил взад и вперед перед зданием центра конгрессов. Когда над морем появились первые слабые проблески света, он вернулся на заседание. Там как раз утихли последние сомнения. Большинство делегатов Аль Фатах заявило о своей готовности поддержать своего председателя в Национальном совете Палестины.

15 ноября 1988 года состоялось решающее заседание

эмигрантского парламента: Арафат провозгласил государство палестинцев. Масса присутствующих ликовала. Он возвестил, что государство будет построено на демократических началах и оно не присоединится ни к одному из блоков между державами Запада и Востока. Еще существовал Советский Союз, еще существовал восточный блок. В ту ночь Арафат отмежевался от Москвы. Он заявил о своем стремлении к проведению политики неприсоединения.

Провозглашение означало также отказ от насилия — правда, с существенной оговоркой: «Это не означает, что мы также отказываемся от насилия в борьбе за захваченные территории. В этой борьбе применение силы является легитимным. Мы не прекращаем борьбу против Израиля!» Арафат обещал делегатам Национального совета Палестины, что его целью является освобождение Иерусалима — за это он будет бороться до смерти.

В ту же ночь руководство Израиля констатировало, что провозглашение государства не создало новых политических фактов. Председатель по-прежнему полон решимости уничтожить государство евреев. По этой причине израильское правительство никогда не допустит создания государственного образования палестинцев. Оно постоянно являло бы собой очаг насилия и терроризма. Премьер-министр Шамир попытался представить провозглашение государства Арафатом как фарс, вызывающий смех.

И в рядах радикальных палестинских боевых организаций были личности, которые не принимали всерьез решение Арафата о построении государственной власти. Жорж Хабаш, глава Народного фронта освобождения Палестины, считал провозглашение излишней акцией. Он предостерегал Арафата от того, чтобы сформировать даже эмигрантское правительство. «Политические игры» Хабаш считал бесполезной тратой времени: «Мы снова должны подумать о борьбе. Мы борцы за свободу!»

Однако Арафат указал на то, что мир пребывает в фазе разрядки, в которой нет места борцам за свободу! Своей «революцией камней» палестинский народ мог вызвать симпатии, потому что тяжело вооруженные солдаты подвергались нападению безоружных детей. Однако террористические акты с применением взрывных устройств, направленные против гражданских лиц, вновь разрушат приобретенный престиж.

Когда было провозглашено государство палестинцев, Жорж Хабаш вышел на трибуну и произнес слова примирения: «Эта ночь была поистине судьбоносной. Я желаю, чтобы правы оказались те, кто сегодня принял решение в пользу государства. Через два или три года мы узнаем, кто прав. Если это провозглашение

продвинуло нас вперед, я признаюсь в своем заблуждении. Если же моя точка зрения окажется правильной, вы будете стоять со мной рядом на поле сражения против сионистского врага».

Арафат зааплодировал. Этот жест дружелюбия не стоил ему никаких усилий, ибо ему было известно, что влияния Жоржа Хабаша шло на убыль. Причиной этого была не только болезнь главы Народного фронта, который перенес два инсульта, но и ослабление интереса к марксисткой идеологии, которой Хабаш всегда сохранял верность.

Власть предержащие в Москве собирались отойти от марксизма. Марксисты вышли из моды. Бойцы выходили из состава Народного фронта освобождения Палестины, чтобы перейти в религиозные группировки. Марксизм как идеология сменился исламом. Арафату такое развитие событий не доставляло удовольствия.

Доволен он был реакцией людей на захваченных территориях. Ему сообщали, что там разыгрывались сцены бурною проявления радости, что восторг огромен. Распространилась надежда, что за провозглашением вскоре в действительности последует основание государства.

Правовые предпосылки для этого создал король Иордании Хусейн в телевизионном обращении 31 июля 1988 года. Суть его выступления — отказ от земель западнее Иордана. Они никогда больше не должны принадлежать к его королевству. Таким образом, земли переходили к палестинцам.

Согласно нормам международного права, в основе образования государства лежат три фактора: народ, земли и государственная власть. Палестинцы являлись народом, а Иордания передавала в собственность этого народа земли. Оставалась государственная власть. Ее, в соответствии с международным правом, могло бы осуществлять эмигрантское правительство. Арафат все еще остерегался формировать такое правительство. В результате международно-правовых последствий провозглашение государства не имело.

47. Просчет Ясира Арафата в войне в заливе

Совсем немного не хватило для того, чтобы 7 августа 1990 года Ясир Арафат впервые встретился с американским политиком высокого ранга. По прибытии в королевский дворец в Джидде председатель ООП узнал, что король Саудовской Аравии Фахд как раз занят переговорами с министром обороны США Ричардом Чейни. Тот прибыл в Джидду с целью разъяснить монарху Саудовской Аравии, что президент Джордж Буш принял решение изгнать Саддама Хусейна из Кувейта.

Правительство США не желало терпеть нарушения норм международного права, таких, как вторжение Ирака в эмират, расположенный у северной оконечности Персидского залива. В ходе переговоров 7 августа Чейни удалось убедить короля в том, что иракский диктатор полон решимости продолжить свое наступление от границ Кувейта в направлении нефтяных месторождений Саудовской Аравии. Поэтому существует настоятельная необходимость нанести иракским войскам решительное поражение. Развертывание вооруженных сил для подготовки кампании должно происходить с территории королевства Саудовская Аравия.

То обстоятельство, что переговоры в королевском дворце Джидды уже были завершены — король согласился с американскими планами ведения войны, — вначале осталось скрытым от Арафата и сопровождавшего его Абу Аяда. Обоих лишь удивило то, что монарх не имеет времени принять их.

Они заметили нервозное состояние людей в длинных белых рубахах, которые в спешке проносились по коридорам. Однако эти члены штата королевских советников обменялись с главой ООП лишь немногими словами. Сбитый с толку, Арафат решил прервать свое пребывание в Джидде, чтобы лететь в Вену на церемонию похорон Бруно Крайски.

Таким образом председатель ООП упустил возможность жить под одной крышей с американским министром обороны — американец также был гостем короля. Ричард Чейни, высшее лицо в военном аппарате США, в то время по оценке ООП был злейшим врагом палестинского народа. Ему вменялись в вину поставки израильской армии огромных партий оружия. Мнение Арафата было таково: *«Чейни дает израильтянам оружие, которым они убивают палестинцев!»*

Арафат прилетел в Саудовскую Аравию с целью сообщить

королю Фахду о том, что Саддам Хусейн объявил о своей готовности согласиться на политическое решение. Это могло означать лишь то, что иракский президент пришел К убеждению уйти из Кувейта. 5 августа состоялся разговор между Арафатом и Саддамом Хусейном. Иракский президент завершил его такими словами: «Навестите Саудов и скажите им, что я готов побеседовать об этом происшествии!»

Непосредственно после посещения Багдада Арафат и Абу Аяд полетели в Каир в намерении убедить Хусни Мубарака в том, что военной акции США следует избежать, ибо она может нанести ущерб всему военному потенциалу арабских стран в целом — в конце концов, Ирак также арабская страна, которой отводится свое место в совместном фронте против Израиля.

Правда, у Хусни Мубарака Арафат не встретил понимания: президент Египта настаивал на том, что Саддама Хусейна следует поставить на место — он нанес слишком большой ущерб престижу арабов. Мубарак подчеркнул, что не будет иметь ничего против, если американцы проявят активность в районе Персидского залива.

Улетая из Каира, Арафат справедливо полагал, что глава египетского государства получил из Вашингтона обещание оказать значительную финансовую помощь.

Теперь все свои надежды председатель ООП возлагал на короля Фахда — он должен был убедить президента Буша в том, что конфликт вокруг Кувейта может быть решен путем внутриарабских переговоров. Арафат не знал, что король боится нападения агрессивного Саддама Хусейна на Саудовскую Аравию с целью изгнать «дом Саудов». Король прослышал о том, что иракский лидер якобы заявлял о своем желании положить конец феодальной системе в Саудовской Аравии.

Арафат дал знать королю, что беседовал с Хусейном и хочет передать важное сообщение. Ему ответили, что монарх примет главу ООП лишь 8 августа — Арафат может без колебаний отправляться в Вену на траурную церемонию похорон Крайски. Для этой цели король Фахд предоставил один из своих самолетов.

То обстоятельство, что король медлил с назначением срока беседы с Арафатом, имело причину: председатель ООП воздержался от осуждения иракского нападения на Кувейт и перед телекамерой демонстративно обнимал Саддама Хусейна. Короля Саудовской Аравии, который чувствовал угрозу для себя со стороны С. Хусейна, обидел этот жест Арафата.

В Багдаде председатель действовал чрезвычайно обдуманно. Если он хотел достичь политического разрешения конфликта, то

не должен был обманывать Саддама Хусейна. Осуждение иракской акции в Кувейте могло бы побудить Саддама Хусейна не принимать больше Арафата. Тот же хотел добиться успеха путем переговоров и этим поднять свой престиж в глазах арабских правительств и общественного мнения Запада.

Арафат уже видел себя героем, который знает, как предотвратить войну в заливе. Он не ощущал, что те политические силы, которые играли ведущую роль на Ближнем Востоке, уже приняли решение о развязывании войны.

У мирных усилий Арафата был еще один мотив. Он хотел прежде всего сохранить рабочие места для полумиллиона палестинцев в странах, расположенных в регионе залива. Значительную часть своих доходов они передавали в ООП. Если у Персидского залива разразится война, нужда в палестинцах отпадет и они будут, вынуждены покинуть страны, оказавшие им гостеприимство. Тогда они будут не в состоянии снабжать ООП деньгами. Правда, на случай войны председатель уже разработал аварийную программу: все расходы его организации должны были быть сокращены на треть. В 1990 году бюджет ООП составил 1,2 миллиона долларов.

После возвращения из Вены Арафата и Абу Аяда принял король Фахд. Монарх не сказал ни слова о том, что уже дал американскому министру обороны согласие на доставку в свою страну войск и военной техники, что первые боевые самолеты уже находятся на пути на военно-воздушные базы, расположенные на территории Саудовской Аравии.

Фахд выслушал предложения председателя ООП и одобрил план, предусматривавший отвод иракских войск на линию границы между Ираком и Кувейтом. Затем Арафат спросил короля о том, не согласится ли он встретиться с Саддамом Хусейном за столом переговоров. После короткого согласования с кронпринцем он воодушевил Арафата на организацию встречи с иракским лидером.

Арафат, который теперь был убежден в том, что совершил прорыв в направлении мирного разрешения конфликта в Персидском заливе, коснулся щекотливой темы финансирования своей организации. К его удивлению, лица собеседников приняли ожесточенное выражение.

Король предоставил отвечать кронпринцу Абдалле, который явно только и ждал того, чтобы высказать Арафату свое мнение. Абдалла упрекнул Арафата в неблагодарности: Кувейт годами оказывал ООП финансовую поддержку — теперь же, когда на эмира обрушилась беда, Арафат обнимает его злейшего врага. Абдалла назвал такое поведение вероломным.

Арафат попытался защищаться, однако кронпринц даже не дал ему говорить. Председателя ООП обвинили в том, что подобной политикой он выражает свое недоброжелательное отношение к жертве агрессии, пострадавшей от жажды наживы со стороны Ирака. Арафат понял, что не сможет больше рассчитывать на финансовую помощь Саудовской Аравии. Из слов кронпринца ему также стало ясно, что король в действительности не готов встретиться с Саддамом Хусейном. Он был удивлен, почему Фахд не сказал ему правды.

Однако председатель не смирился. Он принял решение умышленно всерьез воспринять готовность короля встретиться с Саддамом Хусейном. Арафат и Абу Аяд вновь полетели в Багдад. Их немедленно доставили в бункер, где находился командный пункт иракского президента. По пути оба палестинца узнали о его заявлении, что Кувейт теперь является 19-й провинцией Ирака. Этим попытки разрешения конфликта путем переговоров были лишены какой бы то ни было свободы действий.

Из опыта политической жизни Арафат знал, что настойчивость оправдывается. «Не сдаваться», — таков был его принцип при ведении переговоров. Так, словно заявление об аннексии ничего не изменило, Арафат попросил президента на следующий день отправиться в Каир, чтобы там приступить к переговорам с главами арабских государств. В принципе Саддам Хусейн был согласен на поездку и на переговоры — однако лишь с условием, что в беседах не будет принимать участия эмир Кувейта. Он дал понять, что для него монархия в Кувейте ликвидирована навеки. Арафат возразил, что эмиру нельзя запретить представлять свои интересы, однако ответа не получил.

Теперь Арафат изменил свой план. Он спросил президента, готов ли тот принять в Багдаде глав арабских государств, однако при этом он оставил открытым вопрос об участии в делегации эмира Кувейта. Против визита глав правительств он ничего не может возразить, сказал Саддам Хусейн.

Затем он заговорил о войне, которую намеревается вести. В любом случае он будет обстреливать Израиль ракетами. Тогда арабским государствам не останется ничего иного, как вступить в конфликт на его стороне. Этот аспект заинтересовал Арафата: ракетные обстрелы Израиля будут восприняты палестинцами с восхищением. Казалось, Саддам Хусейн будет вести серьезную войну против еврейского государства.

Арафат был захвачен идеей, что впервые можно будет попасть по израильским городам. Ни в одной из ближневосточных войн населению Израиля не угрожала опасность. Саддам Хусейн явно имел возможность вести

наступление на центральные районы Израиля. Арафат счел для себя необходимым проявить еще больше симпатии по отношению к президенту Ирака.

Вновь мир обошли фотографии, на которых были изображены Арафат и Саддам Хусейн, сердечно обнимающие друг друга. Результат председатель ООП ощутил при открытии конференции глав арабских государств, которая началась в середине дня 10 августа. Когда Арафат вошел в конференц-зал, он приветствовал глав государств, мимо которых проходил, но едва ли один из них ответил на приветствие.

Придя на свое место, он увидел документ, на котором стояли многочисленные подписи. К своему удивлению он увидел, что, по-видимому, уже было подготовлено решение заседания — без его участия. Его мнения не спросили.

Едва председатель ООП взял слово, как ему дали понять, что свои планы и идеи он может оставить при себе. Хусни Мубарак настаивал на принятии резолюции, которая осуждала нападение Ирака на Кувейт, призывала к санкциям и требовала участия в военной интервенции против Ирака. Решение в конце концов было принято подавляющим большинством голосов.

Против проголосовали только три делегации. Представители Ирака, Ливии и ООП сказали «нет» наступлению на Ирак. Пребывая в замешательстве, Арафат понял, что попал в изоляцию. Теперь он находился в обществе тех, с кем главы важнейших арабских государств не хотели более иметь никаких дел. Единственным утешением в этой катастрофической для ООП политической ситуации было то, что король Иордании Хусейн не принимал участия в голосовании. Тут обозначилась возможность альянса.

Президент Ирака не рассчитывал на то, что главы арабских государств будут готовы послать войска против его страны. Единство королей и президентов поразило его. Поскольку он не желал развязывания внутриарабского конфликта, то 12 августа в телевизионном выступлении заявил, что готов уйти из Кувейта. В виде встречного хода С. Хусейн потребовал поисков глобального решения ближневосточного конфликта. Он освободит Кувейт, если Израиль выведет свои войска с захваченных территорий. Он потребовал включения ООП в переговоры, которые должны привести к глобальному решению. Арафат увидел перспективу того, что его позиция все же себя оправдает. На захваченных территориях вспыхнуло ликование.

Палестинцы были убеждены в том, что Саддам Хусейн захватил Кувейт только для того, чтобы иметь в руках средство давления на США и Израиль в пользу палестинского народа. Ирак

превратился для палестинцев в идола. Популярность Саддама Хусейна грозила затмить популярность Арафата. Чтобы не потерять своих приверженцев в городах и лагерях на захваченных территориях и в Иордании, лидеру ООП вновь пришлось ставить на Саддама Хусейна.

То, что глава Ирака связал судьбу Кувейта с судьбой захваченных территорий, представляло собой весьма разумный ход. Хоть израильское правительство и восприняло такую комбинацию как шантаж, однако Рабин счел необходимым согласиться на предложение иракского лидера вступить в открытые переговоры. Иначе в мире могло сложиться мнение, что он препятствует мирному решению. Правда, Рабин потребовал, чтобы в переговорах не принимал участия ни один делегат от ООП. Но на этом настаивал Саддам Хусейн. Результатом было прекращение предварительных переговоров между правительствами Ирака и Израиля.

Осенью 1991 года израильское правительство не было готово в какой-либо форме вступить в контакт с главой палестинского освободительного движения. Рабин выбросил из головы мысль о ведении переговоров с Арафатом. Арафат был террористом, с которым нельзя вести переговоры — даже в том случае, если эти переговоры ведут к достижению мира.

Арафат и Абу Аяд действовали последовательно: они хранили верность опальному иракскому лидеру. Они находились в Багдаде и принимали приглашения главы государства к беседе. Они восхищались хладнокровием Саддама Хусейна. Он объяснял Арафату, как встретит нападение американцев. Он убеждал главу ООП в том, что американцы испытывают страх перед огромными потерями, которые нанесет им его армия. Саддам Хусейн, очевидно, был прочно убежден в том, что будет победителем в войне в Персидском заливе.

Арафат и Абу Аяд охотно беседовали с Саддамом Хусейном на тему объединения ближневосточных конфликтов. Они вынашивали мысль о глобальном решении. Они продолжали разрабатывать план увязывания выхода иракских войск из Кувейта с предоставлением Израилем автономии палестинцам на захваченных территориях. Арафат, Абу Аяд и Саддам Хусейн радовались тому, что даже британский министр иностранных дел Дуглас Хард считал такую комбинацию разумной. Даже Джордж Буш обещал после выхода иракских войск усиленно «заняться другими проблемами Ближнего Востока». Под этим имелся в виду конфликт между Израилем и палестинцами.

Ход событий показал, что эту проблему невозможно более оставлять без внимания. 8 октября в Старом городе Иерусалима

собралась толпа молодых мусульман с намерением забросать камнями группу верующих-евреев. Этому предшествовала попытка евреев, принадлежащих к организации «Последователи храма» захватить мечеть, чтобы превратить ее в синагогу. Захватчиков мечети разогнала израильская полиция — она же приняла меры и против метателей камней у Стены плача. Раздались выстрелы. Достоверно установлено, что стреляли представители израильских сил безопасности. Погиб 21 палестинец. Мир ужаснулся «жестокости израильтян».

Убитые были подарком для Саддама Хусейна: мир смотрел теперь не на то, что происходило в Кувейте, а на палестинские жертвы. Ирак мог считать обоснованным свое требование относительно увязывания проблем друг с другом. События 8 октября принесли пользу и Арафату: арабский мир, державший его в изоляции, вновь видел в Арафате представителя народа-мученика.

Соединенные Штаты Америки, собиравшиеся формировать арабский союз против Саддама Хусейна, вновь дискредитировали себя. В конце концов, они были наиболее значительными друзьями израильского народа. Арафат назвал расстрел 21 палестинца «результатом американско-сионистского сговора». Он потребовал защиты для своего народа со стороны ООН. Однако правительство Израиля высказало подозрение, что Арафат инсценировал происшествие, чтобы поставить их в затруднительное положение.

С этого момента Арафат был лишь наблюдателем в конфликте вокруг залива. Он больше не играл активной роли. Он надеялся на то, что иракская армия будет сражаться с честью.

Когда 16 января 1991 года война разразилась открыто, когда боевая авиация США и их союзников наносила удары по стратегическим целям на всей территории Ирака — и при этом были бесчисленные жертвы среди гражданского населения — председатель ООП вскоре утратил иллюзию, что в конце войны победителем будет Саддам Хусейн. Несостоятельность иракской противовоздушной обороны вызвала горькое разочарование.

Однако народ Палестины переживал часы триумфа. Уже на второй день войны Саддам Хусейн сдержал свое обещание, что в случае развязывания боев нанесет удар по Израилю. Его войска обстреляли Израиль семью ракетами «Скад». Выстрелы, наблюдавшиеся с помощью спутников, были засечены израильскими силами противовоздушной обороны. Несколько минут в Хайфе и Тель-Авиве царило беспокойство по поводу того, не несут ли ракеты ядерные заряды или ядовитые химические вещества.

Власти облегченно вздохнули, когда при падении снарядов обнаружилось, что они содержали лишь обычное взрывчатое вещество. Ущерб был небольшим: всего 12 раненых.

Для палестинцев в Иордании и на захваченных территориях иракская ракетная атака на Израиль уже представляла собой крупную победу арабов. Впервые арабское оружие поразило центральные территории Израиля и ранило гражданских лиц. В последующие ночи в первую очередь жители лагерей в Иордании напряженно вглядывались в небо. Когда они замечали огненные следы ракет «Скад», начиналось ликование. Взрывы, вызванные попаданием в цель противовоздушных ракет «Патриот», не мешали бурным проявлениям радости.

Арабы открыто выражали свое удовлетворение тем, что наконец-то страдания выпали и на долю израильского врага. Израильское население, в свою очередь, принимало к сведению проявления злорадства. Начался новый этап роста ненависти между израильтянами и палестинцами.

К концу войны в заливе изоляция Арафата была полной. Ему не помогло то, что он был союзником потерпевшего поражение Саддама Хусейна. Богатые нефтедобывающие государства Персидского залива — а первой из них Саудовская Аравия — прекратили свои взносы в ООП. Доходы финансового управления ООП сократились наполовину. Существование движения освобождения Палестины было под угрозой. Однако Арафат не собирался распустить свою организацию из-за недостатка денег.

48. Распадается друг — СССР

Война еще не начиналась, когда советский президент Горбачев, который, как ожидалось, должен был играть активную роль в урегулировании конфликта в заливе, испытывал трудности внутриполитического характера: он применил войска для ликвидации демонстраций в литовском городе Вильнюсе. Население требовало отделения своей страны от Советского Союза.

Началось разрушение громадной империи. Когда война закончилась, распад был очевиден и в других регионах: Советский Союз превратился в Россию. Его политики не обладали ни энергией, ни компетентностью для того, чтобы оказать влияние на события на Ближнем Востоке. Ясир Арафат был вынужден обратить свое внимание в направлении Вашингтона. Ездить в Москву председателю ООП больше не было надобности.

Он никогда не был коммунистом, однако был вынужден льстить генеральным секретарям КПСС. Арафат нуждался в поддержке великой державы. Он открыто признавал, что предпочел бы США, а не СССР. В 1988 году он болезненно воспринял отказ американского президента дать разрешение на его въезд. Он намеревался отправиться на Генеральную Ассамблею Организации Объединенных Наций, однако Рональд Рейган приказал сообщить ему о том, что его присутствие в Соединенных Штатах нежелательно. Этим президент продемонстрировал свое предупредительное отношение к Израилю.

Ему никогда не приходилось опасаться подобных отказов со стороны СССР. Арафат и его советники были в Москве желанными гостями. Происходил обмен заявлениями о взаимной дружбе и тесной связи в условиях социализма, генеральный секретарь и председатель обнимали друг друга. Однако посещения Москвы редко давали практические результаты.

Советы избегали прямой продажи оружия ООП. Они также не дарили организации денег. Скорее, для председателя ООП было важно произвести впечатление, что он в мире не одинок, что у него мощные друзья.

В США Арафата называли террористом, которому место в международном суде. В Москве же с ним обращались как с государственным деятелем. Для Арафата, очень чувствительного в вопросах чести, это значило очень много. Визиты к Брежневу всегда укрепляли его чувство собственного достоинства. Хоннекер и Чаушеску также умели льстить ему. Когда оба

исчезли, Арафату стало чего-то не хватать в этом мире.

Если раньше глава ООП был неутомимым путешественником, который не упускал возможности посетить президентов и королей, то теперь он был обречен на покой. Арафат использовал это время, чтобы усовершенствовать знание английского языка. Он был убежден, что настанет время, когда от него потребуется умение говорить по-английски. Необходимо было установить контакт с американским правительством. Арафат ждал своего шанса.

Президент Джордж Буш, казалось, был полон решимости использовать войну в заливе в качестве возможности для поисков всеобъемлющего решения и других конфликтов. Когда война началась, он провозгласил свою цель: «Нам удалось ликвидировать холодную войну и вместе с ней многочисленные очаги опасности.

Сейчас мы имеем шанс создать новый мировой порядок, для нас и для грядущих поколений. Благодаря новому порядку возникнет мир, в котором будет царить закон права, а не закон джунглей. На этой основе будут сосуществовать нации!»

Перед Ясиром Арафатом встал вопрос, найдет ли палестинский народ свое место в этом новом мировом порядке.

К удивлению Арафата, уже непосредственно после окончания войны в заливе президент Джордж Буш стал прилагать усилия к разрешению ближневосточного конфликта путем переговоров. Он созвал конференцию всех участвующих в конфликте сторон, с одним исключением: члены ООП должны быть отстранены от стола переговоров. Таково было желание израильского премьер-министра Ицхака Шамира. Правда, этим он лишь следовал легальным инструкциям своей страны, которые запрещали контакты с «террористической организацией ООП».

Это касалось Фейсала аль-Хусейни, которого Арафат назначил руководителем делегации палестинцев. Аль-Хусейни был директором центра изучения истории арабских народов, который находится в Восточном Иерусалиме. Одновременно он был доверенным лицом Арафата в этом городе. Эта деятельность исключала участие Аль-Хусейни в конференции ближневосточных стран.

Начало конференции было назначено на конец октября 1991 года. Страны, причастные к конфликту, дали согласие на свое участие. Даже президент Сирии Хафез Асад выражал готовность допустить прямые переговоры дипломатов с израильскими партнерами. В войне в заливе он стал на сторону США — и входил, таким образом, в число победителей. Президент Сирии был одним из первых, кто понял, что сопротивление намерениям

США после ликвидации Советского Союза является неуместным. Не было больше мощного партнера, который смог бы его защищать и покровительствовать своеволию Сирии.

Правда, Хафез Асад поставил американскому министру иностранных дел одно условие для своего участия в мирной конференции: Джордж Буш должен отдать распоряжение официально вычеркнуть Сирию из списка государств, которые поддерживают терроризм. Для американского президента участие Сирии в усилиях по созданию нового мирового порядка имело такую ценность, что он действительно выполнил это желание. Сирийское государство впредь не обвиняли в том, что оно укрывает и поддерживает террористов.

Летом 1991 года Арафат принял ряд лиц, которые располагали контактами в среде американской дипломатии. Он просил сообщить власть предержащим в Вашингтоне, что его организация также воздерживается от терроризма в любой его форме. Он рекомендовал ООП в качестве партнера для участия в мирной конференции.

В ходе своих переговоров в Восточном Иерусалиме государственный секретарь Бейкер понял, что вне рамок ООП невозможно найти каких-либо палестинцев, которые были бы приемлемы в качестве партнеров для переговоров. Этот вывод он довел до сведения премьер-министра Израиля. Настойчивость Бейкера в конце концов достигла цели. Шамир признал, что ООП может выступать в качестве партнера по переговорам.

Правда, Шамир тут же поставил два ограничения: следует исключить Арафата и его ближайших советников. Кроме того, за столом переговоров не должен появиться ни один делегат из восточной части Иерусалима, поскольку и эта часть города также входит в состав иудейской столицы Иерусалима. Этот запрет коснулся опять же Фейсала аль-Хусейни, ибо он жил в Восточном Иерусалиме, а также Ханан Ашрави, которая на переговорах должна была выступать в качестве заместителя главы делегации.

Арафат в последний раз попытался активировать в своих интересах московскую дипломатию: она должна была выступить в поддержку участия обоих исключенных делегатов. Ответа Арафат не получил. Партнерство с Москвой окончательно прекратилось.

Осенью 1991 года стало ясно, что и партнерство между Израилем и США не было больше нерушимым. Джорджа Буша настоятельно попросили представить Международному банку реконструкции и развития гарантии кредитов Израилю в сумме десяти миллиардов долларов. Еврейское государство остро нуждалось в деньгах, чтобы построить жилье для семей, которые хотели эмигрировать из распавшегося Советского Союза.

Однако американский президент отказался подписать поручительство, поскольку справедливо опасался, что на эти суммы Израиль построит поселения на захваченных территориях, и прежде всего в Иерусалиме. Американское правительство считало израильскую политику строительства поселений препятствием на пути мирного процесса. Приходилось опасаться, что арабские участники рассерженно отреагируют на американские гарантии кредитов и воздержатся от участия в мирной конференции.

Теперь же были рассержены израильские политики.

Премьер-министр Шамир назвал происходящее «страшным сном». Руководство партий правой ориентации обвиняло Бейкера в намеренном нанесении ущерба еврейскому государству. Когда он прибыл для переговоров в Израиль, министр Рехавам Сеери, принадлежавший к религиозной группировке, бросил ему в лицо требование вернуться в самолет и исчезнуть в направлении США.

Президенту США пришлось примириться с тем, что его называли антисемитом. Однако Джордж Буш остался на своей точке зрения, которая должна была продемонстрировать арабам, что Соединенные Штаты принимают во внимание их интересы и чувства.

К удивлению председателя ООП, госсекретарь Бейкер также нашел решение вопроса участия ООП в палестинско-иорданской делегации на переговорах. Хоть ему и не удалось сломить сопротивление премьер-министра Израиля кандидатурам Фейсала аль-Хусейни и Ханан Ашрави, однако он смог найти формулу, сохранявшую лицо всех участников. Оба они не имели права сидеть за столом заседаний, но им разрешалось активно работать на конференции в качестве «советников делегации палестинцев». Так они были в состоянии поддерживать связь между делегацией и Ясиром Арафатом.

Израильские политики от религиозных партий немедленно взволновались из-за того, что Арафат таким образом мог издали руководить ходом конференции. Главе ООП следовало отказаться от выдвижения требования о своем участии, если он хотел обеспечить возможность мирного процесса. Критикам в собственных рядах Арафат сказал: *«Если мы сейчас не примем участия в переговорах, то потом никогда и никто не станет с нами говорить!»*

В рядах палестинцев к наиболее яростным противникам участия в мирной конференции принадлежал Ахмед Джебриль, глава «Народного фронта освобождения Палестины — Генерального штаба». Осенью 1991 года он находился в Тегеране, чтобы там достигнуть соглашения с абсолютными противниками

мирного решения конфликта. Из иранской столицы он угрожал: «Все палестинцы, которые примут участие в переговорах, и все те, кто является их сторонником, но держится в тени, сами себе вынесли смертный приговор».

Когда затем 30 октября 1991 года конференция открылась в королевском дворце в Мадриде, средства массовой информации говорили о ней как о событии, имеющем всемирно-историческое значение. Новым было лишь то, что арабы и евреи совершенно открыто сидели вместе за столом заседаний.

Правда, ничего нового они сказать не могли. Премьер-министр Шамир подчеркнул притязания своего народа на землю между Средиземным морем и Иорданом: «Мы единственный народ, который жил на этой земле на протяжении 4000 лет». Эти слова возмутили палестинско-иорданскую делегацию: «Шамир все еще полагает, что евреи тогда завладели совершенно пустой землей!»

С самого начала конференции Ясир Арафат был невысокого мнения о встрече делегаций. Он знал, что вначале необходимо найти путь к взаимопониманию. Ханан Ашрави вскоре почувствовала, что в действительности не занимает должности, которая удовлетворяла бы ее честолюбие. Она поняла, что настоящие события развиваются в другом месте.

49. Арафат без вести пропал в пустыне

Командир эскадрильи Мохаммед Дарвиш в 20.45 вышел на связь с ливийской контрольной башней управления полетами Аль Кубра. Он запросил разрешения на посадку своего самолета типа «Ан», имеющего алжирскую регистрацию.

В качестве причины, по которой был прерван полет из Хартума в Судане в Тунис, Мохаммед Дарвиш назвал сильные вихревые потоки, угрожающие машине. Порывы ветра он охарактеризовал как необычные. Ему часто доводилось совершать полеты в районе ливийско-египетской границы, но никогда ураган из Сахары не дул настолько интенсивно.

Контрольная башня Аль Кубра ответила, что посадка на взлетно-посадочную полосу невозможна, потому что боковой ветер слишком силен. Для «Ан» имеется только одна возможность: он должен лететь дальше до взлетно-посадочной полосы Сарра, которая расположена в 300 километрах к югу. Погодные условия там не намного лучше, но посадочная площадка расположена удобнее. Мохаммеду Дарвишу не оставалось ничего другого, как лететь к углу между тремя странами — Ливией, Суданом и Чадом.

Короткое время спустя ливийская служба безопасности полетов установила, что «Ан» из Алжира больше не виден на экране. По-видимому, он больше не находится в небе.

В Тунисе самолет ожидали в штабе председателя ООП: в самолете находился сам Арафат. Когда «Ан» не прибыл, Бассам Абу Шариф, наиболее видный из советников Арафата, выяснил в тунисской службе безопасности полетов, что ливийцы заявили этот самолет как без вести пропавший. Предполагалось, что он упал, попав в ураган. Последние координаты составляли 21°07’ северной широты и 21°37’ восточной долготы.

Из аэропорта Бассам Абу Шариф поехал в штаб-квартиру ООП в Тунисе. Он должен был организовать спасение председателя, если хотел сохранить существование организации. Он связался по телефону с правительствами Египта и Ливии и еще до наступления утра получил ответ, что нет возможности ночью вести поиски в пустыне. Это возможно лишь с помощью спутников наблюдения, однако столь совершенными приборами располагает только правительство США.

Уже несколько месяцев назад председатель ООП поручил Бассаму Абу Шарифу завязать контакты с американскими

политиками. Успехов бывший член Народного фронта освобождения Палестины не достиг. Из знаменитостей ему удалось получить в качестве собеседника только бывшего американского президента Джимми Картера, с гневом отзывавшегося об израильских, политиках, которые якобы способствовали его падению. Этому собеседнику и позвонил доверенный сотрудник Арафата и попросил его передать ходатайство о помощи правительству Соединенных Штатов. Палестинец не мог обратиться прямо к госсекретарю Бейкеру: опасаясь упреков Израиля, американское правительство остерегалось вступать в беседы с членами ООП, которые принадлежали непосредственно к штабу Арафата.

Джордж Буш колебался с ответом. Он откровенно сказал, что вначале должен согласовать это с правительством Израиля. Он поручил секретным службам направить израильским властям соответствующий запрос. Правда, он надеялся на то, что премьер-министр Шамир не будет противиться гуманитарной акции. Комментаторы были едины во мнении, что смерть Арафата представляла бы собой утрату, что с этой смертью путь к миру между Израилем и Палестиной стал бы труднее. Этот человек, как писали газеты, был фигурой, объединяющей палестинцев — без него народ, лишенный руководства, предался бы раздорам.

Выяснилось, что правительства Западного мира движимы той же мыслью. Американский государственный секретарь считал, что Арафат непременно должен был быть найден. Президент Миттеран призывал Джорджа Буша к незамедлительным действиям. Израильское правительство без каких-либо комментариев сообщило государственному департаменту в Вашингтоне, что, разумеется, не имеет ничего против того, чтобы США передали снимки своих спутников наблюдения ливийской службе наблюдения за полетами.

И вот ливийский вертолет направился к тому месту в пустыне, где находился «Ан». Самолет был поврежден. Пассажиры — кроме Арафата на борту находились девять телохранителей и сотрудников политической службы — были легко ранены. После оказания медицинской помощи они вылетели в Триполи.

Пилоту Мохаммеду Дарвишу ночью пришлось совершить вынужденную посадку. Он не только опасался, что машина не выдержит вихревых потоков, но и считал, что компас работает ненадежно. Мохаммеду Дарвишу часто приходилось наблюдать, как миллиарды частичек песка, которые приносит ураган из Сахары, служат причиной возникновения полей электрического напряжения, препятствующих нормальной работе компаса. Пилот счел более разумным посадить машину, несмотря на темноту.

Посадка была трудной. Удар сбросил Арафата и других пассажиров с сидений. Председатель ООП повредил голову. Последующие исследования показали, что в мозге образовались небольшие сгустки крови. Они были удалены оперативным путем. Арафат вскоре оправился от последствий аварии.

Обстоятельства его спасения летом 1992 года со всей очевидностью показали Арафату, что отношение США к его персоне изменилось. В не такие уж давние времена американские политики были бы рады, если бы «террорист» навсегда без вести пропал в пустыне. А власти Израиля многое дали бы, чтобы произошел подобный случай.

Теперь же правительства в Израиле и США были едины во мнении, что Арафат нужен для политического решения ближневосточного конфликта. Еще несколько месяцев назад такая позиция была бы немыслима.

50. Пророки кровавого террора

Поначалу группировки мусульман-фанатиков в среде палестинцев пользовались поддержкой израильских секретных служб. Они стремились ослабить влияние председателя ООП. Израиль имел намерение заставить ООП отказаться от притязаний на единоличное выражение интересов палестинского народа. Чем слабее был престиж Арафата и его организации, тем меньше была опасность давления на правительство Израиля с целью официального признания. Необходимо было создать полную противоположность Арафату. С этой целью израильские секретные службы оказывали особую поддержку лидеру одной из групп, которая называла себя «Хамас». Его имя было шейх Ясин.

Слово «хамас» можно перевести как «воодушевление». Шейх Ясин требовал от молодых людей в лагерях сектора Газа воодушевленности делом Аллаха. Они должны были бороться за будущее палестинское государство, в котором жизнь будет определяться законами корана. Примером был порядок, который был создан в Иране в соответствии с представлениями Аятоллы Хомейни. Из Тегерана «Хамас» оказывалась мощная поддержка, причем несмотря на то, что члены «Хамас» были суннитами, — и уже это должно было вызывать сомнения у иранских шиитов.

То обстоятельство, что шейх Ясин поносил Арафата, поначалу укладывалось в планы израильских оккупационных властей. Они допускали проведение исламской организацией демонстраций в Газе, во время которых несли транспаранты с карикатурами, изображавшими Арафата в виде прожигателя жизни. Он якобы проматывает деньги палестинского народа, не принимая участия в борьбе против Израиля. Надписи на транспарантах называли Арафата агентом США.

Верхушка ООП поначалу не восприняла всерьез возникновение организации «Хамас». На вопросы обеспокоенных соратников Арафат всегда давал такой ответ: *«Наш народ не фанатичен. Он никогда не поддастся влиянию религиозных путаников»*. Однако вскоре он вынужден был признать свое заблуждение.

Как оказалось, большой вред нанесло ООП отсутствие у нее какой-либо идеологической основы. До тех пор, пока Народный фронт освобождения Палестины под руководством Жоржа Хабаша имел марксистскую ориентацию, группа обладала притягательной силой для молодежи. Тот, кто верил Хабашу, давно понял, что марксизм как идеология давно мертв.

Вакуум был заполнен исламскими священниками. Они

восхваляли Коран как средство исцеления от недуга, которым был поражен палестинский народ. Исламская вера могла быть использована прежде всего для отграничения от захватчиков-иноверцев.

Интифада — восстание — в секторе Газа все больше попадала под влияние шейха Ясина и его сторонников. Мысль о том, что, швыряя камни, они совершают поступок, угодный Аллаху, придавала молодым людям мужества — их не страшила даже смерть. Под влиянием Шейха Яссина интифада претерпела изменения: восставшая молодежь больше не бросала камни, она бралась за смертоносное оружие. В декабре 1992 года под Иерусалимом было найдено изуродованное тело полицейского-пограничника. Он был подвергнут зверским пыткам, а потом убит. Это не был единичный случай. За одну неделю подобным образом погибло шесть израильских солдат.

Реакция еврейского населения выразилась в крике: «Смерть арабам!» У открытых могил звучали клятвы мщения.

В газетных комментариях члены «Хамас» назывались «пророками кровавого террора».

Проблема со всей силой обрушилась на правительство Ицхака Рабина. В июле 1992 года он сменил Шамира, представителя националистически настроенного блока «Ликуд». Партия труда Рабина пришла к выборам с обещанием позаботиться об установлении мира в стране. Теперь Рабин был в затруднении: палестинцы в секторе Газа не хотели мира.

Рабин попытался достичь решения неправильными средствами. Он распорядился посреди зимы выслать из Израиля 415 активистов «Хамас». Людям было выдано по теплой куртке, по одеялу и по 50 долларов. Затем военная полиция доставила их в горы на территории, прилегающей к израильско-ливанской границе. Оттуда депортированные должны были перебраться в Ливан. Однако ливанцы воспрепятствовали их появлению. Так случилось, что 415 человек застряли на негостеприимной ничейной земле между границами. Поначалу без жилья и продовольствия.

Премьер-министр Рабин надеялся, что изгнанных примут в Ливане родные и друзья. Тогда интерес средств массовой информации угас бы через короткое время. Отказ Ливана позволить им пересечь границу эту надежду уничтожил. Во время рождества 1992 года и празднования нового 1993 года депортированные палестинцы были объектом сострадания телезрителей. Израиль считали государством, жестоко попирающим права человека.

Активисты «Хамас», находящиеся на ничейной земле, с

помощью микрофонов и телекамер имели возможность сообщить общественности свою точку зрения. Они заявляли, что их священная цель — уничтожение государства Израиль. Депортация — доказательство того, что Израиль испытывает страх перед исламом.

Опыт, приобретенный премьер-министром Рабином с «Хамас», привел его к мысли о том, что сейчас было бы, по-видимому, разумным вступить в контакт с ООП, которая теперь вдруг стала казаться меньшим злом. Некоторые члены правительства Израиля сожалели о том, что их предшественники, принадлежавшие к блоку «Ликуд», предоставили движению «Хамас» полную свободу действий.

Экс-министр Ариэль Шарон, который во времена правительства, сформированного блоком «Ликуд», был весьма влиятелен, счел готовность к переговорам проявлением слабости: «Там в правительстве есть некоторые, они за уступки Арафату и ООП. Те, кто выступает за политику умиротворения, делают различие между «Хамас» и ООП. Это жестокая ошибка.

Нет различия между террористическими организациями, так же, как в гитлеровской империи насилия не было различия между СС и СА. ООП за год совершила почти триста нападений и диверсий, то есть больше, чем организация «Хамас». Поэтому я хотел бы предложить создать в Израиле коалицию всех сил, которые готовы обуздать террор с помощью ответного насилия»…

Весной 1993 года мощь организации «Хамас» возросла настолько, что представители высшего руководства из штаба Арафата стали опасаться за собственную жизнь. Д-р Асад аль Рахман, член Национального совета Палестины, в апреле 1993 заявил в Аммане: «Если правительство Израиля и впредь будет блокировать все шаги к миру, если оно и впредь будет изолировать сектор Газа, а палестинские школы и университеты будут оставаться закрытыми, то рост «Хамас» станет еще значительнее.

«Хамас» скоро станет способен уничтожить всех нас, слывущих сдержанными и готовыми вступить в переговоры. Мы уже имеем возможность ощутить ненависть членов «Хамас». Они не остановятся перед тем, чтобы убить нас. Соединенные Штаты сейчас еще имеют возможность помочь нам достичь взаимопонимания с Израилем. Правительству президента Клинтона нужно лишь на один шаг приблизиться к нам. Но это должно произойти незамедлительно, иначе будет слишком поздно!»

К этому времени первые контакты между палестинцами и Израилем были уже установлены — без помощи президента

Клинтона.

51. Арафат женат

Суха Арафат привыкла ночь за ночью менять квартиру. Сама она не решает, где ей спать. Этим занимается служба безопасности ее мужа. Когда он находится в Тунисе, то должен подчиняться инструкциям экспертов. Чета Арафатов до сих пор нигде не могла обосноваться надолго.

Это должно измениться. В качестве будущего местожительства предусмотрен Иерихон, где размещается администрация автономной области палестинцев. Выбран дом, который должен принять семью Арафат. С террасы на крыше дома открывается вид вверх по долине Иордана. С первого этажа наклонный спуск ведет вниз, в бассейн. В Иерихоне Суха Арафат впервые со дня своей свадьбы в 1991 году сможет жить в роскоши.

Она происходит из уважаемой палестинской семьи Тавил, два поколения мужчин которой служат делу страдающего народа. С юных лет Суха Арафат занималась политикой, потому что и ее мать Раймонда не жила обособленно в своем доме в Иордании: она заботилась о семьях, понесших жертвы во время гражданской войны в Иордании и в борьбе против Израиля.

Семья Тавил принадлежит в палестинцам-христианам. Ясир Арафат не говорит об этом, однако предполагается, что эта христианская ориентация имела для председателя ООП и политическое значение. Этим он, по-видимому, хотел продемонстрировать, что народ Палестины состоит не исключительно из мусульман, а также и из христиан. Правда, Суха Арафат — отнюдь не по настоянию мужа — приняла ислам.

Суха Арафат изучала филологию и хорошо разбирается в наиболее значительных языках западного мира. Она познакомилась с председателем ООП в 1985 году на приеме в столице Иордании, приглашение для нее достала мать.

Суха — она на четверть века моложе Арафата — сразу же была убеждена, что нашла подходящего спутника жизни. Председатель ООП всегда считал, что не может позволить себе женитьбу, ибо женат на палестинской революции. Однажды, рассказывают его ближайшие соратники, у него была прочная связь с полькой, однако тогда он не был достаточно зрелым для длительного союза.

Вначале Суха Арафат не хотела иметь собственных детей, зато она постаралась окружить себя молодежью. Вместе с ней живут девочки и мальчики, которые потеряли родителей во время бесчисленных конфликтов прошлых лет. Единственное препятствие, мешающее ей постоянно иметь рядом приемных

детей — это необходимость постоянно менять место ночлега, что она вынуждена делать в Тунисе. Дом в Иерихоне будет постоянно полон молодежи.

В середине сентября 1993 года стало известно, что Суха Арафат ждет собственного ребенка.

Суха Арафат не стремится стать первой леди государства палестинцев. Она считает, что ее муж — год рождения 1928 — не будет в Палестине президентом. Его задача состоит в создании этого государства. Руководство он затем передаст более молодым: палестинский народ богат талантами в сфере политики. Правда, жена Арафата не верит и тому, что он полностью посвятит себя частной жизни.

Будучи женой арабского политика, она — по сравнению с женами европейских политиков — ведет себя сдержанно. Она стремится быть полезной мужу, играя при этом скромную роль. Так, в день подписания первого соглашения о совместном израильско-палестинском будущем, она написала мадам Рабин письмо с выражением надежды на скорую встречу.

52. Риск пойти на соглашение

Американский президент Билл Клинтон ничуть не преуменьшает, когда говорит, что соглашение между Израилем и палестинцами было достигнуто без его участия, даже без его ведома. Начало переговоров было скромным: Исследовательский институт Fafo (Фафо), принадлежащий норвежским профсоюзам, изучал на захваченных территориях условия существования палестинских семей.

Одно из исследований должно было касаться сосуществования евреев и арабов. Руководитель проекта Терье Род Ларсен опрашивал палестинцев и поселенцев-евреев. При этом он постепенно пришел к мысли, что можно найти решение проблем сосуществования. С целью поиска такого решения он летом 1992 года организовал свободную, неофициальную группу.

Израильские участники в конце концов сообщили об этом специалисту по внешнеполитическим вопросам Партии труда Йосси Бейлину, поддерживавшему тесный контакт с Шимоном Пересом, который только что стал министром иностранных дел. Перес поощрил Бейлина к продолжению изучения идей рабочей группы Ларсена. Затем Бейлин познакомил норвежца с профессором Яиром Хиршфельдом из университета Хайфы. Партнеры договорились действовать скрытно.

В это время в Израиле еще действовал запрет на контакты с членами ООП. Йосси Бейлина этот запрет не волновал. Он возобновил свои контакты с уполномоченными ООП на захваченных территориях и дал им знать, что для неких израильтян представляет интерес неофициальный обмен идеями. Уполномоченным, в свою очередь, было известно, что Ясир Арафат чрезвычайно заинтересован в такого рода связях. Они информировали его о том, что произошло на тот момент.

Арафат немедленно ухватился за этот шанс. Он поручил своему сотруднику Абу Але включиться в существующую рабочую группу. Абу Ала придерживался мнения, что надлежит найти своего рода прикрытие, которое позаботится о том, чтобы можно было проводить тайные встречи незаметно. Пока в Швеции правили социалисты, шведский министр иностранных дел Стен Андерссон покровительствовал подобным встречам. Его уход с должности создал проблему немедленных поисков-замены. Терье Род Ларсен предложил просить министра иностранных дел Норвегии Йоргена Хольста взять на себя функции покровителя.

Только когда Хольст после осторожных рекогносцировочных собеседований уведомил Йосси Бейлина о том, что начинает

считать этот шанс верным, израильское руководство приняло все эти разговоры всерьез. Это было время усиления террористических акций боевой организации «Хамас». Правительство Рабина было полно решимости исправить ошибку, которая состояла в поддержке «Хамас»: со стороны Арафата оно ожидало спасения от религиозных фанатиков.

Министр иностранных дел Хольст пригласил обе стороны на встречу в Норвегии. Местом встречи стало придворное имение Боррегаард под Осло. Комплекс зданий находится в стороне от населенных пунктов и дорог. За тем, что там происходит, проследить невозможно. Так переговоры в Боррегаард прошли незамеченными.

На их след никто не напал и тогда, когда внезапно и очень поспешно запрет на контакты между израильтянами и членами ООП был снят. Эта мера была необходима, чтобы снять с встреч в Норвегии пятно противозаконного деяния.

Министр иностранных дел Хольст предоставил в распоряжение технологию, которая была использована для информирования Рабина и Арафата: по кодированным телефонным линиям можно было вести прямые разговоры. Эффект состоял в том, что председатель и премьер-министр могли непосредственно участвовать в переговорах.

Официальные ближневосточные переговоры, которые раунд за раундом проходили в различных местах, создавали прекрасное прикрытие для тайных контактов. Конференция официальных делегаций не могла достичь какого-либо результата, ибо перед ней не стояло определенной политической задачи. Ощущалось, что Арафат больше не проявлял интереса к ее ходу. Заместителя руководителя делегации Ханан Ашрави это удивляло, и в конце концов она была рассержена тем, что Арафат явно забыл о конференции. Но и в этот период она не была информирована о том, что происходило в Осло. Ханан Ашрави пришла к убеждению, что председатель ООП в настоящее время не видит шансов для политического разрешения ближневосточного конфликта. Разочарованность членов делегаций находила отражение в сообщениях средств массовой информации.

В июле 1993 года был окончательно разработан общий проект автономии палестинцев. Йорген Хольст счел, что наступило время для непосредственного привлечения Арафата. Министр иностранных дел заявил об уходе в отпуск — местом отдыха он выбрал Тунис. И вновь никто не подозревал, что за этим что-то кроется. Хольст, никем не замеченный, посетил Арафата на его официальной вилле в столице Туниса. Обсуждалась увязка проектов автономии Газы и Иерихона. Когда

Хольст вновь приступил к своим служебным обязанностям в Осло, он принял там министра иностранных дел Шимона Переса. Тот ознакомился с позицией Арафата, который имел, в частности, четкие представления относительно хронологической последовательности процесса автономизации.

В резиденции для официальных гостей норвежского правительства ночью встретились Ури Савир, один из высших чиновников министерства иностранных дел Израиля, и Абу Ала, один из немногих в штабе Арафата, кто понимал кое-что в экономике. Оба поставили свои подписи под документом — это был результат четырнадцати раундов переговоров. Прорыв удался.

Правительство США все еще ничего не знало о прямых контактах между палестинцами и израильтянами. Лишь две недели спустя после парафирования документа в Осло министры иностранных дел Хольст и Перес отправились к Уоррену Кристоферу, который отдыхал в Калифорнии. Поначалу американский государственный секретарь не хотел верить, что существует готовое соглашение. Его убедил лишь вид копии документа. Уоррену Кристоферу мало радости доставило то обстоятельство, что подобное событие мировой политики состоялось без участия дипломатии США. Демонстрация независимости израильской и палестинской политики была слишком явной.

Таково было намерение прежде всего Ясира Арафата. Он не должен был создать у своего народа впечатление, что его в мелочах опекают американские политики. Этот шаг к миру не должен был стать составной частью Pax Americana (мира по-американски). Новый мировой порядок, к которому стремился Джордж Буш, не должен был бросить тени на взаимопонимание между палестинцами и израильтянами. Должно было быть предельно ясно, что Арафат и органы ООП действовали на основе их собственного суверенитета.

Палестинский лидер радикального толка Ахмед Джебриль заявляет, что Арафат создал основу для длительной и кровавой гражданской войны между «Хамас» и ООП. Он считал, что на западном берегу Иордана многие готовы подняться на борьбу против сторонников Арафата: «Арафату уготована смерть! Он раб американских империалистов, которые стремятся растерзать нас, чтобы государство сионистов могло существовать еще свободнее!»

Арафат же делает ставку на изменение условий жизни на захваченных территориях: «Ибо жизнь молодых людей на захваченных территориях обретет смысл лишь тогда, когда они будут иметь работу, которая сделает их жизнь наполненной. Им

нужна перспектива, которая до сих пор у них полностью отсутствовала. Если они будут вести осмысленную жизнь, то не захотят бороться против того, кто дал смысл их жизни. Поэтому экономическая помощь для Газы и Иерихона чрезвычайно важна!»

Арафат рассчитывает на то, что Газа и Иерихон в период, когда их экономика достигнет расцвета, создадут притяжение, которому палестинцы просто не смогут противостоять: «Оба города станут магнитом для жителей захваченных территорий. Мощь экономики автономных областей будет тогда огромна». Председатель ООП считает, что тогда Израиль вообще не сможет обойтись без кооперации с автономными палестинскими территориями. Арафат предвидит блестящее будущее Палестины — однако лишь в том случае, если США и Европа инвестируют в это будущее крупные суммы.

Арафата, жизнь которого полна несбывшихся надежд, не миновало и еще одно разочарование: иракский диктатор Саддам Хусейн, верность которому Арафат хранил до, во время и после войны в заливе, называет соглашение, принятое в Вашингтоне, «капитуляцией перед США, заклятым врагом арабов». Этим Саддам Хусейн стал на сторону ливийца Моаммара Каддафи. Тот уже давно считает председателя ООП способным лишь на «преступные действия, направленные против арабов».

Болезненно воспринимает Арафат и то, что Фарук Каддуми, долгие годы определявший внешнюю политику ООП, посетил иракского лидера и поддержал его отрицательную позицию. Фарук Каддуми, прекрасно разбиравшийся в ходе мировой политики, был хорошим советчиком. Правда, изменник не встретил существенной поддержки со стороны большинства палестинцев. То обстоятельство, что он дезертировал к Саддаму Хусейну, не повлияет на внутриполитическую позицию Арафата. Арафат снова примет его.

Осуждение соглашения с Израилем со стороны Ирака в конце концов положительно скажется на организации Арафата: Саудовская Аравия простит председателю то, что во время войны в заливе он обнимал Саддама Хусейна. Король Саудовской Аравии предоставит денежные средства в распоряжение Газы и Иерихона. Королевская семья богатого нефтедобывающего государства поддерживает мирные усилия Арафата — пусть даже принцы и воспринимают обросшего щетиной «бывшего террориста» как неприятную фигуру.

Мужественный шаг Арафата заставляет проявиться симпатии и антипатии. Сириец Хафез Асад, не терпящий политической инициативы, которая исходит не от него самого, сообщает, что фигура Арафата всегда наводила на него ужас. Король Хусейн,

напротив, ждал только подписания Арафатов вашингтонского соглашения, чтобы непосредственно вслед за этим также подписать документ, прокладывающий путь к миру с Израилем. Арафату удалось преодолеть закостенелость. В понедельник, 13 сентября 1993 года, арабский мир претерпел основательные изменения.

Четыре дня спустя организация ООН по вопросам воспитания, науки и культуры наградит террориста прошедших лет премией мира за текущий год. Лауреаты премии также Ицхак Рабин и Шимон Перес.

Председателю ООП удалось превращение из террориста в борца за мир.

Со времени аварии самолета в ливийской пустыне — по словам Арафата — он был уверен в том, что палестинцы обретут родину. Будучи без сознания после удара, он отчетливо увидел перед собой своего покойного соратника Абу Джихада. Он кричал ему, чтобы его подождали, что сейчас он тоже вступит в царство мучеников. Однако потом ему явилось видение Иерусалима. С того момента он знал, что скоро возникнет государство Палестина.

notes

Примечания

1

В переводе — «самопожертвователи» или «жертвующие собой ла родину» *(Прим. перев.)*.

2

2 ноября 1917 г. было опубликовано письмо министра иностранных дел Англии Бальфура к Ротшильду. Оно получило название «декларации Бальфура» *(Прим. перев.)*.

3

Как название организации пишется также Фатх, или ФАТХ *(Прим. ред.)*.

«Лига защиты евреев» (англ.).

5

Немецким словом «хинтерланд» обозначается территория, прилегающая к уже завоеванной колонии, на которую заявляет свои претензии колониальная держава; кроме того, переводится как «глубокий тыл» (Прим. перев.).

Kataeb — от ар. «фаланги», организация фалангистов.

7

Поговорка о яйцах и корзине, перс длящаяся по-разному в зависимости от значения остальных элементов, входящих в нее, и от контекста, дается здесь в дословном переводе.